
3 1761 05646591 7

ŠČEPKIN, V.N. Bolonskaja psaltyr'. S prilozeniem semi fototipij i vos'mi cinkografij. 1906. (Izzlědovanija po russko-mu jazyku, T.II, vyp. 4)

Veri

ИЗСЛѢДОВАНІЯ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ.

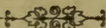
ТОМЪ II, ВЫПУСКЪ 4-Й.

В. Н. Щепкинъ.

БОЛОНСКАЯ ПСАЛТЫРЬ.

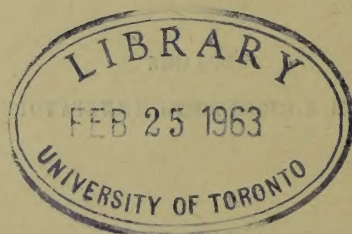
СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ СЕМИ ФОТОТИПІЙ И ВОСЬМИ ЦИНКОГРАФІЙ.

ИЗДАНІЕ
ОТДѢЛЕНІЯ РУССКАГО ЯЗЫКА И СЛОВЕСНОСТИ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1906.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
С.-Петербургъ, Августъ 1906 года.
Непремѣнный Секретарь, Академикъ *С. Ольденбургъ*.

СОДЕРЖАНІЕ.

Въ эпоху, когда славянская филологія, обогащенная столѣтнимъ опытомъ, послѣ долгаго кружнаго пути, снова приближается къ взгляду Востокова и видитъ въ старославянскомъ языкѣ Первоучителей древне-болгарское нарѣчіе юга Македоніи, изслѣдованіе болгарскаго языка получаетъ новую важность.

Своеобразный строй и богатое діалектическое развитіе современнаго болгарскаго языка, а равно загадочная оригинальность его средне-вѣковыхъ памятниковъ не переставали привлекать къ себѣ славистовъ и независимо отъ старославянской проблемы. Болгарскій языкъ представляетъ въ своемъ цѣломъ неоцѣненный лингвистическій матеріалъ, возбуждающій научную пытливость и какъ бы нарочно созданный для изощренія въ методахъ научнаго языковѣдѣнія. Рѣдкій славистъ отдавался его изученію безъ того, чтобы обогатиться новыми идеями и новыми пріемами изслѣдованія.

Позволительно утверждать, что родственныя связи, роднящія болгарскій языкъ съ старославянскимъ, установлены теперь безповоротно[1]).

---

1) Вопросъ этотъ успѣшно разрабатывался Облакомъ, Лавровымъ и другими славистами новаго поколѣнія; ему главнымъ образомъ была посвящена и моя работа о языкѣ Саввиной книги. Изслѣдованіе судьбы славянскихъ полугласныхъ ъ и ь привело меня къ неизбѣжному выводу, что продолжительная эволюція полугласныхъ въ болгарскомъ и старославянскомъ языкѣ была тождественной во всѣхъ своихъ подробностяхъ. Въ обоихъ языкахъ ассимиляція ъ въ ь и ь въ ъ предшествовала діалектическому переходу ъ въ о и ь въ е; въ обоихъ языкахъ ассимилированныя полугласныя переносились грамматической аналогіей въ такое положеніе, гдѣ фонетически ассимиляція не могла имѣть мѣста; въ обоихъ языкахъ переходъ ъ въ о и ь въ е возникъ не на всей территоріи, а въ частяхъ ея, образуя рѣзко обозначенныя нарѣчія; въ обоихъ языкахъ процессъ выпаденія полугласныхъ слабыхъ завершался въ отдѣльной жизни нарѣчій и оставлялъ поэтому діалектическія различія. Въ обоихъ языкахъ лабіализація совершенно одинаковымъ способомъ осложняла фонетическія измѣненія полугласной ь, въ обоихъ языкахъ общеславянское ї, находясь въ положеніи полугласныхъ слабыхъ, по говорамъ совпадало съ ь слабымъ и дѣлило часть его судьбы; въ обоихъ языкахъ ь слабое невыпавшее измѣнялось въ ъ. Очевидно, что въ теченіе вѣковъ оба языка имѣли общую территорію и жили общею жизнью.

Опираясь на добытые общіе выводы, изслѣдованіе можетъ обратиться теперь къ различнымъ спеціальнымъ вопросамъ, еще ожидающимъ разрѣшенія. Задача составленія болгарской исторической грамматики и болгарскаго историческаго словаря не можетъ болѣе считаться дѣломъ далекаго будущаго. Но спеціальныя подготовительныя работы къ обоимъ этимъ трудамъ настоятельно необходимы въ двухъ направленіяхъ. Необходимо во первыхъ болѣе точное хронологическое и діалектическое распредѣленіе средне-болгарскихъ памятниковъ и во вторыхъ—ведущее къ этимъ цѣлямъ болѣе пристальное изученіе разнообразнаго и въ иныхъ отношеніяхъ все еще загадочнаго обозначенія средне-болгарскихъ звуковъ.

Дошедшая болгарская письменность до самаго конца XIII вѣка лишена точныхъ датъ, и палеографическое изслѣдованіе неизбѣжно должно было исходить отъ общихъ теоретическихъ соображеній, затемняемыхъ къ тому-же необычайнымъ разнообразіемъ болгарской графики. Опредѣленіе вѣка болгарской рукописи могло быть только приблизительнымъ. Для филологовъ, съ Срезневскимъ во главѣ, главнымъ опорнымъ пунктомъ уже являлась Болонская псалтырь, писанная «при царѣ Асѣнѣ болгарскомъ», т. е. содержащая приблизительную дату, какой другія древнѣйшія болгарскія рукописи лишены. Лучшіе историки Болгаріи, Дриновъ и Иречекъ, видѣли въ этомъ имени — Іоанна Асѣня II; но взглядъ ихъ былъ установленъ позднѣе начала филологическихъ изученій и не становился общимъ достояніемъ. Филологи, русскіе въ особенности, держась традиціи Срезневскаго, продолжали относить Болонскую псалтырь къ Асѣню I, т. е. почти на полъ вѣка ранѣе противъ историковъ. Взглядъ этотъ продолжаетъ держаться въ качествѣ молчаливо допущенной (и многими уже не сознаваемой) гипотезы, по инерціи руководя филологами и палеографами, не смотря на то, что примѣненіе этого взгляда къ изслѣдованію уже влекло къ такимъ противорѣчіямъ, отсутствіе которыхъ составляетъ необходимое условіе всякой научной гипотезы. Дать свободный ходъ противуположному взгляду и испытать его достоинство путемъ пересмотра палеографической классификаціи средне-болгарскихъ памятниковъ — было первой задачей, которую поставилъ себѣ пишущій эти строки. Полагаю, что важность этой задачи оправдываетъ размѣры отдѣла, посвященнаго въ этомъ трудѣ вопросамъ палеографіи.

Едва-ли нужно говорить, что съ новой хронологической классификаціей должно было идти объ руку болѣе точное территоріальное распредѣленіе средне-болгарскихъ памятниковъ. Пріемы письма, какъ и

пріемы всякой другой художественной и дѣловой техники, измѣнялись столько-же по территоріямъ, сколько и по вѣкамъ. Сосѣднія области, близко родственныя между собою, могутъ весьма рѣзко различаться въ этомъ отношеніи; смѣна вкуса можетъ идти въ такихъ областяхъ различнымъ темпомъ, ибо мѣстная изобрѣтательность и склонность къ заимствованіямъ со стороны бываютъ различны; дѣленіе территоріи народа на замкнутые общественные союзы получаетъ при этомъ рѣшающее значеніе. Примѣромъ могутъ служить различія западно-русской и московской графики, а равно тотъ извѣстный фактъ, что во многихъ явленіяхъ графики Россія лѣтъ на сто отставала отъ южныхъ славянъ, пока эти послѣдніе стояли во главѣ развитія. Принципъ территоріальнной классификаціи памятниковъ долженъ быть обязательнымъ для палеографа, филолога и лингвиста. Онъ особенно необходимъ по отношенію къ письменности болгарской. Территорія болгарскаго народа разлагалась и складывалась въ общественные союзы, возвышавшіе различные культурные центры, — Прѣславъ и Солунь, Тырново и Охриду.

Территоріальное пріуроченье памятниковъ всего надежнѣе производится на основаніи данныхъ языка, если этотъ послѣдній образовалъ типичныя нарѣчія, хорошо различаемыя изслѣдователями. До послѣдняго десятилѣтія мы не имѣли надежной діалектической классификаціи болгарскихъ памятниковъ.

Территорія болгарскаго языка не испытала радикальной смѣны одной діалектической системы другою системою; главнѣйшія діалектическія новообразованія X—XI-го вѣковъ сохранились такъ типично, что до сихъ поръ могутъ служить основой для классификаціи; таковы фонетическія новообразованія въ области полугласныхъ. Но въ иныхъ отношеніяхъ старыя діалектическія границы существенно перемѣщались втеченіи жизни языка, а новыя діалектическія особенности возникали отчасти въ предѣлахъ старыхъ нарѣчій, отчасти безъ всякаго отношенія къ ихъ границамъ. Изъ этихъ болѣе позднихъ особенностей нѣкоторыя ранѣе проявляются въ одной части территоріи и позднѣе въ другой. Старые памятники открываютъ намъ утраченныя діалектическія звенья и отчасти этапы діалектической эволюціи.

Первую попытку дѣленія болгарскихъ нарѣчій на основаніи ихъ исторіи предложилъ болгарскій филологъ Милетичъ; взглядъ Милетича былъ высказанъ въ болгарской научной литературѣ и пріобрѣлъ извѣстное признаніе только тогда, когда былъ усвоенъ и примѣненъ къ классификаціи

старославянскихъ памятниковъ Облакомъ. Болгарскіе филологи до сихъ поръ мало вникали въ изученіе своихъ старыхъ памятниковъ, а въ изслѣдованіи ново-болгарскаго языка они часто исходили изъ апріорнаго допущенія, что старославянскій языкъ есть прямой предокъ ново-болгарскаго. Такимъ образомъ для нихъ то самое являлось безспорнымъ основаніемъ ихъ дедуктивныхъ операцій, что̀ для славистовъ русскихъ и западныхъ было лишь возможнымъ конечнымъ выводомъ индуктивнаго изслѣдованія. Известно, что итогъ этого послѣдняго звучитъ нѣсколько иначе: старославянскій языкъ не есть языкъ древне-болгарскій (въ смыслѣ родоначальника современныхъ болгарскихъ нарѣчій), а одно изъ нарѣчій этого языка, уже въ древности обладавшаго поразительнымъ діалектическимъ разчлененіемъ.

Классификація Облака состояла только изъ одного дѣленія: Македонскіе памятники — примѣта ъ=о, восточно-болгарскіе — примѣта ъ=ъ; она была неудовлетворительной въ двухъ отношеніяхъ: во-первыхъ она игнорировала современное сѣверо-западное нарѣчіе, граничащее съ сербскими предѣлами, и нарѣчіе архаическое, территоріально для насъ теперь неопредѣлимое, но наличное въ памятникахъ XI вѣка. Оба нарѣчія, по отсутствію перехода ъ въ о, по классификаціи Облака не могли быть отличены отъ нарѣчія восточно-болгарскаго, для котораго наряду съ признакомъ ъ=ъ необходимо было бы ввести второй признакъ ь=є. Во-вторыхъ по классификаціи Облака нарѣчіе македонское не могло быть отличено отъ восточно-болгарскаго Подунайскаго нарѣчія, ибо и это послѣднее имѣетъ признакъ ъ=о, хотя при отличныхъ фонетическихъ условіяхъ. При практическомъ примѣненіи классификація давала ошибочные результаты. Такъ напр. въ рецензіи на «Обзоръ» проф. Лаврова, Милетичъ (Сб. X. 49) отнесъ къ западнымъ краямъ одну восточно-болгарскую рукопись XVIII вѣка, между тѣмъ какъ проф. Лавровъ, издавшій въ «Обзорѣ» часть этой рукописи, вполнѣ вѣрно опредѣлилъ ея восточное (Подунайское) происхожденіе.

Въ «Разсужденіи о языкѣ Саввиной книги» я предложилъ новую трехчленную классификацію старославянскихъ памятниковъ, а еще ранѣе, въ «Отчетѣ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1895 году», указалъ, въ какихъ именно случаяхъ переходъ ъ въ о долженъ служить примѣтой восточно-болгарскаго разряда. Предложенная мною классификація представляла лишь основную схему общей діалектической классификаціи памятниковъ болгарскаго языка; эта схема можетъ быть безконечно усложняема

введеніемъ новыхъ подотдѣловъ; она допускаетъ также болѣе точную хронологическую и территоріальную формулировку основныхъ дѣленій. Съ тѣхъ поръ Милетичемъ при изслѣдованіи восточныхъ говоровъ (Das Ostbulgarische) была опредѣлена территорія стараго Подунайскаго нарѣчія (съ признакомъ ъ=о при спеціальномъ фонетическомъ условіи). Средне-болгарскія рукописи XIV вѣка уже заставляли подозрѣвать существованіе такого нарѣчія. Дальнѣйшее усложненіе классификаціи можетъ быть достигнуто только сопоставительнымъ, и болѣе напряженнымъ, изученіемъ памятниковъ древне-болгарскихъ, средне-болгарскихъ и живыхъ говоровъ. Чѣмъ лучше будутъ наши свѣдѣнія объ этихъ послѣднихъ, тѣмъ яснѣе будутъ становиться для насъ діалектическія детали, еще таящіяся въ памятникахъ старославянскихъ и подъ условной графикой средне-болгарской эпохи; чѣмъ лучше будутъ установлены діалектическія примѣты, открываемыя изъ самихъ старыхъ памятниковъ, тѣмъ легче ихъ рефлексы будутъ находимы въ живыхъ говорахъ. При изслѣдованіи хронологическое и территоріальное изысканіе должны идти объ руку, ибо только тогда результаты будутъ точны. Мы знаемъ напримѣръ, что діалектическіе варіанты **сънъ** и **сонъ**, **дъщи** и **дщи** установились еще въ X—XI вѣкѣ; приблизительно мы представляемъ себѣ и діалектическую границу обоихъ типовъ; но какъ для **сънъ**, такъ и для **дъщи** въ послѣдующіе вѣка граница могла измѣняться вслѣдствіе передвиженій населенія или перехода говоровъ изъ одной системы въ другую. Примѣта **гнѫс-**, **нѫжд-**, **мѫд-** и **гноус-**, **ноужд-**, **моуд-** быть можетъ еще болѣе древняя по своему первому возникновенію, но мы не знаемъ, состояла ли дальнѣйшая исторія типовъ **нѫжд-** и **ноужд-** только въ перемѣщеніи установившихся діалектическихъ границъ. Относительно придунайскаго **о** изъ **ъ** мы знаемъ, что въ послѣдніе вѣка эта особенность исчезала подъ напоромъ пришлаго населенія; но исходной даты подунайскаго **о** изъ **ъ** мы не знаемъ: оно могло явиться одновременно съ **є** изъ **ь** и съ македонскимъ **о** изъ **ъ**, но это объясненіе не обязательно, и такимъ образомъ отсутствіе такого **о** въ говорѣ Остромирова Евангелія еще можетъ оказаться не территоріальной, а хронологической датой. Однимъ изъ результатовъ настоящаго труда являются между прочимъ новыя діалектическія даты, но ихъ территорія опредѣляется только для XIII вѣка, котораго главнымъ образомъ касается изслѣдованіе: на западѣ центральной Македоніи въ XIII вѣкѣ намѣчается территорія, имѣвшая діалектическія признаки **нѫжда** (такъ и теперь), *ъ̑р*, *ъ̑л* изъ *r̥* *l̥* (теперь *ър*, *ол*), *ъ̑w̥* изъ **вь** въ **свьт-**,

цвьт-, звьн- (теперь *у*). Территорія иныхъ діалектическихъ примѣтъ была въ XIII вѣкѣ шире того района, о которомъ сейчасъ говорилось; такъ съ запада къ востоку всему центральному поясу Македоніи (въ томъ числѣ и его западной окраинѣ) было свойственно полузакрытое ѣ (теперь *е*), полумягкое ρ изъ ρj (теперь *р* твердое), jѫ, чѫ (теперь *је* въ срединѣ этого пояса и почти всюду чє), субдіалектическое св- изъ вьс-; въ томъ-же поясѣ, постепенно слабѣя къ западу, въ XIII вѣкѣ удостовѣрено измѣненіе неударяемаго о въ направленіи къ оу, неударяемаго є — въ направленіи къ и. Съ сѣвера къ югу, въ широкомъ поясѣ, отдѣляющемъ Македонію отъ Западной Болгаріи, Родоповъ и Южной Тракіи, при полузакрытомъ ѣ діалектически уже существовало ца=цѣ и чѣ=ча. Кромѣ Родоповъ и прилегающихъ къ нимъ съ востока и юга территорій довольно повсемѣстно ꙑ въ первой половинѣ XIII вѣка является въ видѣ ъі, въ концѣ вѣка мѣстами въ видѣ і[1]).

Въ орѳографіи XIII вѣка перечисленныя особенности открываются отчасти непосредственно, отчасти путемъ спеціальнаго анализа системы обозначенія звуковъ. Правописаніе памятниковъ складывается изъ господствующей системы данной эпохи и области, изъ вліяній оригинала, изъ личныхъ склонностей писца, особенностей его родного выговора и пр. Изслѣдователь обязанъ выяснить, на сколько то возможно, какіе факторы и въ какой мѣрѣ вліяли на писцовъ изучаемыхъ имъ рукописей; стараться установить, черпалъ ли памятникъ изъ одного оригинала или изъ нѣсколькихъ и каковы особенности оригинала. По отношенію къ рукописямъ средне-болгарскимъ наши представленія объ оригиналахъ обширнѣе, чѣмъ по отношенію къ памятникамъ старославянской эпохи, ибо мы обладаемъ образцами рукописей XI и отчасти XII вѣка, служившихъ оригиналами для XIII-го. Памятникъ, писанный нѣсколькими писцами съ одного оригинала, даетъ болѣе полное понятіе объ этомъ послѣднемъ; равнымъ образомъ такая рукопись даетъ болѣе ясное представленіе о графической школѣ и графической манерѣ своего времени, о личныхъ особенностяхъ писцовъ, объ ихъ говорѣ, если послѣдній тождественъ: во всѣхъ этихъ случаяхъ показанія отдѣльныхъ писцовъ дополняютъ и повѣряютъ другъ друга. Особенности языка, ясно выраженныя въ памятникѣ, могутъ восходить къ оригиналамъ или

---

1) Кромѣ Болонской псалтыри неоцѣненныя услуги для выясненія фонетическихъ процессовъ и діалектическихъ примѣтъ XIII вѣка оказываетъ Апостолъ Томича, изъ коего въ Приложеніяхъ даются обширные отрывки.

относиться къ эпохѣ самого памятника; иногда такая дилемма требуетъ спеціальнаго изслѣдованія. Тѣ особенности языка, которыя скрываются подъ условной орѳографіей, прежде всего должны быть опредѣлены въ своей сущности: изслѣдователь выбираетъ между возможными толкованіями, на которыя наводитъ самъ памятникъ, и одновременно старается возстановить звуки и формы изучаемой имъ эпохи путемъ сравненія дошедшихъ живыхъ говоровъ. Если діалектическая принадлежность рукописи ясна, ея языкъ можетъ быть сравниваемъ непосредственно съ дошедшими говорами того-же нарѣчія. Если нарѣчіе рукописи не можетъ быть даже приблизительно пріурочено къ той или другой территоріи, наиболѣе возможныя объясненія ея графики, извлекаемыя изъ самого памятника, должны быть провѣряемы *общей* картиной языка той эпохи, каковая картина извлекается изъ сравненія живыхъ говоровъ языка[1]). Въ иныхъ случаяхъ отдѣльные живые говоры доставляютъ цѣнныя аналогіи.

---

1) Послѣдней необходимости не видитъ проф. Лескинъ (Arch., XXVII. 1), упрекая меня въ томъ, что я создаю говоръ Саввиной книги чуть-ли не мозаически,— изъ самыхъ различныхъ живыхъ говоровъ болгарскихъ. Но я привлекаю въ «Разсужденіи» болгарскіе говоры для сравненія въ двухъ главнымъ образомъ случаяхъ: во-первыхъ *всѣ говоры* — для возстановленія *обще-болгарскихъ* явленій эпохи Саввиной книги, во-вторыхъ *отдѣльные говоры* въ качествѣ *аналогіи*. Пояснимъ это примѣрами. Разсматривая въ живыхъ болгарскихъ говорахъ слово вьсѣкъ, я прихожу къ выводу, что ни одинъ говоръ, ни одно нарѣчіе не представляетъ діалектическаго сохраненія полугласной ь, и что кромѣ того во многихъ говорахъ группа вс- успѣла подвергнуться дальнѣйшимъ измѣненіямъ. Это позволяетъ говорить объ очень старомъ выпаденіи полугласной въ группѣ вьс- и придаетъ еще бо̀льшую достовѣрность упорнымъ написаніямъ всего, всемоу etc. въ Савиной книгѣ; таково отношеніе между живыми говорами и графикой Саввиной во многихъ случаяхъ. Другой примѣръ: находя въ Саввиной книгѣ упорное написаніе вcь πᾶς я прежде всего удостовѣряю, что форма измѣнена вліяніемъ грамматической аналогіи, такъ какъ въ данномъ случаѣ фонетическое выпаденіе звука ь въ группѣ вьс- недопустимо; находя въ восточно-болгарскихъ говорахъ форму *се* πᾶς (могущую восходить только къ вcь), я приводилъ ее въ качествѣ параллели, въ полной увѣренности, что критикъ, знакомый съ методами научной лингвистики, не упрекнетъ меня въ томъ, что я составляю говоръ Саввиной книги изъ восточно-болгарскихъ элементовъ. Лескинъ предпочитаетъ объяснять систематическое вcь Саввиной книги какъ сокращеніе написанія вьсь съ систематическимъ пропускомъ титла. Если такое объясненіе и не поражаетъ въ журнальной статьѣ съ полемическимъ оттѣнкомъ, то серіозно освѣдомленный славянскій палеографъ едва-ли найдетъ его умѣстнымъ. Въ данномъ случаѣ вопросъ касался явленія грамматической аналогіи, но я думаю, что параллели изъ отдѣльныхъ болгарскихъ говоровъ Лескинъ найдетъ въ «Разсужденіи» и по отношенію къ фонетическимъ явленіямъ Саввиной книги. Въ такихъ случаяхъ я руководился во-первыхъ близостью подобныхъ параллелей и во-вторыхъ тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что діалектическія особенности, встрѣчаемыя порознь въ говорахъ *a*, *b*, *c*...., могутъ встрѣтиться вмѣстѣ въ говорѣ *t*. Старый Московскій говоръ соединилъ органически особенности сѣверно- и южно-великорусскаго нарѣчія, говоръ села Сухо — особенности македонскаго и восточно-болгарскаго

нарѣчія; а говоръ Кіевскихъ отрывковъ особенности древне-болгарскія съ западно-славянскими. Нельзя во всѣхъ этихъ случаяхъ прибѣгать къ гипотезѣ Крижанича и вѣрить, что живые говоры возникали изъ искусственнаго смѣшенія подъ рукою средневѣковыхъ алхимиковъ или дальновидныхъ національныхъ политиковъ. Я позволю себѣ еще на нѣсколько мгновеній остановить вниманіе читателя на этихъ статьяхъ Лескина (Arch. XXVII). Онѣ полны противорѣчій. Лескинъ говоритъ о своемъ намѣреніи приступить къ изслѣдованію родственныхъ связей старославянскаго и болгарскаго языка, но выражаетъ опасеніе, что при теперешнемъ состояніи знаній это преждевременно. Между тѣмъ работы, уже сдѣланныя въ этомъ направленіи, Лескину повидимому извѣстны: онъ молчаливо принимаетъ многія категоріи изслѣдованія, установленныя послѣ Ягича, и съ этихъ точекъ зрѣнія пересмотръ наблюденій Ягича надъ Zogr. и Mar. представляетъ у Лескина любопытныя страницы. Но Лескинъ тщательно избѣгаетъ ссылокъ на болѣе позднія работы, чтобы не признать себя побѣжденнымъ. Дѣло въ томъ, что принимая чужія категоріи изслѣдованія, Лескинъ не принимаетъ ихъ основаній: теперь онъ различаетъ формально категоріи полугласныхъ сильныхъ и слабыхъ, но признается, что не представляетъ себѣ разницы между полугласной ь въ дьни и въ дьнь. Лескинъ принимаетъ и особенно сильное вліяніе звуковъ р̑ л̑ н̑ на предшествующую полугласную ъ, но продолжаетъ отрицать ея фонетическій переходъ въ ь. Лескинъ разсматриваетъ судьбу полугласныхъ послѣ шипящихъ, но не допускаетъ исходящей отъ нихъ лабіализаціи, почему-то полагая, что необходимымъ условіемъ ея должна быть мягкость шипящихъ. Лескинъ формулируетъ графическую разницу между Zogr. и Mar. почти также, какъ она формулирована мною въ «Разсужденіи», и также пытается восходить отъ евангельскихъ списковъ къ ихъ оригиналамъ. Но онъ сейчасъ-же дѣлаетъ этотъ пріемъ безцѣльнымъ, внося отъ себя рискованное допущеніе, что Zogr. и Mar. восходятъ къ одному общему непосредственному оригиналу. Лескинъ говоритъ и думаетъ только о правописаніи, а не о выговорѣ: печально видѣть, что всѣ итоги его добросовѣстныхъ статистическихъ наблюденій надъ буквами остаются въ сферѣ буквъ. Послѣ безцѣльныхъ оговорокъ и полууступовъ новымъ взглядамъ, онъ возвращается къ крайностямъ робкаго скептицизма, которымъ отмѣчены его предыдущія работы по старославянскому языку; онъ обнаруживаетъ бѣдность живыхъ представленій о всемъ богатствѣ звуковыхъ возможностей, и нѣкоторую сбивчивость въ вопросахъ физіологіи звуковъ (напр. Arch. XXVII. 3, 345 въ разужденіи о здати — звѣзда — псати); въ концѣ концовъ Лескинъ признается, что въ различіяхъ старославянской графики онъ по прежнему видитъ почти только орѳографическія манеры писцовъ, не пытаясь и объяснить чудовищную причудливость принимаемаго имъ разнообразія манеръ.

Вячеславъ Щепкинъ.

Москва,
Августъ 1906 г.

Фотот. П. Павлова.

Болонская псалтырь.

Фотог. П. Павлова.

Болонская псалтырь.

Въдамь тебѣ ѡ-
бѣты моѩ ꙗже
изрекостѣ оус-
тнѣ мои и гла-
шѧ оуста мои
въ печали моеи :
Ѡлокавтоматы
можденыи въ-
несѫ тебѣ съ кад-
иломъ и ѡвьны :
Сътворѫ тебѣ
волы с козъ-
лы и :
Придѣте слышите
и повѣмъ
вамъ вси боѩ-
щеи сѧ бога :
Елико сътвори д-
оуши моеи :
Къ немоу оустъ-
ы моими въз-
звахъ :
И възнесохъ подъ
ѩзыкомъ мо-
имъ :
Неправьдѫ аще и
оузьрѣхъ въ срь-
ци моемь да не
оуслышитъ ме-
не гь :

[illegible]

Фотог. И. Павлова.

Болонская псалтырь.

Фотот. П. Павлова.

Болонская псалтырь.

I.

Внѣшній видъ.

Болонская псалтырь (№ 2499 библіотеки рукописей Болонскаго университета) писана на пергаментѣ, довольно хорошемъ, въ форматѣ небольшаго листа ($10 \times 7\frac{1}{4}$ дюймовъ). Острымъ орудіемъ листы рукописи то съ recto то съ verso разлинованы на два столбца. На лѣвыхъ столбцахъ по начеркамъ, или линейкамъ, писанъ текстъ псалмовъ довольно крупнымъ почеркомъ уставнаго характера. На правыхъ столбцахъ толкованія [1]) писаны почеркомъ болѣе мелкимъ (то въ 2, то въ $2\frac{1}{2}$, то въ 3 раза мельче текста), по начеркамъ и часто между ними, т. е. не строка въ строку съ текстомъ: писецъ зависѣлъ отъ размѣровъ толкованій [2]).

Рукопись содержитъ теперь 263 листа (нумерованные лл. 1 — 262, л. 126 — bis). Къ передней доскѣ изнутри приклеенъ отрѣзокъ ненумерованнаго листа, содержащій краткую молитву [3]).

На л. 105, по нижнему и правому полю находимъ запись писца Бѣлослава, написавшаго всего одну эту страницу (105 recto) и послѣднія тринадцать строкъ предыдущей, о чемъ ниже.

На об. листа 126 bis находимъ лѣтопись; она содержитъ приблизительную дату рукописи и называетъ двухъ писцовъ: Іосифа и Тихоту, которыми писано все предыдущее (за исключеніемъ работы Бѣлослава). Тамъ же, на другомъ столбцѣ читается болѣе поздняя купчая запись (см. ниже).

Эти три писца, а равно *четвертый*, не оставившій намъ своего имени, могутъ быть различены по признакамъ почерка, орѳографіи и орнаментики. Ср. четыре фототипіи, приложенныя къ концу этой работы.

1) Ср. фототипіи въ концѣ этой книги, а также хромолитографію съ первой страницы Болонской псалтыри, приложенную къ работѣ В. Срезневскаго «Древній славянскій переводъ псалтыри». Спб. 1877. Здѣсь разлиновка, вѣроятно умышленно, показана съ утрированной рѣзкостью.

2) Только на лл. 10 — 14 толкованіе и текстъ пишутся на обоихъ столбцахъ: стихи текста писаны крупнѣе, толкованія даются мелкимъ почеркомъ послѣ каждаго стиха. Почеркъ совершенно тотъ-же, какъ на окружающихъ листахъ.

3) Ср. описаніе Срезневскаго, Пам. юсоваго письма, стр. 49 и 126 первой нумераціи, ср. также В. Срезневскаго «Древ. слав. переводъ псалтыри», стр. 44 и слѣд.

I II III IV V VI VII VIII

1

2

3

5

10

15

20

25

30

31

32

Разлиновка листа образуетъ слѣдующую сложную раму:

Линейки I — II всегда у корешка, линейка VIII — всегда къ полю, правѣе ея видны уколы, которыми начиналась разлиновка. Письмомъ заняты линейки 2 — 31, такъ что лѣвый столбецъ, который писанъ по начеркамъ, содержитъ тридцать писаныхъ строкъ, правый, смотря по размѣрамъ толкованій — больше и меньше; въ первомъ случаѣ строки писаны и между начерками. Нѣкоторыя изъ короткихъ линеекъ 4 — 29 изрѣдка соединены и пересѣкаютъ линейки III — V-ую. Между линейками I — II и IV — V помѣщаются иниціалы того и другаго столбца; изъ нихъ малые, которые стоятъ въ началѣ стиховъ и относящихся къ нимъ толкованій, не выходятъ изъ этихъ предѣловъ; крупные, украшенные иниціалы, находимые только въ лѣвомъ столбцѣ, въ началѣ псалма, выходятъ изъ линеекъ I — II влѣво и вправо. Ширина въ правомъ столбцѣ (между V и VI) часто нѣсколько больше, чѣмъ въ лѣвомъ (между II — III), а письмо чаще переходитъ за грань (VI) вправо, нежели въ лѣвомъ столбцѣ.

II.

Дата.

Помѣни г҃и раба свои҆ · і҆ѡси
фа и҆ тихотѫ · съѳавъша
книгꙑ сиѭ · съ б҃иѭ помо
штиѭ и҆ с҃тꙑѭ б҃цѫ присно
д҃вѫ мариѭ · писашѫ же
сѧ въ ѡ҆хридѣ градѣ въ се
лѣ рекомъїмъ равне · при
ц҃ри а҆сѣни блъгаръскꙑимъ.

Эта лѣтопись, читаемая на оборотѣ л. 126 bis, сообщаетъ намъ, что Болонская псалтырь была писана въ селѣ *Равне* при болгарскомъ царѣ Асѣнѣ. Село Равне, теперь *Рамне* лежитъ близь самой Охриды, на ближайшей возвышенности къ востоку отъ города. Писецъ лѣтописи имѣлъ такимъ образомъ основаніе причислить село къ городу. О писцахъ, имена которыхъ помянуты въ лѣтописи, говорится ниже, въ главѣ о почеркахъ;

еще ниже въ главѣ о звукѣ ѣ и о морфологіи разсматривается языкъ этой лѣтописи. Здѣсь надлежитъ извлечь изъ нея хронологическую дату.

Срезневскій, имѣвшій всего больше вліянія на опредѣленіе занимающей насъ даты, въ Памятникахъ юсоваго письма, стр. 128, такъ опредѣляетъ время написанія Болонской псалтыри: «Царь Асѣнь болгарскій, о которомъ упоминаетъ запись, владѣлъ болгарской землей съ 1186—1196 г. И такъ въ Болонской псалтыри мы имѣемъ памятникъ Охридскаго письма конца XII вѣка, писанный не позже 1196 года». Ту-же датировку Срезневскій предлагаетъ и на стр. 49. Срезневскій не раскрываетъ основаній, заставившихъ его отнести лѣтопись къ «старому Асѣню», но изъ приведенныхъ словъ его можно заключить, что рѣшающее значеніе для изслѣдователя имѣлъ эпитетъ «болгарскій», читаемый при имени царя. Это слово дѣйствительно можетъ быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что македонецъ, писавшій эту лѣтопись внѣ территоріи только что поднимавшагося болгарскаго государства, опредѣлилъ время своего труда именемъ Асѣня I. Но становясь на ту точку зрѣнія, что помянутъ не властитель Охриды, а государь сосѣдней Болгаріи, мы тѣмъ самымъ вызываемъ еще другое предположеніе, именно — что рѣчь можетъ идти о Іоаннѣ Асѣнѣ, или Асѣнѣ II, который до Клокотницкой битвы (1230) также не обладалъ Македоніей, но съ такимъ-же, если не съ большимъ правомъ могъ быть помянутъ охридскимъ писцомъ ради славы своего имени. Допустивъ, что рѣчь идетъ о государѣ, не владѣвшемъ Охридой, мы вообще не въ состояніи рѣшить, который изъ двухъ Асѣней имѣется въ виду. Одноименность двухъ государей ни въ византійской хронологіи ни у православныхъ славянъ не сознавались въ качествѣ принципіальнаго неудобства и практика не выработала ни здѣсь ни тамъ постояннаго пріема для различенія. Эта черта выступаетъ и въ немногихъ актахъ, уцѣлѣвшихъ отъ временъ Асѣня II. Въ подписи подъ знаменитой грамотой, выданной Дубровчанамъ, онъ называетъ себя просто «Асѣнь»[1]) и только изъ ея содержанія мы заключаемъ, что она выдана тѣмъ изъ Асѣней, который владѣлъ уже бо́льшей частью Македоніи и фактически распоряжался ею до моря. Въ побѣдной надписи 1230[2]) года Іоаннъ Асѣнь прибѣгаетъ къ эпитету «сынъ стараго Асѣня» конечно не для того, чтобы отличить себя отъ одноименнаго отца, а скорѣе затѣмъ, чтобы

---

1) Ср. Иречекъ, Исторія болгаръ, стр. 344.

2) Изв. русск. Арх. Инст. въ Константинополѣ, т. VII, 1, 25—39.

связать память о Клокотницкой побѣдѣ съ славнымъ именемъ первоначальника болгарской независимости. И если лѣтопись Болонской псалтыри не дѣлаетъ подобнаго различенія именъ и ничѣмъ прямо не указываетъ на Асѣня II, мы отнюдь не въ правѣ заключать, что рѣчь идетъ непремѣнно о старомъ Асѣнѣ. Допустивъ, что имѣется въ виду иноземный государь, мы можемъ утверждать только одно: что памятникъ писанъ до 1230 года, когда Охрида перешла въ болгарскія руки. Выводъ неизбѣжный, но основаніе, на которомъ онъ построенъ, изъ двухъ возможностей очевидно представляетъ менѣе вѣроятную, ибо для того, чтобы рѣшать вопросъ въ указанномъ смыслѣ, нужно быть твердо увѣреннымъ, что эпитетъ «болгарскій» означаетъ въ лѣтописи чужаго царя и не является однимъ изъ титуловъ своего государя. Если въ хронологическихъ записяхъ и извѣстны подобныя ссылки на чужаго государя, онѣ во всякомъ случаѣ относятся къ рѣдкимъ случайностямъ и всегда мотивированы чѣмъ нибудь весьма опредѣленнымъ [1]).

1) Напомнимъ нѣсколько примѣровъ этого рода.

Русскіе люди, писавшіе въ Царьградѣ, поминаютъ византійскихъ государей. Таковъ былъ Сборникъ 1392 года, послѣсловіе котораго сохранено въ спискѣ XVI вѣка (Собр. Румянцева, № 360): послѣсловіе называетъ Мануила Палеолога и патріарха Антонія. Уставъ Церковный 1401 года, писанный въ Царь-градѣ Аѳанасіемъ, поминалъ только императора Іоанна, сына Андроникова, и патріарха Матѳея. Послѣсловіе этой недошедшей рукописи сохранилось въ копіи 1428 года (Собр. Румянцева № 445).

Есть правда рукописи, писанныя въ Россіи и называющія въ лѣтописи византійскихъ государей. Но причины этого всегда ясны. Одинъ изъ самыхъ извѣстныхъ примѣровъ есть рукопись, писанная въ 1136 году въ Новгородѣ, Кирикомъ доместикомъ; лѣтопись ея говоритъ, что Кирикъ писалъ при царѣ греческомъ Іоаннѣ и архіепископѣ Новгородскомъ Нифонтѣ, *князю же Святославу сыну Ольгову въ княженіи живущу въ Новѣгородѣ первое лѣто.* Формула — спеціально новгородская. Пройдя черезъ руки многихъ переписчиковъ, она сохранилась въ Сборникѣ Софійской библіотеки № 475 (см. Опис. Востокова, № 35). Другой, не менѣе извѣстный примѣръ — Кормчая 1262 или 1270 года. Она также дошла въ копіяхъ (ср. Востокова, № 232, XVI в.). и дата оригинала можетъ быть установлена только съ указаннымъ колебаніемъ. Одинъ изъ писцовъ этого оригинала, Іоаннъ Драгославъ, сообщаетъ, что писалъ для Кіевскаго Митрополита Кирилла III, съ оригинала, присланнаго деспотомъ болгарскимъ Іоанномъ Святославомъ въ дни благовѣрнаго царя Константина (Тѣха), предержащаго столъ болгарскій. Но эта работа производилась болгариномъ и въ Кіевѣ монгольской эпохѣ. Вообще-же и югославянскіе писцы, работая на чужбинѣ, поминали въ лѣтописи мѣстнаго государя, послѣ котораго могъ быть помянутъ и свой національный властитель. Славянскіе писцы упорно избѣгали называть въ смыслѣ государей только иновѣрныхъ завоевателей.

Знаменитый Шестодневъ 1263 года, писанный на Аѳонѣ для тамошняго сербскаго монастыря Хиландара, упоминаетъ сначала византійскаго государя («Киръ Михаила Палеолога царствующаго восточными землями и западными»), а затѣмъ—съ большою торжественностью — сербскаго, Стефана Уроша.

Ср. также обширное собраніе сербскихъ записей, изданное Стояновичемъ: Стари српски записи и натписи, кн. 1, Београд 1902.

Ссылка исключительно на государя иной территоріи во всякомъ случаѣ нарушала обычай. Припомнимъ, что при Асѣнѣ I (1186—1196), Охрида находилась подъ византійскимъ господствомъ[1]), при Асѣнѣ II до Клокотницкой битвы она принадлежала къ Эпирскому деспотству. Въ первомъ случаѣ болгарскій царь въ глазахъ византійцевъ являлся не болѣе какъ мятежникомъ, въ послѣднемъ случаѣ, несмотря на договоръ, отношенія эпирскаго деспота Θеодора къ Болгаріи были далеко не дружественны[2]).

Въ обоихъ случаяхъ забвеніе о мѣстномъ греческомъ государѣ и упоминаніе болгарскаго царя было бы очень странно, особенно въ памятникѣ каллиграфическомъ, назначенномъ не для частнаго обихода писца. Такое опредѣленіе даты могло бы при случаѣ оказаться прямо небезопаснымъ для самого писца. Иначе было дѣло послѣ Клокотницкой битвы: Македонія, Албанія и Тракія были въ рукахъ Іоанна Асѣня, который до смерти оставался самымъ могущественнымъ государемъ на балканскомъ полуостровѣ. Теперь эпитетъ «болгарскій» могъ быть приданъ обладателю Охриды, чтобы оттѣнить, что болгарскій народъ имѣетъ царя, сильнѣе чѣмъ у грековъ, спасшихъ обломки своего государства въ Никею, или западныхъ варваровъ, завоевавшихъ Царьградъ. Въ побѣдной Тырновской надписи 1230 года Іоаннъ Асѣнь II называетъ себя даже единственнымъ царемъ на Балканахъ, которому повиновались греки и франки, такъ какъ инаго царя не было. Въ этихъ словахъ надписи, объясняемыхъ тогдашними обстоятельствами: отсутствіемъ франкскаго императора въ Константинополѣ и надеждами Іоанна Асѣня сохранить свой протекторатъ надъ столицей Византіи[3]), звучитъ одновременно убѣжденіе, что царскій титулъ неизсякаемъ и что теперь

---

1) Исаака Ангела (1185—1194) и Алексѣя III (1195—1202). При всей слабости византійской державы, власть этихъ императоровъ надъ Македоніей фактически не прерывалась за время царствованія Асѣня: набѣгъ сицилійскихъ норманновъ на Македонію окончился до начала болгарскаго возстанія: къ веснѣ 1186 года въ норманнскихъ рукахъ оставались только Диррахій и Іонійскіе острова. Первые шаги болгарскаго возстанія были неудачны. Послѣ перемирія 1188 года борьба велась съ перемѣннымъ счастіемъ и главнымъ образомъ на почвѣ Тракіи. Отсюда передъ самой смертью Асѣня (1196) болгаре проникли въ юговосточную Македонію — до Сереса и Амфиполя. При Калоянѣ, замѣстившемъ Асѣня на болгарскомъ престолѣ, дѣла приняли совершенно иной оборотъ. Въ срединѣ своего правленія (1196—1207) Калоянъ занялъ также и Охриду. Но Македонія и Тракія были потеряны для болгаръ вмѣстѣ со смертью Калояна. Само собою разумѣется, что Болонская псалтырь, по точному смыслу ея лѣтописи, не могла возникнуть въ Охридѣ въ годы господства Калояна.

2) Иречекъ, Исторія Болгаръ, стр. 336—337.

3) Иречекъ, Исторія Болгаръ, стр. 337—338, примѣчаніе.

онъ перешелъ къ болгарамъ. Это мѣсто надписи недаромъ оканчивается величавымъ выраженіемъ хвалы и покорности Промыслу, создавшему такія условія. Въ томъ-же смыслѣ, въ томъ-же духѣ эпохи должны быть понимаемы и слова нашей лѣтописи. Эпитетъ «болгарскій» заключаетъ не одну національную тенденцію, которая, болѣе чѣмъ въ новыя времена, отступала передъ государственной и религіозной. Быть можетъ сторонники стараго взгляда находили страннымъ, что обладатель Охриды, Асѣнь II, названъ въ нашей лѣтописи такъ просто, безъ пышнаго титула болгарскихъ царей. Слѣдуетъ замѣтить, что этотъ пышный титулъ мы находимъ только въ XIV вѣкѣ, въ рукописяхъ вышедшихъ изъ школы Іоанна Александра или вообще имѣющихъ отношеніе къ тогдашнему тырновскому двору[1]). Восходя къ первой половинѣ XIV вѣка мы находимъ болѣе простые титулы даже въ рукописяхъ, не лишенныхъ оффиціальнаго элемента[2]). Четвероевангеліе 1279 года поражаетъ простотою формулы: оно писано «въ градѣ Сверлигѣ (**Сврьлизѣ**) въ дни царя Ивайла»[3]). Рѣчь идетъ о болгарскомъ царѣ-узурпаторѣ[4]). Его возвышеніе было новостью, его господство — необезпечено, но это не помѣшало писцу опредѣлить время его именемъ. По формулѣ эта запись всего ближе къ лѣтописи Болонской псалтыри. Близость станетъ понятной, если предположить, что и Болонская псалтырь говоритъ о недавнемъ завоевателѣ, и припомнить, что она стоитъ далеко отъ тырновскаго двора: Охрида сама представляетъ крупный центръ, къ которому тяготѣютъ духовные интересы.

Сообразно всему, изложенному выше, Болонская псалтырь должна быть отнесена къ возраждавшейся Охридской письменности временъ Асѣня II: она возникла въ промежутокъ времени между Клокотницкой битвой и смертью Іоанна Асѣня (1230—1241). Вотъ соображенія, которыя заставляютъ насъ склониться къ мнѣнію Дринова и Иречка, давно высказанному послѣднимъ, но мало оцѣненному филологами; принявши для Болонской псалтыри дату

1) Таковы Сборникъ 1348 года (Свѣдѣнія и Замѣтки XXXVI), Евангеліе 1356 года (Archiv, VII, 1), Апостолъ 1359 г. (Свѣдѣнія и Замѣтки) и особенно Сборникъ съ Записью 1345 года (Свѣдѣнія и Замѣтки). Титулъ содержитъ эпитеты: господина, благороднаго, христолюбиваго, благовѣрнаго, благовѣнчаннаго самодержца, превысокаго, державнаго, царя прекраснаго Іоанна Александра всѣмъ болгарамъ и грекамъ.

2) Тырновское Четвероевангеліе 1273 года (Свѣд. и Замѣт. XLVIII), Отрывокъ Апостола 1277 года (ibid. XLIX).

3) Свѣдѣнія и Замѣтки LXXXI.

4) Иречекъ, Исторія Болгаръ, стр. 366, примѣчаніе.

1230—1241, изслѣдователямъ, какъ увидимъ, станетъ гораздо легче оріентироваться въ болгарской палеографіи, почти лишенной точныхъ датъ, и привести древнѣйшіе среднеболгарскіе памятники въ болѣе естественную историческую послѣдовательность по примѣрамъ языка, почерка и художества.

На второмъ столбцѣ того-же листа 126 bis об., внизу, находится болѣе поздняя и малограмотная запись (вкладная и купчая), читаемая съ трудомъ:

сиѧ книгы коупихь
сѧ ѿъ граматика т[є?]
одора. ѿдъ равьнє[и?]
и дахь азь єромона
хь данила грѣшѧны
попадины си обєди . .
позлащєны [и двѣ]
[пєрьпєрѣ срѣдѣ гр]
[ада вь бьтоли дад]
[. . . си . . . помин]
[анiѣ . . . .][1])

«Запись эта, говоритъ Срезневскій, писана дурно, не совсѣмъ грамотно, и при томъ не вся можетъ быть прочитана (конецъ почти совсѣмъ соскобленъ). Ясно впрочемъ, что грамматикъ Тодоръ изъ Равна продалъ книгу іеромонаху Данилу за позолоченныя (три?) кольца и за два перпера и что потомъ книга отдана Даниломъ въ Битольскій монастырь на поминанье»[2]).

Эта запись дѣйствительно обнаруживаетъ неумѣлаго и неграмотнаго писца, но типы отдѣльныхъ буквъ далеко не поздніе. Особенно стары: а съ небольшой угловатой петлей и ꙁ угловатое, съ широкой головкой. Остальные типы не позднѣе XIII вѣка, напр. н, ломаное ѧ, ѣ переходнаго на-

---

1) Строка 1: вм. сиѧ, у Срезневскаго ошибочно сиѫ; строка 5: неясное ш расплылось и походитъ на щ, строки 7—11 даются по изданію Срезневскаго: теперь этотъ конецъ записи побурѣлъ пятнами и не читается. ъ и ь этой записи различаются очень мало: первое имѣетъ вверху замѣтную черту влѣво, у послѣдняго черта отсутствуетъ или она очень мала. Вѣроятно это были для писца варіанты одного знака.

2) Срезневскій, op. cit., 128.

черка отъ древнѣйшаго къ болѣе позднему. Разница во времени написанія лѣтописи и этой записи рѣшительно не можетъ быть значительна; приведенные графическіе архаизмы объясняются тѣмъ, что мы имѣемъ предъ собою почеркъ немолодаго человѣка. Рукопись, какъ узнаёмъ изъ вкладной, еще находилась въ Равнѣ, но уже не въ рукахъ писцовъ. Отождествлять Тодора Грамматика, отъ котораго псалтырь перешла къ іеромонаху Даніилу, съ однимъ изъ писцовъ Болонской псалтыри, напр. съ четвертымъ безъименнымъ писцомъ, или видѣть напр. въ имени Тодоръ — христіанское имя Тихоты, разумѣется, нѣтъ повода. Но не исключено сопоставленіе съ Тодоромъ Грамматикомъ сербомъ, написавшимъ Шестодневъ 1263 года. Личность этого «странствующаго схоласта» типично обрисована въ двухъ его послѣсловіяхъ къ Шестодневу[1]). Скитаясь по монастырямъ такіе «грамматики» всюду умѣли дѣлать себя необходимыми въ качествѣ переводчиковъ и переписчиковъ. Купля, продажа и мѣна рукописей составляли часть ихъ ремесла.

Тодоръ Грамматикъ, задолго до появленія на Аѳонѣ и въ Солунѣ, могъ появиться въ Охридѣ, получить участіе въ книжномъ трудѣ, которымъ нѣсколько ранѣе были заняты Іосифъ съ Тихотой, и стать обладателемъ изготовленной ими Псалтыри. Какъ увидимъ, говоръ этихъ братьевъ и безъименнаго послѣдняго писца Псалтыри, можетъ быть сравниваемъ, если не непосредственно съ современнымъ говоромъ Охриды, то во всякомъ случаѣ съ тѣмъ типичнымъ нарѣчіемъ, къ которому принадлежитъ этотъ и другіе, сосѣдніе говоры. Если такимъ образомъ по крайней мѣрѣ три мѣстныхъ уроженца занимались подъ Охридой книжнымъ ремесломъ и судя по Болонской псалтыри владѣли имъ такъ хорошо, мы имѣемъ право предположить въ селѣ Равне для этого ремесла спеціальный очагъ, котораго не могли миновать странствующіе писцы, привлекаемые славой возродившейся славянской Охриды. Между Болонской псалтырью и Шестодневомъ, согласно сказанному выше, мы полагаемъ не болѣе тридцати лѣтъ разстоянія.

Запись іеромонаха Даніила любопытна своимъ шаткимъ правописаніемъ: невозможно поручиться, что кромѣ **ѧ** у Даніила не было другаго юсоваго знака, но несомнѣнно, что **ѧ** и **ь** могли употребляться, какъ графическіе варіанты: **коупихь сѧ** = **коупихж сѧ**, а **грѣшѧны** очевидно стоитъ вмѣсто **грѣшъны**, и знакъ **ѧ** не обозначаетъ никакаго звука. Этой чертою

1) Калайдовичъ, Іоаннъ Экзархъ и въ др. сочиненіяхъ.

правописаніе Даніила напоминаетъ Боянское Евангеліе, а также вообще народное, полуграмотное, македонское и восточно-болгарское письмо, относимое нами ко второй половинѣ XIII столѣтія.

III.

Писцы.

Всѣ наблюденія рѣшительно приводятъ къ тому, что Болонская псалтырь писана *четырьмя* писцами. Первый начинаетъ рукопись. Съ л. 86 об., столб. 2, вступаетъ второй писецъ. Третьимъ написана только лицевая сторона л. 105 и предыдущія тринадцать строкъ; здѣсь же третій писецъ сообщаетъ свое имя—Бѣлославъ (см. фототипію) и говоритъ, что онъ написалъ *эту страницу брату своему Іосифу*. Далѣе снова пишетъ второй писецъ, оканчивая оборотомъ л. 126 bis; на этой-же страницѣ второй писецъ помѣщаетъ лѣтопись, заключающую указанія на время и мѣсто написанія памятника (см. выше, стр. 3), и называетъ двухъ писцовъ: *Іосифа* и *Тихоту*, не указывая, который изъ нихъ — первый, который — второй (см. фототипію); здѣсь же позднѣе неграмотной рукою XIII вѣка вписана запись — купчая и вкладная (см. стр. 8). Четвертый писецъ начинаетъ съ л. 127 и пишетъ до конца; онъ не оставилъ намъ никакой лѣтописи[1]).

Мірскія имена Тихота и Бѣлославъ позволяютъ допустить, что предъ нами дѣйствительно работа трехъ братьевъ, а не трехъ монаховъ одной обители[2]). Казалось бы, что втораго писца зовутъ Іосифомъ, ибо Бѣлославъ, вставившій свои строки въ работу этого писца, называетъ это имя. Но

---

1) Срезневскій op. cit., 128, не различаетъ первыхъ двухъ писцовъ: онъ принимаетъ за Тихоту послѣдняго, безыменнаго писца рукописи: «изъ этой записи (говоритъ Срезневскій) узнаемъ, что у Іосифа, которому Бѣлославъ написалъ одну страницу на 106 л., былъ товарищъ Тихота; ему, можетъ быть, принадлежатъ листы 129 и слѣдующіе, написанные почеркомъ нѣсколько отличнымъ отъ первыхъ 128-ми». Срезневскому слѣдуютъ въ этомъ другіе, видѣвшіе и не видавшіе Болонскую рукопись.

2) Обычай давать два имени — мірское и церковное можетъ быть указанъ во многихъ сербскихъ надгробіяхъ еще въ XIV вѣкѣ, ср. Љ. Стојановић, Стари српски записи и натписи, sub annis 1332 и слѣд. Тоже иногда и въ рукописяхъ. Мірское имя, даже церковныхъ людей исчезало не сразу; оно продолжало употребляться въ просторѣчіи.

трудно допустить, что на л. 126 bis об. второй писецъ поставилъ свое имя первымъ, а потомъ уже помянулъ того, кто началъ рукопись. Вѣроятнѣе, что Іосифъ — имя старшаго брата, начинателя и какъ-бы редактора рукописи. Судя по имени онъ могъ быть уже монахомъ одной изъ Охридскихъ обителей; судя по графикѣ и художественнымъ пріемамъ онъ именно главный писецъ: у него наиболѣе опредѣленное отношеніе и къ оригиналу, и къ современной орѳографіи, и къ орнаменту. Тихота — второй писецъ, Бѣлославъ — третій; это младшіе братья, носящіе еще мірскія имена. Оба въ своихъ записяхъ упоминаютъ редактора и начинателя рукописи. Если они міряне, становится понятнымъ, почему они пишутъ не въ Охридѣ, а въ селѣ ***Равне***, которое лежитъ на ближайшей возвышенности. ***Равне*** или родина трехъ братьевъ, гдѣ иногда проводитъ время также Іосифъ, или это монастырская метохія, въ которой находятъ пріютъ всѣ нужные для обители міряне, — мѣстные жители и пришлые. Обѣ возможности не исключаютъ впрочемъ другъ друга. Записи не рѣшаютъ этихъ вопросовъ, а только наводятъ на нихъ. Вопросъ объ имени 1-го и 2-го писца, самъ по себѣ, разумѣется, не имѣетъ значенія. Какъ бы мы ни понимали значенія села ***Равне***, мы можемъ видѣть въ братьяхъ-писцахъ мѣстныхъ уроженцевъ, если къ тому заставитъ насъ склониться обнаруженный ими говоръ.

Въ дальнѣйшемъ рукопись изслѣдуется со стороны графики, художества и языка. Разсматриваются начертанія буквъ, тителъ, надстрочныхъ и полевыхъ знаковъ, инициалы и заставки, обозначеніе звуковъ — реальное и условное, наконецъ формы языка и отчасти синтаксисъ и словарь. Всѣ эти точки зрѣнія въ различной степени помогаютъ намъ постепенно и въ томъ, чтобы различить работу писцовъ; одни наблюденія болѣе рѣшительно указываютъ на то, что ихъ было четверо, другія лишь заставляютъ предпочесть это допущеніе, или только не противорѣчатъ ему. Мы излагаемъ наблюденія, начиная съ болѣе опредѣленныхъ.

Счетъ тетрадей.

Приводимыя здѣсь помѣты находятся на каждой послѣдней и каждой первой страницѣ тетради: на л. 7 об. и 8, на л. 15 об. и 16 и т. д. Для краткости обозначаю только листы конечныхъ помѣтъ.

тетр. 1—10	тетр. 11—17	тетр. 18—34
л. 7 об. · а · л. 8 · в ·	л. 87 об. аі л. 88 ві	л. 127 зі
л. 15 об. · в · — · г ·	л. 95 об. ві — гі	л. 134 об. зі — иі
л. 23 об. · г · — д	л. 103 об. гі — ді	л. 142 об. иі — ѳі
л. 31 об. · д · — е	л. 111 об. ді — еі	л. 150 об. ѳі — к
л. 39 об. е — ѕ	л. 119 об. еі — ѕі	л. 158 об. к — ка
л. 47 об. ѕ — з	л. 126 об. ѕі	л. 166 об. ка — кв
л. 55 об. з — и		л. 174 об. кв — кг
л. 63 об. и — ѳ		л. 182 об. кг — кд
л. 71 об. ѳ — і		л. 190 об. кд — ке
л. 81 об. і — аі		и т. д. до конца.

Мы изображаемъ здѣсь эти помѣты, насколько позволяютъ обычныя типографскія средства. Независимо отъ различныхъ мелкихъ колебаній, ясно намѣчаются три главныхъ типа нумераціи съ надстрочными знаками ˈ ,, и

⁓. Эти типы совпадаютъ со всѣми прочими примѣтами, которыя смѣняютъ другъ друга въ тѣхъ-же границахъ и заставляютъ принять трехъ главныхъ, или считая и Бѣлослава — четырехъ писцовъ.

Такъ напримѣръ, смѣна почерка и орѳографіи впервые наблюдается съ л. 86 об., столб. 2, а ближайшая новая тетрадь на л. 87 об. уже мѣчена двойнымъ акутомъ ″ здѣсь очевидно мѣтитъ уже второй писецъ; на л. 126 bis об. читается конечная лѣтописная запись 2-го писца, а на слѣдующемъ листѣ 127 вмѣсто двойнаго акута имѣемъ уже въ нумераціи тетрадей двускатное перечеркнутое титло: это вступаетъ послѣдній, 4-ый писецъ. Третій писецъ, Бѣлославъ, не имѣетъ повода мѣтить тетради: онъ пишетъ въ срединѣ тетради 13-й. Эти наблюденія всего важнѣе, разумѣется, для учета четвертаго писца, который ничего не говоритъ о себѣ, а перемѣнчивыми пріемами своей графики при первомъ взглядѣ вводитъ въ заблужденіе: при чтеніи его работы встрѣчаются мѣста, отличающіяся на общемъ фонѣ графическими пріемами и внѣшнимъ видомъ, т. е. общей манерой почерка. Но по мѣрѣ ознакомленія приходится убѣдиться, что измѣнчивость была особенностью этого писца: онъ мѣняетъ манеру почерка и размѣры буквъ, что̀ особенно замѣтно въ правыхъ, мелкихъ столбцахъ; мѣняетъ нѣкоторые графическіе типы — чаще всего титла и препинанія; колеблется въ правописаніи и потомъ исподволь возвращается къ своимъ наиболѣе обычнымъ пріемамъ. Онъ вставляетъ наконецъ глаголическія буквы и строки въ свою работу (л. 157 об.; см. фототипію) и, по вѣрному наблюденію Гейтлера (стр. 146), умѣетъ написать ихъ совершенно въ стилѣ своего Кирилловскаго почерка. Есть однако склонности, которыя никогда не покидаютъ его, или точнѣе — которыя постоянно возстановляются. Таковъ главнымъ образомъ знакъ препинанія ⁛ вообще говоря, онъ господствуетъ, но иногда неожиданно смѣняется знакомъ ⁛— который типиченъ для двухъ первыхъ писцовъ. Является подозрѣніе о смѣнѣ почерка, но вскорѣ ⁛ возстанавливается; затѣмъ наступаютъ страницы, гдѣ ⁛ и ⁛— правильно или почти правильно смѣняютъ другъ друга въ текстѣ псалтыри изъ стиха въ стихъ; это очевидная игра....; затѣмъ ⁛ снова начинаетъ господствовать. Въ нумераціи тетрадей, съ л. 127 мы также встрѣчаемъ оба эти знака рядомъ, — это очевидно особенность одного и того-же лица, того самаго, которое имѣло право перемѣтить тетради этой части. Далѣе, титло ⁓ встрѣчается у 4-го писца въ текстѣ и толкованіяхъ не такъ часто, и не съ начала его работы; его замѣняетъ нѣсколько иныхъ варіантовъ титла; въ текстѣ, при появленіи ⁓ снова

возникаетъ подозрѣніе о смѣнѣ почерка: ибо сходное, хотя и не тождественное титло ⌒ употребляетъ 2-ой писецъ надъ вынесенной буквой. Но въ нумераціи тетрадей 18 и 20—33 титло ⌒ господствуетъ при перемѣнномъ ⁘ и ⁘— очевидно всѣ три особенности принадлежатъ одному лицу, а между тѣмъ въ текстѣ и толкованіяхъ еще иные варіанты тителъ сочетаются съ ⁘ очевидно и эти варіанты тителъ принадлежатъ тому-же лицу. И послѣ этихъ соображеній непосредственное впечатлѣнье продолжаетъ говорить иногда о смѣнѣ почерка: обыкновенно небольшая часть страницы, иногда нѣсколько строкъ кажутся произведеніемъ другой руки. Но примѣняя только что добытыя наблюденія къ этимъ отрывкамъ, мы и въ нихъ открываемъ обыкновенно руку того-же 4-го писца. При чтеніи, взвѣшивая каждый отдѣльный случай этого рода, мы ни разу не имѣли достаточнаго повода признать вторженіе посторонней руки[1]).

Полевые знаки.

Они ставятся *на полѣ* лѣваго столбца, указывая начало новаго псалма, которое кромѣ того обозначается строкою киноварныхъ буквъ въ самомъ текстѣ; на право, въ столбцѣ толкованій, тому и другому соотвѣтствуютъ, на той-же вышинѣ листа, мелкія заставки. Я даю всѣ типы полевыхъ знаковъ на цинкографической таблицѣ V подъ №№ 13—31; долженъ замѣтить, что они рисованы отъ руки и въ нѣсколько измѣненномъ масштабѣ, ср. фототипію I, гдѣ имѣется полевой знакъ.

У насъ уже есть теперь общее представленіе о томъ, какія части рукописи писаны тѣмъ или другимъ писцомъ. Раздѣлимъ полевые знаки согласно этимъ соображеніямъ. На долю 1-го писца прійдутся №№ 13—22, на долю втораго — №№ 23—26, на долю четвертаго — №№ 27—31. Бѣлославъ

1) Вопросъ о иной рукѣ представляется читателю напр. въ правомъ столбцѣ л. 161-го. Съ перваго взгляда кажется, что большая часть этого столбца писана не 4-мъ, а 2-мъ писцомъ: мы находимъ здѣсь титло ⌒, буквы ѥ и ѩ, препинаніе ⁘— а на соотвѣтственномъ лѣвомъ столбцѣ господствуетъ ⁘ и нѣтъ другихъ только что приведенныхъ особенностей; но вскорѣ на правомъ столбцѣ находимъ (впервые!) титло ⌒, господствующее въ нумераціи тетрадей у 4-го писца, а равно правописаніе хрꙋстова, характерное исключительно для 4-го писца; далѣе ѥ и є, ѩ и ꙗ употребляется писцомъ факультативно. Подражалъ-ли въ этомъ и подобныхъ случаяхъ 4-й писецъ 2-му писцу, или оригиналу, для насъ безразлично; важно, что онъ, мѣняя манеру, въ концѣ концовъ не въ состояніи скрыть себя.

(3-ій писецъ) не даетъ ни одного знака. Внутри каждаго изъ этихъ трехъ отдѣловъ — большое разнообразіе знаковъ; однако оказывается и извѣстное единство: первый отдѣлъ вскорѣ специализуется на системѣ кружковъ и клиньевъ, второй состоитъ изъ крестовыхъ и звѣздовидныхъ фигуръ, только третій не обнаруживаетъ системы; здѣсь мы видимъ подобіе глаза, вѣтку ползучаго растенія, сложный крестикъ, трехлопастную почку, сложный узелъ. Но такое разнообразіе гармонируетъ съ уже знакомой намъ перемѣнчивой графикой четвертаго писца: кромѣ того нѣтъ ни одного знака, который повторялся-бы въ разныхъ отдѣлахъ въ той-же самой формѣ, и очень мало такихъ, которые въ разныхъ отдѣлахъ вообще представляютъ сходство. Ясно, что смѣна полевыхъ знаковъ совпадаетъ съ указаніями записей, со смѣною тетрадныхъ помѣтъ и, какъ увидимъ, со смѣною почерка, орѳографіи и другими примѣтами, заставляющими принять четырехъ писцовъ. Очевидно полевые знаки рисованы каждымъ писцомъ въ своей части. Большинство полевыхъ знаковъ рисовано киноварью, или чернилами съ участіемъ киновари, а на л. 240 об. въ полевомъ знакѣ является зеленая краска. Отсюда предположеніе, что у писцовъ не было одного, особаго киноварщика, и что каждый писецъ владѣлъ и киноварью независимо отъ остальныхъ. Это очень важно для оцѣнки иниціаловъ, которые также рисованы киноварью, или чаще — киноварью и чернилами; только въ отдѣлѣ 4-го писца появляется третья краска зелень — въ иниціалахъ и заставкѣ. Очевидно и иниціалы своей части каждый писецъ могъ рисовать безъ посторонней помощи, и если при подробномъ разборѣ иниціаловъ мы найдемъ личныя особенности, совпадающія съ намѣченными главными отдѣлами рукописи, мы будемъ въ правѣ принять, что художественные мотивы памятника дѣйствительно принадлежатъ тремъ лицамъ.

На цинкографической таблицѣ V изображены также нѣкоторые заключительные знаки, или *воронки* Болонской псалтыри: №№ 34, 35, 36, 37 — принадлежатъ первому писцу (лл. 30, 31, 43, 74 об. рукописи), №№ 12, 33, — второму писцу (обѣ на л. 87 об.).

Титла и знаки препинанія.

Предполагаемый 1-ый писецъ ставитъ ⌐¬ надъ вынесенною буквой, ⌐/¬ при простомъ сокращеніи и надъ цифрой, 2-ой писецъ ставитъ ∧ при выносѣ и ⌐/¬ при простомъ сокращеніи, 3-ій писецъ (Бѣлославъ) ставитъ

при выносѣ простую черту —, безъ выноса ⁓ ⁓ ⁓ — —, 4-ый писецъ при выносѣ ставитъ ⁓ ⁓, безъ выноса и надъ цифрой ⁓ ⁓ ⁓ ⁓ ⁓ и др. знаки.

Препинаніе передъ паузой у 1-го и 2-го писца ⁘ (съ незначительными различіями), у 3-го (Бѣлослава) ⁘, у 4-го ⁘ и особенно ⁘ (точнѣе — на фототипіяхъ).

Почерки.

Общею чертою всѣхъ почерковъ является извѣстная сжатость многихъ типовъ, особенно — въ лѣвыхъ столбцахъ; это обусловливаетъ высоту буквъ. Почерки 1-го и 2-го писца въ лѣвыхъ столбцахъ имѣютъ общій наклонъ не вправо, а влѣво, къ началу строки; у 4-го этотъ наклонъ не такъ замѣтенъ; у 3-го (Бѣлослава) — общій наклонъ вправо и всѣ почти типы чрезвычайно угловаты; много также варіантовъ одного и того-же типа, часто съ орнаментальнымъ характеромъ; 3-ій писецъ одновременно архаизуетъ болѣе остальныхъ и болѣе ихъ выдаетъ нѣкоторые поздніе типы. Это вообще не писецъ по профессіи, а начинающій, или любитель. Угловатая манера сильно облегчаетъ ему трудъ, а запись его дышетъ удовольствіемъ по поводу благополучно дописанной страницы[1]). Въ почеркѣ всюду видна робость и ничего старческаго, почему графическіе архаизмы и слѣдуетъ отнести къ манерѣ. Фототипіи даютъ матеріалъ для изученія почерковъ. Здѣсь-же говорится о тѣхъ чертахъ, которыми писцы всего рѣзче отличаются одинъ отъ другаго и о тѣхъ, которыя содержатъ дату. Слѣдуетъ припомнить, что каждый писецъ пишетъ двумя почерками — текстъ псалтыри — крупно, «подъ уставъ», толкованія — мелко, въ полууставной манерѣ.

Буква ⱥ у 1, 2 и 4 писцовъ касается петлею верха и низа строки, верхъ — какъ бы слегка срѣзанъ или придавленъ лежащей на немъ небольшой горизонтальной чертой; у 4-го писца эта особенность не такъ распространена и не такъ типична. У 3-го писца (Бѣлослава) четыре варіанта

1) Какъ мало полагались на него другіе писцы, видно изъ слѣдующаго: на л. 104 об. тринадцать послѣднихъ строкъ писаны Бѣлославомъ, но послѣднее слово мтвж ⁘ написалъ не онъ, а судя по титлу — *Іосифъ*, и очевидно написалъ заранѣе, соображаясь съ оригиналомъ и отмѣряя Бѣлославу отрывокъ текста, способный заполнить конецъ этого столбца. Бѣлославъ не вполнѣ справился съ этой пробной задачей: отрывокъ у него не умѣстился, и конецъ строки 11-й былъ имъ выведенъ на поле, подъ прямымъ угломъ къ ея началу.

типа ʌ: петля идетъ иногда до низу, но начинается не сверху, иногда начинается вверху, но далеко не доходитъ до низу, иногда не доходитъ ни до низу ни до верху, при этомъ она не отвѣсная, а наклонная, небольшая, плосковатая. Типы съ петлей не доходящей до низу преобладаютъ. Всѣ типы ʌ, употребляемые Бѣлославомъ, несмотря на малые размѣры петли, невозможно ставить въ преемство съ древнѣйшимъ кирилловскимъ начеркомъ: они явно манерны, между тѣмъ какъ тотъ отмѣченъ простотой: его спинка наклонна влѣво, а петля трехугольна. У Бѣлослава въ типахъ ʌ спинка прямая и высокая, петля эллиптическая сдавленная.

Буквы б в ъ ь ы ѣ у 1, 2 и 4 писцовъ часто еще имѣютъ старый геометрическій начеркъ: къ вертикальной главной мачтѣ примыкаетъ внизу вправо горизонтальная прямая черточка, съ которой подъ угломъ соединяется сверху наклонная дужка; иногда эта дужка имѣетъ правильную округлость, иногда она приближается по виду къ прямой; но часто она уже выдаетъ волнообразное движеніе пера, которое втеченіе XIII вѣка стало моднымъ не только у южныхъ славянъ, но и въ Россіи; надломъ, связанный съ волнообразнымъ движеніемъ, давалъ въ результатѣ набуханіе петли вверхъ — округлое или ломанное; въ почеркахъ Болонской псалтыри находимъ первое: петли являются округло набухшими вверху и тощими внизу.

ꙁ у перваго писца Болонской псалтыри имѣетъ штамбъ мало наклонный вправо, иногда прямо вертикальный; дуга хвостика — небольшая въ сравненіи съ высотою буквы, округлая, но довольно плоская; конецъ хвостика обыкновенно находится какъ разъ подъ его началомъ, т. е. подъ основаніемъ мачты, или лишь мало уклоняется влѣво либо вправо. Въ мелкомъ почеркѣ хвостикъ значительнѣе по общимъ размѣрамъ и въ этомъ отношеніи иногда даже превосходитъ верхнюю, штамбовую часть. У второго писца въ буквѣ ꙁ дуга хвостика не такъ сжата и весь хвостикъ идетъ болѣе вправо, оканчиваясь не доходя до своего начала, а не подъ нимъ. Третій писецъ, Бѣлославъ, имѣетъ нѣсколько варіантовъ ꙁ, очень отличныхъ отъ только что разсмотрѣнныхъ; одинъ близокъ къ типу Шестоднева 1263 года. Четвертый писецъ имѣетъ ꙁ съ штамбомъ, замѣтно наклоннымъ вправо, иногда слегка извитымъ; хвостикъ часто оканчивается подъ своимъ началомъ, но дуга хвостика обыкновенно не такъ плоска, какъ у 1-го писца. Въ мелкомъ почеркѣ писцы 3 и 4 менѣе различаются въ написаніи ꙁ.

и у всѣхъ писцовъ имѣетъ горизонтальную или почти горизонтальную перекладину, т. е. выдерживаетъ древнѣйшій типъ.

к: у двухъ первыхъ писцовъ верхній усикъ идетъ сначала подъ угломъ вправо вверхъ, потомъ, достигнувъ верха строки — горизонтально вправо; на этой послѣдней части виситъ, вершиною внизъ, трехугольникъ, обыкновенно имѣющій основаніемъ всю горизонтальную часть усика. У 3 и 4 писцовъ въ основѣ — тотъ-же начеркъ буквы, но типъ вообще искаженъ, т. е. менѣе ясенъ.

м: у перваго писца буква ограничена наклонными и имѣетъ круглый язычекъ, у втораго ограничена вертикальными и имѣетъ язычекъ болѣе острый. У обоихъ писцовъ вся буква имѣетъ симметричный типъ и язычекъ ея доходитъ до низу. У 3 и 4 писцовъ язычекъ не всегда доходитъ до низу, нѣтъ одного типа буквы, а нѣсколько, изъ которыхъ нѣкоторые несимметричны.

н имѣетъ вообще старый начеркъ (какъ въ только что помѣщенномъ печатномъ типѣ); исключенія клонятъ къ начеркамъ н и н, но не достигаютъ типичности.

Въ буквахъ є, о, р, с у писцовъ 1, 2, 3, ясно выражена манера срѣзовъ или изломовъ верха, но въ различномъ видѣ. У 4 писца эта особеность почти не выражена.

т: два первыхъ писца даютъ буквѣ симметричное коромысло; у третьяго, Бѣлослава, то лѣвый, то правый загибъ коромысла иногда *существенно* длиннѣе другаго, у четвертаго писца та-же несимметричность выражена слабѣе, но зато оба загиба существенно *удлиннены*. Здѣсь-же отмѣтимъ, что у Бѣлослава существенно удлинненъ лѣвый загибъ коромысла ѣ и хвостикъ ъ.

ц и щ у писцовъ Болонской псалтыри никогда не стоятъ хвостомъ въ строкѣ.

ѣ у всѣхъ писцовъ имѣетъ коромысло, лежащее въ верхнемъ горизонтѣ строки, и мачту, выступающую надъ горизонтомъ, обыкновенно не болѣе чѣмъ на $1/3$ всей своей длины, но у 2-го писца иногда почти на $1/2$ всей длины.

ѡ у перваго писца въ древнѣйшемъ начеркѣ: средняя мачта, подобно боковымъ доходитъ до верху строки; мачты — почти прямыя, внизу соединены двумя дугами. У 2 и 4 писцовъ средняя мачта замѣнена угломъ различной высоты: уголъ иногда почти доходитъ до верху только у 2 писца, при этомъ всѣ части буквы — слегка граненыя. У 3-го писца — уголъ,

который доходитъ и не доходитъ до верху; иногда вмѣсто угла — мачта, но въ этомъ случаѣ весь типъ сильно ломанный и несимметричный.

ж иногда у всѣхъ писцовъ имѣетъ язычекъ не отвѣсный, а наклонный, идущій отъ одного изъ скатовъ буквы. У всѣхъ писцовъ верхній трехугольникъ уже сокращенъ въ сравненіи съ старославянскими рукописями XI вѣка: въ Болонской псалтыри эта часть составляетъ по высотѣ всего $^1/_3$ буквы.

ф у 1 и 2 писцовъ имѣетъ крестовый типъ, при немъ варіантъ арбалетный. У 3-го писца эта буква не встрѣчается, у 4-го типъ крестовый, но иногда съ узкимъ коромысломъ, одинъ загибъ котораго сильно спускается внизъ, а арбалетный типъ очень часто разукрашенъ точками и черточками.

Особенности употребленія буквъ и знаковъ.

I писецъ.

д дважды имѣетъ вверху навѣсъ, обращенный вправо: **сънѣдаѫштеи** 17.1 и **доути** 22.4. Въ обоихъ случаяхъ исключено предположеніе, что д переправлено изъ г.

є пишется также вмѣсто ѥ; послѣднее находимъ только дважды: **ѥстъ** 12.2 и **привѥдѫтъ сѧ** 75.3, въ послѣднемъ примѣрѣ ѥ ясно переправлено изъ и.

ѕ употребляется только въ числовомъ значеніи.

ꙁ различается отъ з, о чемъ см. также въ фонетикѣ. Смѣшеніе обоихъ знаковъ только кажущееся: **азъ** есть поправка ошибочнаго написанія **азъ**: ошибка была замѣчена писцомъ, который тотчасъ создалъ графическій варіантъ з = ꙁ, а не з. Одинъ разъ крючекъ знака з скрытъ подъ кляксомъ и только однажды онъ пропущенъ въ такомъ случаѣ, гдѣ мы ожидали бы з: **ноꙁѣ** л. 24. О написаніи ц вм. з см. въ фонетикѣ.

ı (обыкновенно съ двумя точками и перечеркнутое по серединѣ) очень распространено въ качествѣ сокращенія вмѣсто и: оно употребляется во всѣхъ частяхъ строки (не только въ концѣ или подъ конецъ) и по крайней мѣрѣ втрое чаще въ мелкихъ правыхъ столбцахъ, чѣмъ въ крупныхъ лѣвыхъ. Въ тѣхъ и другихъ оно повидимому вовсе не употребляется въ началѣ слога, а послѣ согласной замѣтно чаще ставится тамъ, гдѣ не слѣдуетъ гласная. Изъ двухъ сосѣднихъ ї черезъ ı почти безъ исключеній пишется первое, а не второе.

Ѳ подобно глаголическому ⰿ употребляется въ мелкихъ иниціалахъ и еще болѣе мелкихъ «полузаглавныхъ» буквахъ: въ началѣ слова, стоящаго внутри строки.

ѡ распространено; оно ставится не только въ заимствованныхъ словахъ: геѡны 63.4, ѡлокавтима 27.3, саваѡдъ 65.4, но также въ началѣ славянскихъ: въ предлогахъ и приставкахъ ѡ, ѡб, ѡбъ, ѿ, ѡт, ѡтъ (при болѣе рѣдкомъ о, об, от), въ словахъ ѡвъцѧ, ѡвъчѧте, ѡвъна, ѡгнъниі, ѡка, ѡчи, ѡлѣꙗ, ѡлеи, ѡнъ, ѡнѣхъ, ѡтцъ, ѡчъ и т. п., а также въ окончаніи dat. sing. adj. -ѡмоу.

с имѣетъ по большей части угловатый, ломанный начеркъ; широкое с въ словахъ члвчско 23.4, оусть 27.1 вѣроятно переправлено изъ і, ибо его мачта — прямая а остальныя части неловко придѣланы.

оу: звукъ русскаго *у* всегда выражается чрезъ оу, однажды находимъ поправку ѵ̊ = оу, очень рѣдко сокращеніе ȣ, но существуетъ полузаглавное Ѹ̆ и надстрочный знакъ ᵕ, обозначающій оу, а въ видѣ исключенія также ѵ.

шт и щ. Оба написанія свойственны первому писцу; шт преобладаетъ въ лѣвыхъ, щ въ правыхъ столбцахъ.

ъ: всѣ четыре писца держатся системы одной полугласной и употребляютъ начертаніе ъ.

ь еще встрѣчается въ работѣ перваго писца. Я насчиталъ тому около сотни примѣровъ. На лѣвыхъ крупныхъ столбцахъ ь встрѣчается по крайней мѣрѣ въ 4—5 разъ чаще, нежели на правыхъ; ь проскальзываетъ нѣсколько разъ на первыхъ листахъ, потомъ исчезаетъ, потомъ появляется снова, усиливаясь численно къ концу работы; ь вообще пишется почти исключительно въ концѣ словъ, кромѣ того и въ иномъ положеніи почти нѣтъ такихъ случаевъ, гдѣ бы ь соотвѣтствовало реальнымъ звукамъ живыхъ болгарскихъ говоровъ; ь восходитъ къ оригиналу, откуда переносилось писцомъ по инерціи, въ случаяхъ безразличныхъ фонетически; оно стоитъ на мѣстѣ этимологическихъ ъ и ь. Нѣтъ возможности рѣшить, представлялъ ли оригиналъ неправильное колебаніе между ъ и ь, подобно Ассеманову Евангелію, или оригиналъ уже склонился къ системѣ одной полугласной и употреблялъ только ь. Послѣдне менѣе вѣроятно, ибо было бы непонятно, почему писецъ не послѣдовалъ въ этомъ своему оригиналу и предпочелъ прямо противуположный варіантъ той же системы. Манера исключительнаго ь

могла конечно противорѣчить уже сложившейся мѣстной Охридской школѣ, а оригиналъ — происходить изъ другой области; по наблюденію Облака область ь лежала къ сѣверу, въ западной Болгаріи. Въ лѣвыхъ, уставныхъ столбцахъ, гдѣ главнымъ образомъ и находимъ ь, оно нерѣдко имѣетъ мачту нѣсколько возвышенную надъ строкою, а вверху — небольшую легкую черту въ лѣво; такой типъ писецъ охотно ставитъ въ самыхъ видныхъ мѣстахъ, напримѣръ, въ киноварныхъ заглавіяхъ. Этотъ типъ находится въ очевидномъ родствѣ съ высокимъ Ъ Тырновской школы и долженъ быть понимаемъ въ качествѣ варіанта ъ, а не ь. — Примѣры оупьванье 17.1, ѿ силъı вражъж 31.4, на змъж 24.4, ѡржжъ | е 52.3 указываютъ на то, что въ оригиналѣ были случаи написанія полугласной на мѣстѣ ĭ.

ъı первый писецъ употребляетъ въ двухъ варіантахъ: или знаки ъ и ı связаны перекладиной, на которой стоитъ точка, или они свободны и ı посрединѣ перечеркнуто. Сочетаніе ъи только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ встрѣчается въ значеніи монофтонга *еры*: съсждъй σκεύη 2.3, пучениемъ закннъим 27.4. Столь же рѣдко написаніе ы: жзы 2.1, ръıбъı моръскыж 9.3, ѡбѣты твж 83,1; и въ этомъ случаѣ ı иногда перечеркнуто посрединѣ.

ѣ пишется только въ срединѣ слова, — для выраженія 1) ѣ этимологическаго и 2) а послѣ согласныхъ л н р с сильно смягченныхъ, при томъ послѣдовательно: n. s. волѣ, g. s. морѣ, acc. s. конѣ, всѣ πάντα и πᾶσα.

ю имѣетъ видъ ѹ въ слѣдующихъ случаяхъ: лѹбитъ бо 15,4 ѹдей-скъıж кънжзж 23.4, къ извѣстию адамѹ 38.2, лѹдем' 42.4, масл ѹнъча 83.1. О ю и оу послѣ шипящихъ см. въ фонетикѣ.

ѥ пишется только въ началѣ слога, при томъ въ началѣ словъ — безъ варіантовъ съ а или съ ѣ, въ срединѣ слова послѣ гласной наряду съ ѥ встрѣчается и а. Послѣ согласной пишется только ѣ.

ѧ и ж — единственные носовые знаки, употребляемые 1-мъ писцомъ: іотація никогда не выражается. Юсы употребляются по извѣстному среднеболгарскому орѳографическому правилу, о подробностяхъ см. въ фонетикѣ.

ѱ: пси употребляется въ слѣдующихъ словахъ: ѱатрь 1.1 etc., ѱалъ-тири 80.1, ѱаломъ 1.1, ѱам 50.2, ѱамсъ 52.1, ѱамъ 79.3, а также въ славянскихъ (γράφω) ѱано 52.4, 82.2, ѱан 82.2, наѱаетъ 18.1, наѱавъ 84.2, наѱати 73.4, наѱаніе 29.3 и (χύων) ѱа 31.4, ѱи 20.4, 31.2.

ѳ пишется въ заимствованныхъ словахъ, но часто въ тѣхъ же словахъ замѣняется черезъ т: глгоѳѣ 38.2 и глгтѣ 78.2 и т. п.

ѵ никогда не обозначаетъ русскаго звука *у*, а всегда только греческое υ, при томъ не только послѣ согласныхъ: ȥмѵръна 74.3, скѵменъ 20.3, но также — въ подражаніе греческому — послѣ гласной въ имени паѵлъ 77.2, даже паѵелъ 2.4 при павелъ.

Наряду съ обычными г р т употребляются высокіе варіанты тѣхъ же буквъ: агглъскъ 41.4, естъ 6.4, ктм 82.2, скръби 47.3, вражиꙗ 72.3,— всѣ три разсчитаны на экономію мѣста; Г и Т заимствованы изъ греческой графики, при чемъ послѣднее особенно утвердилось въ Тырновской школѣ.

Лигатуры встрѣчаются почти исключительно въ толкованіяхъ (правыхъ столбцахъ). Чаще всего очень компактное Т + и, также усвоенное каллиграфическимъ уставомъ Тырновской школы. — Нерѣдко встрѣчается и лигатура рѣ: ѣ выражается крестикомъ, поставленнымъ на петлю буквы р. Остальныя лигатуры представляютъ рѣдкость: ан, мн, пн, ть (въ есть или естъ 52.2); всѣ онѣ основаны на кирилловскомъ принципѣ соединенія двухъ мачтъ въ одну и извѣстны въ Тырновской школѣ. Лигатура ȥв въ прїȥва 81.4, довольно необычная для кириллицы, есть кажется поправка (приписка пропущеннаго в). Попадаются и другія поправки, имѣющія видъ лигатуръ: ан въ рѫкамаи 77.1 есть поправка двойственнаго на множественное, ию въ d. s. гладию 58.3 — поправка формы отъ основъ на *-ĭ* въ форму отъ основъ на *-ŏ*.

Въ употребленіи титлъ и вынесенныхъ буквъ традиціи XI вѣка замѣтно нарушены. При обычныхъ старыхъ сокращеніяхъ аггл҃ъ 9.3, бг҃оу 22.2, неизгл҃анн҃ѫ 9.4, г҃ъ (*κύριος*, всегда), г҃ню 8.3, г҃ьскааго 19.2, дн҃ь 2.2, нш҃ь, нб҃о 26.2, сн҃ове, ѡц҃ь, сп҃ъ, сп҃ение, сп҃и, х҃а, цр҃ъ, ч҃лка, можно встрѣтить кр҃тъ *σταυρός* 1.4, ѡтц҃ъ 39.4 (даже ѡтц҃а 27.2), св҃мъ = своемъ 10.2, тв҃го = твоего 10.1, тв҃моу 20.3, тв҃имъ = твоимь 29.1, чт҃ѣ = чистѣ 23.4, ѩз҃комъ 10.3, ѩз҃кы 22.4, ѩз҃ци = ѩзыци 25.2, ѩз҃къ = ѩзыкъ 73.3 и т. п. Подобная титловка очень распространена, а для нѣкоторыхъ словъ вошла въ правило (мои, твои, свои, ѩзыкъ). Нерѣдки случаи совсѣмъ неумѣлой постановки титла: ѩз҃ы = ѩзы 10.2, сп҃са = спасе са 44.2 в҃скресенїем и т. п. Иногда вопреки традиціи слова пишутся раскрыто: сынъ божии 30.4, глаголи 36.1, царю. — При выносѣ буквъ нарушеніе традиціи

еще очевиднѣе: рѣдко выносится что либо кромѣ о и л: прр҇чъство, ч҇лкъ, помоуи, мстивъ, мдова, мва (= милосердова). Въ правыхъ, мелкихъ столбцахъ распространеннѣе выносъ буквъ безъ титла, при чемъ громадный процентъ выносовъ и здѣсь приходится на о, за нимъ слѣдуетъ л; иныя буквы выносятся сравнительно рѣдко. Даю здѣсь слѣдующіе образцы: б γάρ, гра, дмве, дбртж, кгда, кни, кнецъ, ми, мег, меж, мж, мжетъ, мнжство, мре, нѯѣ, п (предлогъ и приставка), ти αὐτός, тг, тжде, ткм, хтащини, чл҇чъ (= чловѣчь), ꙗк, — все самые обычные, повторяющіеся случаи. Въ общей сложности о встрѣчается вынесеннымъ надъ слѣдующими буквами: б, в, г, д, к, л, м, н, п, р, т, х. Изъ этихъ сочетаній только б и к не имѣютъ прототипа въ глаголической лигатурѣ, основанной на совпаденіи двухъ петель въ одну; б и к могутъ быть разсматриваемы какъ распространительное примѣненіе заимствованной системы. Замѣтимъ еще, что надстрочное л и л҇ ставится почти только надъ м: адамъ, земѧ, безмъвно, мадий, маденъцемъ, посрамѣеми, прїемѧщ — и при томъ очень часто, и независимо отъ того, есть ли это л epentheticum или нѣтъ. Здѣсь мы открываемъ вліяніе любимѣйшей глаголической лигатуры мл, которая такъ распространена въ Ассемановомъ Евангеліи. Отмѣтимъ нѣсколько рѣдкихъ выносовъ: бѫде, спобисѧ, камени, нчстївы, множъстоу, н, възърадуѫтъ сѧ. Старое кирилловское надстрочное ˘ употребляется въ примѣрахъ размне, пăдне, ем̆, ктм̆, жївото̆, пагŏбы, п̆стъїни, въцр̆ъшсѧ. Любопытно, что кромѣ ѿ всѣ эти случаи соотвѣтствуютъ глаголическимъ лигатурамъ, встрѣчаемымъ въ очень сжатомъ письмѣ или при исправленіи пропуска. Ассеманово Евангеліе и здѣсь даетъ обильный матеріалъ для сравненія.

Изъ надстрочныхъ знаковъ необходимо особо упомянуть объ ` и болѣе рѣдкомъ ″ которые ставятся надъ группами согласныхъ, существующими въ языкѣ или только на письмѣ, — въ виду пропуска гласной. Нечего говорить, что полной послѣдовательности нѣтъ даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ эти знаки пишутся; на нѣкоторыхъ листахъ они отсутствуютъ [1]).

1) Я не касаюсь киноварныхъ и отчасти черныхъ надстрочныхъ знаковъ особаго вида, служащихъ вѣроятно спеціальнымъ цѣлямъ. Они разставлены только на извѣстныхъ листахъ и вѣроятно нѣсколько позднѣе.

II писецъ.

У первыхъ двухъ писцовъ столь значительное сходство въ общей манерѣ почерка, что они могутъ быть различены главнымъ образомъ только при анализѣ отдѣльныхъ знаковъ и способовъ обозначенія звуковъ. Постоянную особенность второго писца составляетъ меньшее единство правописанія.

ѥ: второй писецъ довольно послѣдовательно, особенно въ началѣ работы, употребляетъ этотъ знакъ; є вм. стараго ѥ встрѣчается несравненно рѣже. Одинъ разъ находимъ ѥ вмѣсто є: Ижѥ 90.1.

ѕ какъ и у перваго писца, означаетъ исключительно цифру.

ѯ никогда не смѣшивается съ ѕ.

і употребляется въ общемъ такъ же, какъ и у перваго писца.

Ѳ употребляется такъ же, какъ у перваго писца; но при немъ, и въ началѣ работы чаще, извѣстно Θ.

ѡ употребляется такъ же, какъ у перваго писца.

оу употребляется такъ же, какъ у перваго писца, равно и Ѹ̌, но при немъ существуютъ также ȏ ǒ, употребляемыя во всякомъ положеніи въ словѣ, а надстрочное ˇ = оу гораздо болѣе распространено, чѣмъ у перваго писца.

шт и щ: колебанія между этими знаками таковы же, какъ у перваго писца.

ъ и ь: у второго писца наблюдается значительное колебаніе между этими знаками, чего не знаетъ первый писецъ. На извѣстныхъ листахъ ь очень часто, потомъ его употребленіе ослабѣваетъ. Особенно распространено ь, какъ кажется, послѣ χ, особенно рѣдко оно въ группахъ ṛ ḷ. Что было въ оригиналѣ, не позволяетъ судить и второй писецъ. «Высокое» ъ - ь встрѣчается у второго писца чаще и въ нѣсколькихъ типичныхъ варіантахъ: ь съ высокой мачтой; ь съ высокой мачтой и хвостикомъ влѣво; ъ съ высокой мачтой, хвостъ загнутъ вверхъ вправо; ъ съ высокой мачтой, хвостъ выведенъ вверхъ влѣво и перечеркнутъ. Черты орнаментаціи буквъ у второго писца вообще сильнѣе: есть д съ высокой спинкой, прямой или загнутой вверху вправо; в въ мелкомъ иниціалѣ имѣетъ посрединѣ небольшую петлю влѣво; есть полузаглавное ѡ съ крестикомъ въ срединѣ, — все черты, обобщенныя Тырновской школой.

ꙑ и ы: колебаніе гораздо сильнѣе, чѣмъ у перваго писца. Есть страницы совсѣмъ безъ ꙑ, но на другихъ ꙑ при ы не исчезаетъ, какъ и ъ при ь. — ъи = ы находимъ въ книгы самъй 121.4.

ѣ и ꙗ употребляются такъ же, какъ и первымъ писцомъ, но послѣ согласныхъ твердыхъ встрѣчаются случаи ошибочнаго ѣ вмѣсто а и наоборотъ, см. въ фонетикѣ.

ю: обратный знакъ ꙋ не встрѣчается. О написаніяхъ чюдеса, шоумa, люүнънааго = лоү см. въ фонетикѣ.

ѫ и ѧ: при этихъ знакахъ второй писецъ употребляетъ еще ѭ и ѧ̄, ѧ̄ (черта примыкаетъ къ верху буквы). Изъ нихъ ѭ употребляется довольно послѣдовательно въ смыслѣ стараго ѭ въ началѣ слога; тотъ же знакъ примѣняется вм. ѩ въ томъ же положеніи. Знакъ ѧ̄ встрѣчается рѣдко, и только въ толкованіяхъ: въ значеніи ѭ и ѩ, въ началѣ слога.

Въ тѣхъ же правыхъ столбцахъ при ѧ̄ встрѣчается очень рѣдкое ⁻ѧ, но въ неопредѣленномъ значеніи: въ славѧ̄ хво̄ѧ̄ 125.2 ѧ = ѭ, въ капѧ̄штиꙗ 118.3 ѧ = ѭ стоитъ послѣ согласной и быть можетъ случайнаго происхожденія.

ѳ и ѵ употребляются въ общемъ такъ же, какъ у перваго писца.

ѱ и ѱ пишется въ тѣхъ же словахъ.

И у второго писца существуютъ высокіе Р и Т. Лигатуры употребляются почти только въ правыхъ столбцахъ. И у второго писца всего распространернѣе Т+и, затѣмъ рѣ, еще встрѣчаются лг, мн, нн, тв и пк, а также соединеніе знака ї со слѣдующей іотованной гласной, рү въ видѣ р съ уголкомъ надъ петлею и подобное дѣ. Одинъ разъ ле: дръжателе 113.4. Объ ȣ (ȣ̆) сказано выше[1]).

Титловка у второго писца также отошла отъ старой традиціи: чл̂ос ὁ ἄνθρωπος 111.2, чл̃скоү 116.2, ѧ̄зы̃кы, ѿчт̃ивъ = ѡчистивъ 110.4, на кт̃ѣ 123.2, с̃им' = своимъ 94.2, с̃ѫ = своѭ, т̃еи = твоеи. Большинство выносовъ надъ строку и у второго писца приходится на долю о и л, послѣднее главнымъ образомъ надъ м. Надстрочное ᵕ очень распространено въ значеніи оү, при немъ иногда надстрочное ȣ. Надстрочные знаки ' и " употребляются между прочимъ надъ группами согласныхъ, но не такъ часто.

---

1) Изображенное на цинкографической таблицѣ V.32 ѧ съ крестикомъ наверху есть ѧ, переправленное въ ѣ; внизу случайно сблизились черточки буквы и образовали какъ бы одну общую черту. Нѣтъ основанія предполагать, что ѣ исправлено изъ глаголическаго Ⱑ.

III писецъ (Бѣлославъ).

О немъ даетъ достаточное понятіе фототипія. Отмѣтимъ, что Бѣлославъ употребляетъ иногда почти скорописное ъ: крючекъ идетъ вправо вверхъ и содержитъ точку. Бѣлославъ употребляетъ носовые знаки ѫ и ѧ, вмѣсто послѣдняго однажды ѧ (см. фототипію, стлб. 2, стрк. 12). Изъ лигатуръ особенно примѣняется соединеніе ї съ послѣдующей іотованной гласной. Однажды употреблена лигатура ции въ значеніи ци (фототипія, столб. 1, стрк. 3 снизу).

Четвертый писецъ.

д: иногда употребляется особый небрежный типъ буквы, по большей части острый; ножки буквы помѣщены не симметрично, въ видѣ простыхъ некрасивыхъ черточекъ: онѣ свѣшиваются: одна — съ середины основанія, другая—у праваго края буквы, или еще правѣе, если черта основанія длиннѣе. Иногда вторая черта отсутствуетъ. Такое д находимъ въ дръзаѫщꙇє 192.2 и на другихъ листахъ, напр. 206.4, 222.4, 251.2. Такое д часто мелко, всегда некрасиво, и скорѣе похоже на плохо написанное ѧ. Ср. подобное, но лучшее д у II-го писца въ лѣтописи, въ словѣ ѡ҆хридѣ (фототипія).

ꙗ вмѣсто обычнаго є появляется только тамъ, гдѣ писецъ вообще колеблется въ манерѣ: въ самомъ началѣ его работы, напр. ꙗлико л. 127.2, особенно часто на л. 161—162 при другихъ колебаніяхъ обычной манеры: при ѭ, титлѣ ⁀, препинаніи ⁖–

ѕ не имѣетъ звукового значенія, но на л. 157 об., гдѣ четвертый писецъ употребилъ глаголическіе знаки, въ словѣ ⰵⱄⰸ мы находимъ глаголическое *зѣло*.

ꙁ въ общемъ отличается отъ ѕ. Однако болѣе десяти разъ мы находимъ ѕ на мѣстѣ ожидаемаго ꙁ. Однажды ꙁ стоитъ вмѣсто ѕ: ꙁвѣꙁдъ 233.3. Начертаніе ꙁ въ ꙁнамєна 129.2, въꙁ҃дастъ 221.1 не имѣетъ значенія ꙁ; въ послѣднемъ примѣрѣ перекладина у ꙁ писано иными чернилами и очевидно случайнаго происхожденія. О ц въ значеніи ꙁ см. въ фонетикѣ.

о: при о употребляется ѻ — въ маломъ иниціалѣ и изрѣдка въ серединѣ слова: сѫбѻтѣ 151.2. Тотъ же знакъ — въ сокращеніи ѻ̆ = ѹ.

Ѳ отсутствуетъ. — ѡ употребляется въ иноземныхъ и славянскихъ словахъ, какъ предыдущими писцами; только вмѣсто - оѡмоу въ dat. s. adj. гораздо чаще пишется - ѡмоу: великѡ́моу 158.3 (истоуканноѡмоу 173.1). Обычное употребленіе знака ѡ измѣняется на такихъ столбцахъ, гдѣ четвертый писецъ пишетъ каллиграфической разрядкой (ср. такую разрядку у второго писца, фототипія II). Въ такомъ случаѣ четвертый писецъ часто употребляетъ ѡ вмѣсто всякаго о, какъ и ѭ можетъ стоять вмѣсто всякаго ж, а слоги отдѣльнаго слова могутъ удваиваться: пѡмѡꙃи 179.4, гѡгѡлѡтъ свѡи ꙗкѡ 234.3, ѡвъцѭ 238.1. ѡжиχ ·⁖· — 247.3. Въ такомъ употребленіи крайнія вертикальныя у буквы ѡ нерѣдко декоративно перечеркнуты посрединѣ.

оу и ѵ. Вмѣсто оу встрѣчается сокращеніе: ꙋ̆ ȣ̆ и ѵ̊. О написаніяхъ шоу, жоу, цоу, щоу и чю см. въ фонетикѣ. Четвертый писецъ выдѣляется особымъ употребленіемъ знака ѵ, который встрѣчается въ слѣдующихъ примѣрахъ: вавѵ́лона 210.4, еѵ́гѵ́птъ (при египта) 218.2, етѵ́ѡ́пъстий, кѵ́вотъ 214.2, кѷмбалѣχъ 237.3, кѷмирѣχъ 217.2, кѷмѷромъ 174.4, скѷниѫ 131 об., скѷпътръ̏ 247.3.4, стоуχѷи d. s. (στοιχεῖον) 240.2, сѵ́кѷма 179.2, сѷлоуамъскѫѫ 131 об., трѷстатъ 169.4, тѷмпанѣ (τύμπανον) 203.2, тѷмпанꙃиа́ (τοπάζιον) 203.1, тѷмпанꙃий 203.2, на χрѵ́втѣ 212.3, χрѵ́змоѫ 169.2, χрѵ́стосъ 187.4, 199.2, 208.2, χрѵ́стовѫ 154.2 (при χрьстосъ, χрьста 207.2, 247.4; χрьстово 154.4); однажды вмѣсто ѵ находимъ греческое ὔ: иерѷсалимоу. Въ заимствованныхъ словахъ ѵ (υ) соотвѣтствуетъ греческому υ: Βαβυλῶν, Αἴγυπτος, κύμβαλον, греческому ι: Αἰθίοψ, κιβωτός, Σίκιμα, Σιλωάμ, τριστάτης, χρίσμα, Χριστός, греческому ι изъ η: σκῆπτρον, σκηνή, греческому ι изъ ει стоуχѷи στοιχεῖον, греческому ο или ου иерѷсалимоу. Съ другой стороны оу находимъ вмѣсто греческаго υ изъ οι: стоуχѷй στοιχεῖον. Итакъ писецъ старался ставить ѵ въ греческихъ словахъ тамъ, гдѣ самъ онъ выговаривалъ ї; непосредственнымъ знаніемъ греческаго правописанія писецъ не руководился; ѵ ставилось часто изъ опасенія написать греческое слово по (славянскому) выговору, съ ї. Писцу извѣстны были греческія слова, которыя въ славянскихъ текстахъ писались съ колебаніемъ между и, ѵ и оу — стиχꙑ. Одинъ разъ писецъ самъ ставитъ въ такомъ случаѣ оу, другой разъ ставитъ ὔ = ѵ изъ опасенія впасть въ такое правописаніе: иерѷсалимоу (Ἱερο - и Ἱερου -).

Въ славянскихъ словахъ писецъ ставитъ ѵ также вмѣсто и и вмѣсто оу: кѷмѷромъ при кѷми - = коуми -; на χрѵ́втѣ вѣроятно скрываетъ

фонетическую форму хрив-, извѣстную въ Болонской и Погодинской псалтыряхъ.

щ и шт. Съ начала работы написаніе шт отсутствуетъ, затѣмъ появляется въ видѣ рѣдкости (напр. сѫшта 135.2). Затѣмъ, приблизительно съ л. 226, шт становится средствомъ каллиграфической разрядки и подобно ѭ, ѡ употребляется часто.

ъ ь ъı. У четвертаго писца всего меньше фиктивныхъ полугласныхъ въ срединѣ слова: онѣ пропускаются, при чемъ на второй изъ соприкоснувшихся согласныхъ ставится двойная черточка ″. Знакъ ь составляетъ рѣдкость какъ въ отдѣльномъ употребленіи, такъ и въ сочетаніи ы (имь̈ 129.1, крь̈ | ве 133 об.; дх҃ъ сти 180.1, гдѣ ь и ı связаны перекладиной). Иногда, какъ и у перваго писца, кажущееся ь есть лишь варіантъ ъ'а: оно имѣетъ небольшой хвостикъ влѣво. Чаще всѣхъ писцовъ четвертый употребляетъ высокое ъ, при томъ въ самыхъ различныхъ варіантахъ: 1) длинный прямой хвостъ буквы идетъ влѣво (128 об.); онъ можетъ быть перечеркнутъ одной (203.2) или двумя черточками (185.2, 188.2); иногда по разу перечеркнуты хвостъ и штамбъ буквы (188.3). 2) Другой главный типъ имѣетъ поперечную черточку вверху штамба (на верхнемъ горизонтѣ строки или нѣсколько выше); къ верху идетъ хвостъ болѣе или менѣе извитой: иногда только съ небольшой петлей на концѣ (203.1), иногда съ серповиднымъ извивомъ (127.3, 161.1). — ъı у четвертаго писца трехъ начерковъ ъı съ перекладиной или безъ нея; въ послѣднемъ случаѣ ı можетъ быть перечеркнуто посрединѣ и тогда имѣетъ двѣ точки вверху. Однажды встрѣчено высокое ъı — въ видѣ сокращенія: оно состоитъ изъ высокаго ъ, съ которымъ маленькое ї соединено вверху строки перекладиной.

ѫ и ѧ главные носовые знаки четвертаго писца; ороографическое употребленіе знаковъ такое же, какъ у перваго писца, о чемъ въ фонетикѣ. Вмѣсто ѫ въ каллиграфической разрядкѣ употребляется ѭ, при томъ внѣ какой либо связи съ фонетикой: при сиѭ αὐτὴν 220.4, ѡ҆воѭдоу 237.1, приѭхѫ ἔλαβον 239.3 находимъ также написанія живѭи (= живъıи, живѫи) 185.3, сѭй (= съıи, сѫи) 201.2, n. pl. пътицѭ 236, сѫдиѭ, юношѭ ibid., гласѣ трѫ҆бънѣмъ, въ гѭслехъ 273.3, ѡвъцѭ 238.1. По одному разу встрѣчены ѩ (продрѩжъ кр҇томъ диꙗвола) 157.4 и ѫ дръзаѫщие 192. Тамъ, гдѣ пергаментъ шероховатъ и черты выходятъ грубѣе, ѧ нерѣдко приближается къ типу ѧ, но это не преднамѣренно (напр. л. 195.1).

Слѣдуетъ отмѣтить, что орнаментація буквъ распространена у четвертаго писца всего болѣе. Она состоитъ главнымъ образомъ въ точкахъ и черточкахъ, пересѣкающихъ контуры; это встрѣчаются у а, к, р, т, ѵ, ѹ, х, ъ, ы, ѭ, ѡ, ѱ и ѱ. Кромѣ того концамъ линій придаются красивыя формы трехугольника (правый верхъ у х л. 198.1) или листка (таково а л. 159.3,—съ серповиднымъ хоботомъ, который перечеркнутъ и оканчивается листкомъ).

Изъ сокращеній употребляются:

Высокія Г Р Т: агГелы 131 об. etc., пРободъ 173.4, кРави (р перечеркнуто) 167.1, вѣсТо 185.4 (bis, одинъ разъ — съ чертою, соединившей низы буквъ Т и о) псаломсТѣ (Т перечеркнуто).

Лигатуры. Всего распространеннѣе ѥ = иѥ, ие: съ тъщанѥмъ 129.3, люди 189.3, желанѥ 197.4, спнѥ 236.3; истлѣнѥ 225.1 (ѥ орнаментовано въ видѣ красиваго, лежащаго въ строкѣ трезубца). Нѣсколько разъ встрѣчено М + Р (не мачтовая лигатура, а вензель: высокое Р проходитъ чрезъ средину язычка тоѵ М): мрътвъцѫ 162 об., оумрѣти 164.2, мръ | зокъ 251.1. По разу находимъ ѣ + к (к безъ спинки) рѣкъї 177.3 и т + р (хвостъ у р перечеркнутъ на подобіе ѱ) въ птръ 193.2.— Лигатура о + ѵ въ оутръноужще 179.2 возникла изъ поправки и скорѣе походитъ на а + ѵ.

Выносы. Всего чаще и четвертый писецъ выноситъ о и л: к, л, р, т, ш. ц (въ чцѣх 131.1) и т. п.—о очень часто стоитъ не надъ самой буквой, а лѣвѣе; чаще чѣмъ у другихъ писцовъ находимъ ѹ (ѹ) и ѵ=оѵ: багрѹетсѧ 218.4, милѹѫ 719.2, скрѹшѫ | тъ сѧ 256.1; дѹшѫ 142.1, тѹждеи 220. Вынесенное л: землѧ 131, исправенѥ 156.3, млению и т. д.

Титловка, какъ у другихъ писцовъ, отошла отъ старой системы; нерѣдки написанія ми = мои л. 136.3, тл = твоѩ 136.1, тихъ = твоихъ, се = свое 131.3, сего = своего 130.1, сеѫ 131 об., жзкъ 158.2, 241.2, ср. еще пѵ хвомъ 135.2.

Изъ знаковъ всего важнѣе надстрочное ″, которое довольно послѣдовательно ставится надъ второю изъ двухъ сосѣднихъ согласныхъ. При спѣшномъ писаніи такое ″ сливается въ ″.

IV.

Украшенія.

Иниціалы.

Иниціалы исполнены киноварью и черниломъ, только подъ конецъ, въ части, писанной 4-мъ писцомъ, появляется зелень (Стасовъ въ «Орнаментѣ», табл. IV не отмѣчаетъ этого факта, въ художественномъ отношеніи незначительнаго). Исходя изъ однихъ иниціаловъ, быть можетъ было бы трудно установить три[1]) различныхъ руки, которыми они рисованы, но послѣ наблюденій надъ почерками, орѳографіей, полевыми знаками (ср. выше) и мелкими заставками (см. ниже), мы открываемъ и въ иниціалахъ нѣкоторыя различія, точно совпадающія съ тѣми отдѣлами рукописи, которые установлены на основаніи остальныхъ примѣтъ.

Главныя различія таковы: 1-ый писецъ рисуетъ всего лучше, 2-ой лишь немного слабѣе, 4-ый замѣтно слабѣе ихъ и чѣмъ далѣе, тѣмъ хуже. Свободныя (невписанныя въ контуръ) вѣтки, изображающія конечности буквъ, всего лучше развиты у 1-го писца, у 2-го и 4-го онѣ мельче и проще, у 2-го замѣняются иногда и простѣйшей почкой. У 1-го писца разнообразны и часты кольца, охватывающія штамбъ буквы, у 2-го и 4 они рѣдки и однообразны. У 1-го писца иниціалы выдержаны въ одномъ масштабѣ, у 2-го при господствѣ того-же масштаба встрѣчаются иниціалы болѣе мелкіе, у 4-го болѣе мелкіе и значительно болѣе крупные. У 1-го писца жгуты разнообразны и часто сложны, у 2-го однообразнѣе и проще, у 4-го они примѣняются рѣдко и не вписаны въ контуръ. Въ противность 1-му писцу, 2-ой и 4-ый любятъ вписанныя вѣтки, но по стилю у 2-го и 4-го писца онѣ различны. Первый писецъ охотно употребляетъ для украшенія буквъ гребешки, 2-ой рѣже, 4-ый ихъ не знаетъ. 1-ый и отчасти 2-ой писецъ пользуются пунктиромъ — чернымъ или киноварнымъ, 4-ый почти всегда замѣняетъ пунктиръ штриховкой — вертикальной и горизонтальной попеременно. Въ иниціалѣ в, цинкограф. табл. III.20, 4-ый писецъ примѣняетъ полурозетки, какихъ не знаютъ 1-ый и 2-ой писцы.

Тератологическіе мотивы у 1-го писца разнообразнѣе и лучше, чѣмъ у 2-го и 4-го. Вообще большее богатство мотивовъ соотвѣтствуетъ у 1-го

---

1) Бѣлославъ не даетъ ни иниціаловъ, ни заставокъ.

писца и его большему умѣнью; хотя само по себѣ первое недоказательно, ибо обѣднѣніе мотивовъ вообще наблюдается въ большихъ памятникахъ къ концу работы, хотя-бы и вся она производилась однимъ мастеромъ. И въ Болонской псалтыри эта черта можетъ восходить къ оригиналу. Наибольшее значеніе для различенія рукъ имѣютъ техническіе пріемы обработки: пунктиръ и штриховка, употребленіе вѣтокъ и жгутовъ вписанныхъ и не вписанныхъ, наконецъ, различная степень совершенства работы. Подробный анализъ иниціаловъ со стороны ихъ стиля читатель найдетъ ниже.

Мелкія заставки.

Очень стильны мелкія заставки, исполненныя черниломъ и киноварью. Онѣ помѣщаются по большей части въ правыхъ столбцахъ, предъ началомъ толкованія къ новому псалму. Передъ лѣтописью, на оборотѣ листа 126 bis, оба столбца имѣютъ подобную заставку (см. фототипію); онѣ рисованы очевидно вторымъ писцомъ.

Мелкія заставки могутъ быть приписаны, подобно полевымъ знакамъ и иниціаламъ, тремъ главнымъ писцамъ рукописи. Вотъ главные типы этихъ заставокъ (ср. цинкографію V).

I писецъ, л. 1—86, II писецъ, л. 86 об.—126 об. bis

1) Чередуются: три черныя вертикальныя палочки и киноварный розчеркъ на подобіе лежащаго латинскаго *S*. Этотъ розчеркъ можетъ усложняться: a) точкой посрединѣ и трехугольными расширеніями по концамъ (л. 7), b) несимметричностью извивовъ и нѣсколькими узелками (л. 33), c) горизонтальной черточкой съ обоихъ концовъ или съ одного (л. 50). По концамъ такой заставки ставятся обычныя трехлопастныя вѣтки, концомъ внизъ, или чаще—простѣйшая почка, остріемъ наружу (л. 7, 33, 50, 57).

2) Три черныя вертикальныя черточки чередуются съ приземистой киноварной звѣздочкой, на подобіе кирилловскаго ж; по концамъ — киноварныя почки (л. 17) или ничего (л. 98, второй писецъ). Подобная заставка у Гартгаузена стр. 230, изъ рукописи 1065 года.

3) Ломанная киноварная линія образуетъ рядъ уголковъ, обращенныхъ то вверхъ, то внизъ; по верху и по низу — рядъ черныхъ точекъ, вписанныхъ въ эти уголки (л. 24); распредѣленіе красокъ можетъ быть обратнымъ

(л. 38); точки могутъ замѣняться значками на подобіе грушевидной запятой или трехугольника (л. 102, второй писецъ). По концамъ можетъ быть поставлена вѣтка.

4) Сильно выгнутыя запятыя (туповатый клинъ), попеременно черныя бóльшія и киноварныя мéньшія, образуютъ строку. Слѣва въ первой (черной) запятой — киноварная точка (л. 42 об.).

5) Строка заполнена длинными черными прямоугольниками; въ промежуткахъ—киноварные розчерки на подобіе латинскаго X, которыми захватываются концы прямоугольниковъ. Наружные концы заставки охвачены киноварной сердцевидной почкой (л. 43 об.). Подобный типъ сплошь киноварный: прямоугольники не замкнуты съ боковъ (замѣнены парными черточками). Вся заставка ограничена косыми крестиками съ точками въ четырехъ углахъ (л. 41). Та же схема, но усложненная, у Гартгаузена: стр. 86 — 953 года, стр. 310 — XII вѣка.

6) Строка состоитъ изъ ряда раздѣльныхъ киноварныхъ полукружій, открытыхъ то кверху то книзу, къ первому изъ нихъ приставлено двухлопастное крыло слѣва (л. 126 об. bis, поверхъ лѣтописи) или справа (л. 100, обѣ заставки и подобная на л. 102 принадлежатъ второму писцу) Та же схема у Гартгаузена: стр. 111 — 1001 года, стр. 269 — 1112 года.

IV писецъ, лл. 127 — до конца.

Этотъ писецъ употребляетъ мелкія заставки рѣже и, рисуя ихъ много хуже, отличается обыкновенно примитивными мотивами, а при сходствѣ съ первыми двумя писцами, обнаруживаетъ вычурныя детали.

1) Типъ общій съ предыдущими писцами: вертикальныя черныя черточки чередуются съ лежащими киноварными *S*; эти послѣдніе украшены почками, усиками, узелками или черточками (лл. 132 об., 135, 135 об.). Между черными вертикальными черточками небольшіе киноварные мазки (л. 137).

2) Три черныя вертикальныя палочки чередуются съ пятью, четырьмя или тремя вертикальными-же киноварными (л. 141).

3) Три черныя вертикальныя черточки чередуются съ тремя киноварными горизонтальными.

4) Небольшія и неправильныя запятыя — киноварныя и черныя — чередуются черезъ одну (л. 226).

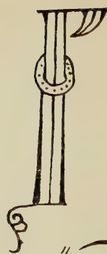
1.

2.

3.

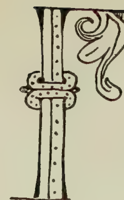
4.

5.

6.

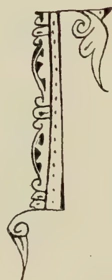
7.

8.

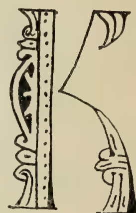
9.

10.

11.

12.

13.

14.

15.

16.

17.

18.

19.

20.

21.

22.

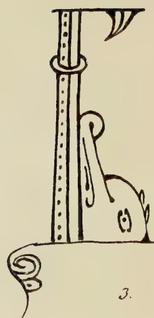
Болонская Псалтырь.
Иницiалы, I писецъ.
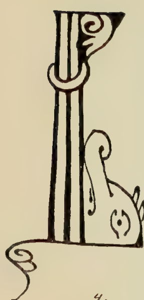

1.

2.

3.

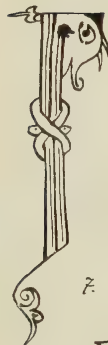
4.

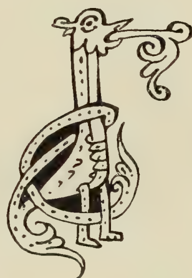
5.

6.

7.

8.

9.

10.

11.

12.

13.

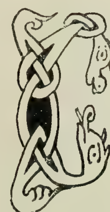
14.

15.

16.

17.

18

Болонская Псалтырь.

Иниціалы, II писецъ.

1.

2.

3.

4.

5.

6.

7.

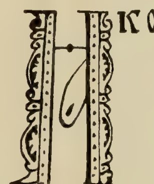

8

9.

10.

11.

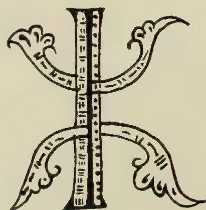

12.

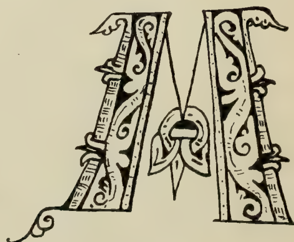

13.
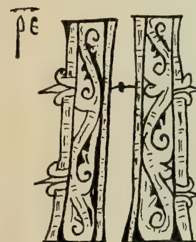

14.

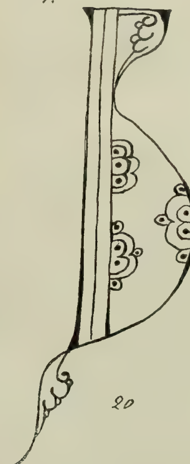

15.

16.

17.

18.

19

20

21.

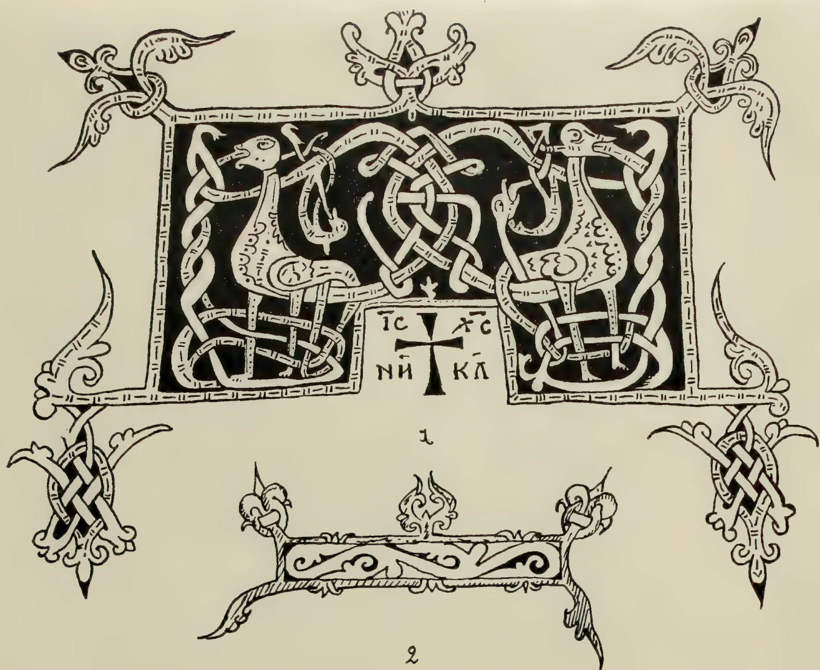
Болонская Псалтырь.

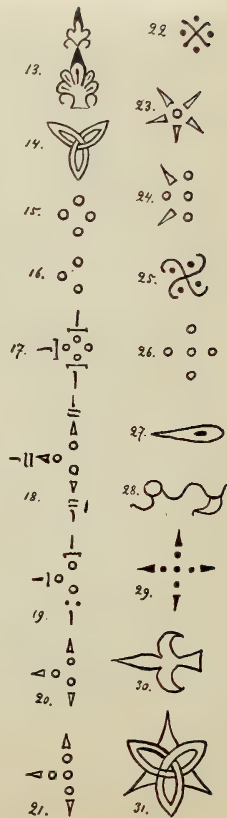
Инициалы, II писецъ (1 — 15) и IV писецъ (16 — 21).

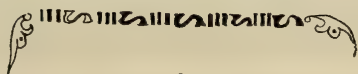

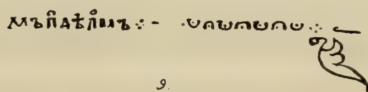
Болонская Псалтырь.

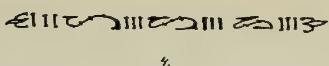
Инициалы, IV писецъ.

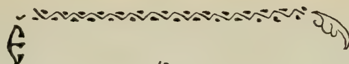

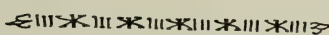

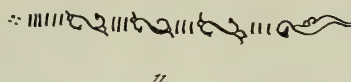

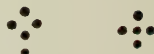

Болонская Псалтырь.
Заставки, воронки, полевые знаки.

5) Косыя киноварныя линіи съ нажимомъ внизъ, строка оканчивается крючкомъ ⸺ (л. 235).

Чѣмъ далѣе, тѣмъ заставки рѣже и грубѣе.

По указаннымъ различіямъ могутъ быть усмотрѣны три руки, но своимъ общимъ стилемъ мелкія заставки ничего не говорятъ о вѣкѣ рукописи, а только о традиціяхъ письменности. Всѣ эти мотивы, въ безконечномъ разнообразіи сочетаній, извѣстны съ начальной эпохи византійскаго искусства и до XIII—XIV вѣка.

Остромирово Евангеліе, Супрасльская рукопись и отчасти Саввина книга указываютъ, что славяне восприняли ихъ вмѣстѣ съ письменностью. Эти простѣйшія заставки вслѣдствіе большой доступности схемы на долго сохранились для обозначенія второстепенныхъ отдѣловъ текста.

Большія заставки.

Ихъ всего три. Первыя двѣ изображены на табл. V, рис. 1 и 2. Первая, рисованная сплошь киноварью, находится въ началѣ, на л. 1. Послѣ всего, что мы знаемъ объ иниціалахъ, полевыхъ знакахъ и мелкихъ заставкахъ, она должна быть приписана первому писцу. Вторая находится на л. 238, третья подобная второй — на л. 238 об.; обѣ рисованы киноварью и зеленью. Зелень появляется на л. 238 впервые, въ заставкѣ и иниціалѣ; она употребляется и далѣе, въ иниціалѣ и полевомъ знакѣ л. 240 об.; этотъ послѣдній иниціалъ — в, кромѣ киновари и зелени, содержитъ черную штриховку. Двѣ послѣднія заставки рисованы очевидно четвертымъ писцомъ. Стиль обѣихъ традиціонный: вписанная листва того-же характера, какъ въ нѣкоторыхъ иниціалахъ четвертаго писца (цинкогр. табл. III, рис. 18 и 19). Быть можетъ только узлы, вверху по сторонамъ первой изъ этихъ заставокъ, представляютъ усложненіе стараго основнаго типа и до извѣстной степени выдаютъ эпоху. Совершенно подобные жгуты повторяются въ сложномъ плетеньѣ иниціаловъ о, см. цинкогр. табл. II. 15, 17, и IV. 12.

Главный художественный и палеографическій интересъ сосредоточивается на первой, начальной заставкѣ[1]). Эта заставка очевидно принадле-

1) Издана въ краскахъ у Ходзьки, «Grammaire Paléoslave», у Вяч. Срезневскаго, «Древній слав. переводъ псалтыри» (всего точнѣе), и у Стасова, «Орнаментъ». Ср. цинкографію на табл. V настоящаго изданія.

житъ къ разряду, который мы намѣрены называть искусственной, или технической тератологіей; заставка стоитъ въ тѣсной связи съ тератологическими инціалами Болонской псалтыри.

Буслаеву принадлежитъ заслуга самыхъ глубокихъ наблюденій надъ исторіей и свойствами тератологическаго стиля. Онъ первый подмѣтилъ механическій принципъ усложненій, дающій главную оригинальность искусственной тератологіи, и установилъ тезисъ, что этотъ славянскій стиль, развившись въ инціалахъ, отсюда въ сложившемся видѣ былъ перенесенъ въ заставку: два одинаковыхъ инціала были помѣщены симметрично, тѣмъ механическимъ пріемомъ «обращенія кальки», который такъ свойственъ славянскому искусству, и не только въ орнаментѣ, а также въ иконописи. Оставалось лишь соединить тѣмъ или другимъ способомъ концы ремней, оплетавшихъ тотъ и другой инціалъ,—и заставка была готова. Это самое естественное объясненіе тератологической заставки[1]). Въ самомъ дѣлѣ, сколько поводовъ для новыхъ комбинацій, какія художественныя задачи предлагали художнику линіи буквъ и какъ бѣдна была въ этомъ отношеніи прямоугольная рамка византійской заставки: она была способна только принять готовую схему, а не видоизмѣнить её. Ближайшія перемѣны вытекали только изъ необходимости соединить плетенье обоихъ инціаловъ. Дальнѣйшее развитіе вновь полученной схемы могло состоять только въ ея усложненіи, а затѣмъ—въ смѣнѣ первоначальнаго мотива иными.

Заставка Болонской псалтыри содержитъ ту самую птицу, которая господствуетъ въ тератологическихъ инціалахъ перваго писца. Но въ заставкѣ этотъ тератологическій мотивъ утрированъ до крайняго предѣла: ремни выходятъ одновременно изъ крыла, хвоста и зѣва каждой птицы. Плетенье справа и слѣва, и особенно въ центрѣ, пріобрѣло самостоятельное значеніе; за спиной той и другой птицы появилось по змѣиному узлу. Не всѣ эти комбинаціи вытекали съ самаго начала изъ необходимости соединить концы ремней: чрезвычайно сложное плетенье заставки содержитъ извѣстную дату,—оно обнаруживаетъ старость тератологическаго стиля. Кромѣ того въ рисункѣ есть уже слѣды порчи—несимметріи и непониманія, ко-

1) Прямымъ источникомъ тератологической заставки нельзя считать извѣстную древнѣйшую композицію «двѣ птицы по сторонамъ цистерны». Ибо птицы тератологической заставки безъ всякаго сомнѣнія заимствованы изъ тератологическихъ инціаловъ, а не со стороны. Обратный случай имѣлъ мѣсто въ судьбѣ древней композиціи «два хищника», о чемъ см. ниже.

торыя указываютъ, что вся схема уже подвергалась механической копировкѣ. При сравненіи лѣвой птицы съ правой открываются несоотвѣтствія въ движеніи отдѣльныхъ ремней, особенно въ способѣ оплетенія ногъ. Эти несоотвѣтствія еще замѣтнѣе вверху, въ двухъ сложныхъ змѣиныхъ узлахъ. Здѣсь прямо можно говорить объ утратѣ схемы, которая начинаетъ разлагаться, достигнувъ предѣльной сложности. Неточное различеніе жгутовъ штрихованныхъ и бѣлыхъ убѣждаетъ насъ, что рисовавшій не слѣдилъ движенія жгутовъ, не провѣрялъ схему исходя изъ любого пункта, и потому терялъ очередь пересѣченій: извѣстно, что ремень, пересѣкая другіе ремни, поочередно долженъ проходить то сверху, то снизу ихъ; это правило, очень строгое, составляющее техническую основу всякаго плетенья, кое-гдѣ уже нарушено. Мы можемъ подозрѣвать, что предъ нами лишь механическое воспроизведеніе донельзя сложной схемы, послѣдняго слова югославянской тератологіи.

Гдѣ искать зарожденія этой схемы? Конечно не въ Охридской школѣ второй четверти XIII вѣка, гдѣ она механически повторилась, а быть можетъ въ той недошедшей до насъ Тырновской школѣ Іоанна Асѣня II, которая вмѣстѣ съ болгарскимъ завоеваніемъ должна была проникнуть въ Охриду. До насъ не дошло ни одной Тырновской рукописи временъ Іоанна Асѣня. Но мы имѣемъ представленіе о могуществѣ и духовныхъ интересахъ этого властителя. Это блестящее царствованіе не могло не отразиться и въ сферѣ болгарской книжности. Мы a priori должны предположить въ немъ важное, хотя и не дошедшее до насъ звено въ общемъ болгарскомъ развитіи, въ томъ числѣ конечно и въ сферѣ графики и орнамента. Мы въ правѣ опираться на это предположеніе, ибо ему не противорѣчатъ ближайшія, сохранившіяся звенья письменности православныхъ славянъ. Такими звеньями являются: орнаментъ дошедшихъ сербскихъ рукописей самаго конца XII или самаго начала XIII вѣка; восточно-болгарскія рукописи конца XIII вѣка; македонскія и русскія рукописи XIII вѣка.

Народной македонской тератологіи[1]) чужда эта симметрическая схема заставокъ и сложная разработка инициаловъ. Народная македонская тератологія довольствовалась плетеной заставкой, измѣняя въ чудовищныя морды только лиственныя оконечности ея ремней. Мы видѣли этотъ мотивъ, начиная съ Саввиной книги. Превращеніе еще очень примитивно въ древнѣй-

1) Такъ можно назвать второй изъ различаемыхъ нами разрядовъ тератологическаго стиля.

шихъ рукописяхъ слѣдующей эпохи: въ отрывкахъ Ундольскаго вѣтка только еще превращается въ животное, въ Евангеліи Доброміра (Ягичъ, табл. II) плетеная заставка оканчивается закругленіемъ, на которомъ изображены два глаза; почка, замыкающая противуположный конецъ, пріобрѣтаетъ значеніе хвоста, вся заставка — змѣи. Та-же элементарность господствуетъ и въ иниціалахъ народнаго разряда, и нельзя утверждать, чтобы они легли въ основу народной тератологической заставки; это справедливо только относительно тератологіи технической. И хотя во второй половинѣ XIII вѣка народная тератологія сдѣлала (въ иниціалахъ) нѣкоторыя заимствованія изъ технической, всё-же и изъ позднѣйшихъ македонскихъ рукописей ни одна не даетъ всей технической системы искусственной тератологіи. Болонская псалтырь остается въ этомъ отношеніи единственной македонской рукописью. А между тѣмъ она указываетъ на оригиналъ, уже содержавшій всю эту систему. Не значитъ-ли это, что искусственная тератологія сложилась уже въ первую четверть XIII вѣка въ Восточной Болгаріи?

Русскія рукописи XIII вѣка, въ отличіе отъ рукописей XIV вѣка, въ общемъ довольствуются стилемъ, колоритомъ и техническими мотивами югославянской тератологической «школы»; и онѣ сохранили очевидно восточноболгарскіе образцы, и при томъ полнѣе и лучше: въ комбинаціяхъ болѣе разнообразныхъ и отчасти болѣе художественныхъ, нежели заставка и иниціалы Болонской псалтыри.

Вторая половина XIII вѣка на славянскомъ югѣ и XIV в. въ Россіи отмѣчены новымъ шагомъ тератологической школы, который заставляетъ отнести тератологическую заставку Болонской псалтыри по происхожденію — къ предшествующимъ десятилѣтіямъ: въ Шестодневѣ 1263 года, въ болгарской Норовской Псалтыри (которая по письму можетъ относиться только къ концу XIII вѣка, а по языку — къ восточно-болгарскому нарѣчію) и въ русской Погодинской Минеѣ мы имѣемъ въ симметричной заставкѣ не птицу, заимствованную изъ иниціала, а четвероногое [1]). Мотивъ четвероногаго также получился въ иниціалахъ технической тератологіи, но онъ составлялъ рѣдкость (см. цинкогр. II.9), почему и понятно, что заставка была построена

1) Назвать прямо грифономъ того звѣря, который изображенъ въ заставкѣ Шестоднева, въ сущности еще нельзя: главной примѣты грифона, крыльевъ, нѣтъ; заднихъ ногъ не показано, а хвосты сведены въ сложный узелъ и потому неопредѣленны. Но это имѣетъ лишь второстепенное значеніе. Достаточно того, что весь типъ уже отошелъ отъ птицы, заимствованной изъ иниціала: голова (морда и уши) и выгибъ тулова (грудь, спина), а равно массивныя лапы (которыхъ только одна пара) выдаютъ кошачью породу.

на симметричномъ повтореніи другого мотива,— господствовавшей въ инвціалахъ птицѣ. Что-же касается тератологической заставки, заключающей двухъ хищниковъ, то мы можемъ утверждать, что она не возникла изъ симметрическаго повторенія того четвероногаго, которое изрѣдка встрѣчалось въ инициалахъ тератологической школы. Четвероногое заставки лишено смутной элементарности, которая типична для четвероногаго инициаловъ. Въ заставку цѣликомъ внесенъ готовый симметричный мотивъ, давно распространенный въ искусствахъ Востока и рано примѣненный византійцами въ инициалахъ, имѣющихъ симметричныя части (см. Стасова, Орнаментъ, табл. 123.5). Особенность мотива состоитъ въ томъ, что въ животномъ, которое можетъ быть фантастическимъ и реальнымъ, ясно обозначены признаки крупнаго хищника. Итакъ этотъ древній мотивъ цѣликомъ заимствованъ болгарской технической школой со стороны въ ту стадію ея развитія, когда для начальнаго мотива наступила дряхлось. Здѣсь представляется очень близкая аналогія развитія русской тератологіи: стиль, уже сложившійся и не обѣщающій дальнѣйшаго развитія, еще въ состояніи поглощать новые образы и смѣнять свои мотивы: какъ на славянскомъ югѣ во второй половинѣ XIII вѣка птица смѣняется грифономъ, пантерой и т. п., такъ въ Россіи звѣриные образы тератологической заставки осложняются наконецъ человѣческими.

Изслѣдователи согласны, что «грифоны» Шестоднева возникли именно на болгарской, а не на сербской почвѣ, а Буслаевъ отмѣчаетъ необычайную близость заставки Погодинской Минеи къ заставкѣ Шестоднева. И здѣсь русскіе мастера и македонскій грамматикъ-сербъ могли черпать изъ общаго источника — восточно-болгарской тератологіи, но уже второго фазиса. Для дальнѣйшаго изслѣдованія орнамента тщательное дѣленіе болгарскихъ рукописей на македонскія и восточно-болгарскія является совершенно необходимымъ.

Норовская псалтырь даетъ мотивъ двухъ симметричныхъ грифоновъ въ кругломъ клеймѣ и хорошемъ рисункѣ. Грифоны типичны: съ загнутыми птичьими клювами, четырьмя лапами и крыльями. Планировка иная, нежели въ Шестодневѣ, ибо головы не врозь: онѣ сведены вмѣстѣ къ центру рисунка. Эта рукопись лишь кратко описана Востоковымъ (Филологич. наблюденія) и арх. Леонидомъ (Опис. рукописей гр. Уварова, т. I, № 6), и приложенная къ послѣднему изданію фототипія не даетъ полнаго понятія объ ея языкѣ, который одинъ рѣшаетъ о восточно-болгарскомъ происхожденіи

памятника. Приношу здѣсь мою глубокую признательность графинѣ Прасковіи Сергѣевнѣ Уваровой за доставленную мнѣ возможность ознакомиться съ этимъ памятникомъ подробнѣе. Рукопись пріобрѣтена А. С. Норовымъ въ 1835 году въ лаврѣ Св. Саввы въ Палестинѣ. Она содержитъ двѣ записи сербскихъ паломниковъ начала XVIII столѣтія, тюрко-болгарскія имена мѣсяцевъ и заговоръ отъ укушенія змѣи — на неизвѣстномъ языкѣ.

Заглавіе псалтыри дано некрасивою югославянскою вязью, а въ текстѣ помѣщено два лабиринта, въ которыхъ скрыты слова: «*сръды достиже медоточная книга*» и «*слава*». Вязь и лабиринты говорятъ во всякомъ случаѣ о сложившейся каллиграфической школѣ, а имена мѣсяцевъ — о Восточной Болгаріи. О томъ же говоритъ почеркъ памятника — это типичный Тырновскій почеркъ, извѣстный изъ Евангелія 1273 года и памятниковъ Тырновской школы XIV вѣка. Начальный иниціалъ **Б** (**Блаженъ мѫжь**) явно воспроизводитъ типъ тератологической «школы» (въ Болонской псалтыри ему соотвѣтствуетъ **Б** цинк. табл. II. 10, лл. 1, 37, 50, 71, 97), но воспроизводитъ свободно-художественно: голова, поворотъ тулова, шеи и лапа напоминаютъ хорошіе иниціалы сербскаго орнамента; низъ разработанъ крупными жгутами, насколько даетъ судить теперешняя сохранность рисунка, уже не строго выдержанными. Въ болгарской тератологической школѣ — это лучшій изъ найденныхъ типовъ птицы **Б**. Быть можетъ въ такомъ видѣ и слѣдуетъ представлять себѣ тератологію придворной школы Іоанна Асѣня II, къ которой мы склонны относить недошедшій оригиналъ Норовской псалтыри. Проникнувъ въ Македонію и Россію и распространяясь въ механическихъ копіяхъ, эта школа потеряла въ непосредственномъ художествѣ, но техническіе мотивы были отвлечены подражателями изъ ея болѣе свободныхъ созданій; они были регламентованы и тѣмъ облегчили, въ Россіи, дальнѣйшую разработку стиля. Въ XIV вѣкѣ, въ Тырновской школѣ Іоанна Александра тератологія уже окончательно исчезла изъ заставокъ, но въ иниціалахъ еще сохранились тератологическіе мотивы, которые свободно-художественнымъ исполненіемъ даже превосходятъ иниціалъ Норовской псалтыри. Таковы издаваемые нами въ цинкографіяхъ тератологическіе иниціалы Псалтыри Томича (табл. VI). Во всякомъ случаѣ эти два памятника, — Псалтыри Норова и Томича, — оба восточно-болгарскіе по языку, оба свидѣтельствующіе о тератологическомъ стилѣ выработанномъ и изящномъ, стоятъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ македонской народной тератологіей и позволяютъ видѣть въ заставкѣ и иниціалахъ Болонской

псалтыри только посредственныя копіи съ заноснаго оригинала[1]). Обратимся къ анализу отдѣльныхъ мотивовъ.

V.

Болонская псалтырь какъ мѣрило болгарскихъ рукописей.

·А·

Анализъ иниціаловъ.

Буслаевъ въ замѣчательныхъ статьяхъ о «Русскомъ искусствѣ» Віоле Ледюка и объ «Альбомѣ» Стасова намѣтилъ всѣ важные вопросы славянскаго орнамента, а Ягичъ въ статьѣ о Стасовскомъ альбомѣ развилъ нѣкоторые изъ нихъ и далъ имъ филологическое основаніе. Общій путь развитія ясенъ, отдѣльныя звенья мѣтко опредѣлены, наиболѣе типическія созданія орнамента получили замѣчательную характеристику. Только спеціальное изслѣдованіе, идущее отъ звена къ звену, находя неизбѣжные перерывы цѣпи, встрѣчаетъ затрудненія. Слѣдя судьбу отдѣльныхъ мотивовъ не для общей историко-художественной цѣли, а для спеціальной палеографической, филологъ нуждается иногда въ новыхъ формулахъ и въ иной классификаціи матеріала.

Заслуга Стасовскаго альбома оцѣнена по достоинству. Такого обширнаго и систематическаго труда по исторіи орнамента до него не могла указать русская наука, и не вина изслѣдователя, если матеріалъ отказываетъ въ полнотѣ или спеціалистъ требуетъ бо́льшаго. Съ рѣдкимъ чутьемъ и вниманіемъ отмѣчено Стасовымъ все то, въ чемъ состояло движеніе славянскаго орнамента. Съ этимъ требованіемъ составитель альбома обращался къ каждой разсмотрѣнной имъ рукописи, общее число которыхъ громадно. Изъ каждой извлекалось то, въ чемъ сказывался поступательный ходъ искусства. Точная статистика отдѣльныхъ новыхъ мотивовъ и регистрація всѣхъ переживаній стараго естественно не могли быть цѣлью его труда. Историко-художественное значеніе Болонской псалтыри дѣйствительно исчерпывается напр. тѣмъ, что даетъ Стасовъ на табл. IV Альбома. Спеціалистъ

1) Ср. Сборникъ статей учениковъ М. С. Дринова, статью «Болгарскій орнаментъ эпохи царя Іоанна Александра».

самъ обязанъ обратиться къ памятнику, если желаетъ открыть въ иниціалахъ различія, обличающія отдѣльныхъ писцовъ, или опредѣлить, какія предшествующія фазы орнамента заслонены въ этомъ памятникѣ послѣдней фазой, тератологической, и въ какой стадіи находится она сама. Пользуясь Альбомомъ Стасова, палеографъ всегда долженъ имѣть въ виду, что издатель не исчерпываетъ варіантовъ и не даетъ статистики мотивовъ.

Дошедшій до насъ матеріалъ въ разрядѣ болгарскаго орнамента вообще отрывоченъ и шатко датированъ. Ягичъ справедливо отмѣтилъ, напр., что орнаментъ временъ Іоанна Александра оставался не выясненнымъ даже послѣ появленія Стасовскаго труда; то же, какъ мы видѣли, справедливо и относительно эпохи Іоанна Асѣня II, ибо восточно-болгарскій орнаментъ первой половины XIII вѣка и до сихъ поръ остается намъ неизвѣстнымъ по подлиннымъ, Тырновскимъ, рукописямъ того времени. Стасовъ былъ лишенъ также повода распредѣлить болгарскій орнаментъ на два отдѣла — восточный и македонскій, ибо въ эпоху появленія его «Альбома» сама славянская филологія еще не имѣла твердаго мѣрила для подобной классификаціи рукописей.

Въ византійскомъ орнаментѣ всѣ общія схемы были геометричны, а ихъ сочетанія чрезвычайно просты. То былъ орнаментъ архитектурный по преимуществу. Росписныя поверхности арабскаго искусства допускали самую сложную игру геометрическихъ формъ; византійскій орнаментъ какъ бы воспроизводилъ самыя простыя конструктивныя единицы: фасады или карнизы, портики или отдѣльныя колонны съ ихъ частями. Каркасъ заставокъ и иниціаловъ одинаково состоялъ изъ прямыхъ линій, правильныхъ дугъ, круговъ и прямоугольниковъ. И здѣсь сочетанія были какъ бы повтореніемъ основныхъ архитектурныхъ мотивовъ. То былъ основной принципъ византійскаго декоративнаго искусства, обезпечивавшій ему его европейскій характеръ.

Спокойная ясность, постоянная оригинальность и удивительная способность ассимиляціи не покидали византійскаго орнамента. Хаосъ разнообразныхъ формъ не переставалъ притекать съ Востока; тѣснившимся формамъ былъ открытъ самый широкій доступъ, но пользованіе ими было поразительно умѣренное. Не утрачивая себя, онѣ подчинялись общему конспективному характеру богатой зрительной фантазіи византійцевъ и получали отъ нея высшій порядокъ. Впрочемъ и въ мотивахъ своего орнамента византій-

ское искусство опредѣлялось не только новыми заимствованіями: оно обладало богатымъ наслѣдіемъ формъ, полученныхъ отъ античной и древнехристіанской эпохи. Въ то-же время отдѣльные народы византійской культуры не прекращали свои вклады въ общую сокровищницу. Отчасти они являлись лишь посредниками, доставлявшими Византіи древніе и новые мотивы восточныхъ нехристіанскихъ искусствъ, отчасти, вмѣстѣ съ греками разработывали въ орнаментѣ христіанскую символику и догматику. Исторія заимствованій, сдѣланныхъ византійскимъ орнаментомъ съ Запада, точно еще не изслѣдована. Возможность такихъ заимствованій лишь принципіально допущена для двухъ эпохъ западнаго искусства—романской, конецъ которой совпадалъ съ Крестовыми походами, и ранняго Возрожденія, предшествовавшаго паденію Византіи. Пальметка, овы и акантъ — главные античные мотивы византійскаго орнамента; меандръ поразительно мало распространенъ. Раннее христіанское искусство передало византійскому *свои* аканты, наряду съ другими растительными мотивами, часто — символическаго характера: лозою, пальмой, лавромъ, кипарисомъ и т. п. Изображенія животныхъ—реальныхъ и фантастическихъ, полученныя отъ античнаго міра и христіанской эпохи (отъ послѣдней—въ видѣ символовъ), были родственны по стилю—какъ и растительные мотивы, они имѣли характеръ очень общихъ, почти отвлеченныхъ художественныхъ образовъ. Тѣ-же и подобные растительные и звѣриные мотивы входили въ византійское искусство въ обработкѣ не менѣе художественной, но болѣе реальной и характерной изъ восточныхъ отраслей христіанскаго искусства — орнамента и миніатюры сирійской, коптской, какъ наглядно показано «Альбомомъ» Стасова. Схематическія изображенія рыбки (иниціалъ **О**), нѣкогда символъ Христа, и голубиной головы, несущей масличную вѣтвь (этотъ мотивъ, украшавшій конечности буквъ, у славянъ получилъ широкое примѣненіе въ стилѣ тератологическомъ), уживались въ орнаментѣ съ животными образами поразительнаго реализма. Даже старый мотивъ двухъ птицъ, симметрично расположенныхъ по сторонамъ растенія или цистерны, получилъ такую обработку, какой онъ не имѣлъ еще въ христіанскую эпоху. Въ разрядѣ формъ, заимствованныхъ не изъ природы, особую важность получила для Византіи система жгутовыхъ и ременныхъ плетеній («Verknotung», «Verflechtung» и «Vergitterung» нѣмецкой терминологіи), унаслѣдованная изъ древне-христіанскаго орнамента—скульптурнаго и мозаичнаго. Мозаика и эмаль самой Византійской эпохи произвела или стилизовала заново еще другія формы, которыя также—вмѣстѣ съ цвѣто-

вою своей гаммой — перешли въ орнаментъ рукописей. Въ рукописяхъ появился наконецъ и гербъ византійскаго царства — сильно стилизованный орелъ. При необъятномъ обиліи разнороднѣйшихъ мотивовъ и при рѣдкой комбинаторной способности византійцевъ, гротескъ не могъ совершенно отсутствовать въ орнаментѣ. Это сказалось при наступленіи блестящаго періода византійской культуры и государства (IX — X в.). Рыбка-омикронъ получила напр. лиственную обработку хвоста, такія буквы какъ ⲁ ⲇ ⲕ ⲭ — змѣиныя головки на верхнихъ конечностяхъ. Двѣ змѣи, параллельно подымаясь въ верхъ, изобразили или обвили столпы буквы ⲡ; свивши жгутомъ туловища и разъединивъ головы, онѣ же образовали Ⲩ и т. п. Изображенія человѣческихъ рукъ и ногъ появились въ иниціалахъ. Рука уже въ начальную византійскую эпоху имѣла символическое значеніе: язычекъ буквы Ⲉ обращался въ благословляющую десницу, — то были слова Ἐν ἀρχῇ — въ началѣ Пасхальнаго Евангелія, Εἶπεν ὁ Κύριος — въ началахъ многихъ чтеній Апракоса, Εὐλόγει — въ началѣ нѣкоторыхъ псалмовъ[1]). Къ этимъ изображеніямъ присоединились новыя, имѣвшія только значеніе игры фантазіи. Но поразителенъ тотъ тактъ, та умѣренность, съ которой Византія пользовалась подобными мотивами. Они никогда не составили самостоятельнаго теченія въ руслѣ византійскаго орнамента и нисколько не поколебали его главнаго принципа — сохраненія геометрическаго каркаса иниціаловъ и заставокъ. Дѣйствительныя исключенія изъ этого правила составляютъ большую рѣдкость. Самый начеркъ буквы не затемнялся ни жгутовыми плетеньями, ни растительными или звѣриными мотивами, которые примѣнялись для изображенія отдѣльныхъ частей. Въ этомъ можно убѣдиться, разсматривая византійскіе иниціалы на такомъ удаленіи, при которомъ глазъ можетъ схватить только общее. Этотъ простой пріемъ особенно рекомендуется для неопытнаго глаза, которому свойственно—въ началѣ думать о бѣдности византійской орнаментики, затѣмъ—теряться среди неисчерпаемаго богатства художественныхъ и техническихъ средствъ ея. Я воспроизвожу по Бордье и арх. Амфилохію (цинкогр. VII) нѣсколько иниціаловъ, которые по содержанію относятся къ животному міру, а по стилю — къ геометрическому, или архитектурному орнаменту. Читатель, выработавъ ясныя общія воззрѣнія на основы византійскаго орнамента, не смѣшаетъ эти категоріи содержанія и формы; онѣ удержатъ насъ отъ поспѣшныхъ обобщеній, воз-

1) Ср. Bordier, стр. 62.

водящихъ отдѣльные мотивы на степень особаго орнаментальнаго направленія, никѣмъ ранѣе не замѣченнаго въ византійскомъ искусствѣ. Очень многія буквы разрабатывались къ тому же исключительно или почти исключительно въ архитектурномъ стилѣ, тѣ главнымъ образомъ, которыя не заключали извивовъ. Строго архитектурный укладъ животныхъ формъ въ византійскихъ иниціалахъ въ результатѣ даетъ иногда впечатлѣніе гротеска[1]). Но нельзя безъ большаго ущерба для ясности изслѣдованія отожествлять этотъ легкій гротескъ съ славянской тератологіей. Двусмысленный терминъ старой школы «зооморфный стиль» долженъ быть во всякомъ случаѣ покинутъ, ибо въ него при желаніи укладывается всякая трактовка животныхъ мотивовъ: византійская, ирландская, скандинавская, славянская и др.

Византійскій рисовальщикъ, создавая букву изъ мотивовъ природы, работалъ тѣмъ же способомъ, какъ италіанскіе художники-мозаисты цвѣтущей эпохи: въ цвѣтномъ камешкѣ, который служитъ матеріаломъ, художникъ могъ усмотрѣть змѣиную головку, древесный листокъ, цвѣточную почку; онъ давалъ ходъ такимъ художественнымъ представленіямъ, но они получали подъ его ловкой рукою служебную роль детали: общій планъ *узора*, заранѣе набросаннаго, не терпѣлъ отъ того искаженій: не теряя смысла реальной формы, каждый камешекъ укладывался въ общую схему. Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно взглянуть на очень извѣстный византійскій иниціалъ Δ, состоящій изъ стройной колонки, къ которой слѣва подскакиваетъ птица. Принципъ геометрическаго каркаса составляетъ главное въ византійскомъ орнаментѣ, мотивы сами по себѣ безразличны. Иначе и не могло быть единства въ такомъ *сложномъ* искусствѣ, какъ называетъ его Буслаевъ[2]). Принципъ, объединяющій мотивы, обладалъ тою же строгостью, какъ въ архитектурѣ древнихъ или орнаментикѣ Ватиканскихъ лоджій Рафаэля. Особенность византійцевъ была та, что они вынесли этотъ принципъ за предѣлы строительной орнаментики и сдѣлали его единственнымъ. На этомъ положеніи необходимо настаивать: оно одно даетъ мѣрило для опредѣленія византійскаго стиля въ орнаментахъ рукописей и легко позволяетъ

---

1) Въ отличіе отъ ирландскаго орнамента византійцы давали только насильственныя *комбинаціи* животныхъ мотивовъ, но не планировали насильственно отдѣльныя звѣриныя тѣла. При анализѣ самыхъ странныхъ буквъ, комбинирующихъ (по требованіямъ начертанія) птицъ, змѣй или четвероногихъ, мы убѣждаемся, что отдѣльныя позы художественно отвлечены отъ природы.

2) Ср. Буслаева «Рецензія на «Русское Искусство» Віоле-Ледюка».

слѣдить за его метаморфозами у славянъ. Это самый удобный, необходимый тезисъ классификаціи.

Когда мотивы византійскаго орнамента вмѣстѣ съ письменностью перешли къ славянамъ, въ крупныхъ славянскихъ центрахъ возникали довольно точныя подражанія византійскому стилю, о чемъ свидѣтельствуютъ русскіе списки съ восточно-болгарскихъ рукописей X вѣка: Остромирово Евангеліе и Изборникъ 1073 года. Но на долго и для всей массы народныхъ писцовъ и рисовальщиковъ ни основной принципъ византійскаго орнамента, ни его высокая техника не были по плечу. Эти славянскіе мастера стояли къ тому же несравненно дальше отъ византійскихъ оригиналовъ, нежели придворные каллиграфы Преслава, Кіева и Новгорода: въ монастыряхъ Сербіи и Болгаріи, Аѳона и Малой Азіи они часто принуждены были довольствоваться только провинціальными византійскими рукописями, сирійскими, египетскими и др., которыя въ художественныхъ мотивахъ или отставали отъ цареградской школы или упрощали ея произведенія, иногда уже примѣшивая къ нимъ народно-фантастическіе мотивы и нарушая каркасъ. Стасовскій «Орнаментъ» давно убѣдилъ въ этомъ явленіи[1]). У славянскихъ мастеровъ кромѣ того формы утрачивали изящество; особенно же шло на убыль разнообразіе мотивовъ. Въ самой Византіи XI вѣкъ отмѣченъ бо́льшимъ распространеніемъ жгутоваго орнамента. Но глаголическія рукописи XI вѣка и зависимыя отъ нихъ македонскія-кирилловскія послѣдующей эпохи даютъ системѣ жгутовъ прямо господствующее положеніе: неизвѣстно, утрируютъ ли глаголическія рукописи этотъ византійскій мотивъ, предпочитая его другимъ, какъ болѣе легкій, или же глаголическій орнаментъ съ са-

1) Въ разсужденіи о языкѣ Саввиной Книги, стр. 20—21 я воспроизвожу по Стасову двѣ простѣйшія жгутовыя заставки съ грубымъ подобіемъ змѣиной головки на концѣ. Она заимствована изъ греческой богослужебной книги провинціальнаго происхожденія. Савва, Specimina palaeographica, табл. ꙗ҃і, рукопись 1199 г., и арх. Амфилохій (Палеографич. описаніе греч. рукописей, томъ II, табл. XV (1063 г.), т. II. табл. XXVI (1116 г.), т. III. табл. XVII (1320 г.), т. III. табл. XVI (1318 г.), т. IV. табл. VII (1449 и 1470 г.), а также въ статьѣ «О миніатюрахъ и украшеніяхъ въ греческихъ рукописяхъ etc.») даютъ еще болѣе поразительные образцы греческаго звѣринаго стиля. Ср. также Стасова, Альбомъ, табл. 125. Сравненіе этого матеріала дѣлаетъ совершенно очевиднымъ два факта: во-первыхъ то, что въ цвѣтущую эпоху византійскаго орнамента этотъ народно-фантастическій стиль очень рѣдокъ и еще мало нарушаетъ каркасъ. Во-вторыхъ то, что дѣйствительно тератологическая манера (также не господствуя) чаще появляется въ періодъ политическаго паденія Византіи (XIII — XV вѣка), когда славяне усвоивали себѣ нео-византійскій лиственный стиль, отлагая тератологію. Вполнѣ вѣроятно, что эта эпоха представляетъ греко-славянскій *обмѣнъ* орнамента.

маго начала, въ IX вѣкѣ, получилъ тѣ же мотивы въ болѣе однообразной западной обработкѣ — въ паннонскую эпоху письменности. Сходство нѣкоторыхъ глаголическихъ орнаментовъ XI вѣка съ западными лонгобардской эпохи поразительно въ области красокъ и рисунка. Съ другой стороны, попытка подражать реально-художественнымъ формамъ, заимствованнымъ изъ природы, не могла отсутствовать совершенно; но, какъ отмѣтилъ Ягичъ, подъ рукою славянскихъ мастеровъ она съ самаго начала давала образы грубо-народные, смутно-фантастическіе. Нѣсколько причинъ приводило къ этому: простое непониманіе деталей оригинала, огрубѣніе соотвѣтственныхъ византійскихъ мотивовъ при копировкѣ; наклонность обращать растительныя формы въ звѣриныя; въ иниціалахъ — вліяніе глаголическихъ начерковъ на кирилловскіе. Иногда простое примѣненіе византійской змѣиной головки къ такимъ буквамъ, которыя не получали её у византійцевъ, уже могло создавать новый фантастическій тонъ. Источникомъ нарождавшагося тератологическаго стиля являлся между прочимъ простѣйшій народный пріемъ: глазъ ставился на листѣ или вѣткѣ, которымъ оканчивалось плетенье, и растительный мотивъ обращался въ странную звѣриную форму, едва пробудившуюся для органической жизни[1]).

Особый по духу, вовсе не византійскій, характеръ глаголицы дѣлалъ глаголическіе иниціалы важнымъ источникомъ художественныхъ перемѣнъ въ той славянской средѣ, гдѣ происходила смѣна одного алфавита другимъ, т. е. въ Македоніи, на рубежѣ XI и XII вѣковъ. Въ глаголическомъ Зографскомъ Евангеліи XI вѣка и въ кирилловскомъ Григоріи Назіанзинѣ XI вѣка уже наблюдаются первые шаги этихъ явленій. Иниціалы Синайскаго требника, давно изданные Гейтлеромъ (Die albanesischen und slavischen Schriften, 141) представляютъ ихъ вполнѣ наглядно. Кирилловская

1) Къ чему могла вести самая небольшая передѣлка, указываетъ напр. тератологическій иниціалъ Б, Ѥ или Г: птица, вытянувъ шею вверхъ, выбрасываетъ изъ клюва сложную вѣтку (напр. въ Болонской псалтыри табл. IV.15). Бордье и Амфилохій приводятъ нѣсколько византійскихъ иниціаловъ Т, видимо послужившихъ образцомъ для славянскихъ Б Ѥ Г. Передѣлка произошла по требованію языка въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ греческое слово начиналось съ τ, а его славянскій переводъ съ *б*, *в* или *г*. Таково начало нѣкоторыхъ псалмовъ (5-го, 23-го: Τὰ ῥήματα — **Глаголъı**, Τοῦ Κυρίου ἡ γῆ — **Господьнꙗ ѥстъ землꙗ**), а также очень многія зачала Евангелія-Апракоса (Τῷ καιρῷ ἐκείνῳ — **Въ врѣмѧ оно**). Ср. Bordier, p. 62: presque toutes (les initiales) — des T et des E, parce que la plupart des paragraphes commencent par les mots: In illo tempore, (Τῷ καιρῷ ἐκείνῳ), ou Dixit Iesus Christus (Εἶπεν ὁ Κύριος). Византійскій прототипъ выдержанъ въ геометрическомъ стилѣ и содержитъ второстепенный художественно-реальный мотивъ: птичку. Славянскія подражанія дѣлаютъ этотъ мотивъ главнымъ и вскорѣ затемняютъ геометрическій каркасъ.

Саввина Книга XI вѣка и Листки Ундольскаго XII вѣка—типичные примѣры кирилловскихъ инициаловъ, ведущихъ начало отъ глаголическихъ[1]). Названныя три влiянiя, измѣнявшiя византiйскiй стиль на славянской почвѣ, имѣютъ тотъ общiй признакъ, весьма существенный, что они пробивали себѣ путь при слабомъ, смутномъ участiи художественнаго сознанiя подъ рукою смѣнявшихся поколѣнiй; то было творчество коллективное. Только тогда, когда образы вновь достигали извѣстной типичности, сознанiе вчитывало въ нихъ извѣстный стиль и смыслъ и осуществляло его механическими средствами искусства—главнымъ образомъ прiемомъ симметричной комбинацiи (въ заставкѣ) и прiемомъ усложненiя плетенья (въ инициалѣ). Получившiйся въ результатѣ тератологическiй стиль былъ очень далекъ отъ природы, онъ только смутно и странно напоминалъ ея самые общiе очерки, какъ напоминаютъ ихъ мимолетныя формы облаковъ. Неподвижность, отсутствiе рельефа и реальной окраски дополняли стиль. Буслаевъ первый отмѣтилъ это и сравнилъ тератологическiе рисунки съ прорѣзью, «узорочьемъ», въ отличiе отъ живописнаго или скульптурнаго стиля различныхъ античныхъ и западныхъ произведенiй орнамента, которыя создавались личнымъ творчествомъ художниковъ-каллиграфовъ и отражали болѣе конкретныя и сознательныя идеи. Оба стиля имѣютъ свою прелесть и удовлетворяютъ двумъ различнымъ запросамъ фантазiи. Тератологiя особенно характерна для сѣвернаго народа и славянской расы, пластическiй, «активно-художественный» стиль фантастическаго орнамента господствовалъ на западѣ въ эпоху романскую. По содержанiю оба направленiя родственны, какъ угадалъ Буслаевъ; разница главнымъ образомъ въ тонѣ творчества.

Безсознательное и смутно-фантастическое развитiе орнамента было у славянъ главнымъ направленiемъ. При этомъ однако въ начальную эпоху, о которой мы говоримъ, пробилась и болѣе активная струя фантастическаго вкуса, вполнѣ родственная съ западнымъ романскимъ. Это направленiе сказалось въ каменной рѣзьбѣ русскихъ Владимiро-Суздальскихъ храмовъ XII—XIII вѣка и въ сербской архитектурѣ той же эпохи. Оно представлено въ орнаментѣ рукописей очень скудно, но всё же настолько, что само направленiе можетъ быть удостовѣрено. Инициалы Мирославова и Юрьевскаго Евангелiй XII вѣка—необыкновенно яркiе, но почти единственные памятники этого творчества. Оно видимо шло съ Запада и было прямымъ перене-

1) См. «Разсужденiе о языкѣ Саввиной книги», стр. 20—26 и статью «Листки Ундольскаго» (Сб. въ честь Ф. Ѳ. Фортунатова).

сеніемъ тамошняго романскаго стиля на славянскую почву. Въ недавно вышедшей прекрасной работѣ Бережкова высказывается предположеніе, что въ архитектурѣ проводникомъ этого направленія для Россіи могла быть Галицкая земля; къ сожалѣнію, происхожденіе Юрьевскаго Евангелія не позволяетъ принять тотъ же путь и для орнамента рукописнаго. Въ Россіи это романское теченіе XII вѣка не нашло себѣ почвы: будущее принадлежало тератологическому «узорочью». Но позднѣе эти раннія романскія заимствованія вдохнули новую жизнь и новый смыслъ въ русскую тератологію[1]). Въ Сербскомъ орнаментѣ они съ самаго начала чувствуются сильнѣе: въ этомъ орнаментѣ вообще меньше инерціи и больше сознательнаго творчества. Изъ Сербіи эта художественная волна, какъ слѣдуетъ предполагать, передалась въ Болгарію, именно въ восточную Болгарію эпохи Іоанна Асѣня II. Въ общемъ это направленіе заглохло и въ болгарскихъ странахъ; исключеніе составляетъ Тырновская школа. Господствующимъ, какъ и въ Россіи, осталось направленіе орнамента, которое развивалось безсознательно и достигнувъ типичности подчинилось технической, а не творческой обработкѣ. Повторяемъ, что исторія искусства ничего не проиграла отъ этого. Техническіе рессурсы искусства таятъ въ себѣ огромную художественную

---

1) Я указываю, что до конца XIII вѣка, а по областямъ и гораздо долѣе, русскій орнаментъ жилъ главнымъ образомъ повтореніемъ восточно-болгарской технической тератологіи. Исключеніе, не ускользнувшее разумѣется отъ Буслаева и Ягича, составляетъ *новгородское* Евангеліе: Юрьевское 1120—1128. Его мы уже касались; замѣтимъ здѣсь еще, что и технически его выразительные инициалы рѣзко отличны отъ «узорочья» славянской тератологіи: въ нихъ еще чувствуется романскій принципъ рельефа, который сказывается иногда — въ легкой тушевкѣ, а всего болѣе въ отсутствіи профильнаго унисона: есть повороты фигуръ въ $3/4$ и (чаще) въ $4/5$, позднѣе не повторяющіеся. Романскіе элементы находимъ еще въ Кондакарѣ Публ. Библ. XII в. (Стас. LVII. 14—26), гдѣ между прочимъ и голубая штриховка. Ихъ тератологическую передѣлку см. въ Евангеліи XII—XIII в. (Стас. LVIII. 8—13: борьба голубыхъ фоновъ съ желтыми болгарскими). Буслаевъ указываетъ ближайшее развитіе стиля Юрьевскаго Евангелія въ инициалахъ Добрилова 1164 г. Но какое развитіе! славянская техническая тератологія безъ рельефа, съ профильнымъ унисономъ и въ цвѣтныхъ тонахъ болгарской школы. Для XII вѣка — это раннее областное явленіе искусства, рудименты того процесса, который въ XIV вѣкѣ охватилъ всю сѣверо-западную половину Россіи. Если имѣть въ виду, что на Западѣ романскій стиль инициаловъ отцвѣтаетъ вмѣстѣ съ XII вѣкомъ, показанія двухъ упомянутыхъ новгородскихъ Евангелій окажутся драгоцѣннѣйшимъ историческимъ звеномъ, котораго недоставало исторіи русскаго орнамента. Въ самомъ дѣлѣ, романская струя орнамента не могла прійти съ Запада во второй половинѣ XIII вѣка, ибо въ эту эпоху она сама тамъ изсякла. Неизбѣжно предположеніе, что переработка романскаго стиля уже въ XII вѣкѣ произошла гдѣ-то въ самой Россіи; полученный этимъ путемъ варіантъ тератологическаго стиля ждалъ только благопріятнаго времени, чтобы гораздо позднѣе живительною струёю войти въ русло болгарской технической тератологіи, уже усвоенной русскими мастерами.

продуктивность, коихъ дѣйствія и конечные результаты всего ближе напоминаютъ творчество природы. На этомъ пути славянамъ удалось создать оригинальнѣйшій разрядъ тератологическаго орнамента и разработать оригинальнѣйшій разрядъ живописи — иконопись.

Первые зачатки славянскаго орнамента (XI—XII вв.) въ сравненіи съ орнаментомъ византійскимъ, по замѣчанію Ягича, носятъ признаки «варварскаго» стиля. Эта «варварская» разновидность византійскаго стиля по датѣ одновременна съ чисто византійской разновидностью, характерной для роскошныхъ славянскихъ рукописей, возникавшихъ въ крупныхъ центрахъ. Только первое направленіе содержитъ самостоятельную переработку византійскаго матеріала, хотя еще только въ зародышѣ. Второе направленіе подражательно, хотя по обнаруженной способности воспроизведенія заслуживаетъ всякой похвалы. Принципіально—«варварская» разновидность рѣшительно принадлежитъ еще къ византійскому стилю. Въ самомъ дѣлѣ, главное отличіе ея отъ византійскаго стиля состоитъ только въ качествѣ мотивовъ; они главнымъ образомъ видоизмѣнились подъ воздѣйствіемъ разнородныхъ вліяній, указанныхъ выше, и отчасти усложнились и приняли новый художественный тонъ. Но принципъ каркаса въ общемъ остается въ силѣ. Новые мотивы имѣютъ ту-же служебную цѣль. О заставкѣ нечего и говорить. Въ иниціалахъ мотивы или вписываются въ контуры каркаса или сами замѣняя эти линіи, близко подражаютъ имъ. Такъ примѣняются напримѣръ различныя звѣриныя морды, замѣняющія петли вверху и внизу. Усложненіе мотивовъ не пошло еще далеко: примѣненіе двухъ или трехъ мотивовъ (звѣринаго, травнаго, плетенаго) къ одной и той-же части, т. е. комбинаціи, существенно затемняющія каркасъ, обыкновенно еще отсутствуютъ. Каркасъ держался, правда, только по инерціи, и нароставшія измѣненія не могли не подрывать его. Гдѣ-же положить границу между этой переходной манерой и тератологическимъ стилемъ, который её смѣнилъ? Въ Россіи эта граница, почти совпадающая съ татарскимъ нашествіемъ, намѣчается ясно, потому что развитіе орнамента не было самостоятельно: XI и XII вѣка отражали главнымъ образомъ во-первыхъ византійскій стиль, во-вторыхъ югославянскую переходную манеру и зачатки югославянской «народной» тератологіи, XIII-ый — главнымъ образомъ болгарскій стиль «технической» тератологіи. Русскій народъ еще не участвуетъ въ замѣтной мѣрѣ въ переработкѣ орнамента. Въ Болгаріи находимъ втеченіе XI—XIII вѣковъ непрерывное развитіе; тамъ, гдѣ отсутствіе памятниковъ скрываетъ

его ступени, изслѣдованіе принуждаетъ предположить ихъ. Для хронологіи и подробнаго анализа этого стиля мы обязаны прежде всего указать существенный признакъ, объединяющій всѣ территоріальные варіанты его и отдѣляющій его отъ предыдущаго развитія. Буслаевымъ предложено и Ягичемъ принято считать существеннымъ признакомъ типичной тератологіи сложную комбинацію мотивовъ, именно—одновременное примѣненіе плетеній и звѣриныхъ формъ къ одной и той-же детали. Практически такая примѣта чрезвычайно полезна, но только по отношенію къ Россіи, гдѣ утвердилась болѣе совершенная техническая разновидность болгарской тератологіи. Для самихъ болгарскихъ земель единственной принципіальной примѣтой является отрицаніе каркаса: только эта примѣта и объединяетъ два разряда болгарской тератологіи.

Оба разряда рѣзко различаются между собою по содержанію мотивовъ и по способности къ ихъ сочетанію. Народная тератологія непосредственно пользуется простѣйшимъ результатомъ переходной манеры. Лишь только плетенье заставки получило по конечностямъ го̀ловы (при помощи «глаза»), былъ созданъ мотивъ «змѣи», которымъ народные писцы начали пользоваться и для иниціаловъ. Каркасъ при этомъ отрицался, и слѣдовательно всѣ образцы этого стиля должны быть отнесены къ тератологіи. Какъ бы ни были фантастичны мотивы, которыми наше Остромирово Евангеліе наполняетъ или замѣняетъ петли буквъ, эти мотивы лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, и то мало, отклоняются отъ линій каркаса или точнѣе — придаютъ къ нимъ нѣчто лишнее (напр. у Стасова, табл. L. 4. 6: драконъ, изображающій нижнюю петлю). Прямую противоположность составляетъ громадное большинство *македонскихъ* рукописей до XIV вѣка. Онѣ не исполняютъ и элементарныхъ требованій каркаса. Мы можемъ разсматривать ихъ иниціалы на какомъ угодно разстояніи, — детали не сливаются ясно въ основныя геометрическія линіи буквы. Другія примѣты, очень устойчивыя въ этомъ разрядѣ, — какъ то: дурной рисунокъ и смутно-фантастическое содержаніе не всегда могутъ служить отличіемъ отъ предыдущей славяно-византійской манеры въ ея народной разновидности[1]). До какой причудливости доходитъ въ своихъ варіантахъ змѣиный мотивъ, показываютъ Слѣпченскій Апостолъ,

1) Македонскія рукописи народно-тератологическаго стиля содержатъ почти всегда болѣе или менѣе значительные остатки иниціаловъ предыдущей манеры. Съ художественно-исторической точки зрѣнія Стасовъ совершенно правъ, характеризуя эти рукописи иниціалами послѣдняго, т. е. тератологическаго стиля.

Паремейникъ Григоровича и Боянское Евангеліе (Стасовъ, табл. II и III). Но при этомъ сростаніе змѣинаго мотива съ какими-либо другими вообще не наблюдается. Рѣдкое исключеніе содержитъ пожалуй Слѣпченскій Апостолъ: человѣческую фигурку, механически введенную въ змѣиный извивъ (Стасовъ, табл. III. 32).

Искусственный разрядъ болгарской тератологіи, созданія котораго не обобщились въ Македоніи, основался на болѣе сложномъ матеріалѣ: онъ, какъ мы видѣли, вводитъ въ иниціалы птицу и четвероногое и разрѣшаетъ нѣсколько техническихъ задачъ въ приспособленіи этихъ мотивовъ къ контурамъ буквъ. Народные мастера, усвоившіе змѣю, не связывали себя подобными задачами: змѣиное тѣло по произволу допускало всевозможные повороты, только не строго геометрическіе. Но упомянутое приспособленіе по самому свойству задачи и въ техническомъ разрядѣ было настолько приблизительное, что иниціалы этого стиля не могутъ быть отнесены къ византійской манерѣ. Это подтверждаютъ и тѣ русскіе тератологическіе памятники, которые ищутъ каркаса иными средствами, — не довольствуясь контурами тератологическаго образа, они придаютъ очерки буквы тому цвѣтному фону, на который положенъ этотъ образъ. И въ заставкахъ оба болгарскихъ разряда рѣзко различаются по содержанію мотивовъ. Заставка техническаго разряда создается изъ симметричной комбинаціи двухъ тератологическихъ иниціаловъ, между тѣмъ какъ въ народной тератологіи заставка удержала плетенье — съ змѣиными головами или безъ нихъ.

Главнымъ памятникомъ «искусственнаго» тератологическаго стиля, или «тератологической школы» въ болгарскихъ областяхъ является Болонская псалтырь. Въ остальныхъ македонскихъ рукописяхъ, сообразно ихъ общей примитивности, господствуетъ или очень упрощенная византійская манера, или тератологія народная. О «школѣ» мы вынуждены судить исключительно по Болонской псалтыри, хотя и можемъ подозрѣвать, что «школа», при томъ въ художественномъ, а не въ техническомъ видѣ, сложилась не въ Македоніи, а въ восточной Болгаріи, при дворѣ Асѣня II. Отсюда ея образцы въ обиліи должны были проникать въ Россію, какъ вѣкомъ позднѣе проникала миніатюра Іоанна Александра, а тремя вѣками ранѣе — литература и искусство Симеоновской эпохи. До татарскаго ига русскія связи съ Восточной Болгаріей не переставали быть оживленными. Исторія сохранила любопытныя, хоть и отрывочныя воспоминанія о живости русско-болгарскихъ сношеній той эпохи. Все отрочество Іоанна Асѣня протекло въ Россіи, и въ

духовномъ обликѣ этого царя ясно запечатлѣлись нѣкоторыя черты, чуждыя Болгаріи и очень обычныя въ положительныхъ типахъ русскаго вѣчевого періода.

Болонская псалтырь отражаетъ въ себѣ сравнительно кратковременную эпоху болгарскаго господства въ Охридѣ. До насъ дошли какъ бы два радіуса, которымъ центромъ служила Тырновская школа XIII вѣка. Центръ этотъ исчезъ для насъ, но радіусы могутъ быть сведены только къ нему. Тератологическій стиль Болонской псалтыри заключаетъ въ себѣ слѣды положительныхъ замысловъ художественныхъ и техническихъ, которые невольно связываются съ представленіемъ о школѣ, пытавшейся овладѣть новымъ стилемъ, нормировавъ его мотивы. Этотъ переходъ отъ художественной школы къ технической произошелъ очевидно до Болонской псалтыри — на почвѣ самой Восточной Болгаріи: понятно, что уже придворные Тырновскіе каллиграфы должны были различаться по степени мастерства, а ихъ произведенія еще болѣе измѣнялись провинціальными и народными мастерами. Сама Болонская псалтырь идетъ и далѣе того, ограничивая число мотивовъ, и особенно — количество варіантовъ, и сводя остающееся къ механической копировкѣ.

Откуда былъ полученъ новый стиль въ школѣ Іоанна Асѣня? На этомъ вопросѣ мы не можемъ останавливаться здѣсь подробно: это отвлекло бы насъ въ спеціальное изслѣдованіе сербскаго орнамента. Укажемъ еще разъ на «романскія» черты сербскихъ украшенныхъ рукописей самаго конца XII вѣка и на замѣчательное сербское Евангеліе, вѣроятно XIV вѣка, инипіалы котораго изданы Стасовымъ (Альбомъ, табл. XXI и XXII) и такъ мѣтко оцѣнены Буслаевымъ въ качествѣ художественнаго памятника, слагающаго съ себя тератологическій стиль. Вотъ предѣльныя даты сербской тератологіи, спеціально не изученной и несравненно болѣе индивидуальной и творческой, нежели тератологія болгарская. Слѣдъ болѣе свободныхъ образцовъ еще ясенъ въ изящномъ инипіалѣ восточно-болгарской Норовской псалтыри[1]). Болонская псалтырь окончательно свела ихъ къ трафарету, все еще интересному, но стоящему ниже одновременныхъ русскихъ подражаній. Идя по тому-же пути нормировки, русскіе мастера проявили здѣсь, какъ и всюду, поразительную ремесленную талантливость. Если бы мы были принуждены самимъ матеріаломъ рѣшать вопросы тератологическаго стиля ис-

1) Леонидъ, Описаніе рукописей гр. Уварова, т. I, фототипія послѣ стр. 8.

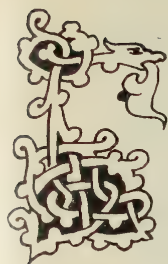
ключительно по русскимъ памятникамъ, его корни остались бы вѣроятно не намѣченными, а его вторая, роскошная эпоха (русскій XIV вѣкъ) не отдѣленной точно отъ первой. Вопросъ о непосредственномъ западномъ приливѣ, вызвавшемъ къ жизни русскую тератологію XIV вѣка, также представлялся бы еще болѣе темнымъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ Болонская псалтырь, вмѣстѣ съ другими болѣе скудными памятниками болгарской технической тератологіи, является неоцѣнимымъ, хотя и косвеннымъ мѣриломъ. Какъ ни скудны теперь наши свѣдѣнія о болгарской тератологической «школѣ», мы все же можемъ утверждать, что она не представляла стихійнаго явленія: время ея расцвѣта было непродолжительно[1]), а конечные плоды менѣе типичны, чѣмъ въ Россіи: въ Болгаріи тератологія не поглотила въ себя такой массы сюжетовъ и не исчерпала такой массы комбинацій; короче — у южныхъ славянъ она не выросла изъ рамокъ орнамента до глубокаго художественнаго показателя эпохи и народа. Съ другой стороны, болгарская тератологія во времени предшествуетъ русской, и посему можетъ быть разсматриваема только въ качествѣ независимаго болгарскаго явленія.

Художественные замыслы и задачи, еще сохранившіеся въ Болонской Псалтыри, состоятъ въ слѣдующемъ: звѣриный образъ выступилъ самостоятельно: не вступая въ геометрическій каркасъ буквы, а устраняя его. Для Евангелія, Апостола и Псалтыри всего важнѣе были иниціалы **Б** (**братиѥ, блг҇венъ, бж҇е**), **В** (**въ врѣмѧ оно, въ оны дьни, величитъ, велии**), **Г** (**гдь҇**), **Р** (**рече г҇ь**). На нихъ и вырабатывался новый стиль. Мы уже указали, что посредственность рисунковъ Болонской псалтыри сказывается не въ ограниченномъ количествѣ основныхъ мотивовъ, свойственномъ этому стилю вообще, а въ отсутствіи богатой системы варіантовъ, столь характерной для славяно-византійскаго орнамента.

Надлежало замѣнить мачту названныхъ буквъ подходящею частью звѣринаго тѣла. Задача разрѣшена введеніемъ длинной шеи, продолженіемъ которой является грудь. Такая планировка птичьяго тѣла (въ основѣ — реалистическая) была уже давно найдена въ Коптской миніатюрѣ (ср. Стасова, Альбомъ, т. CXXXIII 7. 8) и вѣроятно передавалась отсюда при случаѣ въ провинціальную миніатюру византійскую. Преобладалъ же въ византій-

---

1) Издаваемые ниже избранные иниціалы восточно-болгарской лицевой псалтыри средины XIV вѣка (Псалтырь Томича) сохраняютъ ясные, но уже немногочисленные слѣды художественной и отчасти также технической тератологіи. Ее смѣнилъ другой стиль, анализъ котораго я предлагаю въ особой статьѣ (Юбилейный Сборникъ въ честь М. С. Дринова).

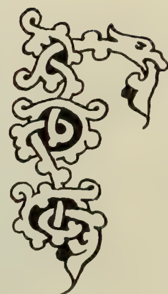
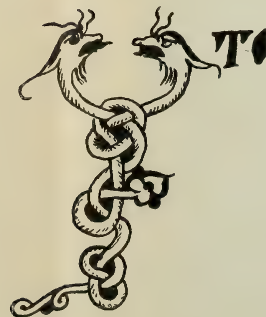

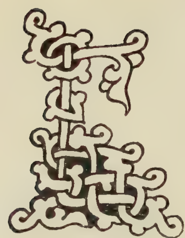

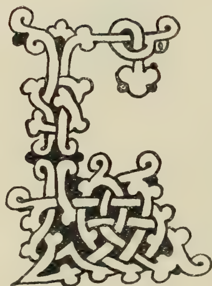
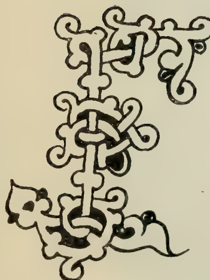

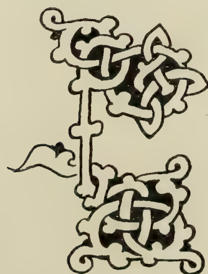
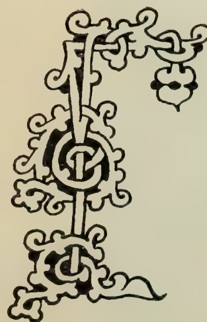
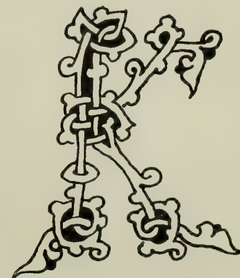

Псалтырь Томича.
Инициалы.

Псалтырь Томича.
Инициалы.

Цинк. VIII.

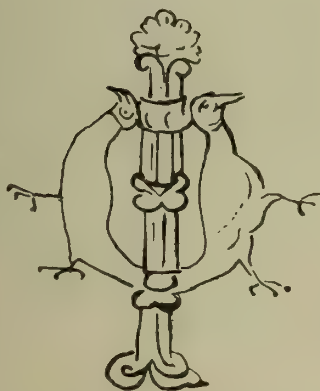

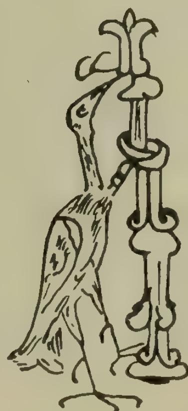

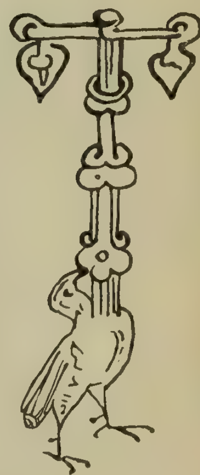

ской миніатюрѣ другой, болѣе геометрическій варіантъ, который, какъ сейчасъ увидимъ, и послужилъ главнымъ матеріаломъ для выработки славянскаго тератологическаго инициала.

Надлежало сочетать съ новыми орнаментальными представленіями навѣсъ типовъ в и г. Безъ крайняго, притомъ художественно-неосмысленнаго искаженія звѣриная голова сама по себѣ не могла служить этой цѣли; в л. 143 (табл. IV. 14) Болонской псалтыри стоитъ въ этомъ отношеніи совершенно одиноко: оно говоритъ только о порчѣ болѣе совершенныхъ образцовъ. Высунутый языкъ съ загибомъ внизъ также оказался бы неудовлетворительнымъ средствомъ, и не только по художественному смыслу, но и по своимъ размѣрамъ (ср. языки на табл. IV. 9. 10. 11). Задача была разрѣшена при помощи стараго византійскаго мотива: звѣриная пасть извергла вѣтку, ту старую византійскую вѣтку, которая такъ незамѣнима въ орнаментѣ и такъ способна къ усложненію[1]). При фантастическомъ характерѣ главнаго мотива форма и размѣры вѣтки не стѣсняли художника. Главные варіанты этого типа въ Болонской псалтыри таковы: 1) голова обращена вправо, вѣтка выходитъ вправо, листва спускается внизъ (табл. II. 8—10. 13. 14.), 2) голова обращена вверхъ, вѣтка выбрасывается вверхъ и загибаетъ вправо, листва виситъ внизъ (табл. IV. 15). Иное разрѣшеніе той же задачи (табл. IV. 18) равносильно уже разложенію тератологическаго стиля: оно соединяется съ отрицаніемъ основныхъ животныхъ формъ: клюва, шеи, спины и крыла, даже хвоста и ногъ. Это очевидно сложная и неумѣлая попытка отдѣльнаго лица. Она знаменуетъ паденіе школы на степень тератологіи народной.

Надлежало изобразить верхнюю петлю типовъ в и р. Мы находимъ два различныхъ разрѣшенія задачи: у в петля изображается тою же вѣткой, которая или выбрасывается зѣвомъ и концомъ падаетъ на грудь (табл. II. 11), или вырастаетъ изъ затылка и, огибая голову вверху, проходитъ сквозь

---

1) Въ сущности славянскіе мастера только подвели подъ этотъ мотивъ другую комбинацію, встрѣченную ими. На цинкографіи VIII. указаны византійскіе иниціалы: Т X—XI вѣка (по Бордье) и Є и Т 1063 года (по Амфилохію), которые находятся въ очевидномъ родствѣ съ описываемыми тератологическими. По времени эти византійскіе иниціалы предшествуютъ болгарской технической тератологіи. По стилю они вполнѣ византійскіе: при взглядѣ на разстояніи выступаетъ только геометрическій каркасъ буквы (для Є это извѣстный византійскій варіантъ основного начертанія). Птица, находчиво, но все же механически приставленная снизу, относится сама къ реально-художественнымъ мотивамъ. Такимъ образомъ, ничего тератологическаго иниціалъ не содержитъ, но славяне осмыслили верхъ буквы въ качествѣ вѣтки, которую и помѣстили въ птичій зѣвъ (см. прим. на стр. 45).

клювъ и свѣшивается на грудь (табл. II. 12). Оба рѣшенія удовлетворительны, но въ указанныхъ иниціалахъ Болонской псалтыри первое слишкомъ осложнено, а второе уже совсѣмъ плохо передаетъ контуръ петли; быть можетъ, это позднее искаженіе мотива. Для ρ задача разрѣшается другимъ фантастическимъ мотивомъ: шея образуетъ петлю вправо, а голова, кусая основаніе шеи, замыкаетъ петлю (табл. II. 16, IV. 16. 17).

Для обработки верхнихъ частей типовъ б в г ρ было безразлично, какого рода звѣриный образъ былъ положенъ въ основу иниціала — птица или четвероногое, ибо фантастическій стиль, довольствуясь заимствованіемъ самыхъ общихъ реальныхъ примѣтъ, не требовалъ спеціализаціи въ изображеніи головы и шеи. При обработкѣ низовъ иниціала художнику предстояло высказаться въ пользу птицы или четвероногаго. Иниціалъ б (табл. II. 9) наводитъ на мысль, что самое выгодное рѣшеніе задачи было бы такое: б и в — четвероногое, г и ρ — птица съ возможно сокращенными и вытянутыми въ одну линію хвостомъ и ногами, ср. ρ табл. II. 16. Но въ иниціалахъ предыдущей «византійской» манеры художникъ находилъ несравненно чаще птицу, ср. к табл. II. 2, IV. 8, в табл. III. 1. При механическомъ характерѣ переработки художникъ былъ связанъ этимъ наслѣдіемъ: птица въ болгарскомъ орнаментѣ стала главнымъ матеріаломъ также для тератологическихъ типовъ б и в. Сравнивая въ Болонской псалтыри всѣ типы б в г ρ, имѣющіе видъ птицы, мы убѣждаемся, что у б и в тулово, хвостъ и крыло очень часто недостаточно усилены вправо (удачное исключеніе составляетъ б табл. II. 10, табл. IV. 15, 18), а у г и ρ тѣ же части недостаточно сокращены, а иногда прямо безцѣльно развиты влѣво (б табл. II. 8, г табл. II. 13, ρ табл. IV. 17). Допустимъ, что и эта черта относится къ порчѣ стиля, послѣдующему взаимоуподобленію типовъ; все-же очень вѣроятнымъ остается предположеніе, что художники пользовались главнымъ образомъ такимъ типомъ птицы предыдущей «византійской» манеры, который имѣлъ голову въ одну, а хвостъ въ другую сторону. Поворотъ головы къ хвосту, очень выгодный для б и в, составляетъ меньшинство иниціаловъ Болонской псалтыри (табл. II. 9. 10, IV. 18); очевидно, уже оригиналъ Болонской псалтыри не былъ вполнѣ совершеннымъ въ этомъ отношеніи. Разрѣшеніе задачи низовъ буквъ — очевидно лишь посредственное: оно поверхностно и обнаруживаетъ большую зависимость отъ наиболѣе обычныхъ мотивовъ предыдущей манеры; ея болѣе рѣдкіе мотивы не изучены или, во всякомъ случаѣ, не использованы.

Для низа типовъ в и в недостаточно было усилить вправо крыло, хвостъ и тулово; надлежало создать массивъ, или связную поверхность. Эта задача вполнѣ удовлетворительно разрѣшена примѣненіемъ плетенья. Исходнымъ ремнемъ плетенья является хвостъ, оканчивающійся традиціонной вѣткой. Наблюдаются три главные пріема: 1) хвостъ просто оплетаетъ ноги (табл. II. 11. 14), рѣдко закрѣпляясь традиціоннымъ кольцомъ (табл. II. 9); 2) хвостъ въ самомъ началѣ образуетъ острый поворотъ (табл. II. 8. 13 и др.). Это традиціонный мотивъ византійскаго плетенья (ср. I. 9. 16. 22), которымъ въ тератологическихъ иниціалахъ достигается красивое направленіе хвоста вверхъ, гдѣ онъ образуетъ петли (табл. II. 8. 13), а также внизъ (табл. II. 17); 3) хвостъ образуетъ два послѣдовательныхъ излома, но не въ началѣ; результатъ—сложное и красивое плетенье (табл. II. 10); 4) хвостъ, образуя изломъ, въ концѣ концовъ впадаетъ въ крыло (табл. III. 15, свободный ремень, висящій съ шеи,—несущественная прибавка).

Впечатлѣніе связной поверхности усиливается тѣмъ, что промежутокъ между ремнями (табл. II. 10—лучшій типъ во всей псалтыри) часто заполненъ краскою, въ Болонской псалтыри—киноварью. Вотъ и всѣ основы тератологическаго стиля Болонской псалтыри. Другія болгарскія рукописи, хотя въ рѣдкихъ случаяхъ, даютъ техническіе пріемы, отсутствующіе или слабо представленные въ Болонской псалтыри. Изъ нихъ главный такой: голова, тулово и хвостъ птицы составляютъ одну вертикальную линію, хвостъ распущенъ, образуетъ расширенную базу; обозначены концы отдѣльныхъ перьевъ; плетенія исходятъ изъ крыла (Орбельская тріодь, Стасовъ VI. 2, восходитъ къ варіанту этого типа; ср. еще иниціалы Болонской псалтыри, табл. II. 12, III. 15). Система плетенія съ крыла въ болѣе разнообразныхъ варіаціяхъ сохранена только въ Россіи.

И нѣкоторые болѣе рѣдкіе (т. е. не повторяющіеся въ зачалахъ) иниціалы Болонской псалтыри: о табл. II. 15, IV. 12, с табл. II. 17. 18, не только своей фантастической стороной принадлежатъ къ тератологическому стилю: они также отрицаютъ каркасъ. Независимо отъ этого въ Болонской псалтыри представлена и предыдущая «славяно-византійская», или переходная манера. Мы издаемъ ея иниціалы, не останавливаясь на ней подробнѣе. Замѣтимъ только, что нѣкоторыя буквы особенно благодарны для византійской обработки и съ трудомъ подчиняются тератологическому стилю. Чтобы слѣдить за исторіей орнамента, всего лучше сосредоточить наблюденіе на такихъ буквахъ, которыя легко подчинялись обработкѣ въ различныхъ манерахъ.

Какъ разъ таковы наиболѣе употребительные инціалы в в г р. Въ нихъ скажется преобладаніе той или другой манеры, личныя склонности отдѣльныхъ мастеровъ, степень пониманія отдѣльныхъ формъ рисовальщиками и т. п. Въ концѣ концовъ мы получимъ возможность судить, какая манера въ данномъ памятникѣ отживаетъ, какая развивается или цвѣтетъ.

Примѣняя этотъ принципъ къ инціаламъ Болонской псалтыри, мы убѣждаемся, что юго-славянская тератологія уже вполнѣ сложилась. Первый и лучшій писецъ вполнѣ владѣетъ этимъ стилемъ и, судя по его инціаламъ, едва-ли мы въ правѣ думать, что стиль еще способенъ къ дальнѣйшему развитію. Инціалы византійскаго стиля (табл. I. 1—15) и начальной славянской его разновидности (табл. II. 2—7) распространены при этомъ у перваго писца въ зависимости отъ оригинала и начертанія буквы. Второй писецъ также владѣетъ тератологіей, иногда близко подходя къ 1-му (табл. I. 10), иногда давая комбинацію, которая у 1-го отсутствуетъ (табл. III. 15). Въ общемъ у 2-го писца тератологическіе инціалы встрѣчаются рѣже, какъ увидимъ далѣе — въ зависимости отъ оригинала. У 4-го писца (табл. IV. 12, 14—18) тератологическіе образы снова встрѣчаются чаще; о табл. IV. 12 сложнѣе, чѣмъ у 1-го писца (табл. II. 15), но остальные типы — проще и нѣкоторые (табл. IV. 14. 17. 18) плохо рисованы, особенно плохо в IV. 18. Такіе мастера и привели къ паденію тератологическій стиль. Дата Болонской псалтыри очевидно не датируетъ этого стиля, который во всякомъ случаѣ уже сложился ранѣе. Другіе македонскіе памятники не представляютъ тератологію въ такихъ типичныхъ формахъ, какъ Болонская псалтырь. Значитъ ли это, что всѣ они древнѣе ея? Проще допустить, что сложный стиль, требовавшій школы, не успѣлъ укорениться въ эпоху временнаго оживленія Охриды; онъ не былъ обобщенъ; изъ хорошихъ рисовальщиковъ многіе не принимали его крайностей, или (Погодинская псалтырь) прямо устраняли его; народные писцы остались при народной тератологіи, хотя, какъ увидимъ, во второй половинѣ XIII вѣка они заимствовали кое-что и изъ технической школы. Датировка болгарскихъ рукописей по тератологическому стилю, какъ видимъ, возможна до извѣстной степени и при наличномъ матеріалѣ; она нѣкоторыми датами подкрѣпляетъ классификацію, установленную по другимъ признакамъ, и только сама не образуетъ послѣдовательной скалы. Вотъ ея главныя даты:

I) *въ Восточной Болгаріи*: Первая четверть XIII вѣка — переносится изъ сербскихъ земель художественная тератологія; расцвѣтъ ея при Тыр-

новскомъ дворѣ. Изъ этой школы выдѣляется тератологія техническая. Вторая половина XIII вѣка — тератологія техническая смѣняетъ (по крайней мѣрѣ въ заставкѣ) свои первоначальные мотивы новыми, привлеченными со стороны. Послѣдніе отголоски художественной тератологіи еще въ срединѣ XIV в. при дворѣ Іоанна Александра.

II) *въ Македоніи*: Первая четверть XIII вѣка (и ранѣе)—тератологія народная. Вторая четверть XIII вѣка—частичное вторженіе тератологіи технической изъ Восточной Болгаріи. Вторая половина XIII вѣка—тератологія народная удерживаетъ за собою поле, но одновременно заимствуетъ нѣкоторые мотивы у тератологіи технической. Возможна частичная повѣрка этихъ датъ путемъ спеціальнаго сравненія Болонской псалтыри съ двумя памятниками — одной русской псалтырью XII вѣка и Шестодневомъ 1263 года.

Уже Ягичъ [1]) обращаетъ вниманіе на то, что въ извѣстную эпоху обмѣнъ художественныхъ мотивовъ происходилъ очень быстро между славянскимъ югомъ и Россіей. Замѣчательное сходство обнаруживается по наблюденію изслѣдователя между юго-славянскимъ орнаментомъ переходной (2-ой) манеры XII—XIII вѣка и русскимъ орнаментомъ той же эпохи и той же манеры. Эти наблюденія получаютъ очень цѣнное значеніе по отношенію къ Болонской псалтыри. Среди русскихъ рукописей до насъ дошла Псалтырь XII вѣка (Новгородская, Публичной библіотеки въ Спб., Стасовъ, табл. LII), которая даетъ намъ представленіе о томъ прототипѣ, къ которому восходилъ оригиналъ Болонской псалтыри; другіе юго-славянскіе памятники, старославянскіе болгарскіе и сербскіе, дѣлаютъ очень вѣроятнымъ, что и этотъ предполагаемый болгарскій оригиналъ не былъ древнѣе двѣнадцатаго вѣка. Въ иниціалахъ упомянутая Новгородская псалтырь представляетъ только переходную манеру, но при этомъ поразительно сходится съ соотвѣтствующими иниціалами Болонской псалтыри: почти всѣ *до*-тератологическіе мотивы обоихъ памятниковъ—одни и тѣ-же и вѣроятно стоятъ въ началѣ однихъ и тѣхъ-же псалмовъ: двѣ рыбки (Стасовъ, табл. LII, Болонская псалтырь, цинкогр. II. 1 и III. 8), в очень сходнаго типа (Стасовъ тамъ же, Болонская псалтырь, цинкогр. I. 9), м крупное и состоящее изъ однихъ наклонныхъ (Болонская псалтырь, табл. III. 18); х съ змѣиною головкой; о Новгородской псалтыри, образованное изъ окружностей,

---

1) Вѣстникъ Изящныхъ искусствъ, т. VI, 1888 г., вып. 2.

соотвѣтствуетъ какъ предшедствующая стадія жгутовому ѻ Болонской псалтыри (табл. I. 18; а ѻ табл. III. 2); є Новгородской псалтыри, украшенное жгутами и крыльями, соотвѣтствуетъ многимъ є Болонской псалтыри, по большей части уже тератологическимъ (табл. I. 21, II. 17. 18). Сохраненіе такого сходства достаточно объясняется одинаковымъ содержаніемъ памятниковъ и пріемомъ механическаго воспроизведенія рисунковъ. Тератологическій элементъ, какъ стиль, совершенно чуждъ Новгородской псалтыри. Болѣе поздняя дата Болонской псалтыри выясняется не только наличностью тератологическаго стиля, она видна и въ иниціалахъ переходной манеры, детали которыхъ, тамъ гдѣ отклоняются отъ Новгородской псалтыри, знаменуютъ новую эпоху, отразившуюся и на доживающихъ рисункахъ предшествовавшей.

Къ иного рода выводамъ приводятъ художественные мотивы сербскаго Шестоднева 1263 года. Въ его графикѣ давно открыты черты, указывающія на болгарскій оригиналъ, всего скорѣе — непосредственный. Зависимость орнаментовъ рукописи отъ болгарскаго орнамента указывалъ Ягичъ въ часто упоминаемой нами рецензіи на Стасовскій альбомъ. Чтобы въ художественныхъ мотивахъ судить объ этомъ болгарскомъ элементѣ, необходимо снять сербскій слой, также представленный въ рукописи. Большинство заставокъ и иниціаловъ Шестоднева вообще не можетъ быть возводимо съ достаточнымъ основаніемъ къ болгарскому источнику. Таковы заставки чисто византійскаго стиля: л. 267 — открытый къ низу неширокій прямоугольникъ, въ который вписанъ непрерывный вьющійся стебель съ традиціонными византійскими вѣтками, или заставка листа 71 об. — подобный прямоугольникъ, закрытый снизу, въ который вписаны розетки въ кружкахъ, расположенныхъ въ рядъ; эти кружки уже соединяются короткими жгутами. Совершенно въ тѣхъ же мотивахъ исполнена заставка-арка листа 205-го. Заставки листовъ 35-го и 170-го обнаруживаютъ болѣе позднюю византійскую манеру — преобладаніе жгутовъ, которые не соединяютъ, а образуютъ ряды кружковъ, заходящихъ другъ въ друга. Въ югославянскихъ рукописяхъ этотъ мотивъ, господствующій далѣе въ XIV вѣкѣ, а въ XV вѣкѣ переходящій въ Румынію и Россію, въ своемъ началѣ точно датируется только Шестодневомъ. Мотивъ этотъ распространенъ однако и въ недатированныхъ сербскихъ рукописяхъ XIII вѣка и македонскихъ, относимыхъ нами по примѣтамъ фонетики ко второй половинѣ XIII вѣка. Большинство иниціаловъ Шестоднева также не заключаетъ ничего спеціально болгарскаго. Они прямо

восходятъ къ Византіи; таковы в л. 142 об. и с л. 170, украшенныя вписанными травами, и т л. 71 об., состоящее изъ византійскихъ вѣтокъ, жгутовъ, колецъ и уголковъ, расположенныхъ архитектурно. Ѧ л. 205, съ скромной птичьей головкой надъ петлею,—также чисто византійскій мотивъ, равно какъ и Ѵ л. 35, украшенное простымъ гребешкомъ слѣва. Это любимые или вѣрнѣе наиболѣе привычные художественные мотивы Тодора Грамматика[1]). Совершенно въ иную область орнамента переноситъ насъ заглавный (7-й) листъ памятника, содержащій огромную прямоугольную заставку (3 × 4 вершка) и иниціалъ Б. Иниціалъ не можетъ быть отнесенъ къ тератологическому стилю; онъ мало типиченъ, ибо соединяетъ въ себѣ только мотивы, предшествовавшіе тератологіи и слѣдовавшіе за ней: каркасъ буквы совершенно ясенъ; въ нижнюю петлю, отчасти при помощи жгутовъ, включена птичка, стоящая въ той же позѣ, какъ въ иниціалѣ к Болонской псалтыри (табл. II, 2); переработка этого прототипа и въ Шестодневѣ очевидно относится къ переходной манерѣ. Только верхняя петля замѣнена сложнымъ и красивымъ узломъ. Этотъ второй мотивъ широко распространился въ XIV и XV вѣкахъ; это уже прямое отрицаніе какъ стараго византійскаго, такъ и тератологическаго стилей, т. е. совершенно новый шагъ орнамента. Въ XIV вѣкѣ, въ школѣ Іоанна Александра узловой мотивъ—основной для иниціаловъ. Если слѣдить его къ источнику, то мы убѣдимся, что онъ отмѣченъ только въ такихъ болгарскихъ рукописяхъ, которыя до сихъ поръ относились къ «XII—XIII» или прямо къ XIII вѣку, а по нашей классификаціи въ большинствѣ случаевъ относятся ко второй половинѣ XIII вѣка. Такимъ образомъ, этотъ мотивъ въ болгарскомъ орнаментѣ не только теоретически, но и на дѣлѣ представляетъ слѣдующую за тератологіей стадію. Но такая датировка мотива можетъ быть принята только для болгарскаго орнамента: въ сербскомъ орнаментѣ сплошь плетеныя верхнія петли датируются концомъ XII-го вѣка (Вуканово Евангеліе, Стасовъ, XVI. 4, 12). Естественнымъ является предположеніе, что этотъ мотивъ былъ полученъ болгарскими мастерами отъ сербскихъ, однимъ изъ представителей которыхъ и является писецъ Шестоднева, Грамматикъ Тодоръ. Орбельская Тріодь, которая приблизительно должна быть одной даты съ Шестодневомъ, содержитъ совершенно подобный иниціалъ в (Стасовъ, V. 10), только низъ

1) Я пользовался для анализа какъ самою рукописью, такъ и монографіей Калайдовича «Іоаннъ Экзархъ».

уже замѣтно приближенъ къ тератологической «школѣ», которая представлена и другими инициалами той-же рукописи (Стасовъ, VI. 2, 12).

Болонская псалтырь очевидно занимаетъ мѣсто между Новгородской псалтырью XII вѣка и Шестодневомъ 1263 г., по но своей датѣ должна быть ближе къ Шестодневу 1263 года, нежели къ предполагаемой болгарской рукописи XII вѣка.

Въ Македоніи наступаетъ наконецъ и извѣстнаго рода сліяніе технической тератологіи съ народной: послѣдняя заимствуетъ у первой нѣкоторые мотивы, низводя ихъ, впрочемъ, на свой художественный уровень; главный мотивъ этого рода — птица; техническое плетенье передается очень плохо и бѣдно. Македонскія рукописи, заключающія эту черту, по признакамъ графики, правописанія и языка, относятся къ третьему изъ установленныхъ нами ниже палеографическихъ разрядовъ (вторая половина XIII вѣка); слѣдуетъ однако помнить, что эта художественная черта не обязательна: ея отсутствіе не говоритъ о бо́льшей древности памятника.

·Б·

Анализъ почерковъ.

Установленіе даты Болонской псалтыри имѣетъ первостепенную важность для всей средне-болгарской письменности.

До конца XIII вѣка мы совершенно не имѣемъ болгарскихъ датированныхъ текстовъ — ни въ древне-болгарскомъ, или старо-славянскомъ изводѣ, ни въ изводѣ средне-болгарскомъ. Болѣе богатая датами русская письменность идетъ своими путями и во всякомъ случаѣ не даетъ прямыхъ показаній для хронологіи болгарскихъ рукописей: явленія юго-славянской графики отражаются въ Россіи во-первыхъ позднѣе, во-вторыхъ въ неравные промежутки времени, не соотвѣтствующіе этапамъ самой юго-славянской графики. Нѣкоторую помощь оказываютъ намъ только сербскіе датированные тексты, вообще зависимые отъ болгарской графики и не на много отстающіе отъ нея въ хронологіи почерковъ. Точная дата Болонской псалтыри не дана въ самой рукописи. То, что приведено выше въ пользу эпохи Асѣня II, основано на исторической вѣроятности. Очень возможно

однако, что и впредь найдутся изслѣдователи, предпочитающіе относить памятникъ къ эпохѣ Асѣня I. Конечныя даты царствованія двухъ Асѣней раздѣлены полувѣкомъ, т. е. такимъ промежуткомъ, который въ русской графикѣ почти всегда можетъ быть отличёнъ ясными палеографическими примѣтами. Болгарскія рукописи за отсутствіемъ датъ не могли быть опредѣляемы по полувѣкамъ. Палеографы, съ Срезневскимъ во главѣ, въ отличіе отъ историковъ, относили Болонскую псалтырь къ Старому Асѣню. Для нихъ цѣлое столѣтіе (XIII-е) оказывалось въ виду этого недатированнымъ. Памятники опредѣлялись, если можно такъ выразиться, съ неточностью ста лѣтъ; очень распространены были опредѣленія «XII—XIII в.», «XIII в.», «XIII—XIV вѣкъ», при чемъ при двойной цифрѣ разумѣлся отнюдь не рубежъ двухъ вѣковъ, а вся вторая половина одного и вся первая другого. И эта приблизительная оцѣнка не спасала впрочемъ отъ противорѣчій: оставались факты необъяснимые [1]). Вокругъ Болонской псалтыри группировались изслѣдователями другіе, недатированные памятники, близкіе къ ней графически — главнымъ образомъ Апостолы Охридскій и Слѣпченскій; Погодинская псалтырь считалась даже древнѣе Болонской, т. е. древнѣе конца XII вѣка, къ которому послѣднюю относили. Установивъ выше иную дату памятника, мы обязаны показать, насколько она гармонируетъ съ показаніями всей болгарской графики. Понятно, что хронологическая переоцѣнка не можетъ ограничиться одною Болонской псалтырью, ибо, какъ указано, этотъ памятникъ служилъ до сихъ поръ главнымъ мѣриломъ для хронологическаго распредѣленія другихъ болгарскихъ рукописей. Выиграетъ ли болгарская палеографія въ ясности отъ перенесенія Болонской псалтыри изъ конца XII вѣка во вторую четверть XIII-го?

Не имѣя твердыхъ датъ, мы имѣемъ въ болгарскихъ ру́кописяхъ признаки послѣдовательнаго движенія — измѣненія языка и графики, которыя идутъ безостановочно въ одномъ и томъ же направленіи и укладываются въ извѣстную хронологическую скàлу. Этой скàлой уже давно пользуются изслѣдователи [2]) при датировкѣ болгарскихъ рукописей. Построенная на очень

1) В. Срезневскій (сынъ), въ изслѣдованіи «Древній славянскій переводъ Псалтыри», стр. 45, касаясь третьяго почерка Болонской псалтыри (Бѣлославъ) и повидимому пораженный его несоотвѣтствіями съ остальными почерками той же рукописи, замѣчаетъ: «Эти особенности любопытны, какъ указывающія на несостоятельность и недостаточность опредѣленій времени по одному почерку».

2) Всего полнѣе И. И. Срезневскій: Древніе Слав. Пам. юсоваго письма, общія замѣчанія, стр. 149 и слѣд.; примѣты, имъ установленныя, вошли въ Россіи во всеобщее пользованіе.

общемъ сравненіи болгарскихъ почерковъ, она не должна была имѣть притязанія на чрезмѣрную точность. Она часто принуждена была возмѣщать фактическія данныя слишкомъ общими соображеніями логическаго характера или случайными аналогіями. Школы болгарской графики не были различены; рукописи не классифицировались еще на разряды восточно-болгарскій и македонскій и не изучались каждая изъ самой себя съ той подробностью, которой требуетъ необычайное разнообразіе болгарскихъ говоровъ и обозначенія болгарскихъ звуковъ. Данныя языка во всякомъ случаѣ должны быть введены въ скалу, а всѣ доступные историческіе факты должны служить ей повѣркой. Опытъ такого пересмотра мы предлагаемъ въ этой главѣ.

Почти всѣ извѣстные средне-болгарскіе памятники до XIV вѣка относятся по ясному свидѣтельству языка къ юго-западному нарѣчію, которое для краткости называю здѣсь и македонскимъ. Для этой семьи болгарскихъ рукописей я прежде всего устанавливаю хронологическую скалу; о немногихъ восточно-болгарскихъ рукописяхъ говорю позднѣе отдѣльно. Замѣтимъ здѣсь же, что хронологическая переоцѣнка болгарскихъ памятниковъ облегчается теперь открытіемъ Добромірова Евангелія, изслѣдованнаго Ягичемъ, и пересмотромъ палеографической даты Листковъ Ундольскаго[1]). Эти памят-

1) Пользуюсь случаемъ разсѣять два недоразумѣнія. Въ статьѣ о Листкахъ Ундольскаго (Юбилейный Сборникъ въ честь Ф. Ѳ. Фортунатова, стр. 251) я указываю, что наклонный кирилловскій почеркъ составляетъ такую примѣту, на которой нельзя основывать никакихъ серіозныхъ палеографическихъ выводовъ; невозможно, напримѣръ, выводить славянскій кирилловскій наклонъ XI, XII, XIII и всѣхъ послѣдующихъ вѣковъ непремѣнно изъ греческаго наклоннаго устава VIII—IX вѣка: наклонъ есть элементарный пріемъ упрощенія и въ качествѣ таковаго способенъ появляться вновь и вновь внѣ всякой традиціи; въ кирилловскихъ памятникахъ XI и XII вѣка наклонъ неразрывенъ съ другими чертами простого письма; позднѣе онъ завѣдомо возникаетъ какъ новшество. Если уже говорить о традиціи, то можно утверждать только одно: что древнѣйшая кириллица устроилась въ двухъ варіантахъ почерка — каллиграфическомъ прямомъ и дѣловомъ наклонномъ. Отсюда однако еще очень далеко до вывода, что второй варіантъ кириллицы могъ возникнуть только не позднѣе IX вѣка, когда греческій уставъ также еще зналъ наклонъ. Изслѣдователи судятъ по дошедшему греческому матеріалу и къ сожалѣнію очень часто только по его шаблоннымъ проявленіямъ. Вѣроятно-ли, что наклонный греческій уставъ сразу изчезъ вмѣстѣ съ X-мъ вѣкомъ? Мы должны считаться съ провинціальными переживаніями греческаго наклона, а еще болѣе съ тѣмъ, что вѣроятные устроители начальной кириллицы при дворѣ великаго Симеона имѣли широкій выборъ. Какъ можно утверждать, что они въ началѣ X-го вѣка были уже связаны тѣмъ греческимъ искусственнымъ уставомъ, который тогда только еще установлялся въ самой Византіи? Болгарскіе писатели X вѣка болѣе современныхъ изслѣдователей обращались къ рукописямъ VIII и IX вѣка, хотя-бы потому, что были лишены благъ печатной литературы. Проф. Карскій («Листки Ундольскаго, въ изд. Русск. Отд. Им. Акад. Наукъ, стр. 12), ссылаясь на скошенный греческій уставъ Порфирьевской псалтыри 862 года, повидимому полагаетъ, что этотъ «явный фактъ» рѣшаетъ вопросъ о возникно-

ники заполняютъ до извѣстной степени перерывъ между первымъ и вторымъ болгарскимъ царствомъ.

Старо-славянскій, или древне-болгарскій изводъ XI вѣка обладаетъ типичною замкнутостью; хотя въ немъ памятники кириллицы крайне ограничены числомъ и всѣ безъ датъ, но ихъ языкъ и графика богаты примѣтами, заставляющими признать, что это памятники древнѣйшіе. Кромѣ многихъ иныхъ мѣрилъ языка, для палеографа особенно важно почти правильное употребленіе носовыхъ гласныхъ, а въ орѳографіи — наличность двухъ полугласныхъ знаковъ ъ и ь, хотя внѣ архаическаго нарѣчія эта послѣдняя черта уже и оказывается переживаніемъ, несоотвѣтствующимъ состоянію языка[1]). Въ характерѣ почерковъ старославянской кириллицы обнаруживается извѣстная графическая независимость отъ глаголицы, — типичный кирилловскій стиль, восходящій къ греческому уставу. Къ этой типичной кириллицѣ XI вѣка примыкаютъ — Евангельскіе листки Ундольскаго, а къ нимъ Евангеліе Доброміра. Въ обоихъ памятникахъ XII вѣкъ сказывается утратой типичнаго стиля старой кириллицы: почерки Унд. и Добр. имѣютъ болѣе народный характеръ — грубый и въ то же время манерный, при чемъ въ манерѣ сказывается уже значительное вліяніе глаголицы. Во-вторыхъ, въ сферѣ орѳографіи оба памятника обнаруживаютъ реформу: общій переходъ къ системѣ одной полугласной, — это принципіальная уступка требованіямъ живого языка и новой эпохи[2]). Унд. употребляетъ почти только ъ, Добр. — только ь, — реформа осуществилась такимъ обра-

---

веніи кириллицы въ IX, а не въ X вѣкѣ. Предположеніе, что кириллица возникла при дворѣ Симеона, Карскій называетъ «затемненной гипотезой». Спеціалистамъ извѣстно, что это предположеніе есть необходимое логическое звено знаменитой гипотезы Шафарика объ изобрѣтеніи глаголицы Кирилломъ Первоучителемъ. Русскій филологъ, задавшись цѣлью опровергнуть эту гипотезу, долженъ имѣть по крайней мѣрѣ мужество назвать своего противника по имени.

Другое недоразумѣніе, также касающееся наклоннаго кирилловскаго почерка, принадлежитъ г. Кульбакину. Въ своей рецензіи на мою статью о Листкахъ Ундольскаго (Извѣстія Русск. Отд. Акад. т. VIII, кн. 2, 1903 г., стр. 386—387) онъ не соглашается съ мнѣніемъ, будто наклонный кирилловскій почеркъ стоитъ въ зависимости отъ глаголицы. Мы не могли найти этого страннаго утвержденія въ нашей статьѣ. Въ ней говорится только о томъ, что система висячихъ строкъ заимствуется кириллицей изъ глаголицы. Касаться другихъ поспѣшныхъ утвержденій молодого изслѣдователя мы не имѣемъ здѣсь повода.

1) Взятая внѣ связи съ другими, и эта примѣта конечно не имѣетъ рѣшающаго значенія. Реймское Евангеліе свидѣтельствуетъ, что правописаніе съ одной полугласной появилось уже въ XI вѣкѣ.

2) Дату для XII—XIII вѣковъ составляетъ исчезновеніе старой системы съ двумя полугласными.

зомъ въ двухъ варіантахъ, которые и далѣе, до средины XIV вѣка, существуютъ бокъ о бокъ. Изъ послѣдняго обстоятельства Облакъ и Ягичъ справедливо заключали, что различіе имѣетъ не хронологическій, а территоріальный смыслъ. По отношенію къ языку между Унд. и Добр. замѣчается нѣкоторое хронологическое различіе. Унд. правильно употребляетъ носовые знаки; если памятникъ, дошедшій до насъ въ отрывкѣ, и имѣлъ въ этомъ отношеніи какія-нибудь неправильности, то очевидно очень незначительныя, иначе онѣ сказались бы и на дошедшихъ 4-хъ страницахъ. Добр. идетъ въ этомъ отношеніи дальше: различные знаки звуковъ ǫ и ę уже путаются между собою, хотя и не такъ часто. Но съ другой стороны Унд. отвергаетъ йотацію, употребляя только два знака: ѧ и ѫ, Добр. знаетъ ихъ пять: ѫ и ѭ, рѣдкое ѩ при ѧ, одинъ разъ въ поправкѣ ꙙ (изъ е). Эта графическая черта — не рѣшающая, она можетъ объясняться близкимъ подражаніемъ подлиннику или зависимостью отъ него. Остатки старой йотаціи или рѣдкихъ знаковъ въ родѣ ꙙ — вотъ одна изъ тѣхъ апріорныхъ примѣтъ древности, которыми страдаетъ старая скàла. Для хронологіи гораздо важнѣе фактъ языка: смѣшеніе ǫ съ ę. По отсутствію этого признака Унд. оказывается нѣсколько старше, чѣмъ Добр. Но въ то же время начеркомъ довольно многихъ типовъ (напримѣръ Унд. въ д, ц, щ, ѣ, Добр. въ д и р, ѣ), оба памятника непосредственно примыкаютъ къ старославянскимъ[1]). Каждый типъ въ отдѣльности былъ бы недоказателенъ, ибо нѣкоторые изъ нихъ (ѣ) довольно долго не исчезаютъ изъ рукописей, но по совокупности своихъ общихъ примѣтъ оба памятника съ такимъ же правомъ могутъ быть отнесены къ XII вѣку, какъ старо-славянскіе къ XI-му. Ясна также и ихъ взаимная хронологія: Ундол. относится къ началу или первой половинѣ вѣка, Доброміръ къ его срединѣ или второй половинѣ. Но пытаясь примѣнить эти выводы къ остальной массѣ средне-болгарскихъ памятниковъ, мы скоро убѣждаемся, что Унд. и Добр. стоятъ между ними одиноко: нѣтъ ни одного памятника, который могъ бы быть отнесенъ къ тому же классу по совокупности примѣтъ, и въ то же время во всѣхъ наблюдается новое движеніе графики: какъ XII вѣкъ въ вопросѣ о полугласныхъ считался уже съ требованіями языка и пользовался уже проведенною системой одной полугласной, такъ остальные средне-болгарскіе памятники считаются съ новой назрѣвшей особенностью языка: они норми-

1) См. Ягича Evangelium Dobromiri и статью о Листкахъ Ундольскаго въ Сборникѣ въ честь Ф. Ө. Фортунатова.

руютъ орѳографическими правилами смѣшеніе (сначала лишь акустическое) прежнихъ звуковъ ǫ и ę; эту нормировку можно считать уже установленной съ XIII вѣка: Болонская псалтырь 1230—1241 года оказывается ея наиболѣе совершеннымъ образцомъ. Добромирово Евангеліе знаетъ только смѣшеніе, а не нормировку; въ этомъ смѣшеніи намѣчаются извѣстныя единообразія, но по большей части не тѣ, которыя легли въ основу нормировки. Подобно нормировкѣ полугласныхъ въ XII вѣкѣ, нормировка юсовъ въ XIII была лишена единообразія. Мы не говоримъ здѣсь объ отсутствіи или (болѣе рѣдкомъ) присутствіи йотаціи юсовъ: то-же колебаніе мы видѣли и въ XII вѣкѣ; черта эта очевидно не составляетъ новой даты; важны тѣ колебанія графики, которыя вытекали изъ фонетическихъ различій болгарскихъ говоровъ; новую дату составляетъ наличность нормировки юсовъ, слѣдующую дату, какъ увидимъ, составляетъ ея паденіе. Нормировка, не говоря о варіантахъ, обусловленныхъ діалектическими различіями, является въ двухъ главныхъ видахъ: образцовомъ и упрощенномъ. Памятникомъ образцовой нормировки оказывается Болонская псалтырь. Всѣ четыре писца ея употребляютъ два носовыхъ знака ѫ и ѧ (ѧ вм. ѧ у Бѣлослава) по строго опредѣленнымъ правиламъ акустическаго происхожденія; второй писецъ почти послѣдовательно, а четвертый изрѣдка удерживаетъ при этомъ и ѭ, очевидно въ зависимости отъ оригинала. Можно утверждать, что нѣтъ болгарскаго памятника, который, имѣя нормировку юсовъ, не имѣлъ бы смѣшенія ѫ съ ъ. Но есть памятники, въ которыхъ это явленіе сведено на минимумъ, ограничиваясь отчасти случайными, отчасти спорными примѣрами (чаще всего нѫ вмѣсто и при нъ ἀλλά, о чемъ ниже). Въ такихъ памятникахъ и примѣры паденія флективныхъ формъ языка отсутствуютъ или оказываются спорадическими. Всѣ эти памятники можно относить къ первой половинѣ XIII вѣка, именно — къ лучшей школѣ письменности того времени. На ряду съ ними стоятъ другіе, столь же архаичные по графикѣ и языку, но болѣе примитивные по правописанію: они употребляютъ всего одинъ носовой знакъ, т. е. имѣютъ упрощенную нормировку. Она очевидно такъ же стара, какъ нормировка съ двумя носовыми знаками, ибо обѣ системы встрѣчаются вмѣстѣ: въ разныхъ, но одновременныхъ почеркахъ одного и того же памятника. Древнѣйшій случай этого рода — Охридскій Апостолъ, по языку и хронологическимъ примѣтамъ почерка стоящій всего ближе къ Болонской псалтыри. Упрощенная нормировка съ однимъ ѫ (одинъ изъ писцовъ Охридскаго Апостола) не содержитъ такимъ образомъ особой

даты, напримѣръ, болѣе поздней; она только указываетъ на народную среду, какъ и вся графика этого и большинства другихъ македонскихъ памятниковъ. По начеркамъ буквъ Охридскій Апостолъ не древнѣе Болонской псалтыри; въ этомъ приходится убѣдиться, изучая болѣе поздніе типы буквъ, скрывающіеся за главными, архаичными: при симметричномъ ѵ въ Охридскомъ Апостолѣ встрѣчается угловатое, сильно несимметричное, при т и ѣ съ симметричными коромыслами — тѣ же типы съ нарушеніемъ симметріи, т кромѣ того — съ загибами коромысла, одинаково опущенными до половины мачты; изъ господствующихъ типовъ — а въ Охридскомъ Апостолѣ таково, какъ у Бѣлослава въ Болонской псалтыри: мачта прямая, петля маленькая и плоская примыкаетъ къ ея срединѣ почти подъ прямымъ угломъ; н — во всѣхъ варіантахъ извѣстныхъ Болонской псалтыри; нижнія петли буквъ — съ типичной волной и т. п.

Перечислимъ здѣсь всѣ главные признаки второго разряда, т. е. памятниковъ первой половины XIII вѣка: въ орѳографіи — нормировка юсовъ образцовая или упрощенная, притомъ упрощенная первой разновидности (ѫ вмѣсто ѫ и ѧ), въ отличіе отъ второй разновидности, возникшей въ слѣдующемъ разрядѣ. Въ фонетикѣ — рѣдкое смѣшеніе ѫ съ ъ, и ꙑ (ы) съ и; отсутствіе или спорадическое появленіе смѣшенія ѣ съ ѧ и є. Въ морфологіи нѣкоторыя перемѣны (напр. совпаденіе мѣстнаго съ творительнымъ въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ м. и ср. р. ед. ч.), но отсутствіе признаковъ общаго паденія флективнаго строя. Въ начертаніяхъ буквъ — утрата нѣкоторыхъ древнѣйшихъ типовъ, связывающихъ XII вѣкъ съ XI-мъ: типа а съ наклонной мачтой и короткой трехугольной петлей, не доходящей до низа строки; типа р, составленнаго изъ прямой и правильнаго полуциркуля, типовъ ц и щ, стоящихъ хвостомъ на строкѣ. Въ остальныхъ типахъ — извѣстнаго рода тенденція къ сохраненію стараго и болѣе или менѣе нерѣшительное проявленіе новаго: ѣ и ѣ, N Н и Н, Ѵ Ѵ и *ча* менѣе симметричное; изъ юсовыхъ знаковъ господствуютъ ѫ и ѧ, но еще не забыто и ѧ; умѣренное сокращеніе верховъ у б в ж ꙁ к ж; новыя петли съ набуханіемъ вверхъ умѣренно выраженнымъ, при старыхъ геометрично-округлыхъ; незначительная или необязательная несимметричность коромыселъ у т и ѣ. Вообще обиліе варіантовъ въ начеркахъ. Спорадическія примѣты древности, не поддержанныя другими, уже исчезнувшими, не должны вводить насъ въ заблужденіе въ этомъ разрядѣ. Такъ особенно ѣ, не выходящее изъ рамы строки, встрѣчается почти послѣдовательно въ нѣкоторыхъ рукописяхъ этого

разряда (Слѣпченскомъ Апостолѣ, Паримейникѣ Григоровича, Погодинской Псалтыри). Въ каллиграфіи—весьма рѣдкое появленіе вязи. Въ орнаментѣ—народная тератологія (вообще говоря не содержащая даты) или тератологія техническая, уже завершившая свое развитіе, или отживающая. Мы предлагаемъ относить всѣ подобныя рукописи къ первой половинѣ XIII вѣка. Болонская псалтырь находится среди нихъ какъ по признакамъ языка и палеографіи, такъ и по наиболѣе вѣроятному смыслу своей лѣтописи (даты). Общая скàла очевидно выигрываетъ въ точности отъ переноса Болонской псалтыри въ этотъ разрядъ: памятникъ рѣзко выражаетъ акустическое сходство, которое ǫ и ę пріобрѣли при извѣстныхъ условіяхъ, и въ то же время строго нормируетъ ореографическими правилами самое употребленіе знаковъ ж и ѧ. Въ типахъ а, ц, щ, р, ѣ, ж и еще болѣе въ характерѣ петель главные почерки Болонской псалтыри ясно отклоняются отъ старины, — мы и здѣсь судимъ по совокупности примѣтъ, ибо отдѣльныя новшества появляются очень рано. Третій писецъ (Бѣлославъ) нѣкоторыми типами еще сильнѣе выдаетъ эпоху и почти вводитъ въ слѣдующій разрядъ. Памятникъ указываетъ на возродившуюся графическую школу: о томъ говоритъ вся внѣшность его и видимое желаніе создать изъ почерковъ своего времени литургическій уставъ, въ подражаніе уставу древнему.

Подражаніе старинѣ приводитъ къ тому, что полугласная (ъ или ь — судя по памятнику) пишется тамъ, гдѣ она давно исчезла, а иногда и тамъ, гдѣ никогда не существовала. Эта особенность сказалась впрочемъ уже въ первомъ разрядѣ (см. Добромирово Евангеліе). Изъ подражанія образцовой старинѣ и *l epentheticum* ставится чаще, чѣмъ въ памятникахъ XI и XII вѣка, при чемъ однако даже во второмъ разрядѣ оно иногда оказывается поставленнымъ не на мѣстѣ (ср. Разсужд. о яз. Савв. книги, стр. 261).

Ундол. и Добром. не содержатъ признаковъ паденія флективнаго строя. Въ Болонской псалтыри есть нѣкоторыя морфологическія черты, знаменующія переходную эпоху. Во-первыхъ, въ прилагательныхъ сложныхъ въ именит.-винит. средняго рода окончаніе -оѥ дало несклоняемую форму **равнѥ**; это явленіе отнюдь не имѣетъ симптоматическаго значенія, — форма носитъ діалектическій характеръ, а подобный фактъ несклоняемости возможенъ и при господствѣ флектическаго строя; онъ сказывается уже въ XI вѣкѣ въ появленіи дѣепричастія (Супр.), а равно въ современной сравнительной степени русскаго языка. Далѣе, мы находимъ въ Болонской псалтыри ясныя доказательства совпаденія мѣстнаго падежа съ творитель-

нымъ въ прилагательныхъ и мѣстоименіяхъ: **рєкомъıмъ** Іос., **блъгарскъıмъ** Іос. Это явленіе, однако, говоритъ не противъ флективнаго строя, а за него: если одна падежная форма могла вытѣснить другую, присвоивъ себѣ ея функціи, то, очевидно, падежныя формы вообще еще были распространены. Польскій языкъ имѣетъ такое совпаденіе съ древнѣйшихъ памятниковъ, то-же явленіе ширится въ современныхъ говорахъ русскаго языка. Наконецъ, Болонская псалтырь указываетъ на смѣшеніе род. ед. съ вин. ед. въ словахъ женскаго рода на **а**; это явленіе — результатъ совмѣстнаго дѣйствія фонетическихъ причинъ и грамматической аналогіи: послѣднее, какъ мы видѣли, принципіально предполагаетъ флективный строй въ склоненіи. Болонская псалтырь, разумѣется, не датируетъ перваго появленія этихъ особенностей въ самомъ языкѣ, но какъ бы то ни было, всѣ три указанныя черты — новый шагъ книжнаго языка въ сравненіи съ памятниками XI и XII вѣка; онъ выступаетъ въ Болонской псалтыри еще несмѣло, подъ рукою опытныхъ писцовъ «грамматиковъ»; въ живомъ языкѣ всѣ эти особенности видимо уже утвердились; онѣ сходятся въ томъ, что одинаково направлены къ упрощенію системы склоненія. Памятники, относимые нами ко второй половинѣ XIII вѣка, кромѣ такого упрощенія, говорятъ уже о паденіи склоненія: сами формы церковнаго языка затемняются въ сознаніи болгарскихъ писцовъ.

Говоря о значеніи, которое нормировка юсовъ имѣетъ для установленія болѣе точной хронологической скàлы памятниковъ, мы не можемъ обойти молчаніемъ Погодинскую псалтырь. Этотъ памятникъ какъ будто не укладывается въ хронологическія рамки, только что намѣченныя, и наша скàла какъ будто измѣняетъ, въ примѣненіи къ этому памятнику. Мы согласны допустить это, но только съ оговоркой, что она измѣняетъ въ этомъ случаѣ цѣликомъ, а не въ своемъ второмъ разрядѣ, и измѣняетъ только на первый взглядъ. Иначе говоря, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ исключеніемъ, которое однако при болѣе тщательномъ изслѣдованіи подтверждаетъ общее правило своими менѣе замѣтными чертами. Погодинская псалтырь—любопытнѣйшій памятникъ крайностей преднамѣренной архаизаціи. Погодинская псалтырь языкомъ и отчасти графикой указываетъ на очень древній оригиналъ — старославянскій XI вѣка. Срезневскій уже обращалъ вниманіе на архаичный составъ словаря и морфологіи этого памятника и на отсутствіе типичной «средне-болгарской» нормировки юсовъ, которую мы приняли въ качествѣ важнаго палеографическаго признака классификаціи памятниковъ. По одному

этому мы могли бы отнести Погодинскую псалтырь къ XII в. Но мы указывали не разъ, что неблагопріятныя условія болгарской письменности лишали ее графическаго единства: смѣна графическихъ явленій не была такой типичной, какъ, напримѣръ, въ русской письменности: новшества слабо обобщались, архаизмы держались упорнѣе, почти по любому пункту отклоненія отъ нормъ той или другой эпохи были возможнѣе. Хронологія болгарскихъ рукописей болѣе, чѣмъ всякихъ другихъ, должна быть устанавливаема по совокупности примѣтъ, развивавшихся неравномѣрно и съ частыми рецидивами. До сихъ поръ намъ приходилось примѣнять этотъ принципъ къ типамъ начертаній. Орѳографическая примѣта нормировки юсовъ оказывалась мѣриломъ болѣе устойчивымъ. Теперь мы имѣемъ дѣло съ памятникомъ, который свидѣтельствуетъ, что безъ поддержки прочихъ и эта примѣта, какъ всѣ другія на болгарской почвѣ, не имѣетъ абсолютнаго значенія. Мы говоримъ, впрочемъ, объ рѣдчайшемъ исключеніи. Если бы графика Погодинской псалтыри такъ же ясно примыкала къ традиціямъ XI-го вѣка, какъ ея орѳографія и отчасти языкъ, эти послѣдніе признаки получили бы значеніе важной палеографической примѣты. На самомъ дѣлѣ отсутствіе нормировки юсовъ идетъ въ разрѣзъ съ истинными, а не искусственными показаніями графическихъ типовъ этого памятника. Погодинская псалтырь заключаетъ черты, говорящія о сравнительно позднемъ ея происхожденіи. Нѣкоторые древніе типы буквъ, обыкновенно преобладающіе, носятъ характеръ архаизаціи, преднамѣреннаго подражанія оригиналу; а при нихъ, хотя много рѣже, могутъ быть найдены всѣ позднѣйшіе. Другіе древніе типы совсѣмъ отсутствуютъ. Начертаніе ѧ не имѣетъ древнѣйшаго вида — это не маленькій уголокъ на наклонной спинкѣ, а узкая петля съ прямой или наклонной спинкой, доходящая до низа строки, или же, иногда, петля плосковатая, небольшая, на спинкѣ слегка извитой. Петли у б в ъ ь ѣ обыкновенно круглыя или полукруглыя, но типы съ волнообразно извитыми и ломанными петлями все-же могутъ быть найдены почти на каждой страницѣ, если разсматривать въ лупу бисерный почеркъ этого памятника. Мало того, при случаѣ можно встрѣтить в, у котораго верхняя петля совершенно трехугольная, а нижняя — ромбическая, т. е. чрезвычайно набухшая и ломанная. У в ж ж верхняя часть уже сокращена, хотя умѣренно; ꙁ и ꝛ не имѣютъ стараго геометрическаго начерка: наиболѣе правильныя ꙁ близки къ соотвѣтственнымъ типамъ Болонской псалтыри — умѣренно и красиво извитымъ; но есть и типы съ менѣе красивыми, почти змѣиными извивами.

Въ инициалѣ (маломъ) однажды встрѣчается ломанное ꙁ, отличное отъ древняго своею узостью: углы остры, хвостикъ небольшой, весь типъ уже близокъ къ соотвѣтствующимъ типамъ Бѣлослава и Шестоднева 1263 года. При ꙁ встрѣчается и з; рѣшительную палеографическую дату изъ этого извлечь конечно трудно, хотя древнѣйшей кириллицѣ, если полагаться на дошедшій до насъ отрывочный матеріалъ, свойственно ꙁ и ꙁ (Хиланд. отр. и Отрывки Унд.); з (въ смыслѣ звука, а не цифры) при болѣе частомъ ꙁ свойственно памятникамъ болгарскимъ XIII вѣка, не исключая и второй его половины: Боянскому Евангелію, Евангелію Сречковича, Псалтыри Григоровича, Псалтыри Норова (Уваровской). р Погодинской псалтыри или имѣетъ косой срѣзъ петли вверху, или волнообразный извивъ петли справа; и старое, съ точкой на перекладинѣ, какъ въ Болонской псалтыри; изъ типовъ N болѣе древній (сходный съ только что приведеннымъ печатнымъ) не есть главный, чаще встрѣчается болѣе позднее и; перекладина слегка извилась, но къ низу обѣ мачты еще не удаляются другъ отъ друга; ы широкимъ округлымъ язычкомъ касается низа строки, иногда спускается и ниже, имѣя въ этомъ случаѣ язычекъ болѣе острый, ц и щ не стоятъ хвостикомъ на строкѣ. Несимметричности коромыселъ у т и ѣ очень умѣренны; ѣ и вообще архаично: мачта поразительно мало возвышается надъ строкой; коромысло изрѣдка лежитъ даже ниже верхняго горизонта строки, а мачта не превышаетъ его; но иногда появляется ѣ и съ весьма высокой мачтой: этотъ типъ очевидно уже былъ налицо; ѵ имѣетъ очень небольшую чашу въ видѣ тупого уголка, но иногда эта чаша очень несимметричная, даже почти односторонняя (л. 197 об., строка 5 сверху). Омега округла и симметрична, боковыя мачты ея съ растительнымъ изгибомъ вверху, средняя — сокращена. Среди этихъ варіантовъ мы очевидно принуждены судить объ эпохѣ по болѣе позднимъ, а эти послѣдніе всѣ могутъ быть найдены въ Болонской псалтыри, также отчасти маскируемые писцами; рѣдкое, почти одностороннее ѵ Погодинской псалтыри — даже болѣе поздняго начерка; архаичные дублеты, очевидно, составляютъ лишь каллиграфическую и отчасти индивидуальную особенность писца Погодинской псалтыри. Необходимо отмѣтить еще орнаментальное а съ наклонной влѣво, очень большой и красиво извитой спинкой, вверху имѣющей какъ бы голубиный клювъ. Важны и нѣкоторыя комбинаціи буквъ: лигатура т + р: въ мѣстѣ присоединенія петли того р спинка буквы т прерывается; лигатура т + в: мачта высокая, съ точкой посрединѣ, коромысло въ видѣ плоской волны, в присоединено совсѣмъ внизу; его трехугольныя

петли заходятъ одна за другую; вензель ѻѥ: спираль, оканчивающаяся внутри типомъ ѥ. При всей архаизаціи писецъ не могъ отказать себѣ въ этихъ пріемахъ новой каллиграфіи, находимыхъ (кромѣ ѻѥ) и въ Болонской псалтыри и связывающихъ ее съ Тырновской школой. А что сказать о строкѣ вязи, находимой въ Погодинской псалтыри и изданной Срезневскимъ (Древ. пам. юс. письма, стр. 52)? Въ датированныхъ памятникахъ письменности вязь встрѣчается впервые въ Шестодневѣ 1263 года, въ эпиграфикѣ — съ Асѣня II (Тырновская надпись 1230 г.). Вязь Погодинской псалтыри красивѣе вязи Шестоднева и технически сложнѣе Тырновской надписи. Болонская псалтырь еще не знаетъ вязи; между тѣмъ этого никакъ нельзя объяснять неумѣніемъ писцовъ. Иниціалы Погодинской псалтыри (киноварь, желтая и зеленая краски, рѣдко голубая) по большей части жгутовые, городчатые или травные, относятся къ византійской манерѣ, но иниціалъ ѥ на л. 2 (Стасовъ, табл. II. 23) вполнѣ тератологическій; здѣсь Погодинская псалтырь подходитъ къ Болонской такъ близко, какъ ни одинъ болгарскій памятникъ. Писецъ Погодинской псалтыри, очевидно, избѣгалъ тератологіи, но все же оставилъ намъ свидѣтельство, что въ его время этотъ стиль вполнѣ сложился. Мало того, въ качествѣ памятника каллиграфическаго, Погодинская псалтырь указываетъ на высокую школу, очевидно, ту самую Охридскую, въ которой техническая тератологія была получена, но не привилась. Логически — помянутое ѥ Погодинской псалтыри есть типъ болѣе поздній, чѣмъ подобные иниціалы Болонской: тѣло фантастическаго животнаго уже начинаетъ утрачивать свои животныя формы: осталось одно туловово, конечности исчезли; въ Болонской псалтыри только два иниціала самаго слабаго, четвертаго писца склоняются къ этой стадіи, но и тутъ оконечности еще не исчезли совершенно. Еще одинъ шагъ, и тѣло будетъ совсѣмъ устранено ажурнымъ плетеньемъ; эту стадію уже представляетъ другое ѥ Погодинской псалтыри (Стасовъ, II. 28): верхъ и низъ изображены плетеньемъ. Въ сербскомъ орнаментѣ такой типъ не составляетъ поздней даты, въ болгарскомъ онъ видимо полученъ позднѣе и дольше удерживается: его наибольшее распространеніе относится къ XIV вѣку. Заставка Погодинской псалтыри (къ сожалѣнію, не изданная Стасовымъ), не заключая въ себѣ ничего явно тератологическаго, вызываетъ однако смутное воспоминаніе фантастическихъ звѣриныхъ формъ. Впечатлѣнія зарождающейся тератологіи и ея пережитковъ очень не похожи другъ на друга. Мы сказали бы, что плетенье и листва, стремясь превратиться въ животныя формы, приближаются сначала

къ низшимъ организмамъ; они только еще просыпаются къ жизни, — ихъ движенія безсознательны и вялы. Слагая съ себя тератологическій стиль, орнаментъ, ставшій снова растительнымъ, сохраняетъ болѣе энергичныя воспоминанія своей животной природы,— это тревога листвы, вдругъ ожившей отъ дыханія бури. Такое именно впечатлѣніе производитъ заставка Погодинской псалтыри; она сходится въ этомъ съ инициалами нѣкоторыхъ русскихъ и сербскихъ памятниковъ, слагающихъ съ себя тератологическій стиль. Три извѣстныя рукописи: Погодинская псалтырь, Норовская псалтырь и Шестодневъ 1263 года поразительно сходятся въ одной общей чертѣ: отдавъ въ началѣ текста дань технической тератологіи (Погод., Норов.) или еще болѣе старой переходной манерѣ (Шестод.), онѣ далѣе игнорируютъ отживающіе стили. Одна изъ нихъ завѣдомо относится къ XIII вѣку, даже къ началу второй его половины; другая палеографическими признаками указываетъ на ту же эпоху. Куда относится третья? По совокупности признаковъ Погодинская псалтырь древнѣе двухъ остальныхъ, она можетъ быть отнесена къ Охридской школѣ временъ Асѣня II. Наиболѣе архаическіе элементы памятника составляютъ лишь субъективную особенность писца; въ нихъ есть много зависимости отъ оригинала, случайно восходившаго къ старо-славянской эпохѣ, но есть и искусственность, характерная для второго болгарскаго царства. И въ языкѣ Погодинской псалтыри, при обиліи фонетическихъ пропусковъ полугласной **ъ** и **ь**, мы находимъ подчасъ такія написанія, какъ **мрьзьскааго** л. 197 при **мрьзькы** 197. Попытку сохранить старыя начертанія іотированныхъ юсовъ мы находимъ и у второго писца Болонской псалтыри, но онъ не доводилъ въ этомъ случаѣ архаизаціи до отрицанія болгарской фонетической нормировки носовыхъ знаковъ. Погодинская псалтырь не древнѣе Болонской; она возникла въ тридцатилѣтіе между 1230—1241, въ которомъ Охрида была въ надежномъ обладаніи болгаръ. Юго-западное нарѣчіе обоихъ памятниковъ соединяется съ такими каллиграфическими качествами, которыя чужды остальной македонской письменности. Ихъ каллиграфическія различія сводятся въ почеркѣ и орѳографіи — къ бо̀льшему и меньшему подражанію старинѣ, въ орнаментѣ — къ одновременнымъ, но различнымъ направленіямъ вкуса: отживавшему и утверждавшемуся.

Третій разрядъ средне-болгарской письменности относится ко второй половинѣ XIII вѣка. Его составляютъ памятники съ поколебленными: графикой, правописаніемъ, фонетикой и флективнымъ строемъ. По этой при-

ѿданы· видѧше петрово дрьзно
вление и иѡаново· и разоумѣвше
ѣко чл҃ка не книжна ѥста· и проста·
и дивлѣхоу сѧ· знаахоу же ѣ бо ѣко
сь исомь бѣста· чл҃ка же видѣща
с нима стоѧща и цѣлѣвшааго·
ни что же не имѣѣхоу противна
рещи· и повелѣвше има вънь ѿ
сьборища изити· и сътѧзахоу сѧ к се
бѣ глаголюще· что сътворимь чл҃кома
сима· ѣко бо разоумно бы знамение
нимь· и вьсѣмь живѫщимь

раꙗ· прмѫдрость глаголемь· вь съвер
шенних· прѣмѫдрость же не вѣка сего·
ни кнѧзь же вѣка сего· прѣстаѧ
щихь· нъ глаголемь бж҃ию прѣмѫдро
сть вь таинѣ ськровенѫ· ѥже
прѣдьнаре бь прѣжде вѣкь· вь славѫ на
шѫ· ѥже никтоже ѿ кнѧзь сего вѣка не
разоумѣ· аще бо бишѧ разоумѣли·
не бихѫ г҃а славѣ распѧли· нъ ѣкоже ѥ пи
сано· ихь же ѡко не видѣ· и оухо не
слыша· и на срдцѣ чл҃кѹ не вьзидѫ· ѥ
же оуготова бь любѧщимь его:- нлѣ.

Фотот. П. Павлова.

Болгарскій Апостолъ Историческаго Музея XIII вѣка.

мѣтѣ третій разрядъ съ самаго начала ясно отличается отъ второго. Но въ само̀мъ третьемъ разрядѣ обнаруживается непрерывное ускоренное движеніе, и къ концу его многія перемѣны, уже намѣчающіяся съ начала, достигаютъ крайнихъ предѣловъ.

Отдѣльныя примѣты третьяго разряда таковы. Въ орѳографіи возстанавливается, иногда и послѣдовательно, употребленіе знака ѥ въ смыслѣ *je* въ началѣ слога. Нормировка юсовъ образцовая и упрощенная продолжаютъ существовать по инерціи, но первая изъ нихъ поколеблена графическими аномаліями и фонетическими причинами, которыя разсматриваются нѣсколько ниже на примѣрахъ; здѣсь отмѣтимъ, что ѧ чаще и чаще начинаетъ встрѣчаться вмѣсто ѫ послѣ согласныхъ твердыхъ, т. е. внѣ условій старой смѣны юсовъ. И при упрощенной нормировкѣ общимъ юсовымъ знакомъ нерѣдко является теперь не ѫ, какъ ранѣе, а ѧ; при правописаніи съ двумя носовыми знаками начеркъ юса большого нерѣдко является лишь варіантомъ юса малаго (ѧ, ѧ, ѧ, ѫ). Въ этомъ можно видѣть признакъ того, что для звука ъ (стараго и изъ ѫ) былъ уже сильно распространенъ акустическій варіантъ, напоминающій є. Возникаетъ кромѣ того новая попытка упрощенной нормировки, о которой также говорится ниже. Уже съ начала разряда, много чаще прежняго, ѫ (или его замѣны) смѣшивается на письмѣ съ ъ (ь), ѧ — съ ѣ, ѣ — съ є въ однихъ говорахъ и съ а (послѣ ц и ꙁ) въ другихъ. А послѣ шипящихъ гораздо чаще прежняго вмѣсто а пишется ѣ; ъı (ы) смѣшивается съ и иногда до безразличія; и удваивается въ ии, ъı — въ ъıи — очевидно въ подражаніе старымъ, теперь уже стянутымъ группамъ ии и ъıи. Появляются чаще (ранѣе рѣдкіе или сомнительные) примѣры смѣшенія ю съ оу послѣ л, смѣшенія ѫ съ а, смѣшенія ѧ — съ є; послѣдніе въ самомъ концѣ разряда становятся доказательнѣе. Употребленіе юсовъ измѣняется еще въ томъ отношеніи, что послѣ шипящихъ старый юсъ большой (при двухъюсовомъ правописаніи) нерѣдко замѣняется юсомъ малымъ; едва ли это старая особенность нѣсколькихъ говоровъ, случайно только теперь яснѣе отразившихся въ письменности: можно думать, что только во второй половинѣ XIII вѣка шипящія, въ различной степени мягкія, настолько видоизмѣнили ѫ, что акустически оно во многихъ говорахъ приблизилось къ ѧ, какъ ранѣе ѫ измѣнялось въ томъ же направленіи сильно мягкими плавными и губными. Въ морфологіи появляются несомнѣнные признаки общаго паденія флективнаго строя. Въ типахъ почерка появляется небывалое ранѣе разнообразіе «носовыхъ» знаковъ: ѫ, ѧ, ѫ, ѫ, ѧ, ѫ, ѫ,

Ѫ, Ѫ, Ѫ, Ѧ, Ѧ, Ѩ; нѣкоторые изъ нихъ употребляются и какъ общій варіантъ знака ѧ и знака ж. Старое ѧ за рѣдкими (восточно-болгарская школа) исключеніями исчезло; іотированные юсы, какъ и въ предыдущемъ разрядѣ, встрѣчаются спорадически. Дату въ начеркахъ составляютъ: ѣ съ еще болѣе высокой мачтой и съ коромысломъ на высотѣ другихъ буквъ; сильное сокращеніе верховъ у б в ж ꙁ к; у типовъ ъ ь ы ѣ б в — петли сильно прибухшія вверхъ — округло или остро; коромысла еще болѣе несимметричны, чѣмъ ранѣе: у ѣ и т они часто доходятъ до низа строки; Ү почти всегда угловатое и чаще прежняго несимметричное, чаще прежняго почти одностороннее: съ наклонной вправо мачтой и сучкомъ влѣво вверхъ; въ отдѣльныхъ случаяхъ *ча* имѣетъ и еще болѣе поздній варіантъ: мачта вертикальная съ сучкомъ влѣво вверхъ. Буква н обыкновенно имѣетъ теперь отлогую перекладину, идущую слѣва съ самаго верха не болѣе какъ до $1/2$, а иногда лишь до $1/3$ правой мачты, кромѣ того къ низу весь типъ сталъ разложистъ. Буква в, которая уже въ предыдущемъ разрядѣ могла принимать видъ [K], теперь соединяетъ иногда свои петли не угломъ, а наподобіе ступеней [Ь]; появляется чаще и [] = в. Буква ж, кромѣ сокращенія верха, утрачиваетъ симметричность, она далеко не всегда состоитъ изъ правильнаго пересѣченія трехъ линій или двухъ дугъ съ мачтой; появляются новые произвольные способы написанія ж. Буква ꙁ, напротивъ, становится красивѣе, утрачивая свою прежнюю манерную угловатость и вялые извивы. Вся эта характеристика относится главнымъ образомъ къ македонскому разряду. Восточно-болгарскій разрядъ, представленный Тырновскимъ Евангеліемъ 1273 года, а равно Норовской псалтырью, долженъ быть разсматриваемъ отдѣльно. Въ общемъ, очень замѣтно, что народные македонскіе почерки второй половины XIII вѣка, не теряя окончательно своей грубости, начинаютъ утрачивать типичность и понемногу приближаются къ нормамъ Тырновской школы. Наконецъ, третій разрядъ отличается отъ второго тѣмъ, что въ заглавныхъ строкахъ вязь, еще очень некрасивая, начинаетъ входить въ общее употребленіе. Мы видѣли, что начальной датой юго-славянской вязи слѣдуетъ считать Тырновскую мраморную надпись 1230 года; она уже свидѣтельствуетъ о хорошемъ мастерствѣ, хотя техническіе пріемы вязи еще очень просты: школа сложилась, но вся масса писцовъ только въ третьемъ разрядѣ начинаетъ усвоивать её и притомъ еще нехудожественно. Въ орнаментѣ продолжаетъ господствовать народная тератологія, но ея элементарные мотивы отчасти усложняются мотивами тератологіи

Фотот. П. Павлова.

Болгарскій Октоихъ Историческаго Музея XIII вѣка.

технической: ея плетеньемъ и, въ огрубѣвшемъ видѣ, ея звѣриными мотивами. Объ этомъ говорено на своемъ мѣстѣ.

Типичный памятникъ конца этого разряда — Боянское Евангеліе Григоровича. И оно относится къ юго-западному, или македонскому нарѣчію. Памятникъ въ разныхъ мѣстахъ содержитъ строки плохой, но для славянскаго юга довольно сложной вязи. Изъ отдѣльныхъ начертаній важны для хронологіи: **В**, коего петли не касаются штамба буквы: онѣ сходятся правѣе, образуя линію на подобіе арабской тройки, а иногда въ видѣ лѣстницы въ двѣ ступени; **ж** различнаго, по большей части несимметричнаго начерка; **л** съ перемычкой отлогой и разложистымъ низомъ; **т** и **ѣ** разныхъ типовъ, но господствуютъ типы съ несимметричнымъ коромысломъ: лѣвый конецъ его загнутъ внизъ гораздо сильнѣе; у **ѣ** загибъ часто доходитъ до низа строки, а у **т** иногда спускается и еще ниже; **ч** всегда угловатое и рѣдко симметричное, его господствующій типъ: штамбъ наклонный вправо и съ неправильнымъ изгибомъ, отъ штамба влѣво идетъ сучекъ. Верхи буквъ сокращены: у **ѫ**—почти на нѣтъ (остался небольшой, сплошь черный уголокъ), у **ж**—замѣтно, но далеко не всегда. Петли очень различнаго рисунка, но прибуханіе къ верху — тамъ, гдѣ оно есть, выражено сильно. Нерѣдки лигатуры (**тв**, **тр**) и вычуры, напримѣръ **а** съ узорною спинкою, **ъ** съ высокой спинкой и длиннымъ хвостомъ и т. п.

Обратимся къ правописанію Боянскаго Евангелія. Юсовые знаки могутъ употребляться во всѣхъ тѣхъ функціяхъ, которыя принадлежали полугласнымъ: на мѣстѣ полугласныхъ вокализованныхъ въ **о** и **е**, на мѣстѣ полугласныхъ въ живомъ говорѣ выпавшихъ [1]). Средне-болгарская письменность, перейдя къ системѣ одной полугласной, по инерціи и изъ неудачнаго подражанія древности, употребляла **ь** (или **ъ**) во всѣхъ трехъ случаяхъ. Особенность Боянскаго Евангелія та, что памятникъ, вопреки нормѣ, употребляетъ (довольно безразлично) оба полугласныхъ знака **ъ** и **ь**. Эта двойственность еще болѣе усиливаетъ путаницу въ употребленіи юсовыхъ знаковъ: **ѫ** принимаетъ графическія функціи не только знака **ъ**, но отчасти и знака **ь**; **ѧ** — функціи не только знака **ь**, но отчасти и знака **ъ**. Подтвердимъ нашъ взглядъ на орѳографію Боянскаго Евангелія примѣрами.

ѫ на мѣстѣ **ъ** перешедшаго въ **о**: **тѫи** οὗτος 14, 51 об., 98 **тѫчиѫ**

---

1) Я подробно касаюсь судьбы полугласныхъ въ «Разсужденіи о языкѣ Саввиной книги», ср. также ниже, въ главѣ о **ъ** и **ь**.

5 об., тѫкмо л. 87 об., 105, пѧтѫкь 94 об., 87 об., четврьтѫкъ 90 об. (при тькмо, тькмо, при —ькь = ъкъ, л. 89 об., начѧтокъ 97 bis).

ѫ на мѣстѣ ъ выпавшаго: бѫдите (= бъдите) 43 об., вѫ сѫботѫ л. 18, б. м. распѫнѫ л. 105.

ѫ на мѣстѣ ъ діалектически сохраняемаго въ видѣ звука ъ: б. м. разгѫнѫвь 97 об., другихъ примѣровъ нѣтъ самые случаи въ языкѣ очень рѣдки.

ѫ вм. ъ діалектически сохраняемаго, полученнаго изъ ь: тѫма, мѫщѫ, мѫзѫ, стѫклѣницѫ и др.

ѫ вм. ъ ошибочно внесеннаго средне-болгарской графикой: ѡсѫтѫпите л. 17: ѫ переправлено въ ъ.

ѫ вм. е полученнаго изъ ь: б. м. тѫмницѫ bis (при тьмни и темницѫ), смѣшѫнь (ѫ переправлено въ е) л. 93.

ѧ на мѣстѣ е полученнаго изъ ь: начѧнъ 82 об., начѧнше 109 об.[1]).

ѧ на мѣстѣ ь выпавшаго фонетически: почѧтеть 103, б. м. начѧне аог. 17 и др. (ср. чт- изъ чьт- во многихъ примѣрахъ)[2]); въ вьсѧ εἰς κώμην 17 об. можетъ обозначать какъ *вес* такъ и *все* ср. *все* πᾶς (разсужд. 127 сл.)[1]).

Ключъ къ историческому пониманію этой ороографіи заключается въ томъ, что рукопись содержитъ и нѣсколько примѣровъ замѣны старой носовой чрезъ полугласную: оугобьгись (=-сѧ) л. 13 об., вьсь (=вьсѧ πάντας) 3 об., ѫ: вь мьцѣ (= мѫцѣ) л. 17 об., съботныи (= сѫб.) л. 47. Памятникъ между прочимъ часто замѣняетъ старое ѫ чрезъ ѧ послѣ ч; въ виду этого и на мѣстѣ полугласной знакъ ѧ является, за однимъ исключеніемъ, только послѣ ч. Въ остальныхъ случаяхъ графическія функціи полугласныхъ принимаетъ на себя ѫ; акустическое смѣшеніе этого знака съ ъ (ь), находимое въ рѣдкихъ примѣрахъ съ начала средне-болгарской письменности и усиливающееся изъ вѣка въ вѣкъ, подало поводъ къ безграмотной графикѣ Боянскаго Евангелія. Быть можетъ, оно содержитъ и случаи написанія ѫ вм. стараго о и ѧ вм. стараго е: ѭдѫщѫмъ d. pl. 49 (въ смыслѣ

1) Замѣтимъ, что возможно принимать окончательный переходъ звука ѧ въ е для говора Боянскаго Евангелія.

2) См. Изв. Русск. Отд. Акад. Наукъ, т. IV, з, стр. 40 и слѣд. Пользуясь этимъ обзоромъ Боянскаго Евангелія, я заимствую только немногіе, наиболѣе доказательные примѣры и свѣряю ихъ съ подлинной рукописью. Указанный обзоръ не даетъ точнаго представленія о памятникѣ; категоріи изслѣдованія заимствованы механически изъ работъ по старославянской эпохѣ и мало пригодны для болгарской рукописи XIII вѣка.

средне-болгарскаго -щомъ съ о старымъ, внесеннымъ аналогіей), поемлѧтѧ 3. sing. praes. 42 об. Въ болѣе древнихъ и болѣе грамотныхъ памятникахъ ѫ смѣшивалось съ ъ тамъ, гдѣ оба звука совпали въ современномъ болгарскомъ языкѣ; сначала ѫ ставилось вмѣсто ъ, когда надлежало отличить его глухой выговоръ отъ «ъ равнаго о» и отъ ъ, не имѣвшаго болѣе никакого значенія. Затѣмъ ѫ перешло въ послѣднія двѣ категоріи; акустическое сходство, а затѣмъ совпаденіе ѫ съ ъ и были первоисточникомъ графической манеры Боянскаго Евангелія; подобнымъ образомъ расширились и функціи знака ѧ. Но для того, чтобы дѣло дошло до подобной манеры, необходимо было время. Третій разрядъ въ этомъ отношеніи рѣзко отличается отъ второго. Относительно говора Боянскаго Евангелія, очевидно, не можетъ быть и рѣчи о носовомъ значеніи старыхъ юсовыхъ знаковъ ѫ и ѧ. Но при всемъ діалектическомъ разнообразіи болгарской территоріи, мы не имѣемъ также никакого права выдѣлять Боянское Евангеліе въ качествѣ какого-то діалектическаго уника, или говора, опередившаго всю массу болгарскихъ говоровъ своего вѣка. Боянское Евангеліе просто малограмотный текстъ, и его показанія во многомъ совпадаютъ съ другими малограмотными текстами той же эпохи. Мы видѣли, что купчая запись, читаемая на л. 126 bis об. Болонской псалтыри, ставитъ полугласную вмѣсто старой носовой: сиѧ[1]) книгы коупихъ (= -хѫ) сѧ и быть можетъ носовую вмѣсто полугласной давно выпавшей: азъ еромонахъ грѣшѧны (= шн-).

То же находимъ мы въ нѣкоторыхъ кирилловскихъ припискахъ Ассеманова Евангелія:

1) На л. 38 об., вдоль обрѣза, сверху внизъ, въ одну строку черниломъ приписано:

ѕѣло кривы книгы йѕ нихже се сатаж҇д сиѧ книгы. да мѫка ми е҇ ⁖ —

Почеркъ довольно красивый, но полууставный, наклонный впередъ. Его можно бы относить и къ XIII вѣку, скорѣе всего къ первой его половинѣ, при чемъ ѣ, умѣщающееся въ предѣлахъ строки, не можетъ помѣшать этому. Труднѣе относитъ почеркъ къ XII вѣку. Первое д въ сатаж҇д можно считать конечно и опиской вмѣсто ь (ъ); въ сиѧ знакъ ѧ имѣетъ навѣсъ влѣво; весь начеркъ буквы неправиленъ и какъ будто изъ чего-то переправленъ (изъ ѣ или изъ е?); се стоитъ вмѣсто сѧ; мѫка съ ѫ

1) У Срезневскаго ошибочно сиѫ.

слѣдуетъ читать вмѣсто мѹка, напечатаннаго въ изд. Чрнчича; ми писано лигатурой. Чернила не отличаются отъ чернилъ глаголическаго текста, препинаніе ·: ⸺ извѣстно и въ глаголическомъ текстѣ (напр. л. 39 об.). На л. 93 не наклонно, а прямо то-же лицо написало блѣдно-коричневой розоватой краской г҃и і҃у х҃е с҃нє б҃жиї помогаи рабоу своємоу ·: ⸺ и оно-же обвело тою-же краской чернильный контуръ полу-инициала ℌ, помазаннаго сверху зеленью.

2) Л. 46 об. между столбцами снизу вверхъ, въ одну строку читаемъ:

о папасъ ивани кравоноси писа єванжгєлиє сиє ⸺.

Л. 76

и к҃рєстж да цѣл(ѹ)жтѧ чєстжнъ срѣдопостиє

Почеркъ въ обѣихъ послѣднихъ припискахъ одинаковый, и совершенно иной, нежели въ припискѣ, разсмотрѣнной подъ 1), и для кириллицы вообще мало обычный: типы квадратны, нѣкоторые и того шире, писаны, или скорѣе рисованы, тонкими чертами въ примитивно-уставной манерѣ, затрудняющей палеографическую датировку. Среди почерка выдѣляется почти скорописной манерой ж, очевидно замѣняющее графическое ъ въ случаяхъ єванжгєлиє и крєстж, и даже въ случаѣ чєстжнъ; ѧ (внутри вертикальная черта идетъ нѣсколько выше горизонтальной) стоитъ также вмѣсто полугласной. Обѣ эти приписки писаны не чернилами, а блѣдной малиновато-коричневой краской, широко употребляемой въ иниціалахъ Ассеманова Евангелія (напр. на л. 46 и 47). Почеркъ этихъ двухъ приписокъ — архаиченъ въ нѣкоторыхъ чертахъ (н, ц, ч, ѣ), другими указываетъ на болѣе позднюю эпоху (ж, є, д), также какъ и орѳографія. Мы, впрочемъ, имѣемъ дѣло съ лицомъ, вообще не владѣвшимъ кириллицей, или малограмотнымъ. Ограниченность матеріала допускаетъ только приблизительное опредѣленіе. Приписки 2) могли бы быть одновременны съ приписками 1), но могли бы быть и старше этихъ послѣднихъ.

Всѣ эти приписки и еще одна, 3), на л. 94 (ср. изд. Чрнчича, фототипія), писанная примитивной кириллицей и къ концу глаголицей, тою же зеленою краскою, что̀ въ иниціалахъ (напр. на л. 93), страннымъ образомъ связываются съ Ассемановымъ Евангеліемъ — однѣ своимъ содержаніемъ, другія — красками. Проще всего было бы думать, что въ припискѣ 1) писецъ глаголическаго текста Ассеманова Евангелія жалуется на дурной

оригиналъ, а въ 2) и 3) пробуютъ свои силы два (ибо почерки различны) иллюминатора рукописи. Поздняя фонетика приписокъ удерживала отъ такого предположенія. Нѣкоторыя черты говора Ассеманова Евангелія могли бы намекать и на позднюю дату. Но заставки рукописи и ихъ колоритъ какъ будто говорятъ противъ XIII вѣка. Инициалы вѣроятно писаны немедленно послѣ текста; мѣстами эти инициалы покрываютъ текстъ своими краями. Но инициалы по техникѣ неотдѣлимы отъ заставокъ; заставки же архаичны; по стилю онѣ рѣшительно предшествуютъ народной тератологіи. Но эта послѣдняя, какъ мы видѣли, необязательна, а заставки Ассеманова Евангелія могли быть буквально скопированы съ оригинала, подобно древнему по составу синаксарю памятника. Изъ почерковъ упомянутыхъ приписокъ ни одинъ не можетъ быть отождествленъ съ тѣмъ кирилловскимъ почеркомъ, которымъ сдѣланы надписи надъ ликами, помѣщенными въ нѣкоторыхъ инициалахъ. Почеркъ этихъ надписей какъ будто древнѣе вышеприведенныхъ приписокъ; подобно глаголическому тексту кирилловскія надписи надъ ликами *иногда* покрываются краями инициаловъ, т. е. сначала былъ написанъ глаголическій текстъ, потомъ отмѣчено кирилловскимъ почеркомъ, гдѣ и какіе лики должны быть изображены въ петляхъ глаголическихъ инициаловъ Ⱅ и Ⰻ (**Въ врѣмѧ оно, Рєчє г҃ь**); потомъ кирилловскія надписи надъ ликами помазаны сплошь слѣва направо желтой краской совершенно также, какъ нѣкоторыя заглавныя строки глаголическаго текста. Наконецъ нарисованы инициалы, быть можетъ по предварительнымъ начеркамъ. Замѣтимъ, что глаголическая и кирилловская реставрація текста, а равно разныя календарныя приписки указываютъ на продолжительную исторію рукописи[1]). Можно искать другого пониманія приписки 1) и одновременно объяснять случайностью то, что 2) и 3) писаны красками инициаловъ. Относить только инициалы рукописи къ XIII вѣку, по указаннымъ выше соображеніямъ, невозможно. Вопросъ остается открытымъ. Рукопись вмѣстѣ съ приписками 1) 2) 3) могла бы быть отнесена къ XII вѣку, но тогда придется признать, что уже въ эту эпоху были говоры, въ которыхъ **ж** совпало съ **ъ**, а **ѧ** уже приближалось къ **є**. Отдѣляя текстъ отъ приписокъ, мы все-же имѣемъ среди этихъ послѣднихъ довольно ранніе образцы паденія юсовой системы, какое вообще говоря распространяется только въ третьемъ разрядѣ болгарской письменности.

1) Ср. «Второй отчетъ Русскому Отдѣленію Академіи», Изв. Отд. т. VII, кн. 3, 1902 г.

Я уже упомянулъ, что упрощенная нормировка юсовъ переходитъ изъ второго разряда въ третій. Примѣромъ можетъ служить болгарскій Апостолъ, принадлежащій Историческому Музею. По общему впечатлѣнію, почерки рукописи относятся къ народнымъ македонскимъ, а по хронологическимъ примѣтамъ — къ третьему разряду. Изъ чертъ фонетическихъ особенно сильно смѣшеніе ꙑ съ и и обратно. Первый почеркъ различаетъ знаки ѫ (= ѫ) и ѧ (= ѧ), второй и третій почерки употребляютъ только ѫ въ значеніи обоихъ носовыхъ знаковъ; другъ отъ друга эти послѣдніе два почерка отличаются съ перваго взгляда тѣмъ, что II употребляетъ ꙁ съ перечеркнутымъ хвостомъ (безъ значенія звука *dz*), а III — ꙁ обычное.

Но кромѣ прежней упрощенной нормировки въ третьемъ разрядѣ обнаружилась попытка новой, выросшей прямо изъ нездоровой графики такихъ текстовъ, какъ Боянское Евангеліе. И эта нормировка идетъ совершенно по тому же пути, какъ всѣ предыдущія средне-болгарскія реформы орѳографіи: мало по малу различные знаки старославянскаго алфавита становятся излишними вслѣдствіе измѣненій, происшедшихъ въ языкѣ; такіе знаки и удаляются, но на ихъ остающіеся эквиваленты не всегда удачно возлагаются новыя функціи, созданныя новой эпохой языка: о самостоятельномъ и прямомъ выраженіи этихъ новыхъ явленій нѣтъ и помина: при ихъ изображеніи мѣриломъ остается правописаніе предшествующей старославянской эпохи въ тѣхъ смутныхъ отголоскахъ, которые сохранялись. Въ концѣ концовъ, новое бремя оказывалось непосильнымъ для сокращеннаго болгарами славянскаго алфавита.

Мы видѣли, что фактически подъ перомъ неграмотнаго и неспособнаго писца ѫ и ь (ъ) стали эквивалентами въ орѳографіи Боянскаго Евангелія. Писцу, имѣвшему подъ руками подобный оригиналъ, могла прійти мысль соединить эту черту съ упрощенной «одноюсной» нормировкой. Если при этомъ общимъ юсовымъ знакомъ является не ѫ, а часто ѧ, то это обусловлено не одною, а нѣсколькими причинами. Во-первыхъ, въ языкѣ именно ѫ оказывалось фонетическимъ эквивалентомъ ъ'а и могло быть выкинуто, какъ ранѣе удалялся тотъ или другой изъ полугласныхъ варіантовъ ъ / ь. Во-вторыхъ, могли распространиться говоры, дававшіе старымъ ѫ и ъ акустическій timbre гласной є. Въ третьихъ, уже существовали (по крайней мѣрѣ, подъ конецъ разряда) говоры, обратившіе ѧ въ обычное неносовое є, вслѣдствіе чего знакъ ѧ освобождался отъ старой функціи и могъ получить новую. Стоило появиться такой манерѣ, и писцы могли прини-

Фотог. П. Павлова

Отрыв. болг. Октоиха XIII в., собр. Андр. Попова № 2571.

мать ее по тѣмъ или другимъ причинамъ, коренившимся въ ихъ говорѣ. О выдержанности такой новой орѳографіи не могло быть и рѣчи; она становилась источникомъ новыхъ условностей.

Подобную манеру представляетъ пергаменный отрывокъ Октоиха XIII вѣка, № 2571 рукописнаго собранія Андрея Попова въ Румянцевскомъ Музеѣ. Онъ писанъ двумя почерками; главный изъ нихъ — мелкій и чисто македонскаго народнаго характера: угловатый, грубый и манерный. Типы буквъ свидѣтельствуютъ о третьемъ разрядѣ болгарской письменности, скорѣе всего о концѣ его (концѣ XIII вѣка); особо отмѣтимъ странное ж: верхъ въ видѣ ш, низъ — наподобіе ѫ, лишеннаго верхней части. Обратимся къ правописанію. Изъ полугласныхъ употребляется только ь (и его высокій варіантъ), изъ носовыхъ знаковъ — только ѧ. Функцію юса большого приняли на себя ѧ и полугласная. Эта послѣдняя стоитъ на мѣстѣ:

1) Стараго носового ѫ:

вьскр҃ньть 3 pl. praes., **сь = сѫй** ὤν?, **врѣменьѧ** = acc. s. f. **-ньнѫѭ**?, (г)**рѣховньѧ** = acc. s. f. **-нѫѭ**, **поюхь** = 3 pl. imperf., **мькѧ** = g. pl. **мѫкъ**! **сь҃** χρίσις, **ѡсьдить** 3 s. fut., **ѡкаѩньѧ** acc. s. f., **неисчетаньѧ** acc s. f., **єдньѧ** acc. s. f., **застьпленїє**. Форма винительнаго на **-ѫѭ** безъ сомнѣнія уже не слышалась въ живомъ языкѣ, и дѣло шло только о выраженіи церковнаго произношенія.

2) Стараго ъ и ь исчезнувшихъ (или вообще только графическихъ), или въ томъ или другомъ видѣ сохранившихся въ языкѣ.

бивьше = **бъівъше**, **вьси** πάντες, **грѣхомь** dat. pl., **вь безаконехь**, **разьбоиникомь**, **изьливаѧ**, **вьзьрадоуѧтѧ** etc.

нь ἀλλά, быть можетъ **вьстан̓**, и т. п., **крь** σταυρός.

Юсъ малый вопреки требованіямъ разумной орѳографіи соединяетъ на себѣ многія функціи. Онъ стоитъ на мѣстѣ:

1) Стараго носового ѧ:

мѧ, **тѧ**, **сѧ**, **зачѧ҃**, **носѧщє** etc.

2) Стараго јѫ послѣ гласныхъ: **прилєжноѧ**, **молитвоѧ** etc. Знакъ ь никогда не встрѣчается послѣ гласныхъ: этому еще мѣшали зрительныя представленія, натверженныя болѣе древними текстами.

3) Стараго носового ѧ послѣ согласныхъ, соединявшихся въ среднеболгарскомъ съ ѫ: 3 pl. aor. ...**вишѧ** — примѣръ единственный.

4) Стараго ѫ послѣ согласныхъ сильно мягкихъ: **мл҃ѧ сѧ** 1. s. praes.

5) Стараго ѫ внѣ условій средне-болгарской смѣны: заблѧ(ждь)шаго, ѿ пѧти = пѫти bis, мѧ҇чние, орѧжие, во̑д асс. s. f., пѧчинѫ, мѧцѣ.

6) Выпавшихъ полугласныхъ: х҇вѧ voc. s. m. bis (cnfr. х҇вь idem), ѿ мькѧ вѣчнихь g. pl., ст҇отрьпецѧ voc. s. m., весѧ мирѧ асс. s., чл҇вчѧ родѧ асс. s. m., морѧскоѧ = морьскоѭ, чѧтѧщіе = чьтѧще.

Въ сущности, знаки ь и ѧ различаются въ принципѣ почти только тѣмъ, что первый изъ нихъ не пишется послѣ гласныхъ. Этотъ почеркъ относится кажется къ юго-восточному нарѣчію, какъ показываютъ написанія любовиѧ instr. s. и особенно золь g. pl. Отрывокъ имѣетъ много другихъ любопытныхъ особенностей, изъ которыхъ отмѣчаемъ здѣсь: полное отсутствіе знака ы (ъı): пишется всегда и. О состояніи флективныхъ формъ склоненія говорятъ: заблѧ(ждь)шаго ѿ пѧти хк҇ѣмь, пр҇ѣ двереxь.

Что касается второго почерка, то онъ, во-первыхъ, совершенно не употребляетъ ни знака ы ни знака ѣ: пишется и и е (одинъ случай е вм. ѣ есть и въ первомъ почеркѣ). Принципіально почеркъ относится къ первой разновидности упрощенной нормировки: употребляется только ѧ—въ смыслѣ стараго ѫ и ѧ; ь не встрѣчается въ значеніи ѫ, но ѧ иногда стоитъ вмѣсто полугласной выпавшей: ро̑ж҇ѧши partic. n. s. f., повешѧшаго partic. Поле наблюденія впрочемъ слишкомъ ограничено. Другія любопытныя черты см. на фототипіи и въ приложеніи.

Этотъ Поповскій листокъ не стоитъ одиноко. Отрывки «однюснаго» письма съ частичной замѣной юса чрезъ ь (ъ) были пріобрѣтены въ 1878 году въ Санъ-Стефано и описаны арх. Амфилохіемъ[1]). Описаніе, снимки (отъ руки) и изданіе образцовъ текста сдѣланы небезошибочно, почему наша характеристика и дается съ оговорками. Мы останавливаемся только на двухъ первыхъ отрывкахъ, которые съ извѣстной вѣроятностью могутъ быть отнесены къ болгарскому, а не сербо-болгарскому изводу.

Отрывокъ I. Юсъ большой (въ томъ числѣ средне-болгарскій юсъ большой изъ юса малаго: сѫ=сѧ, ѫзики) выражается знакомъ ѫ и, рѣже, знакомъ ь: крѣпькь = асс. s. f. -кѫ, лькавьствиѣ = лѫк-, вьзьмьща-ти = вьзмѫщ-, простинь = простъıнѫ асс. s. f., варнавь асс. s. = -вѫ, истинъ = асс. s. -нѫ?, ст҇ьѫ вѣроѫ = свѧтѫѭ (instr. sing.!). Юсъ малый вѣроятно или совсѣмъ или почти не употребляется, вмѣсто него по большей

1) «Объ отрывкахъ изъ древне-славянскихъ рукописей XI и XII—XIII вѣка», съ литографическими снимками. Москва, 1880.

части стоитъ є, отчасти уже и тамъ, гдѣ средне-болгарская письменность употребляла ж: шєтаниѣ; извѣстно, что многіе ново-болгарскіе говоры представляютъ ту же черту. Другія особенности отрывка таковы: ы почти или совсѣмъ не употребляется: вмѣсто него стоитъ и: вѣрьнимь, стихь, бивьшаго, промишлажщаго etc. Твердое л смѣшивается съ мягкимъ: лоутаго, промишлажщаго. О выговорѣ ь даетъ до извѣстной степени понятіе трижды встрѣчающееся вьрдоломєю voc., ср. ново-болгарское *врьти*, *врьти Врьтоломей*, Дюв. s. v.; написаніе 8 въ: бєзбожьн8ж мьглж вѣроятно опечатка изданія; во всякомъ случаѣ и сербизмъ не устранялъ бы факта смѣны ж/ь. По почерку отрывокъ могъ бы быть отнесенъ ко II или III разряду; снимокъ очень малъ и не вполнѣ точенъ. По фонетикѣ отрывокъ можно отнести только къ концу III разряда. Относить отрывокъ къ XII, или вслѣдъ за Амфилохіемъ даже къ XI вѣку, не позволяетъ уже высокая мачта буквы ѣ; другіе типы представляютъ вѣроятно провинціальные архаизмы. Почеркъ, косой и угловатый, находится въ родствѣ съ почеркомъ Поповскаго отрывка Октоиха.

Отрывокъ II. Орѳографически близокъ къ Поповскому: знакъ ѧ употребляется въ значеніи обоихъ юсовъ, при этомъ въ значеніи юса большого встрѣчается и ь (ъ): сьдь = сѧдъ, нє ѿльци = отлѧчи, ѡсъждєнаго = сѧжд-, ѡтымѧтъ = -мѧтъ 3 pl. Другія особенности: всегда ᲂу вм. ю, иногда встрѣчается ѥ, въ томъ числѣ послѣ согласной: сѥ = сѧ; гроздѥ, трьнѥ, ср. ново-болгарскіе говоры, знающіе въ этомъ случаѣ мягкое (въ различной степени) *н*. Написанія и вм. ы и є вм. ѧ повидимому почти не встрѣчаются (вь поустини, сѥ = сѧ). Наблюдается обоюдная смѣна ц/ч: оуцитєль, ѡблици, тоцнѧ, оуцитєлѣ, нє ѿльци, зьльци, вѣцны; съ ѡчємь, исьчѣлихь, ичѣлєниѣ. Есть случаи о изъ ъ: собрасѧ и цр҃ковь, а также смѣшеніе твердаго л съ мягкимъ: чл҃вѣколꙋбьцє, вьзлꙋбєномꙋ. Почеркъ, судя по снимку, могъ-бы относиться ко II или къ III разряду (ѣ высокое и низкое); ѧ — широкаго начерка: наподобіе разложистаго п со вписаннымъ Y.

Въ историческомъ отношеніи предлагаемая нами классификація не встрѣчаетъ затрудненій: она естественно освѣщается судьбами болгарскаго народа. При подсчетѣ оказывается, что памятниковъ XI вѣка мы имѣемъ очень мало: вмѣстѣ съ глаголическими и незначительными отрывками —

немногимъ болѣе десятка; памятниковъ XII вѣка только два, памятниковъ первой половины XIII вѣка вѣроятно не болѣе двухъ десятковъ, памятниковъ второй половины XIII вѣка гораздо болѣе.

Припомнимъ, что всѣ памятники, о которыхъ идетъ рѣчь, за немногими исключеніями — македонскаго происхожденія. Безспорно, что въ Македоніи уже весь XI вѣкъ былъ мало благопріятенъ для процвѣтанія славянской письменности: въ 1017 году страна была покорена византійцами. Правда, до смерти Василія II (1025) и даже нѣсколько позднѣе нельзя еще говорить о полномъ прекращеніи славянской письменности: за болгарской церковью формально еще оставалась автономія; послѣдній славянинъ доживалъ свой вѣкъ на охридской патріаршей каѳедрѣ; при его первыхъ преемникахъ грекахъ еще не могло произойти полное вытѣсненіе славянскаго духовенства греческимъ; процессъ шелъ съ верху, отъ болѣе вліятельныхъ и доходныхъ должностей и изъ крупныхъ центровъ страны. Къ XII вѣку онъ несомнѣнно сказался сильнѣе, принявши формы, которыя на сѣверѣ болгарской территоріи, къ концу этого вѣка, вмѣстѣ съ гнетомъ гражданскаго управленія, дали начало національному возстанію Асѣней. Ясно, почему отъ XI вѣка дошло до насъ больше болгарскихъ рукописей, чѣмъ отъ XII-го. Къ тому же, многія изъ рукописей XI в. уцѣлѣли только потому, что во̀-время (еще въ XI—XII вѣкѣ) оставили страну; онѣ сохранились въ аѳонскихъ или восточныхъ монастыряхъ. Самый конецъ XII вѣка не улучшилъ условій македонской письменности. Великій завоеватель Калоянъ (1196—1207) только подъ конецъ своего правленія занялъ бо̀льшую часть Македоніи (1205), но эти завоеванія были потеряны послѣ его смерти. Послѣ него область средняго Вардара одно время была захвачена Стрѣзомъ, затѣмъ вся Македонія отошла къ эпирскому «царству» деспота Ѳеодора, т. е. возстановилось господство грековъ. Только съ 1230 по 1241 годъ, послѣ битвы при Клокотницѣ и до смерти Асѣня II, Македонія снова принадлежала болгарамъ; уже сыновья Асѣня II потеряли всѣ его македонскія завоеванія. Константинъ Асѣнь занялъ еще разъ верхнюю Македонію, но ненадолго; послѣ него уже ни одинъ болгарскій царь не могъ распространить своей власти на эти страны (Иречекъ, 486). Очевидно, только промежутокъ времени 1230—1241 былъ благопріятенъ для возрожденія славянской письменности, притомъ особенно, если принять въ расчетъ личность Асѣня II и его духовные интересы. Охрида, съ возстановленнымъ болгарскимъ патріархатомъ, на время стала важнымъ культурнымъ центромъ. Къ Охрид-

ской школѣ этого времени всего удобнѣе относить такія рукописи, какъ Болонская псалтырь и псалтырь Погодина — послѣ вѣка Симеона и до Тырновской школы XIV вѣка это лучшія болгарскія рукописи по графикѣ, орнаменту и всему внѣшнему виду. Ихъ близость между собою открывается и при изученіи текста и перевода. Какъ болгарскія царства X вѣка оставили свой слѣдъ въ дошедшихъ до насъ старо-славянскихъ рукописяхъ XI-го, такъ кратковременный расцвѣтъ македонской письменности при Асѣнѣ II продолжалъ чувствоваться во 2-ой половинѣ XIII-го. Національная борьба снова начиналась въ македонской церкви. Грекамъ предстояла та же задача, чтò при Василіи II; но силы самой Византіи были уже не тѣ, и славянская церковь Македоніи не представляла для грековъ XIII вѣка такой легкой добычи, какъ въ XI. Не было и прежней исключительности: солидарность самихъ балканскихъ народовъ замѣтно возросла; въ эпоху западныхъ нашествій и завоеваній она сказывалась и въ церковной сферѣ. Кромѣ того, со 2-ой половины XIII вѣка въ Македоніи, задолго до ея завоеванія сербами, проявляется сербо-болгарское взаимодѣйствіе. Сербскіе списки съ болгарскихъ оригиналовъ, датированнымъ образцомъ которыхъ является Шестодневъ 1263 года, встрѣчаются уже въ эту эпоху; таковъ напр. македонскій Апостолъ Шафарика, описанный Поливкой (Archiv X).

Присматриваясь къ графикѣ памятниковъ по установленнымъ нами разрядамъ, мы убѣждались, что въ типахъ отдѣльныхъ буквъ измѣненія совпадаютъ съ нашимъ дѣленіемъ, которое было установлено по признакамъ нормировки полугласныхъ и гласныхъ носовыхъ и повѣрено показаніями исторіи, орнамента и морфологіи. Въ предѣлахъ установленныхъ разрядовъ: «XII в.», «1-я половина XIII-го», «2-я половина XIII» выясняются любимые начерки, но господство ихъ не исключительное: обыкновенно новые варіанты буквъ возникаютъ рано, хотя и употребляются сначала спорадически, а старые не отживаютъ сразу, хотя видимо оттѣсняются новыми; хронологія отдѣльныхъ типовъ не имѣетъ полнаго тождества, между отдѣльными рукописями въ этомъ отношеніи замѣтны разногласія; все это достаточно объясняется перемѣнными условіями, въ которыхъ жила македонская письменность, почти постояннымъ недостаткомъ школы и центровъ, разнообразными графическими вліяніями кириллицы, глаголицы, современнаго греческаго письма, народной манеры. Съ появленіемъ школы, при Асѣнѣ II къ этимъ разнороднымъ элементамъ присоединяется архаизація. До сихъ поръ писцы работали въ разбродъ, подчиняясь перекрестнымъ

вліяніямъ; теперь организація клонилась къ тому, чтобы ослабить графическій хаосъ подправкой подъ старину, уцѣлѣвшіе памятники которой уже служили для справокъ и подражанія.

VI.

Фонетика.

1. Полугласная.

Вмѣстѣ съ XI-мъ вѣкомъ закончились крупныя перемѣны въ судьбѣ древне-болгарскихъ[1]) полугласныхъ. При извѣстномъ положеніи онѣ исчезли, при иномъ — дошли до полной краткости; въ этомъ послѣднемъ случаѣ обнаружились діалектическія различія: ь по всей болгарской территоріи, доходя до полной краткости, давало є; но на востокѣ оказались говоры, которые ранѣе этого перехода измѣнили ь въ направленіи къ ъ послѣ тѣхъ или другихъ шипящихъ; эти случаи такимъ образомъ не подпали дѣйствію общаго закона: получились варіанты ново-болгарскіе *дошел* и *дошъл*, *дошол* = -шьлъ. Что касается полугласной ъ, то здѣсь діалектическія различія оказались глубже. На юго-западѣ ъ, доходя до полной краткости, всюду дало въ результатѣ о, на востокѣ полугласная ъ перешла въ о только при извѣстныхъ, рѣдкихъ фонетическихъ условіяхъ и, какъ выясняется теперь, послѣ изслѣдованія Милетича, главнымъ образомъ только въ говорахъ стараго подунайскаго нарѣчія. Внѣ этихъ условій въ тѣхъ же говорахъ, а равно при всякихъ условіяхъ въ остальной восточно-болгарской территоріи полугласная ъ, доходя до полной краткости, измѣнилась въ «полную краткость ъ»; подъ этимъ терминомъ объединяются всѣ физіологическіе варіанты ново-болгарскаго ъ[2]). Обнаружилось еще одно явленіе въ судьбѣ обще-бол-

---

1) Въ «Разсужденіи о языкѣ Саввиной книги» я пришелъ къ выводу, что старо-славянскіе памятники, средне-болгарская письменность и живые болгарскіе говоры по отношенію къ судьбѣ полугласныхъ обнаруживаютъ рѣшительное тождество историческаго развитія, которое доказываетъ, что мы имѣемъ предъ собою во всемъ этомъ лингвистическомъ матеріалѣ одинъ и тотъ же славянскій языкъ съ его діалектическими развѣтвленіями. Вотъ почему въ настоящей работѣ я говорю о «древне-болгарскомъ» языкѣ и просто о «болгарскомъ» языкѣ, сопоставляя факты различныхъ эпохъ. Названія «старо-славянскій», «средне-болгарскій» и «ново-болгарскій» я сохраняю въ качествѣ хронологическихъ терминовъ, означающихъ: «X—XI вѣкъ», «XII—XIV вѣкъ», «XV—XX вѣкъ».

2) Съ различнымъ растворомъ губъ и съ различнымъ положеніемъ языка: среднимъ (mixed), заднимъ (back), переходнымъ отъ средняго къ заднему, глубоко-заднимъ.

гарскихъ полугласныхъ: при положеніи, которымъ вообще обусловливалось исчезновеніе полугласныхъ, онѣ иногда сохранялись подъ вліяніемъ специальныхъ фонетическихъ причинъ[1]). Но это явленіе носило діалектическій характеръ: полугласная сохранялась при такомъ условіи главнымъ образомъ восточно-болгарскими говорами, и то не безъ діалектическихъ изъятій, въ македонскихъ она почти всегда выпадала: *дъщеря* и *щерка*, *дъска* и *штица*, *дъно* и *дно*. При этомъ, если полугласная не исчезала, **ь** очень рано давало тотъ же результатъ, что̀ и **ъ**: обѣ совпадали въ **ъ** полнаго образо̀ванія (раціональномъ).

Эти процессы закончились къ XII вѣку во всѣхъ діалектахъ, какъ видно изъ того, что съ начала средне-болгарской письменности мы, во-первыхъ, не можемъ указать ни одной рукописи, свободной отъ замѣны **ь** чрезъ **є**; такъ какъ обѣ полугласныя измѣнялись аналогично, мы должны принять, что и нѣкогда ирраціональное **ъ** къ тому же времени, гдѣ не выпало, перешло въ раціональные звуки; одна категорія средне-болгарскихъ памятниковъ (македонская) ясно подтверждаетъ это частой замѣной **ъ** чрезъ **о**, другая (подунайское нарѣчіе XIV в.) такою же замѣной **ъ** чрезъ **о** при особыхъ фонетическихъ условіяхъ (членныя формы **работъ**, **рабось** и суффиксъ — **окъ** = **-ъкъ**); для памятниковъ, совершенно не знающихъ замѣны **ъ** чрезъ **о** (кромѣ мѣстоименія **то**, **тои** = hic, is), необходимо предположить измѣненіе **ъ** ирраціональнаго въ **ъ** раціональное. Во-вторыхъ, также съ XII вѣка сказываются діалектическія македонскія выпаденія полугласной при условіяхъ, гдѣ она сохранялась на востокѣ: Унд. уже пишетъ **дщи** = **дъщи**, Добр. содержитъ написанія **тщи**, **тщерь**, **о тщери** = **дъщи**, **дъщерь**, **дъщери** (Ev. Dobr. 40). Одна наличность такихъ пропусковъ, какъ **десница** = ***десьница**, **всего** = **вьсего**, разумѣется не могла бы свидѣтельствовать о завершеніи всего процесса измѣненія полугласныхъ, ибо выпаденія начались еще съ общеславянской эпохи и продолжались, усиливаясь численно, въ дальнѣйшей исторіи славянскихъ языковъ. Мы судимъ по самымъ послѣднимъ категоріямъ, захваченнымъ этимъ процессомъ, и давшимъ въ результатѣ указанныя выше діалектическія различія (**дщи** — **дъщи**). Въ пользу завершенія всего процесса свидѣтельствуетъ въ рукописяхъ еще и смѣшанное употребленіе знаковъ **ъ** и **ь** или совер-

---

1) Главнымъ образомъ въ начальномъ слогѣ между извѣстными согласными; *дънó* при *днес* указываетъ, что условія для **ъ** и **ь** были отчасти различны.

шенное устраненіе одного изъ нихъ: результаты фонетическаго развитія были таковы, что одинъ изъ знаковъ могъ найти новую функцію во всѣхъ говорахъ: онъ сталъ выражать ъ раціональное (сънъ, дошълъ; дъно; мъгла: послѣднее съ ъ на востокѣ и на юго-западѣ), другой знакъ оказывался лишнимъ — въ XI вѣкѣ для многихъ говоровъ (архаическое нарѣчіе Саввиной книги еще имѣло ирраціональныя ъ и ь), съ XII вѣка — для всѣхъ говоровъ.

Переходъ къ орѳографической системѣ съ одной полугласной оправдывался, такимъ образомъ, состояніемъ языка, звукамъ котораго въ этомъ пунктѣ уже не отвѣчала старая орѳографическая система Первоучителей. Задача состояла въ примѣненіи унаслѣдованныхъ алфавитовъ (глаголицы и кириллицы) къ потребностямъ фонетики, отчасти совершенно новой. Припомнимъ, что это произошло при переходѣ отъ XI вѣка къ XII-му, въ разгаръ греческаго ига, въ эпоху ослабленія и раздробленности болгарской письменности. Историческія условія не благопріятствовали свободной дѣятельности призваннаго реформатора; задача реформы пала на простыхъ писцовъ и осуществлялась инертно. Писцы ограничились механическимъ удаленіемъ одного изъ дублетовъ ъ и ь, не сдѣлавъ изъ этого естественнаго шага тѣхъ дальнѣйшихъ выводовъ, которые одни и оправдали бы ломку. Въ предѣлахъ македонскаго нарѣчія результаты такого формальнаго упрощенія графики оказались особенно неудовлетворительными: писцы произносили уже *сон*, *сны*, *ден*, *днес*, а въ своихъ лучшихъ подлинникахъ находили написанія сънъ, сънъı, дьнь, дьньсь, или въ подлинникахъ смѣшанной орѳографіи сьнъ, сънь, сьнь, дънь, дьнъ, дънъ, съна — сьна, дъньсь — дьнъсь — дьньсъ и т. п. При этихъ написаніяхъ уже проскальзывали (и по свидѣтельству такихъ текстовъ, какъ Мар., Ассем., Син. Пс. — нерѣдко) такія новшества, какъ сонъ — сонь и сна, день — денъ и днесь — днесъ. Но таково было обаяніе литургической графики, что болгарскіе писцы не рѣшились обобщить эти новшества на основаніи живого выговора. Ограничиваясь удаленіемъ лишняго дублета (напр. ь), писцы установили единообразныя написанія сънъ, съна, дънъ, дънъсъ, дъно, мъгла, въсъ, въсего, въ которыхъ знакъ ъ (или въ другихъ рукописяхъ — его дублетъ ь) оказался выразителемъ звуковъ о, е, ъ (раціональнаго) и кромѣ того — знакомъ безъ звукового значенія. Если принять въ расчетъ, что одновременно въ языкѣ наступало совпаденіе стараго ѫ съ ъ раціональнымъ, а слѣдовательно и графическое смѣшеніе этихъ знаковъ, то нельзя не признать,

что подобная реформа облегчила только процессъ списыванья для самихъ писцовъ — понизивъ требованія грамотности, но нисколько не послужила интересамъ чтецовъ, не говоря уже объ интересахъ будущихъ изслѣдователей[1]).

Въ замѣнѣ ь черезъ є и даже въ болѣе рѣдкой замѣнѣ ъ черезъ о македонскіе памятники конца старо-славянской эпохи были отчасти смѣлѣе средне-болгарскихъ. Если, съ другой стороны, тѣ же памятники менѣе смѣлы въ пропускѣ исчезнувшихъ полугласныхъ, то во всякомъ случаѣ они почти не вводили фиктивныхъ полугласныхъ, никогда не существовавшихъ въ языкѣ. Старо-славянское **оставлѭ** 1. s. praes. могло звучать въ средне-болгарскую эпоху только какъ **оставѧ**, между тѣмъ какъ на письмѣ возможно было и **оставълѧ**. Этотъ примѣръ обращаетъ насъ къ Болонской псалтыри, графика́ которой, несмотря на извѣстный навыкъ главныхъ писцовъ, отмѣчена поверхностнымъ подражаніемъ традиціямъ уже существенно затемненнымъ. Таковое направленіе всего сильнѣе сказывается у того изъ писцовъ, который начинаетъ рукопись. Онъ видимо руководится *правиломъ*, что согласныя всегда должны быть раздѣляемы при помощи полугласной. Большинство примѣровъ падаетъ на группы, дѣйствительно содержавшія нѣкогда полугласную и подавшія первоначальный поводъ къ установленію манеры. Но на ряду съ такими случаями нерѣдки другіе, въ которыхъ полугласная фиктивная, никогда не существовавшая въ языкѣ. Для самого писца не существовало принципіальнаго различія, между обѣими категоріями.

Такая орѳографія скрываетъ отъ насъ истинный объемъ выпаденій, столь важный для опредѣленія эпохи и діалектической принадлежности говора, а съ другой стороны лишаетъ всякой цѣны написанія съ сохраненной полугласной.

Во вторыхъ писецъ избѣгаетъ замѣны полугласныхъ тѣми о и є, которыя въ его говорѣ уже слышались въ извѣстномъ положеніи вмѣсто ъ и ь. Скрыть эту фонетическую особенность совсѣмъ писцу въ концѣ концовъ не

---

1) Къ какимъ ужасающимъ послѣдствіямъ привела эта система малограмотныхъ писцовъ въ XIII вѣкѣ, мы видѣли выше, на примѣрѣ Боянскаго Евангелія. Писецъ этого памятника довелъ до конечныхъ выводовъ всѣ пагубныя послѣдствія новой системы и въ то же время, изъ желанія подражать древности, отвергъ ея исходный пунктъ: Боянское Евангеліе употребляетъ безъ системы *оба* полугласныхъ знака. Весь этотъ хаотическій способъ обозначенія звуковъ можетъ быть понятъ только при знакомствѣ съ предыдущими орѳографическими стадіями болгарскаго языка.

удается, но онъ выражаетъ ее слабо, лишая насъ возможности судить о нѣкоторыхъ интересныхъ явленіяхъ аналогіи, напримѣръ о степени распространенія формы предлога ко εἰς, ἐν за предѣлы ея фонетическаго возникновенія и т. п. Кромѣ того изъ опасенія замѣнить старое ъ черезъ о, писцы ставятъ иногда ъ вмѣсто стараго этимологическаго о; таковы у перваго писца Болонской псалтыри написанія въскъ «воскъ», instr. богъмь, 1 pl. aor. дахъмъ. Наконецъ, что̀ всего важнѣе, въ случаяхъ колебанія между ъ и о тотъ же писецъ выходитъ иногда изъ затрудненія совершенно пропуская гласную. Этотъ пріемъ принципіально подрываетъ довѣріе и къ тѣмъ случаямъ пропуска, въ которыхъ на основаніи общихъ соображеній мы склонны были бы видѣть фонетическія написанія.

Орѳографическое употребленіе полугласныхъ знаковъ въ Болонской псалтыри таково, что факты живого говора писцовъ рѣдко открываются нами непосредственно. Мы часто принуждены руководствоваться тѣми общими данными, которыя уже добыты наукой по отношенію къ полугласнымъ. Наблюденія надъ памятниками XI вѣка позволили установить главные моменты фонетическихъ измѣненій и ихъ историческую послѣдовательность; живые болгарскіе говоры дополняютъ эту картину подробностями діалектическаго характера. Мы не въ правѣ отвергать той помощи, которую находитъ изслѣдованіе во всѣхъ этихъ данныхъ, пока показанія Болонской псалтыри не становятся съ ними въ противорѣчіе. Съ тѣми же ограниченіями можно пользоваться и предположеніемъ, что роднымъ говоромъ писцовъ Болонской псалтыри было Охридское нарѣчіе XIII-го вѣка. Сопоставленія съ фактами живого Охридскаго говора втеченіе работы должны привести насъ къ выводу, основательно ли это предположеніе; если оно оправдается, разнообразныя указанія Охридскаго нарѣчія получать доказательную силу въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ ихъ примѣненія.

Сообразно сказанному я располагаю матеріалъ по категоріямъ, которыя всего болѣе соотвѣтствуютъ нашимъ общимъ представленіямъ о фонетикѣ македонскаго говора средне-болгарской эпохи, прибѣгая при томъ къ помощи исчерпывающаго статистическаго пріема только тамъ, гдѣ это дѣйствительно оправдывается требованіемъ самого дѣла.

Ъ/Ь = О/Є.

Главные писцы Болонской псалтыри представляютъ слѣдующіе примѣры перехода ъ въ о и ь въ е[1]).

I писецъ.

Є вм. Ь:

Въ корнѣ.

брь-: бреннаг° 65.2. — **брение** πηλός: 25.1, 25.2. — **бренинѧ** 65.1. — **вьс-: весъ** πᾶς, nom. et. acc. 27.3, 29.3, 37.1, 50.2, 55.4, 66.2, 71.3, 76.2. — **весде** πανταχοῦ 71.4. — **дьн-: дей** ἡμέρα 15.1—2, **денъ** nom. et acc. 8.1, 16.2, 21.1, 47.1, 50.2, 55.3, 58.1, 58.2, 58.3, 59.3, 67.3, 69.2, 71.3, 72.3, 80.1, 83.1, 83.4, **день** 73.1, instr. pl. **деньми** 62.4. **деніѫ** adv. 47.2. — **крьс-: въскресъ** ἀναστάς 3.4, **въскресъ** 73.4, **вскресъшоу** 20.4, **възъкресъшоу** 48.1. — **крьст-: на крестъ** (σταυρός) 3.2. — **льв-: левъ** λέων 7.3. — **льг-: ѡблекъчілъ** 16.2. — **льст-: лестъ** δολός nom. et acc. 5.4, 40.4, 62.4, **лестъне** 82.4, **прѣлестъ** 63.3, **прѣлещъшийми** partic. 40.2.— **лестіѫ** instr. 36.4. — **мьст-: местъникъ** 14.1. — **пьн-: запенъше** partic. 20.4. — **прѣпенъше** partic. 22.4. — **рьв-: ревъноуи** imperat. 57.1, 57.3 partic pl. **ревъноужщие** 17.2. — **тьм-: темъна** adj. 22.1, **темънаа** 30.2, **темънъімъ** 78.2.—**чьт-: честъ** τιμή 41.4, 74.4, adj. **честное** 27.2, **честъноумоу** 8.4, **честъни** 11.4. partic. **пчелъ** 9.2, **пчлъ** 9.4. **бестіѧ** 29.4. — **шьд-: шедъ** 30.2, **шедше** 42.2 etc. **вшедъ** 24.2, 31.4, **пришедъ** 26.4, **пришедъшоу** 43.4, **съшед** 23.2, **съшедъ** 34.4, 47.3, 67.4 etc.— **пришедъі** 34.4. — **въшествие** 55.2, **ѡшествий** 81.2, **пришествие** 17.2, 35.2, 42.2, **пришестъвие** 16.4, **пришествіѧ** 10.1, **пришествиѧ** 40.2, 41.2, 44.2, 66.4 etc., **пришествию** 16.2, 60.2 etc., **пришествии** 56.2, 65.1, 65.4, **пріше-**

---

1) Третій писецъ Бѣлославъ въ этомъ отношеніи даетъ очень мало: самые случаи у него почти отсутствуютъ; е=ь находимъ въ **длъженъ** 105.2. Бѣлославъ свободно пропускаетъ лишнія полугласныя, особенно тамъ, гдѣ онъ стѣсненъ мѣстомъ: **внити, познажтъ, несмъісльни. невѣрнъіж, хѫлнъіж, вѣровавшімъ, вѣрнии** л. 104 об., отмѣтимъ еще на л. 105.2 **крщениемъ** и **тъкмо**; **конъчнниъж** ibid. есть ошибка неопытнаго писца, въ подлинникѣ могло стоять **конъчьнъіж** или **конъчънъіж**.

ствїе́м' 16.2, пришествие́м' 2.4, сѫщест҇вии҄ 22.2. — ьм-: ем҄ъ λαβών 24.4, 40.2, емше 18.4, взе́м 24.2, възе́м 9.4, възем҄ъ 9.2, въсприе́м 22.4, въсприем҄ъ 33.4, 59.4, 64.4, 69.2, въсъприем҄ъ 23.4, въсприемше 31.2, прием҄ъ 77.4, прие́мше 73.2, прие́мшии 55.4, приемъшии 55.2, приемъшии 4.4, сънем҄ъ συναγωγή 8.1, 31.3 etc., лихоемъцѫ acc. pl. 15.2. възлем҄ъ 59.4, при заим҄ъ 59.3.

Въ суффиксахъ.

ь- (именной основы) въ кареⷯ҇ ἐν βάρεσιν 78.3, властем҄ъ 2.4, заповѣдем҄ъ 2.4, 17.4, костеⷯ҇ 61.3, лъстем҄ъ 62.3, людеⷯ҇ 3.3, печалеⷯ҇ 10.4, 12.1, пѣснеⷯ҇ 69.4, сластеⷯ҇ 9.4, страстеⷯ҇ 6.4 и т. д. сюда же относится по происхожденію е изъ ь въ старомъ sandhi днесъ 2.3 и пр. — ьд- вражедни ἐχθροί 74.4. — праведна gs. m. 2.3, праведнааго 2.4, праведьнааго 14.3, праведн҄ы gs. f. 4.4, праведнии n. pl. 6.2, праведноѡ҆́моу 14.3, праведънии 23.4, 50.2, etc., праведъ|ныⷯ҇ 1.3, 2.4, праведънъїм҄ъ 4.2, праведънъіⷯ҇ 1.3, 33.2, праве́дныⷯ҇ 33.2, праведнⷮ҇ѣ 1.4, праведъим҄ъ 51.3, праведна҄а 33.2, неправедна g. s. m. 25.3, неправедъны 5.4, неправедное 14.4, неправеднⷮ҇ѣ 1.4, adv. праведънѣ 79.2, правднѣ 17.4. — праведника 6.1, 45.4, праведнїкоу 4.4. — ьл- козелъ g. pl. 82.3. — ьн- безгрѣше́н 35.4, безоумен҄ъ 16.3, 16.4, 80.3, безоуме́н 16.4. — боурен҄ъ καταιγίδος 14.4. — всемире́н 32.2. — господен҄ъ 26.3, 41.3 quater, 42.1 bis, 52.3, g. pl. господен҄ъ 40.3. — длъжен҄ъ 68.4. — дѣден҄ъ 81.4. — е҆динозрачен҄ъ 31.4. — земе́н 20.4. — зловолен҄ъ 80.4. — истинен҄ъ 54.4. — мрътвен҄ъ 45.2, 53.4. — мѣден҄ъ 24. — насилен҄ъ 57.4. — немоштен҄ъ 6.1. — ненавистен҄ъ 55.4. — неповине́н 12.4. — неподвижен҄ъ 74.5. — непостижен҄ъ 69.4. — непрїлѣпен҄ъ 23.2. — непримѣсе́н 24.2, 51.2. — непристѫпе́н 38.4. — неразоумен҄ъ 76.2, 79.4, несъмысълен҄ъ 80.3, неоугоде́н 5.4, подобен҄ъ 53.1, 83.3, 83.4, правде́н 14.4, 17.4, 23.2, правден҄ъ 58.4, 82.2, 84.2, правъден҄ъ 14.4, 44.2, прискръбен҄ъ 69.2, прѣподобен҄ъ 23.3, силен҄ъ 34.3.4, 86.2, страшен҄ъ 77.1, 77.2, травен҄ъ 81.2, хвален҄ъ 78.1, чювъствен҄ъ 67.4, оустен҄ъ g. pl. 19.3. — ьск-: жидовескъ 76.2, идолескъ 81.4. — ьств-: авест҇внаг 30.2, естествъны 66.4, чювествънаа҆ 9.4, чювествънъїѫ 49.4, чювествъна҄а 34.2. — ьц- вѣнецъ 28.3, конецъ 4.3, 10.2, 21.1, 42.3, 69.4, 77.1, кнецъ 44.2, g. pl. кнецъ 26.2, конецъ 76.3, ѡтеⷰ҇ъ 81.3, пришълецъ 65.1, 65.2,

сръцевѣдецъ 27.2, телецъ 42.1, 42.2, творецъ 6.2, 33.4. — ьч- ѡчи срдечнѣи асс. du. 16.2.

є изъ ь развившагося между согласными въ словахъ заимствованныхъ павелꙿ 21.2.

є изъ ь внесеннаго аналогіей.

1) Им. ед. прилагательныхъ бжей «божій» 65.4, 70.2, etc. велей 10.3, 20.2, 32.2, 77.1, 78.1, 78.3, ср. бжи 24.2, 55.4, 78.4, 82.2. —2) Им. ед. причастій: въчлчейсѧ 71.4, оударен 54.2 etc.—3) Род. мн. словъ на -ь и на -иѥ (sing., plur.) и родственные случаи: црей 78.4.—безаконен 64.3.—болѣзнен 67.4. — властей 38.4. — властелей 58.4. — днеи (днеи) 28.3, 33.3, 51.2, 64.1, 64.2.— запвѣдей 19.4, 23.2, 35.4, 48.2.— заповѣдей 20.2.— людей 2.4, 8.1, 17.1, 25.4, 32.2, 33.1, 43.2, 43.4, 49.1.2, 76.2, 79.1 etc. etc.— мыслей 5.3.—напастей 47.2.—печалей 44.2, 51.3.—плътеи 38.3.—скр|беи 36.3, 50 об. — съмотреней 9.2. — хлжбен 69.3. — въ мори житеистѣмъ 9.4. — всѣ житейскаа 57.2.

II писецъ.

Є вм. Ь:

Въ корнѣ.

брь- брениѥ 110.2, брениꙗ 111.1. — вьс- весъ денъ (или днъ) 91.3 bis, 115 3.4, 116.3, 118.1, 120.1, 123.1, весъ бо вѣкъ 86.4, весъ вѣкъ 115.2, ве грда 96.4, весъ сѫдъ 117.2 и т. п. — дьн- денъ ἡμέρα, ἡμέραν 89.3, 91.3 ter, 92.1, 96.3, 98.4, 115.1, 115.3, 120.1, 122.3, 125.3, денъ на денъ 98.3, де 103.4 и т. п.—жьз- жезълъ 121.3.—крьс- въскресъша 106.4, 115.4, вскресшоӑ 104.2, въскресъшомоу 106.2, въскресъ|шомо 106.2, въскресъшѫ 106.4. — льв- левъ 94.4. — льст- лестъ 92.4, прѣлесть 99.2, прѣлещъшиа 94.2.—лестиѫ 89.4. — мьст- местъникъ 99.4.—пьс- песъ 108.3.—сльз- слезъ g. pl. 92.2.3.—сльп- ѡслепъше 94.4. — чьст- бечестиꙗ 111.4, бечествиѥмъ 112.4, бочестиѥмъ 122.2, 123.2, нечестиѫ 119.3, нечестиѥ 89.4, нечестиꙗ 104.2, нечствиꙗ 112.4.— шьд- въшедъ 108.2, въшедъшомоу 106.3, -мꙋ 109.3, въшелъ 108.1, пришедъ 113.2, пришедъшоу 93.3, шествиꙗ 108.3, по пришествии 99.4,

прїшєвиѥмъ 104.2. — ьм - въземъ 86.4, 94.4, въземъше 101.2, въсприѥмъ 98.4, приѥмъ 110.4, приѥмьше 105.4, приємъшеи 114.2 и т. п. — сънемъ συναγωγή 109.3, 121.4, сьнемъ 121.2.

Въ суффиксахъ.

ь- гжслемъ 108.4, людемъ 122.3, къ пѣснехъ 124.3 и т. д. — ьд - праведникъ 94.4, праведници 92.2, праведъ|ника 95.1, праведънаго 124.3, неправедънъї 94.2, враждениkь 112.2.—ьн - ѡть безденъ 116.1.3, ѹстенъ 96.1. — прилагат. на -ьнъ: (n. s. m., g. pl.) безаконенъ 121.4. — безоумен ъ 87.3, 110.4. — влченъ 93.2. — всесиленъ 96.2. — вѣренъ 91.2, длъженъ (-же, -жє) 91.2, 112.2, 125.4. — довъленъ 116.2, дховенъ 97.4, невъзблагодѣтенъ 121.2, негоденъ 101.4, нескжденъ 98.4, нетлѣненъ 89.2, плодоносенъ 97.4, подобенъ 116.1, правъденъ 105.4, разоуменъ 122.4, силенъ 102.4, 116.2, сраменъ 123.2, страшенъ 104.1, 125.1, трдень 110.2 и т. п.—ьств - величествиѥ 116.1, невѣрествиꙗ 94.1.2, разнествиѥ 93.4, разнествиѥ 104.2. — ьт- хрьбеть 112.1, ѡцет 112.2. — ьц- вѣнецъ 94.2, 103.3, заимдавецъ 118.2, конецъ 87.1, 97.1, 103.3, 105.3, 116.3, 118.1, 121.3, 123.4, 124.3, 125.3 и т. д. коупецъ 86.4, младенецъ g. pl. 102.1, чюдтврецъ 126.2 bis, юнецъ ταύρων 109.3.

є изъ ь развившагося въ словахъ заимствованныхъ между согласными павелъ 100.4, g. pl. скуменъ 93.1,

є изъ ь внесеннаго аналогiей.

n. s. m. бжеи Θεοῦ 104.1, 122.2, бжи idem 112.4, 115.2, 120.2.4 etc., келеи 126.3, etc., g. pl. днеи 91.1.2, знаменеи 103.1, 122.2, людеи 92.2, людей 104.4, 117.1, 120.4, 121.4, ѡмраченеи 123.1, печалей 126.4, пѣсней 124.4. -иск- житейскаго 103.2, -скаго 110.2, -скаг 104.2, житейстѣмъ 108.4, людейскъїж 93.4.

III писецъ.

Є вм. Ь:

Въ корнѣ.

вьс-: весъ πᾶς n., acc. s. 127.4, 132.2, 134.2, 140.1, 141.1, 143.2.3, 144.1.4, 145.2, 146.4, 147.2, 148.4, 156.2, 170.4, 259.4 и др. (въ томъ числѣ часто въ сочетаніи весъ днъ).—вьпль: вепл҃ъ 252.4.—[гонѣз-: оугонезъше 177.4].—двьр: двѣръ 189.4.—дьн-: денъ ἡμέρα, acc., n. 135.3, 151.2, 171.4, 244.4, 246.2, 250.4.—дение n. pl. 149.1, 149.2, 161.1, 161.1 (-ниѥ), 161.3.4.—денницѫ 183.2, полоуденнаго 150.3.—жьз- жезлъ 186.2, жезла 210.1, жезломъ 128.2, 146.3.—крьст-: ѡкр҃естъ 210.1, 212.1.—льг-: легъко 166.4, ѡблекъчити 248.4.—полезно 129,4, 216.2, полезъна 177.4, полезънѣ 219.4, бесполезно 151.2.—льст-: лестъ δόλος 134.4 bis, 233.4, лест҃иѫ 133.4, 144.4, 162.2.4, 170.2, лестънаго 140.2.—льст-: леснаа 170.4—мьр-: оумеръше 188.2, ȣмершиихъ 133.4, ỷмеръшѫѫ 176.4.—мьст-: местъ 245.3, 246.1, местъникъ 163.4.—мьч-?: мечъ 238.2, меч 243.3, мечемъ 239.1.—пьк- пекло́мъ 260 об.—пьн-: запенъше 181.2, распенъше 151.4, съпенъї 248.1.—пьс-: песнѫ҃ моуҳъї 130.3, 170.1.—рьв-: ревноуѫ 133.2, поревноваҳъ 133.2, ревноуѫщѫѫ 145.2.—стьб-: стеблие 138.2, 239.1.—стьр-: простеръ 242.1.—тьм-: темнъїҳъ 143.3, темъныҳъ 227.3, темънѣи (l. s. f.) 176.2, темное 247.4, ис т҃емницѫ 227.1.—чьт- честъ τιμή, n. acc. s. 156.1, 159.1.2, 178.2, честенъ 203.2, честъна 138.2, 189.3, честънаа҃ 170.4, честъни 223.1.2, бечестиѥ 179.4, бечестиѩ 177.3, бечест҃иемъ 162.2, бечестенъ 144.4, благочестие 260.2, благочест҃иѫ 132.4, благочест҃вова 151.1, нечестивъ 252.2, нечестивии 153.2, 178.2, 202.4, нечестивъıмъ 156.4, нечестие 127.4, 129.4, нечестиѫ 132.4, 155.2, нечести g. s. 188.1, нечествиемъ 245.4, нечествовашѫ 153.2, 245.4.—шьд-: въшедъ 157.4, ишедъї 253.4, съшедъ 142.2, съшедъı 125.4, ѡбишедъше 190.3, пришелъ 161.2, 176.2, пришелъци 169.1, пришелъца 153.1, пришелъцѫ 233.1, пришелъствиѩ 197.1, 248.3, пр҃ишелъствие 207.1, пришелъствова 207.1, шествиѩ 247.1, нашествиѩ 247.3, пришест҃вие 145.4, пришествиемъ 146.2, 162.2, 193.2.—ьм-: вземъ 161.2, приемъ 152.4, приемъ 252.4, прїемъ 152.4, приимъ 164.2,

приемъше 135.2, приѥмъше 167.4, приемъше 178.4, прѣемъ 141.2, бес приѥмъ|стѣа 164.4, приемаахѫ 130.4.—въ заемъ 181.2,—снемъ 134.4, 135.2, 142.1, 214.4 и пр., сънемъ 183.4.

Въ суффиксахъ.

ь-: господемъ 158.1, 175.3, гладемъ 243.3, егѵптѣнемъ 130.2.4, людемъ 336.3, пѫтемъ 134.3, днехъ 155.1, свѣдѣнехъ 195.1, ꙗслехъ 170.2 и т. д.—дне 155.1, днесь 251.3 и т. д.—ьв-: дневны 222.4.—ьд-: праведни 190.2, праведнѣ 241.2, праведника 224.2 и т. п.—ьл-: козелъ 242.1, орелъ 163.4, ѡрелъ 222.2, 242.1, свѣтелъ 139.4, скѫдельника 146.4.—ьн- брашенъ g. pl. 128.3.—аспиденъ 227.1, беззаконенъ 251.1, безоуменъ 151.3.4, бессоненъ 207.4, бечестенъ 144.4, боносенъ 141.4, боуренъ 177.1, 335.3, крѣмененъ 161.4, 162.2.4, вѣренъ 146.3, 241.1, вѣченъ 144.4, 161.4, 163.2, 169.1, 185.2, 190.2, 217.3, 219.7, дивенъ 153.3, 191.4, 213.4, длъженъ bis 150.2, 151.2, 191.2, 197.4, достоенъ 157, дшевенъ 164.4, житенъ 178.1, законопрѣстѫпенъ 226.4, земенъ 167.4, 220.2, истиненъ 142.1, 216.2, ⰻⰔⰕⰑⰂⰅⰐⰟ 157.4, истовенъ 184.2, красенъ 135.3, леженъ κείμενος 192.2, малолѣтенъ 199.4, милостивенъ 154.2, 160.3, 162.2, 173.4, 179.4, миренъ 154.1, 207.3, неблагодѣтенъ 128.2, неидоленъ 136.4, неналиченъ 246.2, неѡбиненъ 195.4, неѡтъмѣтенъ 170.4, неповиненъ 154.2, непороченъ 154.2, 191.2, 192.4, неправденъ 201.1.2, 203.1.2, непрѣходенъ 178.4, неразлѫченъ 146.4, нерѫкотворенъ 187.2, нескѫденъ 179.4, неоубѣженъ 170.4, плодоносенъ 179.4, повиненъ 180.4, подобенъ 145.1.2, 161.4, прав(ъ)денъ 141.4, 156.4, 184.3, 188.3, 195.4, 197.4, 241.1, 250.3, 258 об., присѫщенъ 163.2, прѣждевѣченъ 182.4, прѣподобенъ 232.1, 241.1, равенъ 144.4, 198.1, 213.4, свръшенъ 193.2, силенъ 132.1, 145.1, 250.1, скѫденъ 153.4, 258.2, славенъ 191.4, страненъ 171.1, страшенъ 145.1, 155.3.4, тоученъ g. pl. 260, оугоденъ 224.2, хваленъ 155.3, 258.2, хладенъ 260, хоуленъ, шоуменъ 132.1. — ьск-: мѫжескъ 251.3, члческа 182.2 и т. п. — ьств-: безествовавъ 133.2, естествъны 164.2, невѣжество 176.2, чювествъны 185.4, 251.4, чювествънааго 177.2, чювествънѡмоу 177.2, чювествънаꙗ 157.2, чювествънымъ 128.4, 146.4, чювествънъїѫ 138.4. — ьт- ѡщетъ 244.4. — ьц- агнецъ g. pl. 260.2, лътвецъ 158.2, вѣнецъ 168.2, заимодавецъ 181.1, конец 248.1, конецъ 133.1, 134.4, 185.2, конецъ g. pl.

200.4, 216.4, ѡвецъ g. pl. 238.1, пришълецъ 193.3, провѣдецъ 148.4, прьвѣнецъ 170.3, старецъ 177.3, 200.3, g. pl. старецъ 177.3, творецъ 146.4, 163.2, 185.4, тѣлецъ 173.1, юнецъ 260.2.—ьч- ѡтечьствиꙗ 178.3, срдечьнаа acc. pl. 135.4, старечьскы n. s. m. 204.2, бесконечна 184.4, g. pl. adj. юнечь 242.1.

Въ иностранныхъ словахъ между согласными.

египетъ 130.4, 216.4, египетьскы 130.2, 135.3, 136.1, 216.3, егупетьстѣ 128.1, -ѣи 176.2.—павелъ 128.2, 146.4, 188.4, 220.4, 245.4, ську́мени n. pl.167.1.

е изъ ь, внесеннаго аналогіей.

жрѣбеи 171.4, имеи 241.1, змей 167.3, змеа acc. s. 151.1.—божеи (бжеи, беи) 129.1.2, 138.2 bis, 4, 139.2, 141.4, 142.3, 152.4, 156.2, 161.4, 164.4, 173.4, 179.4, 184.4, 195.4, 196.2, 198.4, 216.2, 254.2, велеи 141.3, 145.1, 154.3 bis, 155.3, 158.3, 216.1.2.—рабеи 164.2.—болеи 185.4, мънеи 238.1, тѫжеи 239.3.—затвореи 248.1, избавлеи 136.2, наоучеи сѧ 200.2, с(ъ)твореи 217.3, 256, ꙗвлеи сѧ 157.2, 159.4, 246.4, безаконеи g. pl. 133.1, 176.3, болѣзнеи 154.1, днеи 130.4, 151.1, 153.3, 162.3.4, дѣꙗнеи 167.2, заповѣдеи 146.3, 166.4, 193.1, 201.2, 202.2, знаменеи 170.1, ѕвѣреи 243.3, людеи 139.3, 140.1, 146.1, 210.1, мыслеи 180.4, напастеи 209.4, повелѣнеи 203.3, пѣснеи 220.1, пѫтеи 155.1, свѣдѣнеи 131.1, 193.3, треи g. pl. 258, црѣи 162.4, житеискы n. s. 162.4, житеискаго 177.4.

I писецъ.

О вм. Ъ:

Въ корнѣ.

вои 45.1, во|нъ 68.1, злъ михъ 37.2, съ стропътивомъ 23.3, токмо 51.4, ткм 27.2.

Въ приставкахъ.

сбраніе 2.4, созданиѥ 7.2, сонъмище 4.3.

Въ суффиксахъ.

крѣпокъ 8.1, 34.3, 34.4, крѣпкъ 2.4, 8.2, начѧткъ 51.2, ѡстанокъ 60.3, послѣдокъ 21.1, пслѣдкъ 18.1, 63.3, 79.3, любвъ acc. s. 57.2, любовиѫ 68.4, любвїѫ 18.4 bis, цръковъ acc. s. 62.4, 75.3, цр҇ковъ acc. s. 75.2, цр҇ковное 75.2, сѫдовъ g. pl. 79.1.

о изъ ъ въ заимствованіяхъ между согласными.

ѱаломъ 1.1, 1.2, 28.3 etc., ѱаломъскоѥ 3.3, кинсъ κῆνσος 5.4.

Въ предлогахъ.

к всемъ мирѣ 11.2, ко мънѣ 69.3.

Въ сочетаніи съ постпозитивнымъ указательнымъ.

въ пѫтосъ ἐν ὁδῷ ταύτῃ 47.3, чл҇косъ 53.2, ѱамсъ 52.1.

II писецъ.

О вм. Ъ:

Въ корнѣ.

g. pl. золъ (въ глѫбинѫ —) 111.4, n. s. злъ (вѣтръ ѥсть —) 110.2, сониѥ 120.3, сонию g. s. 120.4, поропъштѫть γογγύσουσιν 96.3, токъмо 125.4.

Въ суффиксахъ.

врътопъ 92.3, любвъ 109.2, црко 98.4, цръковъ 124.2.

Въ заимствованіяхъ.

рамнъ ῥάμνον 94.4, псаломъ 119.1, ѱаломъ 100.1, 123.3, 125.3 и проч., ѱало 102.1, ѱаломъскаꙗ (τὰ....) и ѱаломъскъ 116.4, ѱаломъскыхъ 116.3.

Въ приставкахъ.

совъкоуплена 124.4, со зъ да (2 s. aor.) 122.3, сзда 126.4, ѿ сонъ|ма 124.2, сонмище 107.2, сонъмище 123.4, 124.2, снмище 125.4, сонъмища 112.4, соньмищꙋ 123.4, сонъмъстѣ (ѡ прѣлъщении) 125.4.

Въ предлогахъ.

со всесъжагаемыими 104.3.

Въ сочетаніи съ указательными.

чкосъ 111.2, весотъ дн҃ъ (πᾶσαν τὴν...) 91.4.

Съ мѣстоименіемъ 3 лица.

прѣдонъ 118.1.

IV писецъ.

О вм. Ъ:

Въ корнѣ.

дождъ 216.3, n. s. золъ 224.4, g. pl. золъ 143.1, 177.2.4, 251.4, кождо 154.4, 173.4, 208.4, сонъ n. s., acc. s., 211.1, 214.1.2, fem. 254.2 сонныими 150.2, бессоненъ 207.4, исохъ 161.4, стропътивъ 241.1, токъмо 254.2, точиѫ 156.4, 221.2.

Въ приставкахъ.

созда 145.1, 164.2, создастѣ 154.4, совъкоупл҃ѣѫтъ сѧ 204.4, присовъкоупити сѧ 216.2, совъскрѣси 214.2, сонъмище 131.4, сонъмѣ 136.3, сонл҃ѣ 136.4.

Въ суффиксахъ.

кротокъ 141.1, 213.4 bis, мръзокъ n. s. m. 161.2, 201.2, мръзокъ g. pl. 162.2, 251.1, на послѣдокъ 206.4, 243.1, пѣсокъ 129.1, 166.4, 259 об., четврътокъ 153.1, ѫзокъ 221.4, начѫтокъ 131.1, 158.2, 163.1, 170.4, врътопъ 252.4, лакотъ g. pl. 260, стръпотъства 156.4, любовъ 198.4, 247.1, любовиѫ 206.2, цр҃ко 252.4, цр҃ковъ 132.3, 159.4, 172.4, 175.4, 208.2, 220.4, цръковъ 139.2, 208.2, цр҃ковъны 177.4, цр҃коное 219.4, g. pl. сѫдовъ 194.1, 201.1, 235.1.

Между согласными въ заимствованіяхъ и слав. словахъ.

ѫголъ n. s. 191.4, ѳаломъ 133.3, 135.3, 151.1, 159.3, 168.2, 182.3, 223.3, 225.1.2, 227.1, 228.3, 230.1, 238.1, g. pl. 219.4, пс҃аломъ 150.1, 157.3, псаломстѣ 158.1 (въ гл҃асѣ), пс҃аломосъ 159.3.

Въ предлогахъ.

во вс҃ѣкомъ 233.1, во всѣхъ 231.3.

Въ сочетаніи съ указательнымъ.

грѣхосъ 252.2, миросъ 154.4, пс҃аломосъ 159.3, чловѣкосъ 224.2, гробо 253.2 (ꙗко оукрадома быти нс҃а стрѣжааху гробо)?

Ясно, что общія условія фонетическаго перехода ъ въ о тѣ же, что въ современномъ македонскомъ нарѣчіи: ъ переходитъ въ о передъ слогомъ съ выпавшей полугласной и передъ слогомъ съ ї. Если бы о встрѣчалось только въ словахъ религіозной терминологіи, каковы ц҇рковъ и кинсъ,—мы могли бы думать, что это черта оригинала или того литургическаго произношенія, которымъ форма *черкова* занесена въ современные восточно-болгарскіе говоры. Если бы о вмѣсто ъ встрѣчалось только въ членной формѣ -отъ, -осъ или суффиксъ -окъ = -ъкъ, мы могли бы думать о восточно-болгарскихъ говорахъ. Только распространеніе перехода ъ въ о по самымъ различнымъ категоріямъ говоритъ въ пользу Македоніи.

Но по какимъ примѣтамъ рѣшаемся мы допустить, что вышеприведенные случаи перехода ъ/ь въ о/е принадлежитъ говору писцовъ рукописи? Рукопись возникла въ близи Охриды и мы можемъ ссылаться на то, что тамошніе говоры лежатъ на территоріи обширнаго нарѣчія о/е. Это значитъ однако — принимать гипотезу, что писцы рукописи были македонцами, быть можетъ даже мѣстными уроженцами. Кое-что въ пользу этой гипотезы извлечено выше изъ анализа лѣтописи. Нѣкоторыя фонетическія черты, указываемыя ниже, также приводятъ насъ къ Охридскому говору и ближайшимъ окрестнымъ говорамъ. Нѣкоторыя изъ этихъ чертъ такъ необычны для средне-болгарской письменности вообще и, съ другой стороны, такъ сходятся съ показаніями современныхъ Охридскихъ говоровъ, что сопоставленіе данныхъ рукописи съ данными этого говора получаютъ значительную вѣроятность. Относительно самой примѣты ъ/ь = о/е дѣло обстоитъ иначе: исходя изъ нея, мы не можемъ прямо отнести говоръ писцовъ къ нарѣчію о/е. Во-первыхъ, эта черта очень распространена въ средне-болгарской письменности. До XIV вѣка въ большинствѣ дошедшихъ до насъ рукописей отражается именно македонское нарѣчіе о/е. Изъ восьми дошед-

шихъ крупныхъ старославянскихъ памятниковъ къ этому нарѣчію относится шесть. Изъ памятниковъ XII вѣка (а такихъ мы принимаемъ только два) Унд. вѣроятно, а Добр. навѣрное относятся къ тому же нарѣчію. Эта статистика не имѣетъ абсолютнаго значенія; она говоритъ только объ истребленіи восточно-болгарской письменности XI—XII вѣка, а не объ ея отсутствіи, или слабости въ сравненіи съ письменностью македонской. Но, съ другой стороны, остается фактъ, что Македонія производила въ XI и XII вѣкѣ рукописи, которые очевидно могли служить оригиналами для писцовъ, писавшихъ въ XIII вѣкѣ. Въ такихъ оригиналахъ могло быть накоплено, нѣсколькими поколѣніями писцовъ, очень много случаевъ ъ/ь = о/є, и такое наслѣдство способно было заслонять живой говоръ послѣдняго переписчика, каково бы ни было его родное нарѣчіе. Въ такомъ памятникѣ, который съ нѣкоторой вѣроятностью списанъ съ оригинала нарѣчія о/є, мы не можемъ безъ особаго изслѣдованія заключать о нарѣчіи послѣдняго писца, если только не убѣдимся съ перваго раза, что имѣемъ дѣло съ писцомъ очень типичнымъ. Въ Остр. и Савв. мы открываемъ старославянскихъ писцовъ, принципіально удалявшихъ особенности нарѣчія о/є. Если бы напр. въ Болонской псалтыри мы имѣли обратный случай, если бы ея писцы рѣшительнѣе всѣхъ другихъ средне-болгарскихъ замѣняли ъ/ь чрезъ о/є, мы также могли бы учесть ихъ личность. Но мы видѣли, что выраженіе живого говора было смѣлѣе въ XI и даже XII вѣкѣ, чѣмъ въ XIII, который ознаменованъ распространеніемъ робкой орѳографической манеры «подъ старину». Какъ отличить о/є, уцѣлѣвшія изъ оригинала, отъ случаевъ о/є, внесенныхъ переписчиками только по недосмотру? Черта ь = є въ средне-болгарскую эпоху стала общею, она не опредѣляетъ болѣе нарѣчія и въ нѣсколькихъ категоріяхъ повторяется очень часто. Рѣшающей примѣтой является переходъ ъ въ о. Категоріи этого перехода гораздо рѣже повторяются въ языкѣ, почему и число случаевъ, въ сравненіи съ случаями ь = є, всегда оказывается незначительнымъ. Попытаемся опредѣлить по нимъ діалектическую принадлежность трехъ главныхъ писцовъ Болонской псалтыри. Общее количество листовъ, написанныхъ каждымъ изъ нихъ въ отдѣльности, относится между собою приблизительно[1]) какъ 2 : 1 : 3. Если исключить такіе случаи ъ=о, какъ псалолмъ, одинаково часто встрѣчающіеся у всѣхъ троихъ, то окажется,

---

1) На самомъ дѣлѣ часть перваго писца нѣсколько больше, а часть четвертаго — меньше, сообразно различному количеству толкованій.

что въ дѣйствительности общее количество переходовъ **ъ** въ **о** приблизительно представлено у трехъ писцовъ цифрами 34:24:72. Если бы писцы совершенно одинаково относились къ этой замѣнѣ, мы согласно пропорціи 2:1:3 ожидали бы цифръ 48:24:73. Первый писецъ, начинающій рукопись, не выдерживаетъ этой пропорціи, у него цифра ниже. Онъ ли слѣдитъ за собою лучше остальныхъ двухъ писцовъ, или уже его оригиналъ только исподволь давалъ ходъ занимающей насъ чертѣ? Забудемъ на время, что по другимъ признакамъ мы предположили для Болонской псалтыри Тырновскій оригиналъ, мало тронутый замѣною **ъ** чрезъ **о**. Одно предположеніе, какъ явно случайное и неправдоподобное, мы имѣемъ право устранить: мы не станемъ принимать, что непосредственный оригиналъ былъ писанъ также тремя главными писцами и въ той же пропорціи листовъ. Раздѣлимъ теперь работу каждаго писца (I, II, IV) на три равныя части (1, 2, 3) и подсчитаемъ случаи **ъ** = **о** въ каждой изъ этихъ частей. Цифры распредѣляются такъ

	1.	2.	3.
I.	14	8	12
II.	3	7	14
IV.	27	24	22

Теперь физіономіи писцовъ выступаютъ опредѣленнѣе: каждый изъ нихъ по своему относится къ вопросу **ъ**=**о**: первый чаще ставитъ **о** вмѣсто **ъ** въ началѣ своей работы. У четвертаго цифры падаютъ, но только незначительно, у второго онѣ быстро повышаются къ концу работы. Колебанія четвертаго писца такъ незначительны, что ихъ едва ли можно приписывать его намѣреніямъ; они могутъ быть обусловлены составомъ текста и тѣмъ, что толкованія къ концу сокращаются и затѣмъ исчезаютъ.

Если принять во вниманіе, что уже съ начала работы первый писецъ выдаетъ живой говоръ такими рѣзкими чертами, какъ **прѣтъ тобож**, **ѕвѣстъ**, g. pl. **ѡбечахъ**=**обетъшахъ** (**ветъх**-) и особенно **свѣкъ**=**вьсѣкъ**, что изъ написаній **смрти**, **скрби** безъ **ъ** почти половина приходится на первую треть его работы, мы въ правѣ будемъ заключить, что и въ пунктѣ **ъ** = **о** онъ въ началѣ сильнѣе уступалъ своему говору, а не оригиналу. Категоріи, въ которыхъ писецъ пишетъ **о** вм. **ъ**, отчасти смѣняются втеченіе его работы; это своего рода борьба: въ срединѣ работы писцу удается ближе подойти

къ графикѣ оригинала, но за то отклоненія становятся все типичнѣе. Менѣе манерные писцы II и IV не знаютъ такой борьбы: второй сдерживаетъ себя только въ началѣ, четвертый всюду одинаковъ.

ѳаломъ и **киносъ** имѣютъ **о** изъ **ъ**, возникшаго на славянской почвѣ въ согласныхъ группахъ заимствованнаго слова.

о изъ конечнаго **ъ** въ тѣсномъ соединеніи съ послѣдующимъ указательнымъ мѣстоименіемъ извѣстно уже изъ глаголическихъ памятниковъ XI вѣка. Въ Болонской псалтыри мы находимъ **пѫтосъ, чловѣкосъ, чкосъ, члкосъ, ѳамсъ, псаломосъ, грѣхосъ, миросъ, весотъ днъ, грово.** Формы **пѫтосъ, псаломосъ** и **весотъ** имѣетъ особую важность: фонетически изъ **пѫтьсь** мы ожидали бы ***пѫтесь**; такія формы чисто фонетическаго происхожденія нигдѣ не могутъ быть указаны на болгарской почвѣ. Въ македонскихъ говорахъ можно найти только *пътот*, *пътон*, *пътов*, вполнѣ по аналогіи словъ твердой основы[1]). Точно такое же подновленіе мы находимъ очевидно и въ Болонской псалтыри. И если *вогњо* и современныя восточно-болгарскія формы *пътят*, *пътя*, относительно гласной также подновленныя, указываютъ, что восточно-болгарскіе говоры въ эпоху подновленія сохраняли долю мягкости въ конечныхъ согласныхъ нечленныхъ формъ *път*, *ден*, *огън* и т. п., то **пѫтос** Бол. пс. свидѣтельствуетъ объ очень старомъ отвердѣніи общеславянскихъ полумягкихъ согласныхъ въ македонскихъ говорахъ. О томъ же свидѣтельствуетъ **весотъ; весотъ** и **псаломосъ** подновлены аналогіей еще въ другомъ отношеніи: гласныя слога **вес-**, **-лом-** могли получиться изъ **ь**, **ъ** только въ нечленной формѣ. Въ современныхъ говорахъ это подновленіе проведено почти послѣдовательно, ср. напр. **весотъ** съ Охридскимъ *пéсот* ὁ χύων. Фонетическія формы *огнот*, *дубиткат*, съ гласной невозстановленной, составляютъ теперь рѣдкость (Разс. 183—184). Такимъ образомъ морфологически эти формы Болонской псалтыри должны быть разсматриваемы какъ болгарскія членныя формы, независимо отъ показаній греческаго текста и не смотря на то, что въ современныхъ македонскихъ членахъ мѣстоименіе **-сь** въ настоящее время болѣе не встрѣчается.

Указательное **тои** αὐτός, встрѣчающееся въ Бол. пс. очень часто, не внесено въ списокъ; болѣе рѣдкое **тъ** должно быть возводимо къ оригиналамъ, а **тъи** — одинъ изъ примѣровъ графики, маскирующей живой выго-

1) Форма *вогњо* (Сухо) съ мягкимъ *н* отмѣчена на границѣ восточнаго нарѣчія.

воръ; **тои**, какъ и **сеи**,—единственныя живыя формы средне-болгарской эпохи. Въ старославянскую эпоху восточно-болгарская Супрасльская рукопись знаетъ уже **тои**, а македонскій Синайскій требникъ содержитъ форму **сеи**; **се** Саввиной книги позволяетъ допустить, что **сеи** получалось изъ фонетическаго **се** (=**сь**) подъ вліяніемъ другихъ мѣстоименій—**мои, твои, свои**; въ Саввиной книгѣ **то** *αὐτός* указываетъ на подобное происхожденіе формы **тои**; **тои** въ восточномъ нарѣчіи—повсемѣстно распространенная форма, которая по происхожденію звука **о** не можетъ быть сопоставляема съ діалектическими восточно-болгарскими *рабо́* и *младок*; **то** фонетически возникло изъ **тъ** подъ сильнымъ фразнымъ удареніемъ, ср. **се**=**сь** и **се**=**вcь** *πᾶς* въ Савв.[1]). Конечная ударяемая полугласная односложнаго слова доходила до полной краткости на юго-западѣ и на востокѣ, независимо отъ судьбы полугласныхъ, находившихся въ иномъ положеніи. Если старославянскому **нъ** *ἀλλά* въ средне-болгарскую эпоху соотвѣтсвуютъ только **нъ** и **нѫ**, но никогда **но**, то это по той же причинѣ, по которой *но* изъ **нъ** не получилось въ восточно-болгарскомъ нарѣчіи: **нъ** никогда не стояло подъ сильнымъ фразнымъ удареніемъ и слѣдовательно фонетическими условіями отличалось отъ **тъ** *αὐτός*; **нъ** тѣснѣе примыкало къ послѣдующему и по фонетическимъ условіямъ скорѣе должно быть сравниваемо съ первымъ слогомъ въ **дъно, мъгла, стъѕа**, хотя о полномъ тождествѣ говорить едва ли можно: количественно **ъ** въ **нъ** было нѣсколько, хотя и незначительно, сильнѣе; два типа ирраціональныхъ полугласныхъ—сильный и слабый—во всякомъ случаѣ суть обобщеніе на основаніи большинства случаевъ; въ меньшинствѣ особыя фонетическія условія создавали переходные типы, на что̀ я указывалъ уже въ Разсужденіи о языкѣ Саввиной книги. Софійское *но* есть результатъ діалектическаго развитія. Форма loc. sing. **жидохъ** (**жїдхъ** 63.4) и т. п. формы имѣютъ **о** не изъ **ъ**: **-охъ** есть очень старое новообразованіе, возникшее подъ вліяніемъ различныхъ окончаній основъ на -ŏ; окончаніе **-ъхъ** въ Син. Треб. (Лескинъ, Handbuch⁴ § 56) есть искусственное написаніе, скрывающее выговоръ **о**; поздній характеръ фонетики этого памятника подсказываетъ такое объясненіе.—Глаголъ **възопити** встрѣчается въ Болонской псалтыри съ **о** вмѣсто ожидаемаго **ъ**: **в'зопи** 3.4, **въ|зопивъшиихъ** 9.2, **възопилъ** 65.2 etc. при **вп́иетъ** и т. п.; въ старославянскихъ памятни-

1) Штипское *тай*, Кратовское *тги* и т. п.—по происхожденію сербизмы (ср. Разсужд. 109—100 прим.).

кахъ глаголъ сохраняетъ свое ъ (Савв. въꙁъп-, но вьпи- съ ь изъ ъ слабаго), или представляетъ его выпаденіе (Супр. възпити); фонетически о изъ ъ могло быть получено только въ формахъ отъ основы настоящаго. — Глаголъ оупоBати, въ старославянскую эпоху также сохранявшій свое ъ или терявшій его (-п'в- Супр.), въ Болонской псалтыри пишется съ о: оупова 7.2, а также съ ъ или безъ гласной оупвахъ 7.1, оупвание 4.3. Фонетически ъ должно бы исчезнуть, ибо нигдѣ не стояло въ положеніи, обуславливавшемъ переходъ въ о; о возникло не фонетически: оупъвати подчинилось аналогіи глаголовъ на -овати: даровати, бесѣдовати, обѣдовати, бѣсновати сѧ; что это такъ, свидѣтельствуютъ средне-болгарскіе памятники восточнаго нарѣчія, также пишущіе оуповати.

По отношенію къ ь=е не трудно убѣдиться, что е пишется тѣмъ чаще, чѣмъ многочисленнѣе данная грамматическая категорія или, во вторыхъ, чѣмъ болѣе нарушена въ представленіи писца грамматическая связь между формой съ е изъ ь и формой съ выпавшей полугласной. Такъ окончаніе -енъ въ им. ед. м. р. прилагательныхъ возобладало въ виду громаднаго объема этой категоріи: оригиналъ своимъ написаніемъ -ьнъ (-ънъ) не могъ вытѣснить живого выговора изъ орѳографіи. Почти то же можно сказать и о категоріи словъ на -ецъ = -ьць; въ обоихъ случаяхъ полугласная ставится только тогда, когда она выпала, т. е. въ косвенныхъ падежахъ. Равнымъ образомъ господствуетъ е въ формахъ праведникъ, праведнаго etc.; здѣсь при измѣненіи слова ь никогда или почти никогда не становилось въ положеніе ь выпадавшаго (n. s. правьдьнъ), между тѣмъ какъ ь въ словѣ правьда во всѣхъ измѣненіяхъ было именно въ такомъ положеніи; исключеніе составлялъ рѣдкій g. pl. правьдъ. Можно думать, что въ сознаніи писца этимологическая связь словъ правда и праведникъ ослабилась—совершенно также, какъ въ современномъ русскомъ языкѣ: внѣ отчетливаго момента грамматическаго сознанія она замѣняется у насъ другими смутными ассоціаціями ошибочнаго характера. Въ корнѣ шьд- звукъ ь никогда не оказывается выпавшимъ, и правописаніе шед-, шествие вошло у писцовъ въ систему. И здѣсь живой говоръ пересиливалъ показанія «старыхъ» текстовъ. Совсѣмъ иное отношеніе между е и ъ (=ь) находимъ въ словахъ вьсь, дьнь, жьзлъ, крьстъ, львъ, льсть, мьсть, пьсъ, чьсть и вообще въ словахъ съ кореннымъ ь; въ этомъ случаѣ въ живомъ говорѣ формы съ выпавшимъ ь преобладали; въ языкѣ памятникомъ ихъ вліянія остался n. s. все πᾶς, а въ орѳографіи — склонность писать ъ (=ь) и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ выгова-

ривалось ѥ; здѣсь, при тенденціи сохранять на письмѣ выпавшую полугласную, вліяніе оригиналовъ оказывалось болѣе рѣшительнымъ. Эти наблюденія помогутъ намъ при оцѣнкѣ написаній средне-болгарской графики. Ясно, что у писцовъ-начетчиковъ старой эпохи этимологическія представленія не совсѣмъ тѣ, что̀ у современнаго филолога, обладающаго знакомствомъ съ сравнительной или хоть формальной грамматикой: у первыхъ они однообразнѣе и болѣе внѣшняго характера, поэтому необходимо охватить весь комплексъ орѳографическихъ фактовъ, прежде чѣмъ дробить ихъ на категоріи изслѣдованія. Въ сравненіи съ рукописями XI и XII вѣка писцы Болонской псалтыри и по пункту ь, ъ обнаруживаютъ больше накопленнаго орѳографическаго навыка и шаблона.

Внѣ категоріи постпозитивнаго члена, нашъ обширный памятникъ даетъ поразительно мало примѣровъ того, какъ расширяетъ грамматическая аналогія примѣненіе ѥ и о, возникшихъ изъ ь и ъ. Формы церковнаго языка стали какъ будто заученнѣе и точнѣе установились, и какое-нибудь пришелецъ стало скрываться за орѳографическимъ пришълецъ. Впрочемъ причастія, особенно въ именной формѣ, вѣроятно уже перестали быть живыми, образовавъ дѣепричастія и удерживаясь быть можетъ только въ раздробленныхъ неизмѣнныхъ выраженіяхъ. Но къ другимъ категоріямъ это объясненіе непримѣнимо.

Нѣкоторыя формы требуютъ особыхъ замѣчаній. Мѣденъ слѣдуетъ возводить къ мѣдьнъ, ср. мѣдъна врата въ Болонской псалтыри; форма мѣдѣнъ также встрѣчается въ нашемъ памятникѣ; она разумѣется не даетъ права говорить о смѣшеніи ѣ и ѥ.

Въ формахъ гладемъ, пѫтемъ, людехъ, кнѧѕемъ и т. д. можно видѣть какъ ѥ изъ ь (основы на ї), такъ и ѥ старое (основы на согласную, ср. Разсужденіе 103—107); въ говорахъ, давно завершившихъ при извѣстномъ положеніи общій переходъ ь въ ѥ, эти образованія не могутъ быть различаемы; вотъ почему только что приведенныя формы не включены въ общій списокъ. Въ жоупелъ — происхожденіе звука ѥ не можетъ быть опредѣлено въ точности; при заимствованіи слово могло получить разныя формы; затѣмъ могла вліять аналогія со стороны пепелъ, попелъ.

Въ младенца, младенцемъ и пр. ѥ можетъ восходить и къ ь и къ ѥ старому, ибо существовали параллельныя формы; объ ѥ изъ ѣ нельзя думать уже потому, что рѣдкая форма младѣньцъ (Зогр. Лука 2.23) совсѣмъ не представлена въ нашемъ памятникѣ.

Скръжеталахѫ, поскръжещетъ: образованія съ двумя **ь** стоятъ внѣ сомнѣнія въ виду показанія Саввиной книги: **скрьжътъ, скръжътъ** при **скрьгьщѧ** (гдѣ **-гь-** = **-гъ-**). Формы съ **є**, встрѣчаемыя въ памятникахъ XI вѣка, не доказываютъ стараго **є**: всѣ онѣ засвидѣтельствованы только для нарѣчія, уже измѣнившаго **ь** въ **є**: Зогр. **скрьжетъ** при **скрьжьтъ**, Мар. **скрьжетъ** при **скрьжьщетъ**, Супр. **скрьжетъ**. Фонетически изъ **скрьжьтъ** въ болгарскомъ языкѣ мы ожидали бы n. s. *скръжет* и косвенныя формы **скрежта, скрежтоу** и т. д., а въ глаголѣ **скрьжьтати** — должны были появиться единообразныя формы **скрежтати, скрежщѫ, скрежщетъ** и т. д. Именительный **скръжетъ** подъ вліяніемъ косвенныхъ формъ легко могъ измѣниться въ **скрежетъ** (ср. **пришелецъ** Добр. изъ **пришлецъ** подъ вліяніемъ **пришелца, пришелцоу**). Съ другой стороны въ Болонской псалтыри въ **скръжеталахѫ** и т. п. **є**, очевидно не фонетическое, могло быть перенесено только изъ формы именительнаго **скръжетъ**. Необходимо предположить, что и форма **скрежетъ** при фонетическомъ **скръжетъ** появилась въ говорахъ, на нее указываетъ средне-болгарское **скрежетати** (Mikl. Lex., пам. XV вѣка); глагольная форма **скрьщеть** въ Никольскомъ Евангеліи также измѣнена аналогіей, фонетически мы ожидали бы **скрещеть**; на **скръщати** основано ново-болгарское *скръцам* съ измѣненной глагольной основой и неяснымъ **ц**. Въ ново-болгарскомъ *скрежец* «сверчокъ» (Mikl., Etym. Lex.) мы имѣемъ форму именительнаго, подновленную на основаніи косвенныхъ формъ, ср. еще болгарское *скреж*, *скръж* «иней», по скольку оно измѣнено народной этимологіей: другія славянскія нарѣчія ясно указываютъ на первоначальное ***срѣжь** (Mikl., Etym. Lex. s. v. *srêg*).

Пришедъı, ишедъı, съшедъı, nom. s. m., должны быть понимаемы, какъ въ Маріинскомъ Евангеліи формы **оумеръı, оумерои, оумерошъ**: **є** въ нихъ не фонетическое и перенесено изъ соотвѣтственныхъ краткихъ формъ **пришедъ, оумеръ**, а равно изъ формъ косвенныхъ; вліяніе аналогіи въ данномъ случаѣ должно быть относимо къ ранней эпохѣ: оно предполагаетъ существованіе флективныхъ формъ въ причастіи; болѣе первоначальныя фонетическія формы рѣдки уже въ XI вѣкѣ (ср. Разсужденіе 180).

Приемлахѫ не нарушаетъ общаго закона, ибо имѣетъ **є** старое, внесенное аналогіей на мѣсто фонетическаго **и** въ раннюю эпоху; въ архаическомъ нарѣчіи аналогія исходила отъ формъ **емлѭ, емлеши**, въ остальныхъ двухъ нарѣчіяхъ ее усиливали вновь появившіяся **възелмъ, вземша** и т. д. **емати** находимъ уже въ Савв. (ср. Разсужденіе, 159).

Относительно **емъ** λαβόν, **лихоемъцѫ** и подобныхъ формъ слѣдуетъ имѣть въ виду, что ихъ незачѣмъ объяснять аналогіей формъ **вземъ**, **вземше** etc.; **е** изъ *jь* могло получиться фонетически съ самихъ категоріяхъ **емъ**, **лихоемъцѫ** (ср. Разсужденіе).

Скѫделъ, **скѫдельника** имѣютъ **е** изъ **ь** по общему закону. Форма съ старымъ **е**, которую принималъ Миклошичъ (Etym. Lex.), не можетъ быть установлена: памятники, которымъ слѣдовалъ Миклошичъ, относятся къ нарѣчію измѣнявшему **ъ**/**ь** въ **о**/**е** (Зогр., Мар., Ассем.), а въ Савв. одинокая форма съ **е** (при формахъ съ **ь**) — видимо заносная. Въ пользу **ь** говоритъ и мн. **скѫдълы** Ассем., (Лука, 5.19).

сеи οὗτος господствуетъ въ Бол. пс. въ такомъ написаніи при варіантахъ **съ** и **съи**; только **сеи** и выражаетъ живой говоръ писцовъ. Древнѣйшая средне-болгарская форма должна была звучать какъ **се**, которое восходило прямо къ **сь** Саввиной книги; **е** получилось фонетически изъ конечнаго **ь** односложнаго слова; такой переходъ извѣстенъ при положеніи слова **сь** въ началѣ самостоятельнаго отдѣла рѣчи уже говору Савв., который во всякомъ другомъ фонетическомъ положеніи еще не знаетъ перехода **ь** въ **е** (ср. Разсужденіе 102); **сеи** изъ **се** явилось въ видѣ нефонетическаго распространенія формы для цѣлей большей грамматической ясности; образцомъ для подновленія послужили очевидно другія мѣстоименія: **кои**, **мои**, **свои**, отчасти же и такія формы, какъ n. s. **синеи** и **явлеи**. Совершенно аналогичнаго происхожденія ново- и средне-болгарское **тои** αὐτός (см. ниже).

пекломь и **стебл-** противорѣчатъ общему фонетическому закону; первая форма могла бы быть объяснена какъ подновленіе на основаніи именит. **пькль**, гдѣ **е** изъ **ь** получилось фонетически; **стеб-** могло возникнуть въ **стьб-ль** и въ **стьблие**. Впрочемъ эти слова и нѣкоторыя другія обнаруживаютъ и въ другихъ славянскихъ языкахъ частичныя отклоненія отъ общаго закона о полугласныхъ. Фонетическое условіе всѣхъ этихъ словъ таково: полугласная находится въ начальномъ слогѣ между согласной и группою согласныхъ: **стьбло**, **стьѕа**, **стьгна**, **стьгно**, **стькло**. Отклоненія, отчасти діалектическія, зависятъ отъ качества слѣдующей группы. Можно предположить, что такія слова получали въ обще-славянскомъ **ь** болѣе сильное при извѣстномъ положеніи въ рѣчи, именно — въ началѣ отдѣла рѣчи; отсюда напр. польскіе варіанты dźbło и zdziobło. Одинъ изъ варіантовъ могъ вытѣсняться другимъ, а на почвѣ отдѣльныхъ нарѣчій фонетическія различія вообще могли сглаживаться и полугласная подчинялась законамъ даннаго языка.

Случаи **павелъ**, **павел҄**, **паѵелъ**, **скѹменъ**, pl. **съкѹмени**, **египетъ** имѣютъ **є** изъ **ь**, развившагося на славянской почвѣ между согласными передъ конечными **ъ** и **ъ**. Савв. даетъ намъ такое **ь** какъ въ положеніи **ь** слабаго, которое далѣе исчезало, такъ и въ положеніи **ь** сильнаго, переходившаго въ **є**. Παῦλος и Αἴγυπτος вполнѣ подчинились закону о судьбѣ полугласныхъ — въ качествѣ заимствованій очень распространенныхъ и не исключительно книжныхъ; plur. **скѹмени** получилось подъ вліяніемъ sing. **скѹменъ**; форма множественнаго **скѹмни** также возникла въ эпоху выпаденія полугласныхъ; о томъ свидѣтельствуютъ поздніе памятники (Mikl. Lex.).

Написаніе **лекъ** λέων (по разу у первыхъ двухъ писцовъ) гораздо рѣже, чѣмъ **лъвъ**; тѣмъ не менѣе въ этомъ послѣднемъ мы не имѣемъ основанія предполагать ничего кромѣ искусственнаго средне-болгарскаго написанія.

Крестъ, **въскресъ**, **окрестъ** — конечно старыя фонетическія формы, которыя въ живыхъ славянскихъ нарѣчіяхъ были вытѣснены формами съ -kr̥s-, перенесенными изъ родственныхъ образованій, какъ уже давно указывалъ Облакъ. На фонетическое значеніе средне-болгарскаго **крестъ** указываетъ въ живомъ языкѣ діалектическое македонское названіе рыбы *кресница*, которое Миладиновы въ словоуказателѣ переводятъ хорватскимъ *kumica*; рыба очевидно называлась «кумой», но смыслъ этого слова въ примѣненіи къ рыбѣ былъ утраченъ, и оно не было подновлено аналогіей, между тѣмъ какъ *кръсница* въ значеніи «кумы», «крестной матери» получило r̥. **Крестъ** было подновлено въ **кръстъ**, лишь только въ косвенныхъ падежахъ образовалась liquida sonans; это произошло не въ эпоху исчезновенія полугласныхъ, а уже по окончаніи этого процесса: r̥ получилось непосредственно изъ r неслогового, а это изъ **рь** съ **ь** слабымъ; **ь** выпадало въ этихъ случаяхъ по общему закону, почему и слѣдуетъ принять, что r̥ не имѣло въ этихъ случаяхъ ни предъ собою, ни послѣ себя неслогового ирраціональнаго звука. Осталось ли r̥ въ такомъ видѣ, или измѣнилось въ r̥ь, зависитъ отъ того, что̀ слышалось въ данномъ говорѣ въ словахъ типа **съмрьть**, а такъ какъ аналогія шла отъ косвенныхъ формъ, то очевидно возникновеніе r̥ должно быть отнесено къ флективной эпохѣ; въ нарѣчіи **о/є** и въ нарѣчіи **ъ/є** эта аналогія должна была дѣйствовать ранѣе, чѣмъ въ нарѣчіи архаическомъ; ясно, что въ говорѣ Болонской псалтыри эти процессы давно уже закончились, ибо ея послѣдній (IV) писецъ уже обнаруживаетъ дальнѣйшее измѣненіе звука r̥. Въ эпоху Болонской пс. старое фонетическое **крестъ**

однако еще сохранялось. Подновленіе не могло имѣть мѣста во вторую эпоху болгарскаго языка, когда исчезли почти всѣ тѣ косвенныя формы, отъ которыхъ исходила грамматическая аналогія. — Что касается формъ **въскрєсъ**, **въскрєсшоу**, то эпоха ихъ нефонетическаго измѣненія опредѣляется инымъ соображеніемъ: формы глагола **крьснѫти**, фонетически получавшія г̥, сохранялись и въ эпоху паденія падежныхъ формъ, но сами формы причастія въ эту эпоху вышли изъ употребленія, и еще ранѣе, въ эпоху старославянскую, по говорамъ онѣ уже обращались въ дѣепричастія.

Съ судьбою звуковъ **ъ** и **ь** въ старо-славянскомъ языкѣ тѣсно связана судьба общеславянскихъ ĭ (изъ і, **ь** и ё предъ j'омъ) и **ъ̆ı** (изъ **ъ** и **ы** передъ j'омъ). Въ Разсужденіи о языкѣ Саввиной книги (стр. 235, 239 слѣд.) я указываю, что на болгарской почвѣ, не исключая и старославянскаго извода, эти звуки имѣли двоякую судьбу, совершенно также, какъ и старыя **ъ** и **ь**, и въ зависимости отъ тѣхъ же фонетическихъ условій, какъ эти послѣднія. Но результаты измѣненія звуковъ ĭ и **ъ̆ı** были нѣсколько иныя: если **ъ** и **ь** сильныя доходили до полной краткости **о/є** въ одномъ болгарскомъ нарѣчіи и до полной краткости **ъ/є** въ другомъ, то ĭ и **ъ̆ı** сильныя во всѣхъ нарѣчіяхъ одинаково являлись въ видѣ **и** и **ы**, какого количества — нельзя опредѣлить уже потому, что наиболѣе ясный примѣръ появленія этихъ звуковъ — n. s. m. adj. **добрыи**, **синии** подвергался затѣмъ стяженію въ **добры** и **сини**. Ни старославянскій изводъ, ни средне-болгарская письменность, ни живые болгарскіе говоры не даютъ судить о количествѣ звуковъ **и** **ы** въ формахъ **добрыи** и **добры**, **синии** и **сини**; другіе славянскіе языки указываютъ на долготу **ы** и **и** въ стяженныхъ формахъ, но эта долгота является естественнымъ результатомъ стяженія, въ нестяженныхъ формахъ мы скорѣе ожидали бы изъ ĭ и **ъ̆ı** звуковъ **и** и **ы** краткихъ, сообразно самому происхожденію звуковъ ĭ и **ъ̆ı** и ихъ аналогіи съ звуками **ь** и **ъ**. Что касается ĭ и **ъ̆ı** слабыхъ, т. е. такихъ, которые находились въ положеніи, при которомъ **ъ** и **ь** по большей части исчезали на болгарской почвѣ, то здѣсь результаты весьма разнообразны и представляютъ діалектическія различія, при чемъ достовѣрный матеріалъ есть только для ĭ.

Въ старославянскомъ архаическомъ нарѣчіи, т. е. въ говорахъ Саввиной книги и Остромирова Евангелія, ĭ всегда является въ видѣ **и**: **пѣниє**, **пѫтиє** n. pl. Это гармонируетъ съ судьбою старыхъ **ь** и **ъ** въ томъ же на-

рѣчіи: ь и ъ сильные не переходятъ въ немъ въ о/е, ь и ъ слабые отчасти исчезли, *отчасти* еще сохраняются, при чемъ звукъ ь и звукъ ъ ясно различаются другъ отъ друга въ произношеніи. Отличіе ĭ «слабаго» отъ ь «слабаго» то, что ĭ еще *нигдѣ* не выпало. Это обстоятельство, а также обще-болгарскій переходъ ĭ и ъ̆і сильныхъ въ и и ъі позволяютъ думать, что на болгарской почвѣ ĭ и ъ̆і отличались отъ старыхъ ь и ъ также по количеству, т. е. что они были менѣе ирраціональны, нежели ь и ъ старыя; это и даетъ намъ извѣстное право обозначать разсматриваемые звуки для старославянской эпохи какъ ĭ и ъ̆і «краткія».

Показанія двухъ другихъ нарѣчій — нарѣчія о/е и нарѣчія ъ/е сводятся вѣроятно къ тому, что ĭ «слабое» исчезло. Въ самомъ дѣлѣ, какое довѣріе можемъ мы имѣть къ написаніямъ пѫтье и т. п. въ Маріинскомъ Евангеліи, Cloz., или Супрасльской рукописи, если мы знаемъ, что въ говорахъ этихъ памятниковъ старыя ь и ъ слабыя уже исчезли и пишутся только по традиціи, а ĭ вліяетъ на слѣдующій слогъ совершенно также, какъ исчезнувшее ь старое: денье, кровьѭ и т. п. Очевидно въ этихъ примѣрахъ и ь=ĭ является только графическимъ знакомъ исчезнувшаго звука, или точнѣе — знакомъ того, что осталось отъ группы ĭje или ĭḭe: пѫтье можетъ обозначать и pǫťje и pǫťḭe.

Иначе должны мы глядѣть на показанія Зографскаго Евангелія: надо думать, что послѣдній писецъ этого памятника принадлежалъ къ нарѣчію о/е, которому онъ однако почти не давалъ выраженія, тщательно копируя оригиналъ. Этотъ послѣдній принадлежалъ къ нарѣчію архаическому: сохранялъ ь и ъ какъ «слабыя», такъ и «сильныя», ясно отличая по звуку ь отъ ъ [1]).

Извѣстно наблюденіе (Leskien, Handbuch[4] § 25.2), что написанія -ьи вообще отсутствуютъ въ Зогр., а написанія -ье, -ью, -ьѣ (= -ьꙗ), -ьѧ, ьѫ встрѣчаются почти только въ Евангеліяхъ отъ Марка и Луки и при томъ — часто. Это можно, всего естественнѣе, осмыслить предположеніемъ, что нѣкогда текстъ былъ переписанъ двумя писцами (писцы a и b) архаическаго нарѣчія, изъ которыхъ одинъ всегда писалъ и, другой писалъ и только передъ слѣдующимъ и. Македонское нарѣчіе только еще вносилось послѣднимъ писцомъ[2]), иначе количество случаевъ ъ/ь = о/е было бы значительнѣе. Та-

1) Территорія архаическаго нарѣчія сокращалась постепенно: какъ по его границамъ, такъ отчасти и внутри его территоріи говоры не переставали переходить на стадію о/е или ъ/е. Процессъ этотъ можно сравнить съ картиной таянья снѣговъ.

2) Оговариваюсь, что я не имѣлъ возможности изслѣдовать графику Зографскаго Евангелія по оригиналу.

кимъ образомъ два одновременныхъ писца, во всякомъ случаѣ въ X вѣкѣ, а не въ XI-мъ, различались по выговору или быть можетъ только по способу обозначенія звука ї: одному ї всегда представлялось въ видѣ **и**, другому — только передъ **и**, а передъ иными гласными оно представлялось ему въ видѣ **ь**[1]). Не значитъ ли это, что въ говорѣ второго писца мы застаемъ ї на стадіи перехода въ настоящее **ь**, т. е., что при усиленіи ирраціональности ї утрачивало и свою старую закрытость, возможную только при болѣе отчетливой работѣ органовъ рѣчи? Передъ **и** закрытость могла сохраняться только благодаря сосѣдству этого **и**. Пока существовалъ звукъ **ь**, акустическое сравненіе между нимъ и ї всегда было возможно и попытка выразить оттѣнки была вполнѣ естественной. По свойству же алфавита выборъ могъ быть только между **и** и **ь**. Итакъ, въ одномъ архаическомъ говорѣ, отразившемся на части текста Зогр. различіе между **ии** (= ĭji, ĭi̯i) и **ьѣ** (= ĭja, ĭi̯a) уже существовало. Почему его не знаетъ писецъ Саввиной книги, жившій вѣроятно вѣкомъ позднѣе? Быть можетъ въ его говорѣ ирраціональность стараго **ь** «слабаго» еще усилилась и повлекла за собою дальнѣйшее качественное измѣненіе звука **ь** слабаго, устранивъ возможность обозначенія ї чрезъ **ь**. Возможно и то, что предъ нами явленіе не хронологическое, а діалектическое, что въ говорѣ Савв. ї ни количественно, ни качественно не приближалось къ **ь**. Въ Ассем. господство правописанія **ии**, **иѥ**, **иѣ** и пр. объясняется близостью этого памятника къ средне-болгарской эпохѣ, которая совсѣмъ устранила орѳографію **-ьи**, **-ьѥ** и т. д. и такимъ образомъ не даетъ ясныхъ указаній на выговоръ. Живые болгарскіе говоры очень различно отражаютъ въ себѣ ї слабое: мы находимъ написанія *имане* (=ïmane), *иманье* (=ïmańe) и *имаине* (=ïmai̯ne); находимъ goste, gosťe, goske и gosti̯e, находимъ наконецъ *царетъ* и, *царие́-тъ*, *свиня* и *свиния*; условій распространенія и сосуществованія этихъ послѣднихъ варіантовъ мы не знаемъ. Въ Ловчанскомъ говорѣ ихъ употребленіе разграничено фонетическими условіями, вліявшими въ данномъ говорѣ, и нѣтъ пока основанія цѣликомъ переносить тѣ же различія въ древность. Всѣ ново-болгарскіе варіанты могутъ быть сведены къ неслоговому i̯, въ томъ числѣ и варіанты *царие́тъ*, *свиния́*, ибо такія формы какъ *зъмия* ясно доказываютъ, что и въ этомъ случаѣ ї группы ĭja или ĭi̯a когда-то было утрачено. Живые болгарскіе говоры указываютъ, что ї стало когда-то на

1) Редакцію послѣдняго рода прошелъ и Glag. Cloz., изъ чего видно, что въ Зогр. мы не имѣемъ дѣла съ случайнымъ фактомъ.

болгарской почвѣ ї ирраціональнымъ, потомъ исчезло. Старославянскіе говоры въ своей исторической послѣдовательности говорятъ намъ рѣшительно то же самое, но съ бо̀льшими подробностями: мы узнаемъ, что ирраціональность звука ї была первоначально не такъ значительна, какъ ирраціональность звука ь, въ связи съ чѣмъ ї было болѣе закрытымъ звукомъ. Позднѣе, при усиленіи ирраціональности, ї и качественно приближалось къ ь, но только по говорамъ. Эти качественныя различія не помѣшали конечному исчезновенію звука ї.

Собранные выше примѣры перехода ъ въ о и ь въ є убѣждаютъ насъ, что въ работѣ 1-го писца мы дѣйствительно имѣемъ дѣло съ говоромъ болгаро-македонскаго нарѣчія. Этотъ выводъ даетъ мѣрило для оцѣнки написаній противорѣчиваго характера. Мы во-первыхъ, встрѣчаемъ у перваго писца пропускъ полугласной въ такомъ фонетическомъ положеніи, при которомъ по общему закону она не исчезала.

ткъмо 30.4, **тќм** 34.4, **прѣтќше** 11.3, **лвъ** λέων 20.3, **взми** 62.4, **прїшствїє** 28.2, **вѣнцъ** 47.2, **концъ** 73.2, 76.1, **истиннъ** 29.2, **непрчнъ** 24.2, **неповиннъ** 23.4, **препобнъ** 23.4, **к зло** 7.4, **к всѣмъ** 0.4, **к мнѣ** 8.4, **кскръсени** 11.4 и т. п. **свиеть** 82.2.

Нефонетическій характеръ всѣхъ этихъ, очень немногочисленныхъ, написаній вполнѣ ясенъ: они противорѣчатъ общему закону, которымъ вызваны собранныя выше написанія **токмо**, **левъ**, **-шествие**, окончаніе **-енъ**; нѣкоторые изъ этихъ пропусковъ не могли возникнуть въ языкѣ даже подъ вліяніемъ грамматической аналогіи: отсутствуютъ самые случаи, изъ которыхъ могла бы быть перенесена форма безъ полугласной. Написанія **вгнетъ** 65.4, **впїжщжж** 9.2, и т. п. не отнесены въ этотъ перечень, ибо могли одно время существовать и въ языкѣ. (Ср. Разсужд. 196, 239). Въ остальныхъ примѣрахъ мы очевидно имѣемъ предъ собою однородные случаи графическаго пропуска или его обозначеніе при помощи надстрочныхъ знаковъ. Возможность такого правописанія была дана массой случаевъ, въ которыхъ полугласныя, выпавшія въ говорѣ писца, то писались имъ, то пропускались; этотъ пріемъ, въ видѣ исключенія, переносился и на слышавшіяся въ выговорѣ гласныя, при томъ не исключительно на ъ и ь (или вѣрнѣе ихъ рефлексы), но и на другія гласныя, ибо мы находимъ еще написанія

иинѣ νυνί 64.1, и́нѣ νυνί 15.3, и|инѣ νυνί 20.1, ѳатрь 1.1, вс҃къ 31.2, кгда 11.4, оуслышхм 71.4, вьздѣхмъ 73.2.

Нетрудно замѣтить, что писецъ прибѣгалъ къ пропуску этого рода тогда, когда онъ колебался между выборомъ двухъ гласныхъ: въ случаяхъ инѣ и ѳатрь — между ы и и, въ случаяхъ ткмо и т. п. — между ъ и о, въ случаяхъ какъ вѣнцъ — между ь и є, наконецъ въ случаѣ взми между ъ (ь) и о или є, — точнѣе колебаніе не можетъ быть опредѣлено въ этомъ случаѣ, ибо нельзя рѣшить, существовала ли въ говорѣ писца болѣе старая фонетическая форма возми, или же она была уже вытѣснена одною изъ формъ *везми*, *земи*, возникшихъ путемъ аналогіи. Колебанія объясняются противорѣчіемъ между унаслѣдованной ороографіей и живымъ говоромъ. Есть еще возможность подкрѣпить наше объясненіе. Если писцы дѣйствительно колебались между двумя гласными, напр. между ъ и о, то мы, кромѣ случаевъ пропуска и случаевъ постановки о вмѣсто ъ, ожидали бы встрѣтить также случаи постановки ъ вмѣсто о стараго. Такіе случаи дѣйствительно содержитъ работа перваго писца; самый вѣскій примѣръ этого рода въскъ κηρόν 31.1; это слово очень рѣдко въ литургической письменности, Mikl. Lex. Palaeosl. знаетъ его только изъ занимающаго насъ мѣста Болонской псалтыри; а писцу оно могло быть знакомо почти только изъ народнаго говора, поэтому встрѣтивъ въ оригиналѣ написаніе воскъ, онъ легко могъ усумниться въ его правильности. Написавъ въ текстѣ «подъ старину» въскъ, писецъ въ толкованіяхъ на той же страницѣ (31.2) маскируетъ свои сомнѣнія сокращеніемъ вс҃къ. То же объясненіе можетъ быть примѣнено къ єлънъ «олень» 68.4, ибо нѣтъ основанія принимать для Болон. пс. форму *єльнь; ъ въ instr. богъмь хранимии 52.2 и въ малъмъ чиномъ 9.3 можетъ быть отголоскомъ отдаленнаго оригинала, ср. Leskien, Handbuch⁴, § 63. Впрочемъ въ Охридскихъ говорахъ уже въ эпоху Болонск. пс. конечное неударяемое *-ом* не имѣло чистаго *о*, ср. современныя Охридскія *нѝчкум*, *нàвидум*, *рѐдум*, *òтредум*, *нà-зорум*, Сб. XVIII. 539. Наконецъ и въ формѣ 1. pl. aor. мы находимъ при обычномъ -хомъ также -хъмъ и сокращенное хм, хмъ, см. выше; здѣсь колебаніе объясняется тѣмъ, что живой говоръ могъ уже имѣть окончаніе *-хме* вмѣсто *-хом*. Наличность подобныхъ колебаній должна убѣдить, что въ средне-болгарскомъ памятникѣ малочисленность написаній о вм. ъ не всегда свидѣтельствуетъ противъ

македонскаго происхожденія текста[1]), хотя принадлежность памятника къ македонскому нарѣчію по возможности должна быть опредѣляема и по другимъ признакамъ.

Переходя къ разбору случаевъ сохраненія и пропуска полугласныхъ, я считаю безполезнымъ передавать въ печати въ видѣ перечней весь статистическій матеріалъ, собранный и изслѣдованный мною по карточной системѣ. Такой пріемъ былъ умѣстенъ по отношенію къ Саввиной книгѣ, которая, наряду съ Остромировымъ Евангеліемъ и Кіевскими отрывками, представляетъ первостепенный авторитетъ въ вопросѣ о полугласныхъ, превосходя точностью и разнообразіемъ своихъ показаній всѣ остальные старославянскіе памятники. Показанія памятниковъ средне-болгарской эпохи по тому же вопросу носятъ въ значительной мѣрѣ отрицательный характеръ. Относительно Болонской псалтыри мы отчасти могли убѣдиться въ этомъ изъ предыдущаго: ни постановка, ни пропускъ полугласной не говорятъ сами по себѣ о живомъ выговорѣ, непосредственно они характеризуютъ только орѳографію. Изданіе текста и словаря Болонской псалтыри, подготовляемое въ Вѣнѣ профессоромъ Ягичемъ, безъ сомнѣнія дастъ въ руки изслѣдователей весь матеріалъ, изъ котораго въ этой работѣ я выбираю только то, что прямо относится къ моей цѣли.

Матеріалъ дѣлится на двѣ категоріи: 1) случаи, въ которыхъ должно было наступить «проясненіе» полугласныхъ, и 2) случаи, въ которыхъ должно было произойти ихъ выпаденіе — общее или діалектическое.

Корни.

Въ первой категоріи мы находимъ у перваго писца рѣшительное орѳографическое преобладаніе написаній съ полугласной непроясненной, т. е. такихъ формъ, какъ

въпїѫ, въпиєтъ, въпиꙗше, въплъ, бездъниє, зълъ, кръвъ, къждо,

1) Кульбакинъ, въ статьѣ о Боянскомъ Евангеліи, не рѣшается отнести этотъ памятникъ къ македонскому разряду, находя, что число случаевъ о вм. ъ въ немъ ограничено. На самомъ дѣлѣ число случаевъ о вм. ъ въ Боянскомъ Евангеліи не менѣе двадцати, что, при размѣрахъ даннаго текста и при извѣстной робости средне-болгарской манеры, очень значительно. Такіе случаи пропуска, какъ зль, вн҄ь, снмнꙋє, снмнꙋнх ter, маскирующіе колебаніе писца между ъ и о, остаются для Кульбакина неясными: онъ называетъ ихъ «случаями нефонетическаго выпаденія», повидимому полагая, что въ языкѣ Боянскаго Евангелія (памятникъ конца XIII вѣка) конечное ь такихъ написаній, какъ зль, вн҄ь имѣло еще фонетическое значеніе.

лъжъ, лъжиж, лъжна, плъть(ъ), плътиж, плътьское, съсъца, съсъцоу, тъ, тъи αὐτός, тъчъно, тъчиж, притъчъствоуетъ, тъштъ κενός

късъ πᾶς, късъде, късде, дънъ ἡμέρα, жъзлъ, клънъ сѧ partic., кръстъ σταυρός, окръстъ, въскръсъ, лъвъ λέων, лъсть(ъ) δόλος, мъстъ ἐκδίκησις, пъсиж g. s. adj. κυνός, слъзънъімъ, съ οὗτος, тръстъ, тръстие, чъстъ τιμή, чъстиж, нечъстиж, бочъстіе, злочъстие, шъптаахж, сънъмъ συναγωγή.

Въ большинствѣ случаевъ я даю здѣсь только образцы весьма распространенныхъ написаній. По отношенію къ старому ъ отмѣтимъ, что при такомъ архаичномъ правописаніи мы находимъ у первагo писца въ корнѣ всего шесть случаевъ проясненія (см. стр. 97) и три случая «робкаго» пропуска (см. стр. 113). Правописаніе съ о вм. ъ господствуетъ только въ словѣ тои αὐτός, а правописаніе е вм. ь только въ корняхъ такихъ словъ, какъ темнъıи, шедше, емше, т. е. въ словахъ очень обычныхъ и отчасти не дававшихъ писцу мѣрила для опредѣленія ихъ древнѣйшаго вида. Къ категоріи «проясненія» въ языкѣ относятся конечно (какъ впервые указалъ Облакъ) и такія формы, какъ кръвь, плъть, кльнъ, трьсть, крьстъ, несмотря на современныя юго-славянскія формы kr̥v, kъr̥v, kr̥st, kъrst, и др. Слова въпль, бездъние только по происхожденію поставлены мною среди примѣровъ коренного ъ, средне-болгарскій писецъ произносилъ уже *вепл-*, *безден-*.

Вторая категорія, т. е. такія слова, коихъ коренныя ъ и ь въ древнѣйшую эпоху были «слабыми», а въ ново-болгарскомъ за извѣстными исключеніями выпали, представлена въ работѣ перваго писца слѣдующимъ образомъ.

Пропускъ полугласной не наблюдается совершенно только въ слѣдующихъ двадцати шести корняхъ: бръздами 47.3, бъдѣніем 19.4, завъри 52.3, грътанъ 5.3, грътани 31.1, дъхновениꙗ 22.3, раждъꙁи 37.1, клънетъ сѧ 34.1, кръве 5.4 и т. д., въскръсни 3.3 и т. д., прилъпе 73.3, 31.1, мъскъı ἡμίονοι, плъти, въплътихъ сѧ, запънжтъ 60.1, попъци сѧ 44.2, ръвеникъ 84.2, ръвение 57.4, 84.2, ръжжща 49.4, ръзаахж 28.2, свътѧщж сѧ 75.2, просвътѣ сѧ 45.4, ѡслъпе 66.4, слъзами 6.3, 6.4 и т. д., съсжщи|хъ 9.1, съсалъ 40.4, исъшжтъ 57.1, исъхж 31.2, тръми 30.4, тръблажени 67.2, истънж λεπτυνῶ 25.1, истънитъ 42.1, истънени 43.4, цвътетъ 1.4, процвъте 41.1, оуничъженъ 45.3, ничъсоже 27.2, ѡбъметъ 53.1. Многія формы этого перечня встрѣчены въ работѣ писца только по

разу, и отсутствіе параллельныхъ написаній съ пропускомъ полугласной является лишь случайностью; въ другихъ примѣрахъ мы имѣемъ слова вообще рѣдкія, или исключительно книжныя, въ каковомъ случаѣ для писца рѣшающимъ становилось правописаніе оригинала. Далѣе безъ пропуска полугласной всегда пишутся корни, въ которыхъ звукамъ **ъ**, **ь** предшествовали согласная шумная + плавная **ρ**, **л**[1]) или группы **св**, **цв**: въ этомъ случаѣ послѣ выпаденія полугласной возникли r̥, l̥, w̥; какова бы ни была судьба этихъ звуковъ въ данномъ говорѣ, они изображались писцами почти всегда такъ же, какъ изображались ими болѣе старыя r̥, l̥ (**пръвыи**, **длъгъ** и т. п.). Наконецъ сохраняется полугласная въ такихъ рѣдкихъ начальныхъ группахъ, гдѣ современный болгарскій языкъ сохраняетъ ее и въ македонскомъ нарѣчіи, ср. *мъска* Дюв. s. v.

Совершенно не пишется полугласная только въ десяти корняхъ изъ общаго числа семидесяти: **разъгнж**, **съз́д̋а**, **мните**, **псано**, **п́тица**, **п́шеница**, **пос́ланъ**, **притчеи́**, **что**, **чтжтъ**. Повторяющіеся примѣры относятся только къ словамъ **създати**, **мнѣти**, **псати**, **птица**, **что**. Остальные корни встрѣчены только въ единичныхъ случаяхъ, на нихъ нельзя строить никакихъ, даже орѳографическихъ выводовъ; въ только что приведенныхъ пяти случаяхъ правописаніе можетъ считаться болѣе устойчивымъ и доказательнымъ (ср. напр. **ѱати** при **псати**), но оно традиціонное: всѣ эти пять группъ по свидѣтельству Саввиной книги утратили полугласную во всякомъ случаѣ не позднѣе XI вѣка, и въ правописаніи перваго писца Болонской псалтыри мы, въ данномъ случаѣ, можемъ видѣть только слабое подтвержденіе этого факта.

Остальныя группы общаго списка представляютъ различныя степени колебанія между пропускомъ и постановкой полугласной, при чемъ и здѣсь

---

1) Корни, начинавшіеся съ плавной **ρ**, **л** + полугласная слабая, при положеніи въ начальномъ слогѣ подходятъ подъ фонетическую категорію *дъно—дно*, *тъма—тма:* на востокѣ они сохраняютъ ъ послѣ плавной: *лъжà* «ложь», *лъжа* «лгу», *лъжи́ца* «ложка», *лъскам* «блещу», *льстя̀* «льщу», *ръждà* «ржавчина», *ръжен* «ржаной», и стадія l̥, r̥ не можетъ быть удостовѣрена; на юго-западѣ и нѣкоторыя изъ этихъ группъ прошли стадію l̥, r̥, какъ указываютъ охридскія *ѐлџица* «ложка» (при заносномъ *лаі́ца*, idem), *ѐргя* «ржавчина», *ѐржън* «ржаной» (и по аналогіи: *ѐрш* «рожь»). Сб. XVIII. 529. 532, ср. еще *ържам* «ржу» Миладин. Дюв. s. v. *жрж-*. Другія слова—болѣе книжныя, принятыя въ современный литературный языкъ въ восточно-болгарскомъ выговорѣ. Западъ и востокъ въ данномъ случаѣ имѣютъ свою особую діалектическую границу, не совпадающую съ діалектической границей другихъ крупныхъ дѣленій, какъ то: діалектической границей ѣ, діалектической границей шт=tj и пр. Можно думать, что граница неодинакова и для отдѣльныхъ согласныхъ группъ.

вполнѣ ясно сказывается болѣе свободная орѳографическая традиція XI вѣка, представленная всего чище Саввиной книгой.

Пропускъ полугласной рѣшительно преобладаетъ въ примѣрахъ **все**, **всего** etc., **вторїцеж**, **вторжж** etc., **дне**, **дни** etc., **призва** etc., **зла**, **злыхъ** etc., **книгы**, **книжника** etc., **кнѧѕи**, **кнѧѕемъ** etc., **кто**, **мнѣ**, **множ**, **многъ**, **множьство**; въ большинствѣ этихъ случаевъ противуположныя написанія (съ постановкой полугласной) рѣдки, но въ общемъ количество ихъ все же значительнѣе, чѣмъ въ Саввиной книгѣ: въ этомъ сказываются успѣхи архаизующаго направленія средне-болгарской графики. О діалектическомъ сохраненіи полугласной въ средне-болгарскихъ говорахъ во всѣхъ этихъ случаяхъ конечно не можетъ быть и рѣчи.

Особаго вниманія заслуживаютъ группы, въ которыхъ постановка полугласной господствуетъ, а пропускъ является болѣе или менѣе рѣдкимъ исключеніемъ: это тѣ группы, которыя еще сохраняли полугласную въ эпоху Саввиной книги; традицію составляла постановка полугласной. Не выписывая всей массы сохраненій, даю только перечень пропусковъ: **впиетъ** 65.4, **впїжщжж** 9.2, **дщери** 11.2, **сългашж** 25.1, **лжж** 17.4, **лсти** 80.2, **прѣлщении** 16.4, **прѣлщен** 19.4, **прѣлщением** 16.4, **мзды** 18.2, **мздж** 23.2, **въ стѕахъ** 19.4, **тма** 8.2, 78.2, **тма** 52.4, **тмѣ** 30.2, **тмѣ** 22.2, **тмѣнїе** **въ тще** 35.2, 44.2, **птщїте сѧ** 8.2, **птща сѧ** 28.4, **нчстївы** 1.3, **нечстивыхъ** 20.1.

Пропускъ во всѣхъ этихъ примѣрахъ составляетъ рѣдкое исключеніе; только въ словѣ **тьма** онъ также частъ, какъ и постановка. Относительно **впиетъ**, **впїжщжж** уже говорено: вѣроятнѣе всего, что мы имѣемъ здѣсь дѣло съ дѣйствительнымъ звуковымъ варіантомъ; то же можно думать относительно **нчстївы**, **нечстивыхъ**: это написаніе совпадаетъ съ фонетическими результатами; самое слово принадлежало уже книжному языку, въ которомъ приняло нефонетическую форму **-чест-**. Корни **лъг- лъж-** и **льст**, насколько они уцѣлѣли въ живомъ выговорѣ, должны были пройти въ Охридскомъ нарѣчіи стадіи **лг**, **лж**, **лст** и l̥g, l̥ž, l̥st, но только при положеніи въ началѣ слова: **сългашж** и **прѣлщении** фонетически должны были остановиться на стадіи **-лг**, **-лст**; одинокое **лсти** съ начальнымъ **лс** есть быть можетъ lsti, l̥sti или ъl̥sti. Для Охридскаго нарѣчія мы ожидали бы въ словахъ **дъщи**, **тъма**, **тъще** фонетическихъ формъ *(д)щ-*, *тм-*, *(т)щ-*; приводимое ниже **въ ще**=**въ тъще** подтверждаетъ это; **мьзда** и **стьза** въ Охрид-

скомъ нарѣчіи XIII вѣка должны были звучать съ ъ: **мъзда**, **стъ̑за**; послѣдній выговоръ изъ самой Болонской псалтыри подтверждается написаніемъ **стѫз-**, о чемъ ниже, въ главѣ о носовыхъ; **м҃здѫ** и **ст҃захъ** имѣютъ слѣдовательно пропускъ графическій.

Эти примѣры должны убѣдить, какъ мало можно вообще полагаться въ средне-болгарскомъ текстѣ на написаніе и на пропускъ полугласной. Чтобы облегчить себѣ трудъ писанія «подъ старину», средне-болгарскіе писцы установили манеру, основанную на томъ поверхностномъ и ложномъ наблюденіи, будто въ старую эпоху между двумя сосѣдними согласными всегда или почти всегда ставилась полугласная; это открытіе избавляло архаизующаго писца отъ справокъ и внимательнаго отношенія къ оригиналу. Манера, составляющая общую участь подражателей, въ концѣ концовъ приходитъ къ противорѣчію съ собственными оригиналами и тѣмъ выдаетъ себя. Къ такимъ особенностямъ средне-болгарской манеры принадлежитъ постановка полугласной туда, гдѣ она никогда не существовала ранѣе.

У перваго писца Болонской псалтыри находимъ написанія: **б҃а ıѩковълѣ** 27.3, **избавълѧ** 1. s. 83.1, **заемълетъ** 59.1, **оудъварѣетъ сѧ** 56.4, **дъвизаахѫ** 15.2, **подъвизаѫ** 27.4, **подъвижитъ сѧ** 18.1, **подажъдъ** 4.2, **въсликънѣте** 77.1, **кърилоу** 22.1, **ѡсъквр҃ънѣвъшоу** 85.2, **оусълыша** 20.1, **съматрѣеши** 13.3, **съмотреней** 9.2, **мѫдръстъвоужште** 20.2, **въ мѣстѣ пастъвиннѣ** 33.1, **пришестъвие** 16.4, **оустърашѫ** 18.3, **несъмысъленъ** 80.3, **твоѥ** 70.3, **помышъленни** 14.2, **въ лихъво** 18.1, **хъранитъ** 27.1.

Какъ видимъ, полугласной раздѣляются древнѣйшія группы согласныхъ, въ томъ числѣ **жд**, возникшее изъ *dj*, и губная съ слѣдующимъ *l* epentheticum, хотя это послѣднее въ языкѣ писца уже не существовало. Манера била только на общее впечатлѣніе старины[1]).

Мы видѣли, что средне-болгарскими писцами были приняты къ свѣдѣнію и пропуски полугласной, встрѣчавшіеся имъ въ старыхъ текстахъ; пропускъ былъ понятъ какъ болѣе рѣдкое, но дозволенное сокращеніе, которымъ, какъ показано выше, писцы пользовались, когда желали выиграть мѣсто, или когда они затруднялись въ выборѣ гласной. Но лишая насъ

---

1) Ягичъ Evang. Dobromiri, 35, удостовѣрилъ примѣры этого рода въ Доброміровомъ Евангеліи и обратилъ вниманіе на то, что кирилловскій македонскій листокъ Срезневскаго содержалъ ту же манеру. Срезневскій относилъ листокъ къ XI вѣку. Ягичу принадлежитъ пересмотръ даты листка, который впрочемъ легко могъ относиться не къ XII вѣку, а къ народнымъ текстамъ XIII-го.

возможности судить о состояніи полугласныхъ непосредственно, первый писецъ по крайней мѣрѣ о выпаденіи полугласныхъ даетъ намъ ясныя указанія косвенно. За выпаденіемъ полугласныхъ въ языкѣ во многихъ случаяхъ послѣдовали перемѣны въ судьбѣ тѣхъ согласныхъ, которыя съ ними сосѣдили: или изъ двухъ соприкоснувшися согласныхъ одна уподоблялась другой въ какомъ-либо отношеніи, или одна согласная исчезала, или между двумя согласными появлялась третья, облегчавшая органамъ рѣчи переходъ; иногда двѣ согласныя соединялись въ такую слитную, которая изображалась на письмѣ особымъ знакомъ. Въ паузѣ, именно передъ исчезнувшей конечной полугласной, предшествующія ей согласныя утрачивали голосъ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ писецъ даетъ иногда написанія чисто фонетическаго характера. Здѣсь я соединяю факты, относящіеся къ кореннымъ, суффиксальнымъ и конечнымъ слогамъ.

1.

Согласныя даются по выговору, въ измѣненномъ видѣ, хотя полугласная графически удерживается.

изъдранлева 30.1, **изъдрыщѫ** 65.2, **възъде** παντᾳχοῦ 57.1, **въсъ|клікновенѥ** 39.2, **въсъпримѫтъ** 20.4, 32.2, **въсъприемъ** 23.4, **въсъприемлѫще** 6.2, **въсъприжтъ** 34.4, **въсъхвалѫ** 1. s. 54.1, [**въсъгрьмѣ** 22.1,] **исъкоусилъ** 19.3, **исъплъниши** 19.1, **ѡ҆|пъстѫпажще** 15.4, **расъпни** 25.2, **прѣтъ тобоѫ** 5.1, **прѣтъ пилатомъ** 63.4, **сѫтъ** = -дъ: **тогда** ͦ**б сѫтъ демнъскы ѿмъщенъ бъістъ** 54.4, **ꙃвѣстъ**: **посрѣдѣ ꙃвѣстъ** 12.3, **ѡ|блекъчілъ** 16.2, **заблѫ|щъшааго** 11.1, **жрожъницѫ**: **ꙅ**. s: **въ дьны жрожъницѫ ꙗдѫща** 13.4.

2.

Полугласная пропущена, звонкая согласная уподобилась слѣдующей глухой.

мръска = **мрьзъка** acc. s. m. 31.4, **пткаліті** 36.2.

3.

Полугласная пропущена, одна изъ согласныхъ фонетически выпала.

бѣство 61.1, **въ ще** = **въ тъще**: **бѣсове ꙗко въ ще и въ соуе чл҃коу прѣтншѫ** 35.2, **ѡ҆|бечахъ** ἐπαλαιώθην 6.3, **оупразни** 42.2, **оупразните сѧ**

77.3, **срьце** 66.4, 67.3, 72.3, **срьца** 86.1, **срьцихъ** 74.3, **срьцевѣдецъ** 27.2, **срь | це** 73.3, **срь | ца** 32.3, 76.1, **срь | цемъ** 10.1.

4.

Полугласная пропущена, група согласныхъ образуетъ слитную и пишется особымъ слитнымъ знакомъ.

ѡвечахъ = **ѡветъшахъ** ἐπαλαιώθην 6.3, **ѱа** (κύων) acc. s. 31.4, **ѱи** 20.4, 312, **ѱано** 52.4, 82.2, **ѱан** 82.2, **наѱаетъ** 18.1, **наѱати** 73.4, **наѱавъ** 84.2, **наѱаніе** 29.3.

Эти перечни способны лишить насъ послѣдняго довѣрія къ написаніямъ съ сохраненной полугласной. Въ самомъ дѣлѣ, минуя случаи, которые восходятъ къ обще-славянской эпохѣ и получены средне-болгарскою отъ XI вѣка, какъ то **бе-зла** 12.3, **бе-чина** 1.2, **бес-правды** 2.4, **расжди** 70.1.2, **нслѣдити** 65.4, **издрѣшіті сѧ** 64.2, **издры** 8.3, **раждіѕаахѫ** 21.4, мы остановились главнымъ образомъ на выпаденіяхъ, происходившихъ на древне-болгарской почвѣ, и въ итогѣ должны убѣдиться, что 1-й писецъ Болонской псалтыри по своей фонетикѣ стоитъ уже на стадіи ново-болгарскихъ говоровъ: 1. конечныя полугласныя отпали (**ѕвѣстъ**). 2. въ срединныхъ слогахъ исчезли полугласныя суффиксовъ *-ък-*, *-ът-*, *-ъх-*, *-ьн-*, *-ьц-*, *-ьств-*, 3. Изъ кореныхъ группъ утратили полугласную **пьс-** и **тьщ-**; въ первомъ случаѣ утрата старая и общая, Саввина книга выражаетъ ее послѣдовательно; первый писецъ Болонской псалтыри въ этомъ случаѣ находилъ **пс-**, **ѱ-** уже въ своихъ оригиналахъ и не избѣгалъ такой ороографіи. Въ **тьщ-** утрата не общая, а діалектическая, свойственная юго-западному болгарскому нарѣчію; ее писецъ или совсѣмъ не находилъ въ своихъ оригиналахъ, или находилъ лишь случайно; вотъ почему онъ пишетъ обыкновенно **тьщ-** и только очень рѣдко съ орѳографическимъ сокращеніемъ: **тщіе**, **потщіте сѧ**, **потща сѧ**; о цѣнѣ такихъ рѣдкихъ написаній мы уже говорили: сами по себѣ они не даютъ для фонетики ничего. Случаи послѣдовательнаго или почти послѣдовательнаго пропуска полугласной доказательнѣе, но они не даютъ ничего новаго по сравненію съ графикой старославянской эпохи, изъ которой исходятъ. Случаи послѣдовательнаго написанія полугласной въ словахъ рѣдко встрѣчающихся, не доказательны, — здѣсь возможны только предположенія, основанныя на сравненіи съ живыми говорами; если же эти случаи относятся къ словамъ очень

распространеннымъ, мы прежде всего должны видѣть въ нихъ графическую традицію, какъ и въ распространенныхъ случаяхъ пропуска.

Фонетическое написаніе **въ щє = въ тъщє** имѣетъ особую важность: оно сразу переноситъ насъ въ сферу югозападныхъ говоровъ, становясь на ряду съ современнымъ *на ще сърце* «натощакъ» (Разс. 178). Это наблюденіе подкрѣпляетъ нашъ взглядъ и на случаи написанія **о** вм. **ъ**: если эти случаи не совсѣмъ единичны и не ограничиваются при томъ словами исключительно книжными (какъ въ Саввиной книгѣ), они имѣютъ доказательную силу, хотя бы ихъ общее количество и казалось ограниченнымъ при сравненіи съ общимъ объемомъ памятника. Въ работѣ перваго писца **о** вм. **ъ** и **щє = тъщє**, взятыя вмѣстѣ, указываютъ на македонскую территорію. Одно написаніе, котораго мы до сихъ поръ не касались, также указываетъ намъ нарѣчіе писца, это **свѣкъ = всѣкъ: тако свѣкъ любли неправедное. Ѡщетитъ своѫ дш҃ѫ** 14.4. Перестановка согласныхъ начальной группы **вс-** (изъ **вьс-**) въ словѣ **вьсь** πᾶς характерна для сербо-хорватскаго языка, а изъ болгарскихъ говоровъ распространена въ сѣверо-западныхъ, которые отчасти имѣютъ въ основѣ вполнѣ сербскую фонетику, отчасти вступаютъ съ сербскимъ языкомъ въ діалектическое соотношеніе (ср. Разс. 109—110). Но діалектическая волна, разносившая форму *св-*, проникла до самаго центра современной западной Македоніи; въ современной Охридѣ говорятъ *секоj, секоjа, секое; сйiот, сѐта, сето*, plur. *сйте*; *сегде, секжде*, (изъ *вс-*), но также *сви, свиiот*, pl. *свйте* Сб. XVIII. 537. 538 (Е. Спространовъ, По говора на градъ Охридъ). Въ Охридскихъ текстахъ находимъ и другіе варіанты: fem. *свена Румелiа* Сб. XIII. 109 сл., *сфена Румелiа, сфа̀ земiа, сфа̀ нош* Шапк., plur. *со сфе младенци, йзвикал iе сфем гра̀жцани на̀ име* Шапк. Въ качествѣ neutr. pronom. встрѣчается *се* и *све (сфе)*, въ качествѣ нарѣчія—*се* (русск. «всё») и *со се* (русск. «совсѣмъ»): *го лапвит* (sc. Ламіа) *детево со се све* «пожираетъ юношу совсѣмъ всего» Сб. XIII. 215—223. Форма *св-*, *сф-* очевидно пришлая; она проникла только въ мѣстоименія, но не въ нарѣчія (*сегде* и др.). Можно допустить, что уже въ XIII в. Охридскій говоръ въ этомъ пунктѣ былъ смѣшаннымъ[1]). Форма *сеф* «весь» отсутствуетъ въ современныхъ Охридскихъ говорахъ.

---

1) Давно усвоенное колебаніе между *вс-* и *св-*, а затѣмъ переходъ *вс-* въ *с-* предохранили Охридскій говоръ отъ конечнаго вытѣсненія группы *вс-* (откуда *с-*) въ болѣе позднее время. Нѣкоторую аналогію представляетъ судьба группъ č r̥ и črě: Шапкаревъ свидѣтель-

r̥ и l̥.

На мѣстѣ современнаго юго-славянскаго r̥, l̥ или группъ, замѣняющихъ эти звуки, мы находимъ у перваго писца, на ряду съ традиціоннымъ **ръ** (**рь**), также одно **р**; при **лъ** такіе варіанты графики не наблюдаются. Согласно происхожденію юго-славянскаго r̥ примѣры распредѣляются на двѣ группы:

испркрже 19.2,	**искр|нюмоу** 34.1,
мртвоу 62.2,	**въскрсении** 15.4,
мртвъıхъ 67.2,	**въскрсение** 18.1,
смрти 68.2,	**въскрсе** 29.4,
смртъ 31.4, 80.4,	**вскрсении** 1.4,
съ|мртъ 15.2	**вскрсе** 67.2,
съмрти 16.1,	**вскрсни** 11.4,
съмр|тънъıѫ 21.1,	**некрщении** 68.4,
съмртъ|нъıхъ 11.2,	**ѿкръвени** 42.2,
съмртънъı|хъ	**въскрсении** 73.2,
скршити 26.1,	
ѡскврнѣвша 20.2,	
скр|беи 36.3,	
скрби 83.2,	
ѿврзе сѧ	
оудржати 20.4.	

Анализъ этихъ случаевъ удобнѣе дать ниже, ознакомившись съ графикой остальныхъ писцовъ. Тоже относится къ написанію **есъ\|мь** 67.1.

Пропускъ и сохраненіе полугласной въ суффиксахъ.

Мы видѣли, что постановка полугласныхъ въ корнѣ у перваго писца опредѣляется орѳографической манерой, независимой отъ живого выговора

ствуетъ, что только въ началѣ XIX вѣка Охридское čr̥- было вытѣснено группой cr̥-: *църн*, *цървен* и т. д.; но группа čr̥ě- сохранилась благодаря тому, что еще ранѣе приняла видъ čere-: *чѐрешна*, *чѐрево*, *чѐреп*, см. Сб. XVIII. 532.

его эпохи; къ манерѣ сводятся и болѣе или менѣе рѣдкіе пропуски гласной въ корнѣ вопреки живому выговору (ткмо = токмо и т. п.). Съ другой стороны мы видѣли, что въ извѣстныхъ корняхъ наблюдается болѣе или менѣе частый пропускъ полугласныхъ исчезнувшихъ; въ этомъ сказывается, хотя и затемненная, традиція XI вѣка. Подробное статистическое изслѣдованіе *этихъ* пропусковъ не имѣло бы практическаго смысла,— это значило бы изслѣдовать фонетическія условія X—XI вѣка по памятнику XIII-го. Изъ Болонской псалтыри должна быть изучена фонетика *ея* эпохи; необходимо такимъ образомъ установить наблюденія, прямо ведущія къ этой цѣли. Манерная постановка полугласной и манерный пропускъ гласныхъ господствуютъ у писцовъ Болонской псалтыри почти только въ коренныхъ слогахъ. Въ концѣ слова нѣтъ мѣста для постановки искусственной полугласной: здѣсь борются только традиція, всюду требующая конечнаго ъ или ь послѣ согласной, живой выговоръ, которымъ утрачены всѣ конечныя полугласныя, и *особая* манера, старающаяся, какъ увидимъ, ограничить пропускъ полугласной извѣстными синтактическими сочетаніями. Въ суффиксахъ графика ещё проще, здѣсь борются только два фактора: традиція и живой выговоръ, иначе говоря мы находимъ или сохраненіе прежней полугласной или ея пропускъ; неэтимологической полугласною согласныя суффиксовъ не раздѣляются. Исключеніе составляютъ случаи каллиграфической разрядки: тамъ, гдѣ толкованій въ правыхъ столбцахъ было особенно много, соотвѣтствующія имъ слова текста писались въ лѣвомъ столбцѣ разгонисто по складамъ, съ постановкой ъ'а послѣ каждой согласной, напр. єсъ тъ съ тъ во = єстьство. Въ однихъ, очень многочисленныхъ категоріяхъ, каковы напр. -ьнъ, -ьць, получали широкое распространеніе написанія -єнъ, -єцъ, въ другихъ, очень рѣдкихъ, какъ сѫдъбъ, сѫдобъ g. pl., писцы проявляли пассивность, воспроизводя то, что̀ находили въ оригиналѣ. Тамъ, гдѣ въ языкѣ суффиксальныя полугласныя дошли до полной краткости, при є (о) часто еще находимъ у перваго писца ъ (= ъ и ь). Не привожу образцовъ такихъ написаній. Въ тѣхъ случаяхъ, когда суффиксальная полугласная исчезла въ языкѣ, первый писецъ во всѣхъ суффиксахъ очень часто ставитъ еще ъ, но въ суффиксахъ наиболѣе распространенныхъ и простыхъ по составу нѣсколько преобладаетъ пропускъ; таковы суффиксы -ьд (правда), ьк (тѧ҆жкомъ), -ьн (прѣподобномоу etc. etc.); суффиксъ -ьн чаще пишется въ видѣ -ън только при предшествующемъ щ (влъкохъщнъны, помощъниче), да быть можетъ при предше-

ствующемъ л: бечисльнѣ, кѫпѣльнꙑими, печаль|ное, сильнъı, скѫдельника. Чаще, но не на много, полугласныя сохраняются (въ видѣ ъ) въ суффиксахъ -ьб (сѫдьба), -ьск (бѣсовъскѫ), -ьц, -ьч (овьцѫ, онъча 83.1), -ък, -ъц (кротъкꙑѫ, гладъци), -ъш (вьсиıавъшѫ, слаждъша); рѣшительно преобладаетъ постановка полугласной только въ суффиксѣ -ъство (=-ьство), написанія ествоу 29.3, величъствм 26.2, мнжство 24.4 чрезвычайно рѣдки; и здѣсь графика Болонской псалтыри отражаетъ на себѣ фонетическія условія пережитой старославянской эпохи. Остаются еще суффиксы малораспространенные: одинъ разъ находимъ поустъ|ла 80.4 съ ъ, но въ концѣ строки; врътъпѣ 13.1, при врътпѣхъ 50.4, стропътивомъ 23.3 при шъптахѫ 68.1, обетъшашѫ 25.3 при фонетическомъ обечахъ 6.3. Эти примѣры изъ собраннаго мною подробнаго перечня должны убѣдить, что въ суффиксальныхъ слогахъ полугласныя слабыя всюду уже выпали. Выводъ этотъ вполнѣ гармонируетъ съ показаніями живыхъ болгарскихъ говоровъ, которые въ суффиксахъ не представляютъ никакихъ діалектическихъ колебаній относительно ъ и ь: діалектическое сохраненіе полугласныхъ въ видѣ ново-болгарскаго ъ мы находимъ только въ коренныхъ (начальныхъ) слогахъ, какъ я указывалъ ранѣе. Если въ современныхъ болгарскихъ говорахъ мы находимъ такія формы, какъ *глток* — *глътоци*, *петак* — *петаци*, то это результатъ вліянія единственнаго числа на множественное (Разсужд., 184).

Въ суффиксахъ у писца традиція сказывается различнымъ образомъ: во первыхъ, полугласныя, въ живомъ говорѣ выпавшія, чаще сохраняются въ началѣ работы — это прямое вліяніе оригинала; во вторыхъ, полугласныя чаще сохраняются въ категоріяхъ книжнаго языка, — однѣ изъ нихъ чужды языку народному (напр. множество литературныхъ словъ на -ъство), или вымерли въ живомъ языкѣ (напр. причастія на -ъш-); всегда или почти всегда безъ полугласной пишутся тѣ группы, которыя писались такъ уже во многихъ памятникахъ XI вѣка (зьн, сьн). Выпаденія въ нѣкоторыхъ группахъ не удостовѣрены: въ отьца и црькъви конечно потому, что эти слова обыкновенно пишутся сокращенно, подъ титломъ, въ единичномъ поустъла — въ виду рѣдкости суффикса. Манерныхъ написаній почти нѣтъ: заштнкъ 21.7 скорѣе описка, которую другая рука исправляетъ прибавкой киноварнаго знака ″. Слова съ суффиксомъ ьн въ виду большаго разнообразія предшествующихъ согласныхъ осо-

бенно ясно показываютъ, что качество этихъ послѣднихъ въ суффиксальныхъ слогахъ не задерживало процесса выпаденій; группы -лън, -щън чаще сохраняютъ полугласную, конечно не фонетически. По общему закону о полугласныхъ сильныхъ и слабыхъ фонетическими могли бы быть признаны также написанія огнны, бесквръннѫ, скврънънѣхъ, мрътвна, авествнаг, а равно величствѣм и т. п. слова, которыя получали е передъ суффиксомъ -ство только по аналогіи словъ на -ствие. Въ Болонской псалтыри эта аналогія представлена слабо, хотя ея результаты сказались уже въ XI вѣкѣ.

Приставки и предлоги.

Приставки нерѣдко представляютъ пропускъ полугласной на основаніи выговора.

Примѣры:

вноушені(-и) 4.4, 5.1, вразоумѧтъ сѧ 2.4, вселенаꙗ 22.4, 33.3, вшедъ 24.2, 31.4, взва 39.1, взведъ 9.2, взвеселїшѧ сѧ 19.2, взвѣщаѫ 2.1, вздвигнѫти 3.1, вздыханиꙗ 15.1, вскрсенїемъ 20.4, вскрьснѫшѫ 48.2, взлюбить 75.2, взлюбленѣмъ 73.4, взможън 64.4, взнесъ 9.2, взне 9.4, взнесе 25.4, взнесение 19.2, взопи 3.4, взпи 30.2, взрадоуеть 68.1, по взытій 22.2, сврашѫ 18.4, свра g. s. 38.2, свиеть 82.2, свитъкъ 82.2, свръшаемаа 22.2, свѣдѣтелъствоует 16.4, в свѣтѣ ἐν βουλαῖς 38.4, свѣта βουλῆς 52.4, свѣстъ 1. sing 3.3, свѣщаахѫ 15.2, свѧжамъ 45.4, свѧжам 5.4, сгрѣшихъ 67.3, сгрѣшѫ 63.4, сдрав 1.4, сѧ сдѣа 57.4, сказаетсѧ 63.3, -тъ сѧ 71.4, сконъчавъ 7.4, сконъчаетъ сѧ 8.1, скровищихъ 48.3, скроушитъ 76.3, скроушити 2.3, скроуши 6.4, скроушишѫ сѧ 11.3, сломитъ 76.3, смѫщаѫ сѧ 6.4, смѣренаа 30.2, сніде 23.2, 40.2, снидѫ 80.4, ѡ спасени 27.3, спасажи 25.1, сплетѫтъ сѧ 77.2, створі 16.2, -ри 9.2, 14.3, стврилъ 9.4, створитъ 1.3, створихъ 7.3 etc., схранѣет 63.4, схранъше 2.4, схрани 18.2, схранѧ 1. s. 19.4.

Написанія сврашѫ и свиеть могли бы быть объяснены манерой, какъ написаніе ткмо = *токмо*; но въ виду того, что эта манера въ приставкахъ вообще отсутствуетъ, я предпочитаю думать, что сврашѫ и свиеть соотвѣтствуютъ живому говору, который замѣнилъ ожидаемое *со-* черезъ *с-*

по аналогіи другихъ формъ: **свирати, свити**, ср. подобные случаи въ современныхъ болгарскихъ говорахъ (Разсужд., 185).

Въ предлогахъ пропускъ полугласной наблюдается рѣже.

Примѣры:

в' конецъ 69.4, **в' мри** 78.4, **в родъ** 12.3, **в рѫвѣхъ** 43.4, **в' свѣтѣ** 38.4, **в' сѫвтѫ** 61.1.

к немоу 4.1, **к нимъ** 2.1, **с ними** 12.3, **к' мнѣ** 8.4.

Послѣдній случай — очевидно манерное написаніе.

Конецъ слова.

Полугласныя у перваго писца нерѣдко отсутствуютъ и въ концѣ слова. Половина отмѣченныхъ мною примѣровъ относится къ категоріямъ, установленнымъ Шольвиномъ (Archiv VII. 1. 2): $^2/_{10}$ всѣхъ случаевъ приходится на глагольныя и причастныя формы **+ сѧ** (**мѧ, тѧ**) — всего чаще это 3 sing. pl. на **-тсѧ**; $^3/_{10}$ всѣхъ примѣровъ приходится на остальные случаи тѣснаго соединенія: полугласную утрачиваютъ: предлоги въ положеніи передъ зависящими отъ нихъ именами, слова стоящія передъ частицами **бо** и **же**, опредѣленія предъ своими опредѣляемыми и наоборотъ, прямое дополненіе предъ своимъ глаголомъ, имя сказуемаго предъ своею связкою, въ сложныхъ временахъ — причастіе предъ глаголомъ вспомогательнымъ. Другую половину отмѣченныхъ мною случаевъ нельзя подвести подъ орѳографическіе пріемы подобнаго рода: безъ полугласной пишутся слова стоящія въ паузѣ или во всякомъ случаѣ менѣе тѣсно примыкающія къ послѣдующему; по условіямъ грамматическаго строя значительная часть примѣровъ приходится на **-т** (глагольныя формы 3 s., 3 pl.) и на **-м** (падежныя формы instr. loc. sing., dat. plur.). Самъ Шольвинъ едва ли придавалъ своимъ наблюденіямъ надъ болгарскимъ памятникомъ XIV вѣка какое-либо иное значеніе кромѣ орѳографическаго: эта склонность къ пропуску полугласной въ тѣсныхъ синтактическихъ группахъ явилась много спустя послѣ фонетическаго исчезновенія всѣхъ полугласныхъ въ концѣ словъ: въ Болонской псалтыри она только складывается.

Примѣры:

над ними 11.4, **ѿт (л)ица** 3.2, **ѿт' плода** 4.3, **прѣд тобоѫ** 27.3; **див' бо** 20.2, **жидет бо** 8.2, 63.4, **правден бо** 25.4, **съшед' бо** 23.2, **сѣвер бо**

78.2; вън҆же дн҃ъ 28.1, дом҆ же 78.4, их҃ же 15.1, с ним҆ же 23.4; земен҆ ч҃лкъ 20.4, правден҆ сѫдии 13.2, кръв҆ х҃ва 33.4, вѣк вѣкоу 26.3; закон | дастъ 35.3; непорочън бѫдѫ 27.1; прѣдан҆ бѫ҃ 47.2; вон҆ бѣжашѧ 45.1; ѡчїщаѥтсѧ 34.2, прлѣтсѧ 31.2, расплаждаетсѧ 1.4, тъщитсѧ 27.2 etc., въ | стрѧсѫт҆сѧ 2.2, смѫтѫтсѧ 2.2, тъщѫтсѧ 32.4, ѡбращсѧ 23.4, распѧтсѧ 47.2, противѧщихсѧ 20.1, облъщъшиих҃ | мѧ 19.4; начѫтък 28.2, пепел҆ 25.2, смѣрением҆ 85.4, безоумием҆ 1.4 etc., лоидем҆ 42.4, нашим ·:·— 72.1 etc., твоем҆ | 5.3, въсприем 22.4, възем҆ | 9.4, 24.2, мѧжем҆ partic. 28.2, ѡн҆ 32.2, сан҆ ·:— 11.4, бран 24.2, на н҆ ·:·— 21.1 etc., вѣс҆ 19.4, г҃лет 14.1, въсхождает 14.1, живет҆ 14.1 etc., г҃лѫт 16.4, лѫжт 12.4, ꙗвлѣѫт 26.2, сѫт 26.2 etc., бых 62.1, ѡлтарих 70.4

II писецъ.

Манерная постановка фиктивныхъ полугласныхъ и манерный пропускъ полугласныхъ, дошедшихъ до полной краткости, у второго писца менѣе распространены. Особое исключеніе составляютъ случаи каллиграфической разрядки, примѣняемой въ лѣвыхъ столбцахъ:

царе	та	ръ | си	дъ	сь	ци	и 118.1	
съ	тлъ	пы	τοὺς στύλους	123.3			
во	га	ть	съ	ть	ва	125.1	
въ	зъ	дъ	рѣ	ма	шѫ	сѧ	125.1.

Эти случаи всегда легко выдѣляются изъ остальной массы фактовъ.

Внѣ разрядки я отмѣтилъ только слѣдующіе случаи манерной постановки полугласныхъ

1. хожъ | даше 107.1, межъдоурамиѥ 107.3, видѧшъ | теи 102.1, ѹмръщъвении 112.4, съраменъ 123.1, стьраненъ 110.3, стьворилъ 125.1 богатъстьво 100.1.

2. исъпиѭтъ 124.1, исъповѣмъ 121.1, нисъпадѫ 92.2, изъдрышѫ 91.2, разъ | дроушишѫ121.3, празъ | никы 122.1.

Въ первомъ разрядѣ примѣровъ полугласная ставится туда, гдѣ она никогда не появлялась въ языкѣ, во второмъ она возстановляется, хотя перемѣны, происшедшія въ раздѣляемыхъ ею согласныхъ, ясно говорятъ, что такое возстановленіе искусственно.

Слѣдующіе примѣры доказываютъ, что у II-го писца рѣдкій манерный пропускъ распространяется на гласныя вообще — какъ старыя, такъ и полученныя вновь изъ первоначальныхъ полугласныхъ: н҆н҃ѣ 107.2, н҆бо 107.2, ѿцть 112.2, въ кон҆цъ 99.1, ѡть концъ 98.3.

Главное же условіе, опредѣляющее отношеніе второго писца къ полугласнымъ знакамъ, есть традиція, или зависимость отъ оригиналовъ. Припомнимъ, что въ этомъ отношеніи второй писецъ и вообще много консервативнѣе перваго: онъ употребляетъ знаки ь, ѥ, ѭ, почти устраненные первымъ писцомъ. Понятно, что второй писецъ тѣмъ охотнѣе ставитъ полугласную тамъ, гдѣ находитъ ее въ оригиналѣ — въ корняхъ и въ суффиксахъ, въ случаяхъ выпаденія и проясненія.

Такимъ образомъ въ сравненіи съ первымъ писцомъ правописаніе второго менѣе манерное и болѣе традиціонное, т. е. даетъ еще менѣе данныхъ для открытія живого говора; къ тому же и матеріалъ болѣе ограниченъ: работа второго писца вдвое короче той части текста, которая написана первымъ. Корней съ полугласными у него значительно менѣе; наблюденія, сдѣланныя надъ графикой перваго писца, ничѣмъ не дополняются въ работѣ второго; въ распространенныхъ случаяхъ выпаденія очевидна традиція XI вѣка, въ остальныхъ случаяхъ намѣчаются тѣ же графическія колебанія, какъ у перваго писца, но количество примѣровъ еще ограниченнѣе. Изъ корней съ выпавшей полугласной явно фонетическое правописаніе получили только пьсати и пьс- χύων: ѱано (ѱа°н) 89.2, 95.4, 100.2, 101.4, 124.2, на҆ѱа 99.2, на҆ѱа҆кть 110.4 (тѣлопсаниѥ στηλογραφία 91.1), тѣлоѱаниѥ 95.1, въ тѣлоѱании 97.1, ѱи χῦνες 95.3, 96.3, 108 ter; манерный пропускъ полугласной находимъ въ n. s. пс҇ъ χύων 95.4. Пропускъ полугласной въ группѣ ръ = r̥ находимъ только въ слѣдующихъ примѣрахъ: кр҃ви҆ѭ 121.2, мртвъцѫ 126 bis. 2, тр҃пѣти 90.2, свр҃шенѫѧ 107.1; первое изъ этихъ написаній или манерно и равно фонетическому кровиѭ, или соотвѣтствуетъ современнымъ юго-славянскимъ *крв*, *кърв*, *кръв*, *кърв*, *кръв*, возникшимъ подъ вліяніемъ всей массы косвенныхъ формъ; l̥ всегда имѣетъ традиціонное правописаніе лъ. Слѣдуетъ отмѣтить еще правописаніе дври 121.3.4, не встрѣченное у перваго писца.

И въ суффиксахъ второй писецъ не даетъ ничего новаго въ сравненіи съ первымъ: выпаденіе полугласной находимъ чаще всего въ суффиксахъ -ьд, -ьн (примѣры съ предшествующимъ щ не встрѣчены), -ьц, -ьч.

Преобладаетъ постановка полугласной въ суффиксахъ **-ък**, **-ьск**, **-ьств**, **-ъш** (однажды **вышше** 117.2). Дважды встрѣчено **-ът** въ **пазнокъти** 113.1, **пазнкъти** 113.2. Фонетическое написаніе находимъ въ **сръце** 101.3, **срь|це** 120.3, **сръца** 90.4, 99.3, 119.3. Изъ случаевъ сохраненія суффиксальной полугласной не можетъ быть извлечено ничего, что̀ указывало бы на живую фонетику говора.

Въ разрядѣ приставокъ и конечныхъ полугласныхъ показанія второго писца незначительны.

Третій писецъ, Бѣлославъ, написавшій всего одну страницу съ небольшимъ, не даетъ матеріала для какихъ либо выводовъ.

IV писецъ.

Послѣдній писецъ менѣе всѣхъ остальныхъ слѣдуетъ орѳографической манерѣ. Манерныхъ пропусковъ гласной *я* у него не нашелъ, кромѣ случаевъ:

злъ моихъ 257 об., **вскрсъ** 152.4, **ѡ снъмѣ** 135.2,

Постановку фиктивныхъ полугласныхъ находимъ въ слѣдующихъ случаяхъ:

съкърби 204.1, **ѹтъвърди** 156.1, **постигънѫ** 239.1, **дъвижѫщии** 180.3, **дъворы** 152.2, **къ|расота** 155.3, **зе|мълѣ** n. s. 156.3, **зе|мълꙗ** g. s. 233.3, **пъчелы** 190.3. **весъ пресмене** 161.4, **весъ прѣстании** 258.2, **исъ чрѣва** 253. 3, **на съдѣ** ἐπὶ δώματος 161.3, **нисъскы** acc. pl. 250.2.

Число этихъ примѣровъ ничтожно въ сравненіи съ количествомъ листовъ, писанныхъ послѣднимъ писцомъ: я упоминалъ, что по объему работа трехъ главныхъ писцовъ опредѣляется отношеніемъ 2 : 1 : 3; между тѣмъ постановку фиктивныхъ полугласныхъ находимъ у перваго писца приблизительно 40 разъ, у второго 14, у четвертаго 14, т. е. у перваго писца эта манера вчетверо съ лишнимъ чаще, а у второго втрое чаще, чѣмъ у послѣдняго. Тѣмъ не менѣе и послѣдній писецъ въ принципѣ признаетъ эту манеру, онъ только слѣдуетъ ей формально: вмѣсто того, чтобы раздѣлять полугласною двѣ сосѣднія согласныя, онъ чаще всего ставитъ знакъ пропуска—двѣ косыхъ кавычки надъ второю полугласной; этимъ знакомъ одинаково замѣняются какъ полугласныя фиктивныя, такъ и полугласныя нѣкогда существовавшія въ языкѣ; въ такомъ видѣ манера никого не вводитъ

въ заблужденіе, ибо ея орѳографическій характеръ совершенно ясенъ. Въ каллиграфической разрядкѣ послѣдній писецъ охотно пользуется полугласной фиктивной:

мъ зъ дъı 205.4
пѣ съ нъ сте пе нйла 209. 1—2
тъ лъ съ ти 230.1
въ си хъ лъ ми 235.3
прѣ жъ де 261.4
доу хо въ нъı хъ 247.2
оу мъ рѣ 247.2.

Приведенное выше написаніе на съдѣ (=на ʒдѣ, на ʒьдѣ другихъ источниковъ) интересно въ томъ отношеніи, что именно оно дало Миклошичу поводъ (Lex. palaeoslov.) установить ошибочное съдъ δῶμα; съдѣ въ Бол. пс. основано безъ сомнѣнія на ложной этимологіи и обычной орѳографической манерѣ писцовъ; слово должно быть принято въ основной формѣ ʒьдъ и сопоставляемо съ ʒьдати, ʒиждѫ. Миклошичъ, Lex. palaeosl., даетъ для корня этихъ словъ два главныхъ значенія—«глина» и «строеніе» (стѣна) и сопоставляетъ ихъ съ литовскимъ žëdžiu, žësti «даю видъ, образую». зодчии, извѣстное изъ памятниковъ русской редакціи, зодъı «черепица» Болонской псалтыри и болгарское діалектическое *зоден* «глиняный» [1]) имѣютъ повидимому *о* старое; по значенію они могли бы быть отнесены къ тому же корню; но старое *о*, разумѣется, не могло появиться въ словахъ этого корня фонетически.

Число корней, заключавшихъ полугласную слабую, т. е. обыкновенно выпадавшую, въ работѣ послѣдняго писца ограничивается 65-ю; работа перваго писца заключаетъ такихъ корней около 70, работа второго около 55. Такъ какъ первыми двумя писцами написана почти половина всего текста, а послѣднимъ писцомъ нѣсколько болѣе половины, то такое распредѣленіе занимающихъ насъ корней очевидно не связано исключительно съ размѣрами работы отдѣльныхъ писцовъ, — оно объясняется также бо́льшимъ богатствомъ словаря въ первой части псалтыри, отчасти и тѣмъ обстоятельствомъ, что къ концу ея текста толкованія становятся короче и наконецъ совсѣмъ исчезаютъ. Новыхъ корней, не встрѣченныхъ ранѣе, работа послѣд-

1) epitheton ornans слова *стомна* «водоносъ».

няго писца также почти не представляетъ, а равно она мало дополняетъ выводы, извлеченные изъ работы перваго писца.

Пропускъ преобладаетъ существенно въ такихъ случаяхъ, какъ **всего—всемоу**, **дне—дни**, **зла**, **знамена**, **кнѧѕи**, **кто**, **мноѕи**, **птица**, **пшеница**, **сна**, **спѧ**, **что**, **чтѫ**; въ значительномъ большинствѣ этихъ случаевъ пропускъ обозначенъ двумя кавычками надъ второю согласной; вполнѣ фонетическимъ оказывается лишь написаніе **ѳано** 163.2, 164.2, 237. Дополняется предыдущая статистика пропусковъ только такими написаніями, какъ **впиѫ** 141.2, **впиетъ** 182.2, **вп҄иꙗше** 251.3 — **д҄ври** 129.1, 225.3 — **въ дв҄рехъ** 166.1 (при **дъври** 166.2) — **с҄са** 3. s. aor. 213.4 (другихъ примѣровъ этого корня у 4. писца вообще нѣтъ) — **исх҄нетъ** 148.3, **исш҄е** 212.3, **съсхохѫсѧ** 161.1 (при **исъхо|хъ** 161.3, **исъ|хошѫ** 239.1). — Въ случаѣ **дъждѫ** acc. pl., **одъжди** 129.1 четвертый писецъ, подобно предыдущимъ, не пропускаетъ полугласную, безъ сомнѣнія — на основаніи живого выговора. Въ случаяхъ **дъх҄нетъ** 235.1, **надъх҄нѫвъшаго** 262.2 — **дъщи** 220.1, **дъштери** 229.3, g. pl. **дъщеръ** 243.1, g. pl. **дъщерен** 174.1, **дъщерѧ** 174.1 — **мъглѫ** 234.3, **мъ҄глоѫ** 256,2 — **мъзда** 211.3, **мъзд҄а** 211.4, **мъздѫ** 139.2, 157.4, **мъзд҄ѫ** 212.2, **мъздоѫ** 153.2, **мъздовъздание** 156.4—**тъщѫ** κενήν 176.1, **тъщѫ сѧ** 1. s. 191.4, **с тъщанѥмь** 129.3, **ист҄ъщаите** ἐκκενοῦτε 220.1 пропускъ полугласной у четвертаго писца не встрѣченъ. Въ случаѣ **тъма** при шестнадцати примѣрахъ съ сохраненнымъ **ъ** встрѣчено только четыре примѣра съ **ъ** пропущеннымъ. Для нѣкоторыхъ словъ можно предполагать вліяніе оригинала, въ другихъ (**мъзда**)—вліялъ и говоръ самого писца.

r̥, l̥, w̥.

Въ противоположность предыдущимъ писцамъ, послѣдній знаетъ перестановку полугласной при слоговой плавной и при слоговомъ w̥:

гърдии n. pl. 196.3., **гърдомъ ѡкомъ** 160.3, **въвърже** 238.3, **Бързостъми** (позднѣе исправлено въ **дърз-**), **съкърви** 204.1, **ѹтъвърди** 156.1, **пърст҄ъ** τὸν χοῦν 162.1, **мълниѫ** 216.3. Быть можетъ сюда же слѣдуетъ отнести ошибочное **пъстры** δακτύλους (=*пърсты, прьсты) 151.2 при **дъвр҄ехъ** 211.4, ср. и **ѡскъврьни сѧ** 174.3, **ѡ҄скъвр҄ъ|нишѫ** 132.4.

Едва ли можно отрицать фонетическое значеніе такихъ написаній, какъ **гърдии**: они идутъ въ разрѣзъ съ традиціонной орѳографіей и не могутъ

быть объяснены манерой; съ другой стороны, живые болгарскіе говоры опредѣленно свидѣтельствуютъ о томъ, что стадія *r̥* была сравнительно не продолжительной и въ большинствѣ говоровъ уступила мѣсто группѣ ^{ъ}*r̥*, откуда *ъr*. Написаніе **ър** (**ьр**), примѣры котораго содержалъ и утраченный Македонскій (кирилловскій) листокъ, можетъ быть понято только въ качествѣ уступки живому выговору. Въ «Разсужденіи о языкѣ Саввиной книги» (стр. XVI) я еще отношу вслѣдъ за Срезневскимъ Македонскій листокъ къ XI вѣку. Теперь уясняется, что утраченный памятникъ, относился къ болѣе поздней эпохѣ. Манера фиктивныхъ полугласныхъ роднитъ его не только съ Добр., но также съ Болонской псалтырью. Послѣдняя впервые болѣе точно датируетъ появленіе полугласной *передъ* плавной и притомъ не только при **р**, но и при **л**: **мълниѭ**. Какъ разъ такую фонетическую черту содержитъ все сѣверо-западное нарѣчіе Македоніи, въ томъ числѣ и современный Охридскій говоръ; въ немъ мы находимъ *дъ̀рво*, *пъ̀рф*, *къ̀рф* повидимому съ слоговымъ *r̥* и *волк*, *жо̀лто*, *со̀нце*, *мо̀лчи*. Ср. Сб. XI. 568 слѣд. и Сб. XVIII. 531, примѣч.

Въ виду того, что судьба югославянскаго *w̥* изъ **въ**, **вь** (съ **ъ**, **ь** слабымъ) между согласными представляетъ аналогію съ судьбою *r̥* изъ **ръ**, **рь** (съ **ъ**, **ь** слабымъ), я осмысливаю и написанія **дьврєхъ** у послѣдняго писца Болонской псалтыри въ качествѣ фонетической группы ^{ъ}*w̥*. Я уже ранѣе указывалъ (Отчетъ о присужденіи преміи пр. Котляревскаго въ 1895 году, стр. 37—39), что югославянскіе фонетическіе варіанты *duri*, *dovri*, *davri*; *skruniti* (словенск.). *цутим*, *дзуним*, *усунало* (западно-македонск.), *цъфтя*, *съвне*, *съмне*, *дъфча* (восточно-болгарск.), *савнути*, *самнути* при *сванути* и *цавтјети* при *цвасти* (сербск.), **дври**, **дъври**, **позъвнѣ**, **сьвтить**, **просьвтѣ** (средне-болгарск.) должны были пройти черезъ стадіи *w̥* и ^{ъ}*w̥*; я думаю теперь, что эта стадія была достигнута каждымъ изъ юго-славянскихъ языковъ отдѣльно. При билабіальности звука *w* было возможно измѣненіе группы не только въ направленіи къ *ъv* (съ *v* лабіодентальнымъ), откуда *ъf*^{v}, *ъф*[1]), но

---

1) Появленіе билабіальнаго *w̥* я предположительно принимаю для даннаго случая, какъ звука болѣе сонорнаго, нежели лабіодентальное *v̥*: *w̥* могло получиться непосредственно изъ *v̥* въ югозападномъ нарѣчіи, между тѣмъ какъ восточно-болгарскій рефлексъ позволительно выводить прямо и изъ *v̥*, хотя это и не обязательно. Что касается Восточной Болгаріи, то здѣсь стадія *w̥*, ^{ъ}*w̥* или *v̥*, ^{ъ}*v̥* во всякомъ случаѣ была не продолжительна: уже Норовская псалтырь конца XIII вѣка содержитъ одинъ разъ написаніе **процъфтѣть** л. 221 съ *f* или

также въ направленіи къ *и* (звукъ русское *у*), именно: ъ*ꙍ̥* еще до перехода группъ ъ*р*, ъ*л* (= *ъг̥*, *ъl̥*) въ *ър*, *ъл* (полугласная слоговая, плавная неслоговая) обратилось въ *и* (звукъ русское *у*), которое и находимъ въ современномъ Охридскомъ *цут*, *цутим*, *ра̀сцутен* Сб. XVIII. 529.

Въ Болонской псалтыри мы могли бы отдѣлять показанія первыхъ двухъ писцовъ (**скрьи**; **дкри**, **трпѣти**) отъ показаній послѣдняго (**гърдии**, **мълниѭ**, **дъврѥхъ**), если бы **ѥж**, **чѫ** вм. **ѥѧ**, **чѧ** и другія особенности, общія всѣмъ троимъ, не убѣждали насъ, что ихъ нарѣчіе тождественно; въ занимающемъ насъ случаѣ я вижу лишь различное выраженіе однѣхъ и тѣхъже Охридскихъ группъ XIII вѣка ъ**ѡ̥** и ъ**г̥**, ъ**l̥**, которыя слышались въ говорѣ писцовъ; послѣдній писецъ во всякомъ случаѣ трактуетъ эти группы по охридски: онъ пишетъ ихъ ближе къ современному Охридскому говору; первые два не идутъ такъ далеко въ нарушеніи традиціонной орѳографіи. Если бы можно было полагаться на написаніе **ѥсъ|мъ** 67.1, и въ немъ можно бы видѣть группу ъ*м* (=ъ*m̥*), — прототипъ современныхъ Охридскихъ *сум* и *су* (εἰμί), *седум* и *осум* Сб. XVIII. 529, подобно тому какъ **мълниѭ** есть прототипъ современнаго Охридскаго *волк*, *молчи*, *долга* Сб. XVIII. 532; Охридское *ър* повидимому и сейчасъ остается на той-же стадіи, какъ въ XIII в.

Въ приставкахъ и предлогахъ послѣдній писецъ часто имѣетъ фонетическій пропускъ полугласной, гдѣ въ живомъ Охридскомъ говорѣ аналогіей внесено теперь *о* (=**ъ**). Ср. современныя Охридскія (и вообще македонскія) *со вода*, *со́ него*, *со злато*, *во малу време*, *во едни сараі*, *во друѕи сараі* Сб. III. 130. 180, *соберит* 3. s. praes. Сб. XIII. 246 сл., *со̀бери*, *со̀берѣъм* Сб. XVIII. 529. Примѣры перехода **ъ** въ **о** въ Бол. пс. не содержатъ еще ни одного подобнаго случая; въ приставкахъ въ Охридѣ и сейчасъ преобладаютъ формы фонетическаго происхожденія; *со-*, *во-* болѣе распространены къ сѣверо-востоку отъ Охридскаго края (ср. Разсужд. 184).

Въ концѣ слова послѣдній писецъ, пропуская полугласныя, менѣе другихъ слѣдуетъ манерѣ; его пропуски чаще всего наблюдаются въ паузѣ:

---

*f*ᵛ (т. е. *v* безгласнымъ) при обычномъ **процъвт-**, **процьвт-** 3 об. bis, 10 об., 149 об., 154 bis, **ѿць | вт҄етъ** 167. Въ одинокомъ написаніи **процъфтеть** съ увѣренностью можно видѣть *f*ᵛ или уже настоящее *f* въ виду обычнаго правописанія **сфѣт-** въ Норовской псалтыри: **просфѣти** 134 об., 135, 136, 206 об., **просфѣтимъ** 153, **просфѣштаѥтъ** 206 об., **сфѣтъ** 203, 256 об., **сфѣт҄** 256. Равнымъ образомъ и стадія *м̥* въ Восточной Болгаріи была непродолжительной: въ Норовской псалтыри пишется обыкновенно **ѥсъмъ** или **ѥсьмь** (десять разъ) и одинъ разъ **нѣсьмь**. Въ Болонской псалтыри **ѥсъ | мъ** совершенно одиноко и полугласная поставлена быть можетъ только для заполненія строки; этотъ графическій пріемъ извѣстенъ и Болонской псалтыри.

бж҃их·჻ 145.1, **ӥх·჻** 130.1, 148.3, **ѡжих·჻—** 247.1, **ст҃ӹх·჻** 145.1, **створ̈іл·჻—** 155.1, **въ ч҃цѣх·჻** 131.3.— **ѿ дои|ниц пожтъ** (ἔ̈λαβεν) 137.1.— **чтѫщих тѧ·჻** 259.

2. Юсы.

Выше, стр. 21, 25, 26, 28, указано, что четыре писца употребляютъ отчасти различныя начертанія юсовыхъ знаковъ. Но различія эти — болѣе внѣшняго характера: если отрѣшиться отъ рѣдкихъ и малозначущихъ написаній, то у I, III и IV писцовъ господствуетъ двузначная система, обычная для средне-болгарской письменности, покинувшей прежнюю іотацію. Рѣдчайшее отклоненіе отъ этой средне-болгарской орѳографіи находимъ въ трехзначной системѣ второго писца: раздѣляя всѣ остальныя особенности средне-болгарскаго правописанія, онъ въ началѣ слога вмѣсто обычнаго **ѫ** (=**ѭ**, **ѩ**) употребляетъ только **ѭ**. Въ виду того, что тотъ-же писецъ пытается иногда употреблять знакъ **ꙛ**, а писецъ IV иногда употребляетъ знакъ **ѭ** (хоть и взамѣнъ всякаго **ѫ**, какъ показываютъ случаи **сѭдиѭ** 236.1, **въ гласѣ трѭбънѣмъ** 237.3, въ **гѭслехъ** 237.3, **гади и пътицѭ** 236.1, **юношѭ** 236.1) и одинъ разъ знакъ **ѩ** (**продрѩжъ кр҇томъ диꙗвола** 157.4), можно думать, что все это отголоски оригинала, въ которомъ была проведена іотація юсовъ. Приравнивая варіантъ **ѭ** (II писецъ) къ обычному средне-болгарскому **ѫ** (I. III. IV писцы), мы убѣждаемся, что всѣ четыре писца Болонской псалтыри держатся одной и той-же орѳографіи, въ которой притомъ находитъ выраженіе одно и то-же нарѣчіе.

I. Послѣ **н҇ р҇ л҇ с҇** и губныхъ, имѣвшихъ нѣкогда послѣ себя l epentheticum, т. е. послѣ всѣхъ согласныхъ сильно мягкихъ, вмѣсто **ѫ** всѣ писцы послѣдовательно пишутъ **ѧ**. Въ этомъ пунктѣ діалектическія различія и вообще отсутствуютъ. Это наиболѣе устойчивый фактъ средне-болгарской графики, отражающіи фонетическое явленіе общеболгарское[1]).

---

1) Можно утверждать, что уже въ говорѣ Первоучителей **ѭ**, **'ѫ** отличалось отъ **ѫ** своею слоговою частью. Въ самомъ дѣлѣ, между тѣмъ какъ глаголическое **ⱖ** ясно разлагается на *о+н* и обозначаетъ такимъ образомъ ǫ, глаголическое **ⱘ** въ своей первой части остается неразъясненнымъ. Послѣдняя догадка проф. Лескина (Archiv, XXVII, 2, стр. 166) не удовлетворяетъ. Лескинъ видитъ въ этой первой части глаголическое (обороченное?) **э** съ діакритическимъ знакомъ ҆, обозначающимъ сильную мягкость. Слѣдуетъ настаивать на томъ, что древнѣйшая глаголица вообще оставляла мягкость необозначенной; кромѣ того я полагалъ бы, что по аналогіи съ **ⱖ**, **ⱖ** и въ [?] буквы **ⱘ** прежде всего необходимо искать

Это правописаніе не знаетъ исключеній, кромѣ очень рѣдкихъ, вызванныхъ дальнѣйшимъ измѣненіемъ звука ѧ, о чемъ ниже. Достаточно поэтому немногихъ характерныхъ примѣровъ, расположенныхъ по грамматическимъ категоріямъ. Примѣры беру у всѣхъ писцовъ, которые въ этомъ пунктѣ ничѣмъ не различаются.

1. sing. praes. **творѧ, зърѧ, оузърѧ; поклонѧсѧ, хранѧ, схранѧ, оуклонѧ; помолѧсѧ, възвеселѧсѧ, гл҃ѧ, оубѣлѧсѧ; оуподоблѧсѧ, поставлѧ, благословлѧ, избавлѧ, отъѥмлѧ; бл҃кѧ** εὐλογήσω, **съпѧ**, καθεύδομαι; **разъмѣрѧ, похвалѧ, прославлѧ, разъдѣлѧ; исплънѧ; поглоумѧсѧ, спѧ.**

3. plur. praes. **глаголѧтъ, гл҃ѧтъ; отъѥмлѧтъсѧ, пріѥмлѧтъ.**

Partic. praes. **гл҃ѧще, глѧщоу** etc. **внемлѧще, приѥмлѧще.**

Acc. sing. fem. **прѧ, пърѧ** δίκην, **зарѧ, ст҃ынѧ, гъ|лавънѧ, твръдынѧ, въ** (или **на**) **нѧ** αὐτήν, **кръвь козлѧ, волѧ, диꙗволѧ** (sc. **мышцѫ**); **земл҃ѧ; вс҃ѧ, въсѧ** πᾶσαν; **въ сѣтъ диꙗволѧ; горѫ сиѡ҆нѧ.**

Многіе изъ этихъ примѣровъ — **гл҃ѧ** λέγω, **прѧ** δίκην, **всѧ** πᾶσαν, **нѧ** αὐτήν — повторяются въ теченіе всего текста. Нѣкоторыя слова и формы: **вънѫтрънѫѭ** g. s. f. 34.4, **вънѫтръоудоу** (sic) 75.2 имѣютъ твердое **н** и сходятся такимъ образомъ съ современными Охридскими *нътре*, *ѝтнътре*; въ болгарскихъ говорахъ находимъ и *нетре*, восходящее къ **нѭ-**; эта послѣдняя форма свойственна восточно-болгарскому нарѣчію, а изъ македонскихъ нарѣчій,—тѣмъ, которыя граничатъ съ восточно-болгарскимъ;

не комбинацію, а единичный знакъ; именно я скорѣе склоненъ видѣть въ ꙋ *третью* стилизацію греческаго υ, которое мы находимъ и въ глаголическомъ ⰵ=в и въ глаголическомъ ⱓ=ю. Подобно тому какъ ⱓ (ю) обозначаетъ извѣстнаго рода ü, такъ и ꙋ обозначаетъ *ӱ* носовое; знакъ ⱓ не связывался съ є, ибо сталкивались двѣ петли, которыя обѣ имѣли значеніе и потому не могли быть слиты въ одну; петля тоѵ ⱓ была перенесена съ обращеніемъ всего знака. Это ꙋ=*ӱ̨* могло быть и очень открытымъ звукомъ, приближающимся къ ǫ̈, — греческое υ было положено въ основу знака только потому, что другого болѣе подходящаго лабіализованнаго звука не представлялъ греческій алфавитъ. Эти ѫ, ꙋ и ѧ, т. е. ǫ, ǫ̈ и ę, составляютъ очевидную особенность говора Первоучителей. Образцовая кириллица знаками ѫ и ѭ еще не указываетъ на отсутствіе звука ǫ̈ въ какомъ-то другомъ говорѣ; ново-болгарскіе говоры и средне-болгарская письменность приводятъ къ тому, что въ XIII вѣкѣ въ основѣ знаковъ ѫ и ѧ лежали уже не *о* и *е*, а совершенно иныя гласныя; ясно однако, что эти послѣднія получились изъ *е* и *о* постепенно. Я слѣдую академику Ф. Ө. Фортунатову, который на основаніи употребленія ю въ старославянскихъ памятникахъ опредѣлилъ въ этомъ знакѣ особый звукъ, отличный отъ «оу съ предшествующей мягкостью». Онъ же на основаніи употребленія знака ꙋ въ Синайск. Требникѣ опредѣлилъ для даннаго говора особый звукъ ꙋ, отличный отъ ǫ.

центръ и западъ Македоніи сохранили *нътре*, *натре* изъ нѫ-. — Твердое с слѣдуетъ принять для говора нашихъ писцовъ въ ѿсѧдѣ 6.4, сѧдоу ср. само и шнамо 91.4, 144.2, само 119.3 и современное Охридское *на̀само*, а также *насàм* другихъ болгарскихъ говоровъ. Далѣе ѿнѫдъ 102.2, 161.2. ѿнѫдоужє 207.3, имѣетъ конечно н твердое, какъ и въ старославянскихъ памятникахъ; написанія ѿ брѫщиих҄ъсѧ 71.2 (=-рѭ), тръпѫщє 58.4 (=пѧ-), шбидѫщиимъ 52.1 (=-дѧ-) можно разсматривать не какъ случайныя ошибки, а какъ отраженіе перемѣнъ, которымъ подверглось причастіе, ср. русскія *сыпучій*, *гремучій*, *дремучій*, *плакучій*; ѫ въ основѣ причастій могло распространяться отчасти благодаря обилію формъ на ѫ въ nom. sing. masc.: сѫи ὁ ὤν; оучѫи ὁ διδάσκων; шбращаѫ сѧ: ср. еще испꙑтѫ ἐτάζων 8.1, напаѫ ποτίζων 166.1. — Написаніе славꙑ гн҃ѫ основано на сокращеніи вмѣсто г(оспод)н(ѧ)ѫ = господьнѩѩ.

II. По отношенію къ замѣнѣ ѧ черезъ ѫ средне-болгарскіе памятники, какъ доказалъ проф. Лескинъ, представляютъ ясныя діалектическія различія[1]). Въ Болонской псалтыри пишется ѫ вмѣсто ѧ не только послѣ шипящихъ ш, ж, шт, жд (что̀ обычно для многихъ средне-болгарскихъ памятниковъ), но также послѣ свистящихъ ц, ꙃ, а равно послѣ этимологическаго *j* (ї) и послѣ ч[2]). Эта діалектическая черта свойственна главнымъ писцамъ (у Бѣ-

1) Софійскій профессоръ Цоневъ, въ только что вышедшей статьѣ «Класификация на българскитѣ книжовни паметници отъ най-старо врѣме до края на XVI вѣкъ» (Годишникъ на Софийския Университетъ за 1904/5 г.) оттискъ, стр. 18, намѣчаетъ новую группу болгарскихъ памятниковъ, идущихъ въ этомъ отношеніи особымъ путемъ и пріурочиваетъ ихъ къ сѣверо-западнымъ говорамъ Болгаріи (сербскимъ по своей фонетикѣ); но вопросъ этотъ подлежитъ еще дослѣдованію; расходясь съ авторомъ статьи въ датировкѣ и классификаціи болгарскихъ памятниковъ, и особенно въ принципахъ классификаціи, я, подобно ему, признаю Охридскую школу письма, но главнымъ образомъ по соображеніямъ *историческимъ*. Въ предыдущихъ листахъ настоящей работы я еще не могъ пользоваться статьею проф. Цонева.

2) Цоневъ, Классификація, 18, указываетъ послѣдовательное чѫ въ Дечанской Псалтыри XIV в. (Срезн. Пам. Юс.) и Октоихѣ XIII в. № 2897 Софійскаго народнаго Музея. Поливка, Starine кн. 24, отмѣчаетъ чѫ въ рукописи Шафарика № 4, XV вѣка; но здѣсь чѫ уже непослѣдовательно и во всякомъ случаѣ принадлежитъ не говору писца, а оригиналу. Апостолъ Томича въ первомъ почеркѣ, различающемъ два юса, употребляетъ юсъ большой также, какъ Болон. пс. и Охрид. апостолъ, ср. ниже въ приложеніяхъ, а также фототипію съ образцами почерковъ этой рукописи. Лескинъ первый обратилъ вниманіе также на то, что въ этомъ отношеніи съ Болонской Псалтырью вполнѣ сходится Охридскій Апостолъ. Рукописи очевидно представляютъ одно и то-же нарѣчіе и до извѣстной степени (ибо письмо Охридскаго Апостола народнѣе) ту-же школу, сходясь также и въ иныхъ чертахъ.

Въ графикѣ Охридскаго Апостола отмѣчаю: господство полугласной ъ, изрѣдка употребляемое ѭ, оі и ю, лигатуру ю = ні (ср. тоже у Бѣлослава), нерѣдкое ѧ҃, частое sandhi:

лослава отсутствуютъ примѣры на чѫ, цѫ и ꙃѫ). Различіе между писцами состоитъ только въ томъ, что I., II. и IV. совсѣмъ не выражаютъ *j'a*. Замѣтимъ еще, что послѣдній писецъ не такъ послѣдователенъ въ замѣнѣ ѧ чрезъ ѫ; но это лишь орѳографическая небрежность, которая относится ко всѣмъ вообще категоріямъ замѣны; принципіальнаго отличія отъ другихъ писцовъ нѣтъ; если же чѧ вмѣсто ожидаемаго чѫ встрѣчается у него нѣсколько чаще, чѣмъ шѧ, жѧ, штѧ etc., то это зависитъ отъ оригинала: средне-болгарскія рукописи, замѣняющія чѧ чрезъ чѫ, составляютъ меньшинство. Не можетъ быть сомнѣнія, что и IV писецъ по отношенію къ јѫ и чѫ представляетъ тотъ же говоръ, какъ и другіе писцы.

И по этому пункту достаточно привести образцы правописанія, не сопоставляя всю массу примѣровъ, но различая писцовъ.

ШѪ: I шѫташѫ сѧ, съ шѫтаниї, 3 pl. praes. оуслъішѫть, gen. s. fem. дш҃ѫ, acc. pl. съ грѣшъшѫѫ, 3 plur. aor. взвеселїшѫ сѧ, пооучишѫ сѧ, повинѫшѫ сѧ etc. etc.

II, шѫтаѭщеи сѧ, 3 pl. aor. ѡд҇кшѫ сѧ, писашѫ, тѣшѫ, ѩшѫ etc., acc. pl. нечести нашѫ.

III (Бѣлославъ), ѻтаготѣшѫ 104 об.

IV, шѫтаниꙗ, n. pl. юношѭ et юношѫ, acc. pl. дшѫ, множаишѫѫ, нашѫ, 3. pl. aor. повѣдашѫ, ȣѫдришѫ etc. etc.

ЖѪ: I, въ жѫжди, gen. sing. ʌ́жѫ, partic. nom. s. m. дръжѫ, acc. sing. лежѫща, nom. plur. належѫще , 3 plur. praes. приближѫтъ сѧ.

II, въ жѫждѫ, жѫтва, g. s. льжѫ, partic. кажѫ, 3. pl. praes. ȣблажѫтъ.

III (Бѣлославъ), отсутствуютъ самые случаи.

въінстинѫ, поставитъі etc., сходное съ Бол. пс. употребленіе знаковъ ꙗ и ѣ, сходное употребленіе оу/ю послѣ шипящихъ, пропускъ конечнаго ъ въ категоріяхъ, установленныхъ Шольвиномъ, надстрочный знакъ ' или " надъ группою изъ двухъ или трехъ согласныхъ, постановку фиктивныхъ полугласныхъ, хотя довольно рѣдкую. Въ фонетикѣ отмѣчаю послѣдовательно вѣрное (за двумя исключеніями) употребленіе знака ꙃ (ѕ только три раза), ѫ=јѧ, и чѫ=чѧ, частое о вм. ъ (сто разъ на ста одинадцати листахъ Охридскаго Апостола), членныя формы на -осъ и -отъ, пропускъ полугласной въ случаяхъ дври; срна, плна; полугласныя ъ и ь слабыя выпали рѣшительно всегда въ концѣ слова и суффиксахъ, а за немногими (болгарскими) исключеніями также въ корнѣ: знакъ ъ пишется въ этихъ случаяхъ—чаще или рѣже—явно по графической традиціи, восходящей къ старославянской эпохѣ и смутно отражающей фонетику такихъ говоровъ, какъ Савв. Въ морфологіи отмѣчаю графическій g. s. -єго, d. s. -ѡмоу, -ємоу; частое -мє въ 1. pl. (есме). Ср. описаніе фактовъ памятника въ Изв. Русск. Отд. Акад., т. VI, кн. 1, стр. 166 слѣд. О второстепенномъ почеркѣ Охрид. Апостола, знающемъ только ѫ (упрощенная нормировка), говорится выше.

IV, жѫждѫ δίψαν и др. примѣры.

ШТѪ: I, бештѧдие («безчадіе»), поштѧди imper. («пощади»), 3 pl. praes. тъщѫтсѧ, acc. pl. partic. въстаѭщѫѫ, глаголѭштѫѫ, творѧштѫ, gen. s. fem. хотѧштѫѫ etc.

II, поштѧдитъ, acc. pl. тисѫщѫ, носѧщѫ, таѩщѫѧ, nom. pl. тъштѫще.

III, (Бѣлославъ), досаждаѭщѫ acc. pl.

IV, 3. s. praes. бещѧдитъ, 1. s. praes. пощѫждѫ, 3. s. aor. пощѧдѣ, n. pl. fem. выѭщѫ («вòющія»), acc. pl. дъждѫ βροχάς и др. примѣры.

ЖДѪ: I, 3. s. aor. въждѧда, gen. s. жѫждѫ, acc. pl. дъждѫ βροχάς etc.

II, въждѧда ἐδίψησα? 100.1, acc. pl. дъждѫ.

III, (Бѣлославъ), отсутствуютъ самые случаи.

IV, жѫждѫ δίψαν и др. примѣры.

ЧѪ: I, чѧда τέκνα, иночѧдѫѫ, чѧстъ μερίς, причѧстникъ, оучѧстие, adv. чѧстънѣ, начѧло, зачѧло, начѧтъкъ, 3. s. aor. зачѧтъ сѧ, g. s. ѡвъчѧте, g. s. ѡ҇чѫ (таинъı, истинъı), acc. pl. прочѧѫ дш҇ѫ, сн҇ы ч°лчѫ, заповѣди ѿ҇чѫ, part. n. s. m. плачѫ.

II, на чѧдѣхъ, чѧсть μερίς, начѧсъ ἠρξάμην, ѡть начѧла, тичѫ partic. acc. pl. мечѫ.

III (Бѣлославъ), отсутствуютъ самые случаи.

IV, чѧда, ѿ чѧдъ, ʒачѧла ἀρχαί, чѧстъно, бечѧстно, начѧтокъ, въ чѧщѫ дѫбравънѫѫ, g. sing. ѿ сѣти ловъчѫ, partic. ꙋчѧи ὁ διδάσκων и др. примѣры.

ЦѪ: I, gen. s. десницѫ, пшеницѫ, nom. acc. pl. ѡвъцѫ, птицѫ, acc. pl. агнъцѫ, лихоемъцѫ, ма҇денъцѫ, концѫ, рожъцѫ.

II, малами цѧтами, acc. pl. юнцѫ, мрътвъцѫ, оубиницѫ, nom. acc. pl. ѡвъцѫ, юнцѫ.

III (Бѣлославъ) — отсутствуютъ самые случаи.

IV, acc. pl. рожъцѫ, старъцѫ, пръвѣнцѫ, птенъцѫ, конъцѫ, nom. et acc. пътицѭ et пътицѫ, ѿвъцѫ, въдовицѫ etc.

ʒѪ: I, gen. s. бес-полъʒѫ, nom. acc. pl. стъʒѫ, acc. pl. кънѧʒѫ.

II, стѫʒѫ αἱ ὁδοί,

III (Бѣлославъ) — отсутствуютъ самые случаи.

IV, acc. pl. к(ъ)нѧʒѫ, nom. et acc. pl. стѫʒѫ saepe.

ЈѪ: I, adv. ѫдро; ѫдрити, imperat. оуѫдри τάχυνον, оуѫдришѫ ἐτάχυναν; ѫꙁыкъ, ѫꙁыци, ѫтробѫ, ѫтробѫ; поѫтъ ἔλαβεν, приѫтъ idem, въсъприѫтъ, подъѫтелъ ми ἀντιστήριγμά μου, приѫто бѫди, сѫтъ приѫли; паѫчинѫ.—gen. s. въселенъıѫ, силъı вражъѫ, еѫ αὐτῆς, acc. pl. на скорпїѫ, на змъѫ, змиѫ, ѫ αὐτούς, ѫже αἵ, οὕς, глаголъı моѫ, стрѣлъı твоѫ, на грѣшнъıѫ, на ближънѧѫ, подвиꙁаѫщиѫ сѧ, врагъı сѫщѫѫ, partic. n. s. m. чаѫ, божисѧ, ꙗблѣѫ, оудоблѣваѫ, даѫи, спасаѫи, оставлѣѫ, таѫ τηκόμενος.

II, ѭжикы, ѡ ѭжикахъ, ѭꙁъıчъскъı, ѭтроба, ѭти κρατῆσαι, ѭтъ 3 s. aor., ѭсте, въсприѭти, мечѫ обѫдостръı, g. s. прѣисподънѧѭ, acc. pl. ѭ αὐτούς, ѭже ἅς, acc. pl. моѭ, сиѭ, раꙁмнъıѫ. ѫ etc., partic. n. s. m. извѣщаѫ, исшаѭ, раꙁоумѣваѭ, въꙁыскаѭ, бѣгаѭ, прѣдаѭ, таѭсѧ, ѿтвръꙁаѭ, dat. боѭщомоу сѧ, надѣѭщсѧ, plur. n. сънѣдаѭщеи etc.

III (Бѣлославъ), ѫꙁъıкомъ ter, acc. pl. ѫ αὐτούς, acc. pl. невѣрнъıѫ, хоулнъıѫ.

IV, ѭжи instr. pl. σχοινίους, ѭꙁами, ѫꙁкъ, ѫꙁкомъ. ꙁаѫцемъ d. pl., неѫсыти d. s., паѫчина, вѣрѫ ѫхъ, 3 pl. aor. ѿтъѫсѧ, gen. s. своѫ = своеѩ, n. pl. сѭдиѭ, acc. pl. тѫчънъıѫ, ѭ et ѫ αὐτούς, не постоѫтъ μὴ ἀποστῶσιν, partic. ѡбращаѫсѧ n. s. m., боѫщи сѧ.

Въ этомъ спискѣ собраны образцы всѣхъ словъ, имѣющихъ ѫ изъ ѧ въ корнѣ, и образцы всѣхъ грамматическихъ формъ, въ коихъ наблюдается тотъ-же переходъ.

Указанное правописаніе проведено особенно послѣдовательно у перваго писца; у него находимъ только слѣдующія исключенія: четыре чѧсти 31.4, творѧщѫѧ acc. pl. 5.1; исповѣдѧтъ 26.1 сюда не относится, ибо а приписано позднѣе.

У второго писца находимъ: чѧдо 120.4, прїчѧсти сѧ 107.4, чѧсть 121.1, отъ чѧсти 109.2, оучѧще 108.4, начѧтъ 3 s. aor. 126.4.—налѧкошѧ 101.3, съмѧтошѧ сѧ 126ᵇ.2. — Кромѣ того въ слѣдующихъ случаяхъ находимъ у него знакъ ꙙ: 1) = ѩ: ꙙꙁыкъ g. pl. 105.4, ꙙꙁыци 122.2, ꙙꙁкы 108.4, g. s. f. твеꙙ 121.1, въꙁдаꙙ 105.4. 2) = ѭ: acc. pl. славѧщѫꙙ 123.2, acc. s. блгть доуховънѫꙙ 107.2, instr. вѣроꙙ 108.4, свршенѫꙙ блгтиѭ 107.2, instr. бжиꙙ 105.4, вселенѫꙙ 107.4, instr. славоѫ твоꙙ 120.3, acc. pl. ꙙже οὕς 116.2, 3 pl. praes, бѣгаꙙть 106.2, partic. пока-

зачѧціє 98. — Наконецъ, въ слѣдующихъ случаяхъ противъ обыкновенія стоитъ ѧ или простое ѧ[1]): 1) = ѩ: ѧзꙑка γλῶσσαν 109.2, acc. pl. прѣбꙑвающѧѧ 107.2, тржѧѧщѧѧ 108.4, капльѧштина 118.1 (послѣдній примѣръ стоитъ особо: ѧ = ѩ въ срединѣ слога)—2) = ѭ: acc. s. кꙋпль скѧѧ проповѣдъ 126b.1, instr. s. славоѧ хвоѧ 125.2, силоѧ 115.4, прѣдъ мно|ѧ 72.3, partic. тржѧѧщѧѧ 108.4. — Какъ ѧ, такъ и ѧ, ѧ по большей части встрѣчается въ правыхъ, мелко писанныхъ столбцахъ.

Отклоненія отъ общей орѳографіи у IV писца, какъ сказано, нѣсколько чаще; нѣтъ нужды приводить всѣ эти случаи; отмѣтимъ только, что ѧ пишется имъ иногда и послѣ ш въ 3 pl. aor: поносишѧ. Изъ колебаній графики, общихъ всѣмъ или хоть нѣкоторымъ писцамъ, можно предположить, что они имѣли передъ собою оригиналъ, употреблявшій 1) є 2) ѭ 3) ь вмѣсто ъ, или же ъ и ь promiscue 4) ѩ или ѧ вмѣсто стараго ѭ, но не исключительно, а promiscue съ ѭ, ибо откуда бы иначе взяли II и IV писцы этотъ послѣдній знакъ? Въ этомъ оригиналѣ ѭ, ѩ и є слѣдовало бы объяснять переживаніемъ старины, точнѣе — эпохой (XII в.), изъ которой мы почти не имѣемъ болгарскихъ памятниковъ; ь вмѣсто или при ъ объяснялось бы иной графической школой; ѧ вмѣсто ж послѣ *j'a* указывало бы на иное нарѣчіе оригинала. Сопоставляя эти черты съ тератологическимъ стилемъ заставки и иниціаловъ, мы снова приходимъ къ тому, что оригиналомъ для Болонской псалтыри могъ послужить Тырновскій текстъ конца XII или самаго начала XIII вѣка. Восточно-болгарскіе тексты конца XIII вѣка— Тырновское Евангеліе и Норовская псалтырь еще колеблются между ъ ь, между ж и ѧ послѣ j'a; Норовская псалтырь знаетъ еще и случаи ѭ = ѭ и ѩ. Вотъ новое основаніе для того, чтобы приписать замѣну ъ чрезъ о говору самихъ писцовъ Болонской псалтыри, а не ея оригиналу[2]).

---

1) Варіанты незамѣтно переходятъ другъ въ друга, — всё различіе заключается въ размѣрахъ горизонтальной черты, покрывающей навѣсъ; ее имѣетъ и обычное ѧ.

2) Такимъ образомъ я не нахожу возможнымъ принимать для Болонской псалтыри непосредственный глаголическій оригиналъ. Глаголическія вліянія въ графикѣ Болонской псалтыри (напр. въ системѣ надстрочныхъ выносовъ) носятъ общій характеръ, наблюдаемый въ македонской кирилловской письменности вообще. Нѣсколько словъ, написанныхъ глаголицей, доказываютъ только, что IV-й писецъ свободно владѣлъ и этимъ письмомъ; нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы эти глаголическія слова были механически перенесены изъ оригинала.

Колебанія графики внѣ условій средне-болгарской смѣны юсовъ:

I.

спсать сѧ 111.3, 114.4, трѧцїи сѧ 97.1 — живыя средне-болгарскія формы.

Въ пѫти 200.3 буква ѫ переправлена изъ ѧ; пѧтъı 237.1 = πέδαις. Слова ὁδός и πέντε смѣшиваются уже въ Савв. и Мар., быть можетъ и въ Болонской псалтыри имѣемъ такое-же недоразумѣніе.

Кромѣ того находимъ правдѫ 156.3 при правдѧ 156.4, трапезѫ 33.4, трапезѧ 33.3. Колебанія совершенно единичны и не требуютъ опредѣленнаго объясненія.

продрѭжъ 157.4, и съ другой стороны: исѫчи ἐξήρανας 122.3, исѫчь 177, въ дрѫздѣ 156.4 суть независимые фонетическіе варіанты формъ дрѫж- и сѧч-; хлѫбъ 69.4, хлѫбеи 69.3 можно бы объяснить такимъ-же образомъ.

II.

Замѣна юсовъ неносовыми гласными, кромѣ случаевъ, отмѣченныхъ ниже, основана на ошибкѣ: блвѧщѫ εὐλογήσω 215.1 и блвѧщѫ idem указываютъ на 1. s. блословѧ, которое представлялось писцу. Написанія приселѧтъ вм. 3. s. приселитъ (не приселѧтъ сѧ к тебѣ лѫкавноужи οὐ παροικήσει σοι πονηρευόμενος) 5.1 и исправѧли = исправили (еда исправѧли сѧ пѫти мои ὄφελον κατευθυνθείησαν αἱ ὁδοί μου) 192.3 вызваны недоразумѣніемъ: писцу здѣсь вѣроятно представились въ началѣ 1. s. приселѧ и исправѧ. Въ каплѣ 118.1 ѣ исправлено изъ ѧ особымъ пріемомъ на подобіе лигатуры, чтобы получить nom. sing. изъ nom. plur.; это начертаніе воспроизведено мною на цинкографіи.

Написанія смвтъı 3.2, сомвтъı 53.2 и собот ѫ 78.1.2 встрѣчаются у перваго писца; о этихъ формъ слѣдуетъ сравнивать съ современными охридскими *гло̀бок*, *гло̀бина*, *Гло̀бочица*, *по̀пок*, *по̀пчето*, *го̀лоб*, *голо̀бица*, *кло̀бка*, *кло̀бче*, гдѣ вопреки общему закону говора ѫ = не ъ, а *о*; во всѣхъ этихъ словахъ за ѫ слѣдуетъ губная[1]); варіантъ *сомбота*, не сохранившійся въ

1) Вліяніе губной заключалось повидимому въ томъ, что она измѣнила въ направленіи къ *о—у* положеніе губъ, типичное для Охридскаго ѫ. Возможность перехода въ *о* кромѣ того вѣроятно была дана въ самой природѣ Охридскаго ѫ и ъ; Дебрскіе говоры, состоящіе въ старомъ діалектическомъ родствѣ съ Охридскими, измѣнили всякое ѫ и невыпавшее ъ (слабое, ибо сильное еще ранѣе перешло въ *о* по общему закону) или въ *о* или въ *о*[a], см. Облакъ, Сб. XI. 531.

живомъ Охридскомъ говорѣ, можетъ быть случаемъ спорадическаго сохраненія юсовъ въ видѣ группы «гласная неносовая + носовая согласная», какіе извѣстны изъ современныхъ говоровъ, главнымъ образомъ южно-македонскихъ, но также и другихъ; число такихъ случаевъ въ старину должно было быть больше, ибо съ теченіемъ времени они вытѣснялись нивеллирующимъ вліяніемъ сосѣднихъ говоровъ; можно впрочемъ думать и о вторичномъ заимствованіи изъ греческаго. Во всякомъ случаѣ, при знакомствѣ съ діалектическими условіями болгарскаго языка не можетъ казаться страннымъ допущеніе, что при книжномъ **сѫбота** подъ рукою писца проскользнули и два діалектическихъ народныхъ варіанта этого слова.

Господствующія написанія **помѣни** 11.1, **помѣнѫтъ** 75.3, **помѣни** 126².3, **помѣнѫсте** 241.4 и т. д. имѣютъ **ѣ** разумѣется не изъ **ѧ**.

Строить заключенія о выговорѣ **ѫ** нельзя также на основаніи написаній **ꙗко бритва изоцръена створилъ еси лъстъ** (греч. ξηρόν, δόλον) 86.3 и **варить рѫка кнѫ** προφθάσει χεῖρα αὐτῆς 109.3: въ первомъ случаѣ имѣемъ извѣстное синтаксическое употребленіе настоящаго именительнаго, во второмъ именительный стоитъ вслѣдствіе непониманія греческаго текста.

III.

Изъ словъ, знающихъ уже въ XI вѣкѣ діалектическіе варіанты съ **оу** при **ѫ**, находимъ у перваго писца **нѫждаахѫ сѧ** 62.3 и 4, **нѫжда** 54.2, 62.2 — **ноужда** 62.2, **не замоуди** 67.1; у второго писца **нѫждеѭ** 90.4, 93.2. — **моудѧщоу** 89.2, **не замѹди** 114.2; у четвертаго писца: **нѫжда** 155.4, 217.1, по **нѫжди** 159.4, **нѫждеѫ** 135.4, 247.1, **не замоудитъ** 140.4, **оумоудитъ** 186.4, **не прѣмоуди** 225.2, **мѹждениꙗ** 125.4. Сколько знаю, до сихъ поръ еще никѣмъ не былъ обслѣдованъ вопросъ, какъ распредѣляются эти варіанты на современной болгарской территоріи. Условія для отдѣльныхъ словъ отчасти различны, какъ показываютъ Штипскія формы *гнасно* и *нужда* Сб. X; возможно впрочемъ, что въ этихъ штипскихъ формахъ отозвались вліянія различныхъ говоровъ; въ другихъ говорахъ оба слова измѣняются одинаково, въ Виддинѣ, напримѣръ, находимъ *гнусен* и *нудим* Сб. XIX, въ Охридѣ *гнъсен* и *понада* (въ смыслѣ сербскаго pl. *понуде*). Средне-болгарскіе памятники должны быть тщательно изслѣдуемы съ этой точки зрѣнія, ибо это — примѣта, могущая служить для опредѣленія мѣста

происхожденія рукописи[1]). Ясно, что всѣ три главныхъ писца Болонской псалтыри согласны относительно **нжд-**, **нжжд-**: **ноуждa** встрѣчено только у перваго писца, при томъ однажды, правописаніе **нж-** представлено въ рукописи четырнадцатью примѣрами. Здѣсь, какъ и ранѣе въ **нжтр-**, мы находимъ рѣшительное совпаденіе съ Охридскимъ нарѣчіемъ и рѣшаемся принять, что въ этомъ словѣ писцы уступили своему родному говору; одинокое **ноуждa** относится въ такомъ случаѣ къ оригиналу, который такимъ образомъ обнаруживаетъ еще одну восточно-болгарскую черту.

IV.

ъ на мѣстѣ ж.

I писецъ: **жъ | ждѫщии правдѫ** 68.4, (**адамъ**) **жъдааше присно** 37.2 (**при жѫдаетъ** 68.3.4, **жѫдааше** 68.3).

II писецъ: **нъжда** 90.2 — [**жъдааше бо пришествиꙗ х҃ва** 92.4, **жъдааше бо ꙗвлениꙗ х҃ва** 105.4, ср. **жѫдааше во врѣмене мѫкы** 111.2, **жѫдааше** 89.4].

IV писецъ: **жъдааше бо ѡбращениꙗ** 130.2, **жъдааше с҃пениꙗ** 205.2, **жъдааше евг҃глъскааго г҃ла** 140.4, [**жъдааше бл҃ти ꙗко г҃жѫ своѫ** 209.2], **кънѧѕи жидовъстии присно на х҃а свѣщавааахъ** = -**хѫ**?

ѣ на мѣстѣ ѧ.

I писецъ: **съхранѣ** 1. s. praes.

IV писецъ: 1. s. praes. **исп҃ънѧ и ꙗвлѣ емоу** 151.1, **бл҃вѣ** (partic.) **бл҃вѣ** (1. s. fut.) **тѧ** 253.4 (ср. тамъ-же **множѫ оумножѫ тѧ**) **въ всѣ дни** 149.3.

Написаніе **нъжда** основано на **нѫжда**, ср. выше.

Относительно двойственнаго правописанія **жъдати** и **жѫдати** слѣдуетъ думать, что въ основѣ лежитъ глаголъ **жѧдати**, каковъ бы ни былъ первоначальный смыслъ текста (**жьд-** или **жѧд-**), ибо глаголъ **жьдати** вѣроятно былъ уже вытѣсненъ своимъ ново-болгарскимъ синонимомъ *чекам, чакам*. Формы глагола **жьдати** поставлены въ [скобки].

---

1) Для рукописей XI вѣка эта примѣта къ сожалѣнію даетъ очень мало: Зогр., Савв., Супр. смѣшаны въ этомъ отношеніи (Leskien, Handbuch ⁴ § 21), Psalt. Sin. и Euch. содержатъ слишкомъ мало данныхъ. Маг. и Cloz знаютъ только **нжд-** и это показаніе въ связи съ другими чертами этихъ памятниковъ было бы чрезвычайно важно, если-бы оба памятника не заключали смѣшенія **ж** съ **оу** и обратно.

Эти случаи постановки ъ вмѣсто ж вѣроятно древнѣйшіе по времени въ дошедшихъ до насъ средне-болгарскихъ памятникахъ. Они еще рѣдки въ Болонской псалтыри,—быть можетъ потому, что они еще отсутствовали въ оригиналѣ памятника, а сами писцы Болонской псалтыри обладали извѣстной, условной, грамотностью. Добромирово Евангеліе не знаетъ ни одного достовѣрнаго случая замѣны ж черезъ ъ. По этой примѣтѣ Болонская псалтырь должна быть поставлена во главѣ не-юсовыхъ македонскихъ памятниковъ XIII вѣка, изъ коихъ нѣкоторые оговорены выше. Фонетическому факту перехода ж въ ъ неносовое въ графикѣ памятниковъ соотвѣтствуетъ извѣстная орѳографическая эволюція, которую всегда нужно принимать въ расчетъ. Писцы были связаны традиціоннымъ письмомъ; въ качествѣ случайнаго отклоненія отъ орѳографической нормы подъ ихъ рукою въ началѣ могли появляться отдѣльныя написанія нъжда и т. п., но чтобы обобщить такія фонетическія написанія въ орѳографическое правило, требовалось время; глазъ долженъ былъ привыкнуть къ такому новшеству, что̀ невозможно безъ извѣстнаго накопленія такихъ написаній въ рукописяхъ. Затѣмъ это новшество, достаточно представленное въ рукописяхъ и дошедшее до сознанія писцовъ, должно было быть какимъ-нибудь образомъ примирено со всѣми остальными, традиціонными фактами орѳографіи, а равно съ условіями даннаго нарѣчія.

Такія написанія какъ нъжда не могли, напримѣръ, быть сразу приняты писцами, у которыхъ господствовала система фиктивныхъ полугласныхъ: для нихъ ъ (= ж) должно было казаться маловыразительнымъ; понятно, почему взяла перевѣсъ обратная орѳографія—постановка ж вмѣсто выговариваемаго ъ. Если во второй половинѣ XIII вѣка *эта* манера распространилась и на ъ невыговариваемое, а равно на ъ = о и ъ = ь = е, то это объясняется вообще неблагопріятными условіями македонской письменности: болѣе совершенной реформѣ негдѣ было возникнуть. Въ Болонской псалтыри мы находимъ ж вмѣсто ъ все же чаще, чѣмъ ъ вмѣсто ж.

Случаи замѣны ѧ черезъ ѣ рѣдки, но они поддерживаются случаями ж/ъ; относятся они, быть можетъ случайно, не къ ѧ старому, а къ ѧ полученному изъ ʹж. Въ Охридскомъ Апостолѣ мы находимъ изъ ѭ одинъ разъ ѣ; избавлѣ сѧ 26 б, а изъ ѧ стараго — три раза е: вѣдеще 40 а, възесж сж 8 а; и ѡктевръ; впрочемъ примѣры не вполнѣ доказательны, ибо въ двухъ изъ нихъ е вм. ѧ является въ грамматической категоріи, вѣроятно уже вымершей; кромѣ того въ формахъ глагола ѩти старое ѧ рано

вытѣснялось старымъ **є**, проникавшимъ изъ глагола **ємлѭ—ємати** (=**имати**), ср. Разсужд. 159.

V.

ѫ на мѣстѣ **ь**.

I. **въ сѫ҃ѕахъ** 19.4, **стѫѕѫ** acc. pl. 9.3, 39.3 (ср. **въ с҃ѕахъ** 19.4, **стъѕъ** 25.3, **стъѕѫ** 33.1, **стъѕамъ** 35.1, **стъцѫ** 72.3) **въ стѫгнахъ** 25.2.

IV. **стѫѕа** n. s. 221.2, **стѫѕамъ** 201.1, acc. sing. **стѫѕѫ** 130.3, acc. pl. **стѫѕѫ** 195.1, 221.3, 222.3, 223.3. 226.3, **стѫѕѫ** 201.2. (ср. **при с҃ъѕи** 224.1)[1]).

Если случаи замѣны **ъ** чрезъ **ѫ** относительно рѣдки въ Болонской псалтыри, то это также отчасти объясняется новостью явленія: обозначеніе **ъ** выговариваемаго черезъ **ѫ** только еще возникало: оригиналы вообще еще не знали его; оригиналъ Болонской псалтыри, какъ можно думать, употреблялъ **ѫ** въ словѣ **нѫ** ἀλλά, но писцы самой Болонской псалтыри борются еще съ такимъ правописаніемъ. Можно поставить вопросъ, почему же, кромѣ заноснаго **нѫ**, они ставятъ **ѫ** вмѣсто **ъ** только въ словѣ **стѫѕа** и **стѫгна**? Это объясняется нарѣчіемъ писцовъ: въ македонскомъ нарѣчіи **ъ** сильное перешло въ **о**, и написанія ***тѫкмо**, ***опрѣснѫкъ** и т. п. не могли появиться, пока постановка **ѫ** вмѣсто **ъ** еще не стала манерой. Въ томъ же македонскомъ нарѣчіи **ъ** и **ь** слабыя выпали почти при всякомъ положеніи: написанія ***тѫма**, ***дѫно**; ***дѫска**, ***тѫкати**, ***дѫщерь**, ***вътѫщє** были излишни, ибо писцы произносили *тма*, *дно*, *ткати*, (*д*)*щерка*, *во*(*т*)*ште*. Въ македонскомъ нарѣчіи (если отрѣшиться отъ переходныхъ говоровъ) кажется только четыре слова сохранили полугласную слабую въ видѣ звука **ъ**: **мьгла**, **стькло**, **стьѕа**, **стьгна**; первыя два не встрѣчаются въ Болонской псалтыри, послѣднія два по требованію выговора являются иногда въ написаніи **стѫѕа**, **стѫгна**.

Сущность правописанія **ѫ** вмѣсто **ѧ**.

Относительно фонетической основы средне-болгарскихъ написаній **шѫ**, **жѫ** и т. д. вмѣсто **шѧ**, **жѧ** я подробно высказался въ «Разсужденіи о языкѣ Саввиной книги» и въ «Отчетѣ о присужденіи премій проф. Котлярев-

---

1) **велъ | мѫжъска** 196.2 имѣетъ настоящее **ѫ**, очень рано внесенное въ слово народной этимологіей, ср. **вєльмѫжь** въ Супр. и Bell. Trojan., Mikl. Lex. s. v.

скаго въ 1895 году». Причину такого правописанія слѣдуетъ видѣть въ лабіализаціи, исходившей отъ фрикативной *j* и отъ продуктовъ общеславянскаго переходнаго смягченія звуковъ задне-нёбныхъ и зубныхъ т. е. отъ болгарскихъ **ш**, **ж**, **шт**, **жд**, **ч**, **ц**, **ѕ**. Фонетическое происхожденіе средне-болгарской «смѣны» юсовъ не можетъ быть заподозриваемо; въ памятникахъ «смѣна» послѣдовательно проходитъ по всѣмъ категоріямъ языка и совершенно лишена той искусственности, которой отмѣчено въ нихъ употребленіе полугласныхъ знаковъ и *l* epentheticі. Сами по себѣ написанія **шѫ** вмѣсто **шѧ** и т. д. не предрѣшаютъ однако вопроса объ утратѣ носового характера звуками **ѫ** и **ѧ**, ибо нѣтъ основаній утверждать, что лабіализація не могла дать замѣтныхъ измѣненій звука **ѧ** до этой утраты, какъ съ другой стороны средне-болгарская «смѣна юсовъ» только или почти только между собою нисколько не свидѣтельствуетъ о ихъ носовомъ произношеніи, ибо и неносовые **ѧ** **ѫ** въ первое время своего существованія должны были рѣзко отличаться отъ всѣхъ остальныхъ неносовыхъ гласныхъ языка. При древнѣйшемъ (старославянскомъ) выговорѣ юсовъ (**ѫ** = ǫ, **ѧ** = ę) лабіализованное **ѧ̈** (т. е. *ǫ̈*), если оно существовало, могло настолько отличаться отъ ǫ, что не было никакого повода для смѣшенія этихъ звуковъ на письмѣ или для графическаго отождествленія **шѧ** съ **шѫ**. Только при томъ измѣненіи гласнаго элемента обоихъ юсовъ въ направленіи къ болгарскому **ъ**, на которое указываютъ живые болгарскіе говоры, акустическое сходство между **шѫ̈** и **шѧ̈** должно было усилиться. Когда наступила эта стадія, не можетъ быть опредѣлено за отрывочностью матеріала: ороографія большинства старославянскихъ памятниковъ XI вѣка сильно обусловлена ихъ оригиналами, а памятники XII вѣка почти отсутствуютъ. Спорадическія отклоненія отъ старой ороографіи въ памятникахъ XI вѣка очень похожи на описки. Несомнѣнно одно, что въ самыхъ древнихъ изъ нашихъ памятниковъ даже **ѭ** = ′**ѫ** (т. е. ′*ǫ̈*) еще не смѣшивается съ **ѧ̈**; такого смѣшенія не знаетъ и Добром., откуда можно сдѣлать выводъ, что въ XI—XII вѣкахъ лабіализація той **ѧ** частью еще отсутствовала, частью была слаба.

Встрѣчая въ средне-болгарскомъ памятникѣ XIII в. написанія **шѫтати**, **жѫтва** и т. п., мы не въ состояніи рѣшить, выражаетъ ли **ѫ** лабіализованнное **ѧ̈**, или уже настоящее **ѫ** данной эпохи—не можемъ даже въ томъ случаѣ, если тотъ же памятникъ содержитъ параллельныя написанія **шътати**, **жътва**: для уха сходство между **ѫ** (= ъ̨ или ъ) и **ѧ̈** могло быть очень значительнымъ въ говорахъ, въ которыхъ всякое **ѫ** имѣло губной растворъ

гласныхъ передняго ряда. При всемъ акустическомъ сходствѣ такихъ ж и ӝ ихъ дальнѣйшая судьба могла быть совершенно различной: ӝ, утративъ лабіализацію, подобно ѧ нелабіализованному переходило въ е: *жетва*, *шетам*. Правда, ново-болгарское *жетва* могло получиться и изъ средне-болгарскаго жѫтва съ настоящимъ ж,— именно въ тѣхъ говорахъ, въ которыхъ доля мягкости, сохраненная шипящими, измѣняла и старое ж и старое ъ въ направленіи къ ѧ; это явленіе наблюдается уже въ рукописяхъ второй половины XIII вѣка, но такое вліяніе имѣли въ говорахъ или только шипящая ч (какъ и въ русскомъ нѣсколько болѣе мягкая, чѣмъ ж и ш) или всѣ безъ различія шипящія — при сохраненіи значительной мягкости шипящими даннаго говора вообще; ни въ живыхъ говорахъ, ни въ средне-болгарской письменности мы не имѣемъ никакихъ указаній на то, чтобы въ нѣдрахъ одного и того же говора ш могло отличаться степенью мягкости отъ ж. Такимъ образомъ *жътва* при *шетам* или наоборотъ *жетва* при *шътам* какъ будто указываетъ на средне-болгарское жӝ- при шж-; послѣднее очевидно получалось изъ шӝ вопреки мягкости предыдущаго ш и въ виду какихъ-то другихъ физіологическихъ особенностей звука ш въ сравненіи съ звукомъ ж, или—въ другихъ говорахъ—наоборотъ; иначе нужно будетъ признать, что всѣ говоры типа *жетва—шътам* и типа *жътва—шетам*— говоры смѣшанные въ этомъ пунктѣ.

Въ діалектическихъ изслѣдованіяхъ мы часто бываемъ принуждены ограничиваться подобными теоретическими соображеніями, которыя не могутъ быть провѣрены изученіемъ преемственнаго развитія какого-нибудь опредѣленнаго говора: памятники рѣдко представляютъ намъ одинъ и тотъ же говоръ послѣдовательно, изъ вѣка въ вѣкъ: говоры культурныхъ центровъ часто бываютъ миніатюрны; они или гибнутъ вмѣстѣ съ такими центрами или въ извѣстную эпоху поглощаются наплывомъ населенія, говорящаго на иномъ нарѣчіи; припомнимъ судьбу стараго Дубровницкаго, Новгородскаго, Кіевскаго говоровъ. Въ странѣ равнинной, вслѣдствіе колонизаціи и другихъ передвиженій массъ, исчезаютъ и крупныя нарѣчія или существенно сглаживаются и перемѣщаются. Въ такой странѣ какъ Болгарія, съ древности обнаруживающей необыкновенно глубокое и дробное діалектическое разчлененіе, особенно трудно ожидать, чтобы одинъ и тотъ же говоръ оказался представленнымъ послѣдовательно памятниками различныхъ вѣковъ; истребленіе болгарскихъ рукописей, главнымъ образомъ греческимъ духовенствомъ XVIII — XIX вѣка, и истребленіе стараго

болгарскаго населенія крупныхъ центровъ при завоеваніи страны османами, еще уменьшаетъ такую возможность. Рѣдчайшее, счастливое исключеніе представляетъ Охридское нарѣчіе, извѣстное намъ по крайней мѣрѣ изъ двухъ памятниковъ XIII вѣка и изъ записей XIX—XX вѣковъ. Здѣсь возможно непосредственное сравненіе фактовъ живого нарѣчія съ его собственнымъ прошлымъ. Собственно говоря и въ этомъ случаѣ мы сравниваемъ не Охридскій говоръ XIII вѣка съ его прямымъ потомкомъ XIX—XX вѣка: населеніе Охриды и ея окрестностей подверглось конечно крупнымъ перемѣнамъ; но сопоставленію Охридскаго говора XIII вѣка съ современнымъ не можетъ помѣшать исторически засвидѣтельствованный фактъ, что современное болгарское населеніе Охриды пришлое и сравнительно недавнее. Болгарскіе кварталы въ городахъ возникали вновь въ XVII—XVIII вѣкахъ [1]), но приливъ новаго населенія въ данномъ случаѣ могъ идти только отъ говоровъ, близко родственныхъ старому Охридскому говору, ибо весь западъ центральной Македоніи объединенъ, и съ давнихъ поръ, въ одно большое нарѣчіе, типично отличающееся отъ нарѣчій крайняго юга и сѣвера, а равно и отъ нарѣчій востока страны. Болгарская этнографія приходитъ къ выводу, что населеніе Охридскаго, Битольскаго, Прилепскаго и Велесскаго края по признакамъ быта и расы восходитъ къ старой племенной единицѣ, племени Бърсяковъ, занимавшихъ эти края уже въ византійскую эпоху.

Територія самого Охридскаго нарѣчія настолько обширна, что мы не имѣемъ повода думать, будто въ эпоху турецкаго завоеванія и послѣдующіе

---

1) Кѫнчевъ, Македония, 21, сообщаетъ со словъ «Охридскаго лѣтописца», что въ Охридѣ еще въ 1833 году было всего 1100 домовъ, изъ нихъ христіанскихъ только 202. Теперь въ городѣ около 15,000 жителей, въ томъ числѣ 8000 болгаръ. Современная Охрида состоитъ изъ четырехъ кварталовъ: 1) *Варош*, *или Град*, 2) *Месдкастро*, 3) *Кошишча* (*Кошища*), 4) *Влашка Махала*. Названіе *Кошишча* носитъ кварталъ, который опоясываетъ съ сѣверной стороны подножіе Охридскихъ холмовъ; одной оконечностью этотъ кварталъ соприкасается съ *Месдкастро*, другою доходитъ до Охридскаго озера. Населеніе въ Кошишчахъ турецкое и болгарское, церкви нѣтъ. Сами сѣверные склоны холмовъ не заселены: тутъ было прежде турецкое кладбище, отъ котораго уцѣлѣли кое-гдѣ торчащіе изъ земли камни. Кошишча очевидно поздній кварталъ; его жители и по языку отличаются отъ болѣе старыхъ болгарскихъ насельниковъ: жители Вароша произносятъ *Кошишча*, а жители самого этого квартала *Кошища*, ср. Сб. IV. 54—56. Существуютъ и иныя различія въ говорѣ охридскихъ кварталовъ: въ *Месдокастро*, который также расположенъ внѣ стараго города, произносятъ напр. «*помдзи Бог*»; такъ говоритъ и окрестное сельское населеніе; въ старомъ городѣ последовательно сохраняется *з*, но въ приведенномъ выраженіи оно нефонетически замѣнено чрезъ *ж*: *помджи Бог*, ср. Сб. XVII. 525. Каковы остальныя діалектическія различія въ говорѣ кварталовъ, обнародованные охридскіе матеріалы къ сожалѣнію не указываютъ.

вѣка все старое населеніе Охридской области отхлынуло на сѣверъ, а вся его прежняя территорія была занята пришельцами съ юга. Напротивъ того, внутреннее единство Охридскихъ говоровъ и ихъ органическое родство съ окружающими нарѣчіями—Велесскимъ, Прилепскимъ, Битольскимъ, а равно съ Дебрскимъ нарѣчіемъ, убѣждаютъ насъ, что въ данной территоріи старыя діалектическія границы сохранились нетронутыми. Сопоставляя Болонскую псалтырь съ современнымъ Охридскимъ говоромъ, мы во всякомъ случаѣ сравниваемъ очень близкіе говоры того же нарѣчія. Поправка при сравненіи должна состоять въ томъ, что изслѣдователь обязанъ по разнымъ пунктамъ принимать въ разсчетъ и остальные говоры современнаго нарѣчія средне-македонскаго запада.

Показанія Болонской псалтыри и Охридскаго Апостола вполнѣ согласны въ постановкѣ **ѫ** вмѣсто **ѧ** не только послѣ **ш**, **ж**, **шт**, **жд**, но также послѣ **j**, **ч**, **ѕ** и **ц**. Посмотримъ, что̀ соотвѣтствуетъ этому правописанію на современной діалектической картѣ Охридскаго края и сосѣднихъ македонскихъ областей. Старому **jѫ** изъ **jѧ** въ Охридѣ всегда соотвѣтствуетъ теперь *jъ* въ словахъ *jъзик*, *jъчмен*, *jътърва*, *jъчит* (польское *jęczy* 3. praes.), *зajък*; *jъ* изъ **jѧ** получилось въ начальномъ слогѣ; о судьбѣ группы **jѧ** изъ **jѫ**[1]) послѣ гласныхъ нельзя судить, ибо 1. s. praes. *пиjъм*, *шиjъм*, *сеjъм*, *пеjъм* имѣютъ *jъ* по аналогіи формъ *пишъм*, *jадъм*, *живъм* и формъ *викъм*, *имъм*, т. е. отчасти по аналогіи стараго **ѫ**, отчасти по аналогіи стараго *-ам*; глагольныя окончанія 3. pl. praes. **-ѭтъ** послѣ гласной и partic. на **-ѭщѥ** послѣ гласной имѣютъ теперь *е*: *пеіет*, *пиіет*; *играешчем*, *скокаешчем;* эти послѣднія дѣепричастія образованы очевидно отъ готовой Охридской формы 3. pl. praes. (ср. еще *jадѐешчем*, *пиjѐешчем*, *зборвеешчем*), а сама эта форма всегда оканчивается въ разговорномъ языкѣ на *-ет: пишет*, *зборвет*, *jадет*, *живет*, *викет*, *търкълет* Сб. XVIII. 541, при чемъ само *-ет* восходитъ къ *-еет;* памятники народной словесности въ записяхъ послѣднихъ

Различіе между *з* и *ѕ*, между *щ* (= *шт*) и *шч* можетъ существовать и въ говорахъ, связанныхъ самымъ тѣснымъ историческимъ и территоріальнымъ родствомъ. Оба различія существуютъ, напримѣръ, въ Дебрскихъ говорахъ, гдѣ *ѕ* теперь почти исчезло, а по признаку *шч*/*шт* современная Дебрская территорія дѣлится на два поднарѣчія, ср. Извѣстия на семинара по слав. фил. при Унив. София за 1904 и 1905, стр. 269.

1) **j** принимается нами какъ условное обозначеніе: только судьба той или другой группы въ томъ или другомъ положеніи можетъ опредѣлить, что̀ вѣроятнѣе — **jѫ** или **і̯ѫ**, *аjѫ* или *аі̯ѫ*.

десятилѣтій еще содержатъ отчасти стадіи *ēт*, *e͡eт*, *eeт*[1]), при чемъ въ видѣ *-eeт* является почти всегда и старое ѧѭтъ[2]). Такія новѣйшія формы какъ *търкъл̑ет* (Сб. XVIII. 541), *закòльвет*, *занèсвет*, *напрàет* «сдѣлаютъ» *искỳсет* (Са. XIII. 194—200) уже своимъ удареніемъ ясно указываютъ на *търкъл̑еет* и т. д., а это восходитъ къ *търкъл̑ает*: охридское удареніе фиксировано на третьемъ слогѣ съ конца, ср. s. praes. *тъ̀ркъл̑ъм*, *тъ̀ркъл̑ъш*, *тъ̀ркъл̑ът* и plur. *търкъ̀л̑ъме*, *търкъ̀л̑ъте*. Если при образованіи общей формы на *-eeт* аналогія исходила отъ формъ на -ѧѭтъ, -ѣѭтъ и отъ формъ, соотвѣтствующихъ словенскимъ *berejo*, *pišejo*, *molijo*, то необходимо принять, что въ данномъ положеніи слышалось не јѫ, а і̯ѫ, откуда далѣе і̯ѧ, ѧ, *е*. То же самое мы находимъ и въ винительномъ *нèе*, *іе* = ѭ (Сб. XVIII. 536); тогда и *зајък* сохранило свое *јъ* только благодаря какой-то аналогіи. Фонетическій переходъ -јѫ въ -јѧ принималъ Облакъ (Mac. St., 113); ниже я предлагаю иное объясненіе; во всякомъ случаѣ измѣненіе і̯ѫ въ ѧ должно было произойти позднѣе эпохи Болонской псалтыри, которая при всякомъ положеніи имѣетъ ѫ (ѭ) вм. јѫ. Впрочемъ Охридскіе тексты содержатъ также формы *неіа* и *іа*, при чемъ въ такихъ текстахъ *іе* употребляется, повидимому, передъ глагольной формой, а *іа* послѣ. Кромѣ того въ Охридскихъ текстахъ формула *да се скрàіа òт нас* «пусть будутъ далеко отъ насъ» Сб. XIII. 37 слѣд. встрѣчается и въ правописаніи *да се скрае* ibid. Быть можетъ, неударяемое *а*ъ всякаго происхожденія (=*а*, ѫ) послѣ і̯ измѣнилось въ направленіи къ *е*ъ, которое лишь не схвачено авторами записей? Это *е*ъ, какъ и восточно-болгарское *ѐ* = ъ, можетъ быть относимо только къ сравнительно позднему времени.

Діалектическая область фонетическаго јѫ-, јъ- изъ јѧ составляетъ въ западной Македоніи сплошную и обширную территорію; на сѣверѣ она захватываетъ Дебръ и Скопье, на востокѣ Велесъ, Штипъ, Прилепъ, на югѣ Охриду, Рѣсенъ и Битоль, съ запада границу составляютъ Албанцы. Говоры къ югу и востоку отъ очерченной территоріи *теперь*, повидимому, свободны отъ этой особенности, которая на восточно-македонской окраинѣ появляется

---

1) *ē* обозначаетъ долгое *е* изъ стяженія двухъ *е*, *e͡e* — предшествующую стадію: дифтонгическое сочетаніе *е̯е*.

2) Ср. лѐгаетъ (вѣроятно варіантъ діалектическаго происхожденія), умиреет, влѐзеет, бидеет, глѐдеет и задирет Сб. III. 130. 180; вѐлеет. потỳрчеет, загỳбеет. Сб. V. 94; береет, седеет, викеет Сб. XI. 582 сл.; сéдеет, мóжеет, бдеет, глéдеет Сб. XI. 1—24; и игрет, фърлет, ткает, плетет, точет, белет, пиет, одет, зборвет Сб. VIII (Лазарскія пѣсни); *думет* «думаютъ» Сб. XIII. 194 слѣд.

вновь — по линіи Кюстендиль, Джумая, Банско и переходитъ въ предѣлы Болгаріи и Ѳракіи. Можно думать, что јѧ̈ было получено на всей македонской территоріи: говоры, лежащіе къ югу[1]) отъ дугообразной линіи Битоль, Прилепъ, Щипъ, Джумая, Банско, утратили лабіализацію; говоры окраинъ, сѣверной и западной, сохранили ее и далѣе развили јѧ̈ въ *јъ*, откуда діалектическія *јо* (Дебръ) и *ја*. Утрата лабіализаціи еще продолжалась въ XIII вѣкѣ, какъ показываютъ вѣроятно нѣкоторые изъ памятниковъ, употребляющіе и (ј)ѫ и (ј)ѧ смѣшанно, но имѣлъ ли Охридскій говоръ въ XIII вѣкѣ еще јѧ̈ или уже јѫ, мы рѣшить все-таки не можемъ.

Почти послѣдовательному чѫ (= чѧ) Болонской псалтыри и Охридскаго Апостола въ новыхъ Охридскихъ текстахъ соотвѣтствуетъ теперь *че-*: *чѐдо*, *бра̀чед*; но въ описаніи говора города Охриды (Сб. XVIII. 529) Спростановъ говоритъ, что при *чѐсто*, *бра̀чед*, *бра̀тучед*, вмѣсто *чедо* «произносится также и «*чѣдо*, гдѣ ѧ = ъ» (sic); если *ѣ* въ *чѣдо* не опечатка изданія (вм. *ъ*), оно можетъ обозначать только ꙇъ, т. е. весьма неудачную транскрипцію группы *'ъ*, и такимъ образомъ указываетъ на мягкое *ч* передъ *ъ*. Болѣе *чъдо* пока нигдѣ не отмѣчено[2]). Внѣ Болонской псалтыри и Охридскаго Апостола чѫ вм. чѧ составляетъ рѣдкость и въ средне-болгарской письменности; но въ Демиръ-Хиссарѣ Облакъ при *чедо* отмѣчаетъ *чъсто* = чѧсто (Сб. XI. 544). Очевидно Охридское *чъдо* и Демирхиссарское *чъсто* — или остатки основной фонетической формы данныхъ двухъ говоровъ, устраненной вліяніемъ ближайшихъ сосѣдей съ юга, или дублетъ, заимствованный нѣкогда данными говорами отъ такихъ сосѣдей, которые позднѣе сами утратили эту черту подъ вліяніемъ окрестнаго населенія. Такъ представляется дѣло теоретически. Взглядъ на карту убѣждаетъ насъ, что остатки стараго *чъ-* изъ чѧ- сохранились на двухъ окраинахъ; между ними лежитъ обширная область, вообще утратившая лабіализацію; но нѣкогда чѧ̈ было послѣдовательно проведено въ прежнемъ Охридскомъ говорѣ; о томъ свидѣтельствуютъ Болонская псалтырь и Охридскій Апостолъ; необходимо принять, что чѧ̈ было получено нѣкогда на западно-македонской территоріи всюду, гдѣ јѧ черезъ јѧ̈ развилось въ јѫ; но что не всѣ говоры этой территоріи получили потомъ

---

1) Къ сожалѣнію какъ разъ по этимъ говорамъ (Гевгели, Струмица, Петричъ, Мелникъ, Радовишъ и др.) изданный діалектическій матеріалъ очень недостаточенъ.

2) Родопскія *чоста гора*, *зачоха*, приводимыя проф. Лавровымъ (Обзоръ 32), основаны не на переходѣ чѧ въ чѫ, а на измѣненіи всякаго ѧ въ 'ѫ.

чѫ изъ **чѫ̈**; по свидѣтельству Облака, одинъ Дебрскій говоръ[1]) и сейчасъ стоитъ на стадіи *če*ᵒ = **чѫ̈**. Впрочемъ это Дебрское *če*ᵒ, какъ и *če* другихъ говоровъ, могло получиться уже изъ *čъ*- подъ вліяніемъ бóльшей мягкости болгарскаго *ч;* въ этой послѣдней и заключалась причина, фонетически устранявшая **чѫ̈**, **чѫ** въ средне-болгарскую эпоху. Однако съ увѣренностью выводить *че*- изъ *чъ*- нельзя, ибо діалектическія *черни*, *желти*, на которыя при этомъ можно бы ссылаться, сами могли имѣть при перестановкѣ еще не **ъ**, а лабіализованное **ъ̈**. Источникомъ лабіализаціи была не мягкость предшествующихъ звуковъ, а ихъ особый фрикативный элементъ, поэтому въ болѣе позднюю эпоху мягкость легко могла стать источникомъ утраты лабіализаціи; въ виду того однако, что старое **ѫ** (не **ѭ**) во второй половинѣ XIII вѣка подъ вліяніемъ предшествовавшей мягкой шипящей во многихъ говорахъ измѣнялось въ **ѧ**, теоретически возможно также допущеніе, что *че*- непосредственно получалось изъ *чъ*-, то есть фонетическій путь былъ или 1) **чѧ**, **чѧ̈**,**чѧ**, *če* или 2) **чѧ**, **чѧ̈**, **чѫ**. **чъ**, *čë*, *če*. Болонская псалтырь и здѣсь не рѣшаетъ вопроса, но допуская второй, кружный и болѣе долгій путь, мы должны будемъ признать, что онъ пройденъ въ чрезвычайно краткій срокъ, ибо въ памятникахъ XI—XII вѣка лабіализація почти еще не сказалась, а къ концу XIII вѣка она уже исчезаетъ; въ эту эпоху и старое **чѫ** по говорамъ измѣняется въ **чѧ**, а еще ранѣе, по крайней мѣрѣ для македонскихъ нарѣчій, наступаетъ эпоха «**ѫ** = *ъ* и **ѧ** = *e*». Это какъ будто говоритъ въ пользу того, что старое **чѫ̈** сначала достигло стадіи **чъ**, а затѣмъ вмѣстѣ съ **чъ**, полученнымъ изъ стараго **чѫ**, стало измѣняться въ направленіи къ *че*. Возможно, что одни болгарскіе говоры, ранѣе охваченные лабіализаціей, шли болѣе долгимъ, кружнымъ путемъ, другіе—болѣе краткимъ. Въ этомъ случаѣ средне-болгарскіе памятники, знающіе написанія 1. s. praes. **плачѧ**, acc. s. **тѫчѧ** и т. п., указывали бы на говоры перваго разряда. Болонская псалтырь не знаетъ **чѧ** изъ стараго **чѫ**; вѣроятнѣе поэтому, что **чѫ** Болонской псалтыри изображаетъ **чѫ̈** лабіализованное.

Послѣдовательному **шѫ**- и **жѫ**- Болонской псалтыри и Охридскаго апостола въ современномъ Охридскомъ говорѣ и сосѣднихъ соотвѣтствуетъ *ше*-, *же*-: *жѐтва*, *жеден* (Сб. XVIII. 529), *шетал* (Сб. III. 130 сл.). Область **шѫ**-, **жѫ** начинается теперь на сѣверо-востокъ отъ Охриды — по линіи

1) Oboki: in *čedo* klingt das *e* etwas *ö*-artig, Mac. Stud. 26.

Прилепъ-Штипъ-Банско. Дебрскіе говоры, лежащіе на сѣверъ и сѣверо-западъ отъ Охриды, знаютъ только јѫ (*јо-*, *јъ*); шѫ и жѫ являются въ нихъ въ видѣ *ше-*, *же-* (Oblak, Mac. St.). На всемъ югѣ Македоніи, отъ Костура до Сухо, мы не находимъ теперь никакихъ слѣдовъ средне-болгарскаго перехода ѧ въ ѫ. Облакъ (Mac. St.) и понималъ это въ томъ смыслѣ, что эта область вовсе не была затронута этимъ фонетическимъ процессомъ. Между тѣмъ Болонская псалтырь и Охридскій Апостолъ при сравненіи съ современными Охридскими говорами наводятъ на мысль, что въ Македоніи смѣна ѧ на ѫ захватывала территорію обширнѣе нынѣшней и могла сильно сократиться къ концу средне-болгарской эпохи. Современное распространеніе формъ *јъзик*, *шътамъ*, *жътва* и *чъдо* можетъ свидѣтельствовать о томъ, что утрата лабіализаціи шла съ юга и, захватывая центральные говоры, давала въ нихъ различные діалектическіе результаты. Границы сохранившагося *јъ*, *чъ*, *жъ*, *шъ* (изъ лабіализованныхъ јӓ, чӓ, жӓ, шӓ) оказались поэтому неодинаковыми; для каждаго изъ этихъ звуковъ на картѣ намѣчается особая линія; однако эти линіи почти совпадаютъ въ своей средней части (Прилепъ-Щипъ-Джумая-Банско); существенно расходятся онѣ только на окраинахъ—западной и восточной, примыкавшей къ Родопскимъ и Фракійскимъ діалектамъ. Что утрата лабіализаціи шла съ юга къ сѣверу, а не въ обратномъ направленіи, ясно указываетъ исторія Охридскаго нарѣчія, которое въ XIII вѣкѣ еще имѣло черты, отсутствующія теперь на югѣ, но сохранившіяся къ сѣверу отъ Охриды.

Написаніе жъждѧщи особенно цѣнно, какъ рѣдчайшее въ средне-болгарскихъ памятникахъ. На первый взглядъ оно стоитъ въ самомъ рѣзкомъ противорѣчіи съ современными Охридскими *жеден*, *жетва* Сб. XVIII. 529. Выше говорено, что современное діалектическое *же-* *ше-* (изъ жѧ-, шѧ) въ извѣстныхъ говорахъ легко можетъ восходить къ средне-болгарскому жѫ, шѫ съ ѫ неносовымъ (= ъ). Но для Охридскаго говора мы не имѣемъ повода думать о такомъ пути фонетическаго измѣненія, а равно не принуждены допускать, что въ этомъ пунктѣ современное Охридское нарѣчіе въ основѣ расходится съ Охридскими говорами XIII вѣка). Дѣло въ томъ, что жъ- въ жъждѧщи можетъ изображать не только настоящее ъ изъ ӓ, но также ӓ: въ графикѣ Болонской псалтыри ъ уже присвоиваетъ себѣ иногда функціи знака ѫ, вслѣдствіе чего оно можетъ выражать всѣ звуки, изображаемые этимъ послѣднимъ, въ томъ числѣ и звукъ ӓ, коего смѣшеніе съ неносовымъ ѫ (= ъ) извѣстнаго образованія, какъ ука-

зано выше, чрезвычайно близко. До сихъ поръ въ средне-болгарской письменности не можетъ быть указано ни одного памятника, принципіально отличающаго ѧ̈ отъ ѧ и отъ ѫ[1]).

Утрата носовыхъ гласныхъ.

До сихъ поръ мы говорили о средне-болгарскихъ ѫ, ѧ и ѧ̈, обходя вопросъ, сохраняли-ли они свой носовой характеръ. Это было возможно на томъ основаніи, что при измѣненіи ѧ въ ѧ̈ и въ ѫ главную роль игралъ не ринезмъ, а другія физіологическія условія образованія этихъ звуковъ. Выше, въ отдѣлѣ о палеографіи (стр. 75—83), я говорилъ, что вторая половина XIII вѣка отмѣчена въ македонско-болгарскихъ рукописяхъ такимъ смѣшеніемъ знаковъ носовыхъ и неносовыхъ, которое свидѣтельствуетъ объ утратѣ

---

1) Въ Archiv'ѣ Ягича т. XXVII.3 переизданъ вновь Минейный Листокъ Григоровича съ краткимъ обзоромъ языка этого отрывка. Авторъ этой статьи полагаетъ, что въ Минейномъ листкѣ для «лабіализованнаго» ѧ существуетъ особый знакъ, отличный отъ юса малаго и юса большаго. Мнѣ кажется, что взглядъ этотъ основанъ на недоразумѣніи. Минейный листокъ дѣйствительно знаетъ три юсовыхъ знака, послѣдовательно употребляемые:

1. а обозначаетъ всякое средне-болгарское ѧ (изъ ѧ стараго и изъ 'ѫ): большинство примѣровъ случайно приходится на постпозитивное са послѣ глагольныхъ формъ (20), одинъ на са передъ глагольной формой, три на мѣстоименіе та; кромѣ того слѣдующіе случаи: изводащи, вѣ͡латьса, капать 3 pl. praes., ѿ зема, готоващѧса, гл͡ащє bis., м͡ащи (-молащи).

2. ѧ (одинъ разъ, въ словѣ на славѧ, встрѣчаемое въ варіантѣ: не съ т, а съ ϒ внутри) обозначаетъ всякое средне-болгарское ѫ (изъ ѫ стараго и изъ ѧ), *но только въ срединѣ слога*: жѧло, выпиꙗхѧ, тьлѧ (такъ слѣдуетъ читать), тѧ (слѣдуетъ понимать какъ тѫ αὐτήν), acc. s. м͡нтвѧ, acc. s. f. неꙋсыпаѫщѧ, acc. s. ходатаицѧ, acc. s. f. непостыднѧ, acc. s. бц͡ѧ, 3. pl. высхыщаахѧ, сѧщє, [прѣ]дь, сташѧ, погрєбошѧ (ѧ еще видно въ лупу), на похвалѧ, дивѣхѧ са, 1. s. praes. вниж͡ѧ, готоващѧ са, на славѧ, acc. s. єднѧ, acc. s. f. прѣст͡ѧѫ, дв͡ѧ acc. s., вѣроятно чт͡ѧѫ съ затекшимъ ѧ, зовѧщє рѧцѣ, acc. s. дш͡ѧ, acc. s. f. дш͡ѧ нашѧ, 3 pl. приведѧт са bis, в рѧцѣ, прѣсловѧщиꙗ (слѣдуетъ понимать какъ прѣсловѫщиꙗ), исповѣдаѫщѧѫ acc. pl. (ѧ исправлено изъ о?), acc. s. бц͡ѧ.

3) Знакъ ѫ употребляется въ смыслѣ средне-болгарскаго ѫ, *но только въ началѣ слога*: приѫти, приѫла, єѫжє, поѫщи, неꙋсыпаѫщѧ, раꙋѫщє, поѫщє, с тобоѫ, прьѫьств (ꙋ)ѫть, б͡жиѫ g. s. f., сьзываѫщє, ѡбьстоѫщє, вьздыхаѫщє, прѣст͡ѧѫ, ч͡тѧѫ (ѧ затекшее), давы͡скыѫ acc. pl., єѫ g. s. f., б͡жиѫ g. s. f., поѫщє, исповѣдаѫщѧѫ.

Всѣ примѣры знака ѫ относятся или къ старому jѫ или къ старому jѧ. Если сопоставить съ этимъ то обстоятельство, что послѣ гласныхъ совершенно послѣдовательно пишется ꙗ: ст͡ꙗ, непорочнаꙗ, бл͡женаꙗ, прѣсловѧщиꙗ, сьмотрениꙗ, вьпьꙗхѧ, вьпиꙗшє bis, расѣꙗни, патриꙗрхь, крьстиꙗньскы (всего 21 примѣръ и ни одного зіянія!), мы поймемъ смыслъ знака ѫ: онъ потребовался въ данномъ говорѣ для выраженія jѫ и jѧ̈ (или ꙇѫ, ꙇѧ̈). Никакого иного вывода носовые знаки отрывка не допускаютъ; такъ, напр., они не даютъ повода говорить о неносовомъ выговорѣ юса большаго. Вѣкъ памятника совершенно вѣрно былъ опредѣленъ Срезневскимъ: листокъ относится къ XIII вѣку, именно ко второй его половинѣ, хотя и не къ концу ея. Смѣшенія ы съ и еще нѣтъ: Давы͡скыѫ пѣ͡ны, v. 20 (вмѣсто пѣ͡ни) есть одна изъ ошибокъ изданія.

ринезма массой болгарскихъ говоровъ. Это объясненіе въ такой мѣрѣ подсказывается шаткой графикой той эпохи, что фактъ языка могъ быть формулированъ въ качествѣ палеографической примѣты. Въ самомъ дѣлѣ, для указанной эпохи смѣна ѫ/ъ не ограничена никакими условіями, кромѣ нѣкоторой графической инерціи, и можетъ быть понимаема какъ отраженіе фонетическаго процесса, уже завершеннаго. Напротивъ того, говоря, что въ предыдущемъ разрядѣ письменности (первой половинѣ XIII вѣка) смѣшеніе носовыхъ знаковъ съ неносовыми встрѣчается рѣдко и ограничено извѣстными случаями, я удовольствовался для цѣлей палеографіи внѣшней, графической формулировкой явленія. Безъ особаго анализа каждой отдѣльной рукописи и безъ сравненія показаній отдѣльныхъ рукописей между собою мы, на основаніи этихъ рѣдкихъ написаній, не можемъ утверждать утраты ринезма даже для отдѣльныхъ говоровъ первой половины XIII вѣка. Общія соображенія и для этого разряда говорятъ въ пользу утраты ринезма многими говорами.

Только анализъ самихъ начертаній ⰵ и ⰵ дѣлаетъ несомнѣннымъ, что говоръ Первоучителей обладалъ носовыми звуками. Для послѣдующей эпохи теоретически можно утверждать только то, что знаки ⰵ ⰵ и ѫ ѧ обозначали какіе-то звуки, отличные отъ всѣхъ остальныхъ звуковъ языка; состояло-ли это отличіе въ ринезмѣ или въ чемъ нибудь иномъ, мы теоретически рѣшить не можемъ, ибо знаки употреблялись уже по инерціи, и новое столь же характерное фонетическое содержаніе могло явиться на смѣну старому. Если для нѣкоторыхъ рукописей XI вѣка мы тѣмъ не менѣе установляемъ носовое произношеніе юсовъ, то мы руководствуемся слѣдующими соображеніями: во-первыхъ, мы принимаемъ въ разсчетъ относительную близость этихъ рукописей къ эпохѣ Первоучителей. Во-вторыхъ, мы находимъ опору въ томъ, что говоръ Первоучителей и говоры рукописей XI вѣка суть діалекты болгарскаго языка и могутъ быть повѣряемы живыми болгарскими говорами; анализъ начертаній ⰵ и ⰵ заставляетъ видѣть въ юсахъ говора Первоучителей носовое *о* и носовое *е*, а живые болгарскіе говоры убѣждаютъ насъ, что въ какую-то эпоху эти-же звуки стали носовыми ъ и ь. Склонность ǫ къ ъ̨ развивалась вѣроятно уже въ теченіе XI вѣка, при слабомъ или исчезнувшемъ ринезмѣ мы ожидали бы такимъ образомъ уже въ XI вѣкѣ: въ говорахъ, недоразвившихъ эту склонность — смѣшеніе ѫ съ о хотя-бы спорадическое, въ говорахъ, развившихъ ее сильнѣе — такое же смѣшеніе ѫ съ ъ. Полное отсутствіе того и другого въ такихъ памятникахъ, какъ Саввина книга, говоритъ въ пользу довольно сильнаго ринезма.

Для рукописей второго средне-болгарскаго разряда [1]) (1-я половина XIII вѣка) противъ ринезма говоритъ уже близость ихъ по времени къ слѣдующему, третьему разряду: говоры съ утраченнымъ ринезмомъ уже должны были существовать; изъ говоровъ, сохранявшихъ ринезмъ, во многихъ онъ долженъ былъ быть уже слабымъ. Кромѣ того, также по сравненію съ третьимъ разрядомъ, мы должны будемъ принять, что старый ѫ давно содержалъ уже не гласную о, а гласную ъ. Такимъ образомъ при отсутствіи или слабости ринезма мы заранѣе ожидаемъ встрѣтить въ рукописяхъ второго разряда случаи смѣны ъ/ѫ. Но мы не ожидаемъ ихъ встрѣтить въ такомъ количествѣ, какъ въ третьемъ разрядѣ, который отмѣченъ паденіемъ графическихъ традицій, между тѣмъ какъ второй разрядъ характеризуется ихъ искусственной реставраціей. Такимъ образомъ и помимо фонетическихъ причинъ мы ожидаемъ въ Болонской псалтыри менѣе колебаній между ъ и ѫ, нежели въ Боянскомъ Евангеліи.

Изученіе Тырновскихъ рукописей конца XIII вѣка и XIV вѣка приводитъ къ убѣжденію, что въ Восточной Болгаріи въ первой половинѣ XIII вѣка, при Асѣнѣ II, поддерживалась болѣе правильная графика, и дальнѣйшее упорядоченіе правописанія шло безостановочно, пока не завершилось реформой Евфимія. Евфимій только подвелъ итоги орѳографической работѣ предшествующихъ полутораста лѣтъ. По самому свойству восточно-болгарскаго нарѣчія реформа была здѣсь легче, чѣмъ въ Македоніи: восточно-болгарское ѣ не смѣшивалось съ є, ъ почти никогда не переходило въ о, и слѣдовательно такого перехода не приходилось маскировать на каждомъ шагу; поэтому быть можетъ не возникала и мысль маскировать є полученное изъ ь; манера фиктивныхъ полугласныхъ не развилась. И общія условія независимаго, болѣе обезпеченнаго государства благопріятствовали болѣе практичной и единообразной реформѣ. Въ старыхъ хорошихъ текстахъ не могло быть недостатка при Тырновскомъ дворѣ; патріаршіе и царскіе писцы выпускали въ свѣтъ не народныя поддѣлки подъ старину, а болѣе тщательныя подражанія. Отклоненія, признанныя неизбѣжными, вырабатывались осторожно и шли изъ одного центра. Въ Восточной Болгаріи повидимому не возникала упрощенная «одноюсная» орѳографія; лишняя полугласная не выбрасывалась, а получала новую функцію: тенденція сдѣлать ъ знакомъ новоболгарскаго глухого

1) Вторично оговариваюсь, что выше палеографическія примѣты были установлены главнымъ образомъ для рукописей нарѣчія *о/е* (македонскаго); о восточно-болгарскихъ рукописяхъ рѣчь идетъ ниже.

ъ, а ь сохранить въ качествѣ безгласнаго знака, сказывается уже въ к. XIII вѣка, а въ XIV она очень ясна еще до Евѳимія, въ школѣ царя Іоанна-Александра[1]). Имѣя для глухого спеціальный знакъ ъ, восточно-болгарскіе писцы не нуждались для той же цѣли и въ суррогатѣ ѫ, т. е. не имѣли надобности писать мѫгла, тѫма, чтобы избѣжать выговора *мгла*, *тма*. Но почему такъ рѣдки ошибки обратнаго характера? Почему восточно-болгарскіе писцы такъ послѣдовательно писали въ к. XIII вѣка (Норовская псалтырь) и въ XIV (Евангеліе Іоанна-Александра 1356 г.) только нѫ вмѣсто нъ, ἀλλά, а во всѣхъ остальныхъ случаяхъ ставили всегда ъ? отклоненія отъ этого правила, указанныя выше — случайны или сомнительны. Одной грамотностью это трудно объяснить, ибо напримѣръ писецъ Норовской псалтыри въ другихъ случаяхъ рѣзко выдавалъ свой выговоръ: онъ пропускаетъ l epentheticum несравненно смѣлѣе, чѣмъ рукописи Іоанна-Александра, и подобно имъ часто пишетъ ꙁ вмѣсто ѕ, ѕ; l epentheticum еще не вошло въ обязательное правило, какъ полувѣкомъ позднѣе; и колебаніе между ꙁ и ѕ ѕ отражало живую діалектологію эпохи: справка съ «говорами *dz*» не давала писцамъ полнаго критерія. Но что, если такой критерій существовалъ для правильнаго употребленія ѫ? Что, если къ услугамъ писцовъ кромѣ исправныхъ текстовъ существовали еще живые современники съ послѣдовательнымъ ринезмомъ? При такомъ условіи и писцы, утратившіе ринезмъ, могли достигать *повышенной* грамотности. Недошедшій до насъ знаменитый Наказъ писцамъ, изданный славнымъ Евѳиміемъ, одинъ могъ бы разрѣшить этотъ вопросъ. Но дѣло во всякомъ случаѣ имѣетъ такой видъ, что въ XIII—XIV вѣкѣ въ Восточной Болгаріи еще существовали говоры по крайней мѣрѣ съ слабымъ носовымъ выговоромъ. Каждая отдѣльная рукопись, особенно—рукопись роскошная, каллиграфическая, какова Норовская псалтырь, ничего не доказываетъ въ этомъ отношеніи, но общая повышенная грамотность по отношенію къ ѫ говоритъ за то, что въ ту эпоху говоры съ ринезмомъ еще не перевелись въ Восточной Болгаріи. Евѳимій и его предшественники могли опираться на эти говоры.

Памятниковъ восточно-болгарскаго происхожденія я выше не касался; разсмотрю здѣсь тѣ изъ нихъ главнымъ образомъ, которые относятся къ XIII вѣку.

---

1) Проф. Цоневъ (Кюстендилско четвероевангелие, Пер. Спис., кн. LXVI) рѣшительно не правъ, полагая, что до послѣдняго времени мы не могли прослѣдить эту реформу въ древность далѣе румынскихъ текстовъ XV вѣка.

Что касается грамоты, выданной Іоанномъ Асѣнемъ Дубровчанамъ (Изв. Русск. Археол. Института въ Константинополѣ т. VII.1, 25—39), то неносовой характеръ юсовъ въ говорѣ ея писца доказывается кажется примѣрами: **дѡ кѡꙗ либѡ землѣ или хоры, карвоунъскыѣ хоры**, и примѣромъ (П)**раслава**. Но восточно-болгарское происхожденіе этой грамоты не доказано: языкъ ея не содержитъ указаній на опредѣленное болгарское нарѣчіе, а ея содержаніе позволяетъ предположить, что она выдана не изъ Тырновской, а какой-то Македонской канцеляріи Іоанна Асѣня немногимъ позднѣе Клокотницкой битвы (1230 г.). Такимъ образомъ, очень возможно, что данныя этой грамоты только подтверждаютъ уже извѣстное по другимъ источникамъ неносовое произношеніе юсовъ въ юго-западномъ нарѣчіи XIII вѣка. Въ качествѣ памятника дѣлового, а не литургическаго, грамота вообще больше выдаетъ живой языкъ эпохи, нежели почти одновременная съ нею Болонская псалтырь.

Совершенно иной характеръ носитъ Тырновская побѣдная надпись 1230 года. Ея мѣстное происхожденіе ничѣмъ не заподозривается: **црькѿ** въ качествѣ литургическаго заимствованія и въ восточно-болгарскихъ памятникахъ XIII—XIV вѣка является съ **о**; **тькмо** сохраняетъ въ надписи полугласную. Правописаніе архаично: юсы ни разу не смѣшиваются съ гласными неносовыми; при **ѧ** употребляется по старому и **ѩ**. Вмѣсто **ѭ** находимъ уже **ѫ**, но также **ѩ** и особое — △ (нижніе углы внутри отчеркнуты); ἀλλά является еще въ старомъ правописаніи **нъ**. Но изъ отсутствія **ъ** вм. **ѫ** или **ѣ** вм. **ѧ** въ довольно краткой надписи нельзя дѣлать рѣшительныхъ выводовъ, особенно въ виду литургическаго характера ея содержанія и языка.

Обратимся къ восточно-болгарскимъ памятникамъ болѣе обширнымъ.

Евангеліе Іоанна-Александра 1356 года (Scholvin, Archiv VII.1.2) допускаетъ предположеніе, что **ѧ** уже приблизилось къ **е**: **десете** = **десѧте** bis, **памѣ̄**, partic. **оуче** = **оучѧ** etc, и наоборотъ **чѧтыри**, **възлѧжѫщемъ**, **начѧнѫтъ**, хотя въ двухъ послѣднихъ примѣрахъ настоящее **ѧ** могло быть внесено аналогіей. Относительно **ѫ** указанія еще скуднѣе: 3 pl. **мльчахъ** вм. -**хѫ** можетъ быть и опиской; **съсѣдъ** всегда пишется съ **ъ**; тоже правописаніе находимъ и въ Норовской псалтыри, почему можно думать, что въ Восточной Болгаріи, по крайней мѣрѣ въ книжномъ языкѣ, **сѫ-** было вытѣснено приставкой **съ-**; кромѣ того, Тырновское Евангеліе послѣдова-

тельно пишетъ нж ἀλλά. Объ этой средне-болгарской особенности мы уже говорили.

Не трудно видѣть, что показанія противъ носового выговора юсовъ въ этомъ памятникѣ иного характера, нежели въ Болонской пс., и во всякомъ случаѣ совершенно недоказательны относительно ж. Не касаясь другихъ памятниковъ XIV вѣка, возвращаюсь къ XIII-му, на которомъ сосредоточивается мое изслѣдованіе.

Тырновское Четвероевангеліе 1273 года можетъ быть безъ колебанія отнесено къ восточно-болгарскимъ памятникамъ не только по мѣсту написанія, но и по нарѣчію: о вм. ъ встрѣчается въ этомъ памятникѣ или въ соотвѣтствіи съ восточными говорами: то αὐτός, опрѣснокъ, или—чаще всего—въ словахъ церковно-книжныхъ: црьковъ, смоковница, врътопъ; искусственно-книжнымъ можетъ быть дновнжѭ «дневную» съ о не изъ ъ; остаются два случая ко мнѣ и въсѣко = вьсѣкъ: первый могъ быть перенесенъ изъ оригинала, послѣдній едвали не ошибка.

Для смѣшенія юсовъ съ гласными неносовыми и этотъ памятникъ не даетъ достовѣрныхъ показаній: недоказательно смѣшеніе ж съ ъ: единственный примѣръ оусъмните при оусжмьнѣ, оусжмнѣша случай тогоже рода, какъ выше разсмотрѣнный съсѣдъ вмѣсто сжсѣдъ; въстръзажте, помышлѣжте = -ꙗте = -акте не доказываютъ выговора ж какъ «глухое» a: хотя ассимилированныя формы нарицаатъ, прѣдаатъ, разлжчаатъ и встрѣчены въ памятникѣ, но ничто не говоритъ, что онѣ принадлежатъ говору писца. Кромѣ того, въ обоихъ случаяхъ (Мѳ. 13.29 и Мрк. 2.8) формѣ на ажте предшествуетъ въ томъ же стихѣ причастіе на -ажще отъ тѣхъ же глаголовъ; такимъ образомъ, всего вѣроятнѣе думать объ опискѣ; описку слѣдуетъ видѣть и въ бждитъ вмѣсто 3 pl. бждятъ; въ единичномъ вьистиноу слогъ ноу надписанъ неизвѣстно кѣмъ; Валявецъ (Starine XX) говоритъ только о фактѣ приписки; она не имѣетъ значенія и въ томъ случаѣ, если сдѣлана самимъ писцомъ: смѣшенія ж съ оу мы вообще не можемъ предполагать. Два раза (въ формѣ гл҃ще, блъщжще) находимъ е вмѣсто ж, но это уже не склоняемая форма, а дѣепричастіе на старое е. Не относятся также къ замѣнѣ юса малаго неносовыми гласными всѣ примѣры неправильнаго употребленія мѣстоименія иже: силы ѩже, овцѧ иже, которыхъ вообще немало указываетъ Валявецъ (по большей части иже вмѣсто еже и наоборотъ). Отмѣтимъ здѣсь же, что Тырновское Евангеліе знаетъ только оу въ словахъ моудитъ, моудѧщоу, моуждааше, ноудит сѧ,

ноуждьници, ср. современныя Тырновскія *мýдну* «медленно», *понýдж*, *гнýс мж і* «мнѣ претитъ» Сб. XIII. XIV, матеріалы для словаря.

Норовская псалтырь на двухстахъ шестидесяти листахъ не содержитъ почти ни одного вполнѣ достовѣрнаго случая смѣшенія юсовъ съ гласными неносовыми; **дьщера цр҃еи** л. 7, гдѣ **а** переправлено самимъ писцомъ изъ **е**, есть поправка, измѣняющая sing. на plur.; **дни въ нѣже** (вм. **въ нѧже**) **смѣрилъ еси насъ** 150 об. есть ошибка въ вымершей формѣ относительнаго мѣстоименія; въ нашемъ случаѣ ошибка могла быть и механической, ибо строки за двѣ читается: **лѣта въ нѣже видѣхомъ зла** 150 об.; въ **мече обоюдоустрїи** 243 мы имѣемъ не acc. pl., а nom. pl.; **ѣ** вм. **ѧ** въ **бъдѣщи** 210 единственный болѣе достовѣрный примѣръ замѣны **ѧ** черезъ **ѣ**; одинъ разъ находимъ **съсѣдомъ** л. 134 об. и тутъ же **сѫсѣдωмъ** л. 135; это, какъ и въ Евангеліи Іоанна Александра, вторженіе приставки **съ-**; **сѫ-** или независимый дублетъ, или принадлежитъ предыдущей эпохѣ; въ словѣ **стьѕа**, которое Болонская пс. и др. памятники пишутъ и черезъ **ѫ** (**стѫѕа**), Норовская псалтырь знаетъ только полугласную, при чемъ однажды **ъ** въ acc. pl. **стъѕы нашѫ** 75 об. самимъ писцомъ писано по разурѣ; если и допустить, что подчищено **ѫ**, то это **ѫ** могло принадлежать и оригиналу, т. е. писецъ удалилъ **ѫ** на основаніи своего говора. Та же Норовская псалтырь безъ исключенія пишетъ только **нѫ** ἀλλά; такое правописаніе въ памятникѣ строго юсовомъ можетъ быть объяснено всего естественнѣе возникновеніемъ носового ъ̨ подъ вліяніемъ предыдущаго **н** [1]). Я полагаю, что по всѣмъ своимъ фонетическимъ условіямъ **нъ** ἀλλά стояло совершенно одиноко, чѣмъ и объясняю тотъ фактъ, что въ Норовской псалтыри нѣтъ другихъ примѣровъ перехода **ъ** въ **ѫ** (ибо носовое **ѫ** этой эпохи слѣдуетъ опредѣлять какъ ъ̨). Въ памятникахъ македонскаго нарѣчія **ѫ** на мѣстѣ полугласной является при болѣе или менѣе ясныхъ указаніяхъ на неносовой характеръ самого **ѫ**: въ Болонской псалтыри, употребляющей полугласныя фиктивныя, не выражающія и отчасти никогда не выражавшія никакого звука, такое правописаніе какъ **стѫѕахъ**, **стѫгнахъ** вполнѣ понятно: **ѫ** должно здѣсь выражать **ъ** *выговариваемое*. Въ такихъ памятникахъ какъ Боянское Евангеліе **ѫ** для малограмотнаго писца съ неносовыми юсами является только графическимъ варіантомъ полугласной оригинала, все равно

1) Я пользуюсь здѣсь результатами послѣднихъ, еще не обнародованныхъ, изслѣдованій академика Ф. Θ. Фортунатова, принимающаго существованіе среднеболгарскихъ юсовыхъ говоровъ.

какъ бы ни произносилась она въ родномъ говорѣ такого писца. Что касается Болонской псалтыри, то здѣсь союзъ ἀλλά у всѣхъ писцовъ пишется послѣдовательно въ видѣ **нъ**; правописаніе **нѫ** очень рѣдко: 112.4, 191.1 и можетъ быть отнесено на счетъ оригинала рукописи совершенно такъ же, какъ единичное **нѹжда**; притомъ **нѫ** указываетъ очевидно на оригиналъ восточно-болгарскій; обозначать въ этомъ случаѣ *выговариваемое* **ъ** черезъ **ѫ** писцы Болонской псалтыри не имѣли надобности, ибо въ односложномъ словѣ реальное значеніе полугласной ясно само по себѣ.

VIII.

Остатки «ринезма» были найдены во многихъ болгарскихъ говорахъ; подъ этимъ терминомъ разумѣютъ впрочемъ не носовыя гласныя, а группы «гласная неносовая + носовая согласная» [1]). Всего обильнѣе эти остатки ринезма сохранились въ двухъ районахъ южной Македоніи: одинъ на крайнемъ Западѣ — Костурскій край (Облакъ, Сб. XI. 520), другой — на Востокѣ — села Сухо, Височо и Зарово (Облакъ, Сб. XI. 519); оба района представляютъ окраины болгарской территоріи; они врѣзываются полуостровомъ въ иноязычное населеніе, которымъ окружены съ трехъ сторонъ, — условіе, содѣйствующее діалектическому сохраненію старины. Въ остальныхъ македонскихъ говорахъ, т. е. между указанными районами (Солунскій край), а также къ сѣверу и сѣверо-востоку отъ нихъ, ринезмъ сохранился только въ единичныхъ примѣрахъ (Облакъ, Сб. XI. 521). Въ Охридѣ удостовѣрены: *ѝъндзъ* (**ѩѕѧ**), *пѐндесет*, *девѐндесет* (при *пѐдесет*, *девѐдесет*). Въ Родопахъ и Восточной Болгаріи достовѣрныхъ остатковъ ринезма и того меньше: по говорамъ можно встрѣтить почти только *пендесет*, *девендесет* (Милетичъ, Das Ostbulgarische; Цоневъ, Диалектни студии, Сб. XX, оттискъ стр. 76, 81). Это могло быть понимаемо въ томъ смыслѣ, что на востокѣ носовыя гласныя исчезли ранѣе, чѣмъ на юго-западѣ. Такъ и понималъ дѣло Облакъ, допуская (Сб. XI. 526), что уже въ XII—XIII в. **ѫ** перешло въ **ъ**, а **ѧ** въ нѣкоторыхъ говорахъ перешло въ **ѥ** еще въ XI

---

1) Въ Сухо въ этихъ группахъ слоговой характеръ можетъ имѣть въ иныхъ случаяхъ согласная, въ иныхъ — гласная; послѣдняя является въ различномъ видѣ; наконецъ, вся группа иногда обратилась въ слоговое *н* (n̥) или, передъ губной — въ слоговое *м* (m̥), см. Oblak, Macedonische Studien, 21.

вѣкѣ (Сб. XII. 525). На самомъ дѣлѣ такія южно-македонскія формы какъ *gʺm̥bi, gъmbi* гѫбы нисколько не говорятъ въ пользу болѣе долгаго сохраненія ринезма *гласныхъ,* нежели восточно-болгарскія *гъби, зъби.* Напротивъ: носовыя гласныя, выдѣливъ изъ себя согласную носовую и утративъ сами ринезмъ, образовали болѣе устойчивыя сочетанія, которыя, подобно окаменѣлостямъ, могли сохраняться вѣками; исчезновеніемъ грозила имъ не ихъ физіологическая сторона, а чрезвычайная дробность болгарскихъ говоровъ, которые въ самихъ себѣ не находятъ опоры противъ нивеллирующаго вліянія ближайшихъ сосѣдей; самыя характерныя черты говоровъ становятся первою жертвой подобной нивеллировки; но захолустный характеръ такихъ мѣстностей какъ Костурскій край или Сухо обезпечивалъ продолжительное существованіе группамъ *ъ* + *n* = ѫ, *е* + *n* = ѧ и т. п. Къ сѣверу *по говорамъ*, а не сплошь, въ Македоніи образовались очевидно тѣ же группы, но онѣ были вытѣснены гораздо ранѣе вліяніемъ болѣе многочисленныхъ сосѣднихъ говоровъ, перешедшихъ отъ гласныхъ носовыхъ къ гласнымъ неносовымъ путемъ постепеннаго ослабленія носового характера звуковъ. Съ такой точки зрѣнія почти полное отсутствіе группъ *ъn* и *еn* въ Восточной Болгаріи тоже говорило бы только о томъ, что здѣсь паденіе юсовъ происходило дружнѣе и однообразнѣе: говоры, образовавшіе группы *ъ*+*n*, *е*+*n*, оказались въ рѣшительномъ меньшинствѣ: они сгладили эту особенность подъ вліяніемъ сосѣдей и мало передали этимъ послѣднимъ сами. Большинство восточно-болгарскихъ говоровъ, постепенно ослабляя носовой выговоръ, перешли къ гласнымъ чистымъ.

Когда это произошло? На этотъ вопросъ восточно-болгарскіе говоры, живущіе къ югу отъ Дуная, не даютъ отвѣта. Быть можетъ очень рано, быть можетъ и очень поздно. Восточно-болгарскіе памятники XIII вѣка во всякомъ случаѣ не говорятъ опредѣленно противъ сохраненія носового выговора. За его сравнительно позднюю утрату говоритъ говоръ Седмиградскихъ болгаръ, вымершій въ концѣ XVIII вѣка; онъ послѣдовательно, за извѣстными исключеніями діалектическаго характера, сохранялъ юсы. Когда появились эти болгаре на сѣверномъ берегу Дуная? Гипотеза Миклошича, считавшаго ихъ автохтонами-словѣнами, не можетъ быть поддерживаема. Начать съ того, что ихъ потомки, говорящіе теперь по-румынски, еще называютъ себя сами *болгарами*, что̀ не было извѣстно Миклошичу. Седмиградскій говоръ содержалъ греческія слова, свойственныя другимъ болгарскимъ говорамъ и отчасти заимствованныя ими не международнымъ путемъ, а пу-

темъ ежедпевныхъ непосредственныхъ сношеній, таково напр. *ката-* въ смыслѣ русскаго литературнаго *еже-* (*ежедневный* etc.). Кромѣ того діалектическое родство седмиградскаго говора съ сѣверными, подунайскими, говорами Болгаріи такъ тѣсно, что можно думать только о переселеніи ихъ съ южнаго берега. Въ началѣ XIV вѣка, по свидѣтельству мѣстныхъ актовъ, эти болгаре уже были въ Трансильваніи: въ документѣ 1306 года ихъ главный центръ, село Чергедъ называется Chergeod Bulgaricum и Bulgariae; они бѣжали слѣдовательно не отъ турецкаго нашествія конца XIV вѣка, а ранѣе; всѣ они стали протестантами, какими остаются отчасти и сейчасъ ихъ потомки. Милетичъ дѣлаетъ вполнѣ основательную догадку, что Седмиградскіе болгаре—потомки богумиловъ, покинувшихъ свою родину во время гоненій XIII вѣка. Не разсчитывая найти безопасное существованіе среди православныхъ румынъ теперешней Валахіи, они бѣжали дальше на сѣверъ и осѣли въ Трансильваніи. Здѣсь они сохранили свою религіозную особность въ протестантизмѣ, какъ богумилы Родоповъ и Босны — въ исламѣ[1]).

---

1) Сб. XIII, Д-ръ Милетичъ, Седмиградскитѣ българи. Эта прекрасная и необычайно цѣнная монографія рѣшаетъ вопросъ какъ о національности этихъ колоній, такъ и о сохраненіи носовыхъ звуковъ въ восточно-болгарскихъ говорахъ конца XIII—начала XIV вѣка. Милетичъ использовалъ всю литературу предмета и произвелъ тщательныя изслѣдованія среди самого населенія прежнихъ болгарскихъ колоній Седмиградья. Въ Чергедѣ поютъ еще въ церкви по-болгарски религіозныя пѣсни, не понимая ихъ; при колядованьѣ обрядовый діалогъ ведется по-болгарски; отдѣльныя болгарскія слова знаютъ въ отдѣльныхъ семьяхъ, какъ воспоминаніе о старикахъ; наконецъ сельчане-протестанты еще называютъ себя болгарами. Милетичемъ найденъ и изданъ въ той же работѣ болгарскій канціоналъ 1812 года, болѣе полный и болѣе исправный, нежели тексты 1803 и 1830 года, изданные Миклошичемъ; Милетичъ даетъ и нѣмецкіе тексты изъ Германштадтскаго изданія 1680 года, которое содержитъ оригиналы многихъ пѣсенъ болгарскаго канціонала 1812 года. Я не перечисляю здѣсь діалектическихъ чертъ языка, принуждающихъ отнести Седмиградскій говоръ къ старому Подунайскому нарѣчію: онѣ давно отмѣчены. Но укажу здѣсь на нѣкоторыя черты языка, содержащія дату. Во-первыхъ, Седмиградскій говоръ совершенно не зналъ предлога *на* въ его новоболгарскомъ употребленіи — для обозначенія косвеннаго падежа. Седмиградскій говоръ обходится партитивнымъ *от*, а равно флективной формой стараго дательнаго падежа въ расширенномъ синтактическомъ употребленіи. Предлогъ *на* для обозначенія косвеннаго падежа въ первыхъ примѣрахъ отмѣченъ пока въ памятникахъ не ранѣе XVI вѣка; въ языкѣ онъ возникъ конечно ранѣе. Эта особенность, теперь общеболгарская, не распространилась на Седмиградскій говоръ, давно оторвавшійся отъ остальныхъ болгарскихъ. Другой примѣтой ранняго отдѣленія я считаю Седмиградскую членную форму въ равноправныхъ варіантахъ *-о* и *-ot*. Звукъ *о* роднитъ Седмиградскій говоръ съ старымъ Подунайскимъ нарѣчіемъ Болгаріи, гдѣ однако въ настоящее время извѣстна только форма *-о*, безъ конечнаго *t*; я указывалъ ранѣе (Отчетъ о присужденіи преміи проф. Котляревскаго въ 1895 году), что форма *-о* не могла возникнуть фонетически изъ формы *-ot*; въ с. Сухо, въ

Изъ показаній Болонской псалтыри, Охридскаго Апостола, Норовской псалтыри и другихъ памятниковъ юго-западнаго и восточнаго нарѣчія едвали можно дѣлать выводъ, что ѧ старое еще отличалось отъ ѧ изъ 'ѫ: нельзя утверждать, будто въ спорадическихъ примѣрахъ смѣшенія юсовъ съ гласными неносовыми 'ѫ смѣшивается почти только съ ѣ, а ѧ старое почти только съ є, или что примѣры замѣны 'ѫ, ѧ черезъ ѣ, є стоятъ въ связи съ діалектическимъ выговоромъ самого ѣ, или съ конечнымъ и срединнымъ положе-

юго-восточной Македоніи, *-ot* при *-o* можетъ быть объясняемо и пограничнымъ положеніемъ даннаго говора; у седмиградскихъ болгаръ существованіе обѣихъ формъ указываетъ на старое отдѣленіе отъ Подунайскаго нарѣчія.

1) Относительно единичныхъ средне-болгарскихъ написаній ън, ѫн = ѫ и ѥн, ѧн = ѧ (Лавровъ, Обзоръ, 15) я раздѣляю мнѣніе Облака, выраженное въ слѣдующихъ словахъ: «тѣзи примѣри срещу другитѣ фактове могѫтъ само да докажѫтъ, че носовото изговаряне се е държало още въ XII в. (Облакъ по традиціи относилъ къ этому вѣку Болонскую псалтырь, Охридскій Апостолъ и Слѣпченскій Апостолъ) *въ нѣкои диалекти, а това се съгласува напълно съ днешния езикъ»* Сб. XI. 526. Изъ этой цитаты можно заключить, что Облакъ подъ носовымъ выговоромъ понимаетъ болѣе или менѣе спорадическія группы «гласная неносовая + согласная носовая», каковыя дѣйствительно могли изображаться чрезъ ѫн, ѧн въ говорахъ, утратившихъ носовой характеръ юсовъ; графическіе варіанты ън и ѥн своею первой частью указываютъ на истинный выговоръ юсовъ въ данномъ говорѣ въ остальныхъ случаяхъ. Написанія ѧн извѣстны спорадически съ XIV по XVI вѣкъ, изъ XVIII-го Лавровъ приводитъ уже транбица (= ѫ) и пиндесеттѧх. Что касается формы пѧтелъ, пѧтель, впервые удостовѣренной академикомъ В. И. Ламанскимъ въ средне-болгарскомъ Евангеліи Бѣлгр. библ. минист. № 63, то она должна быть объясняема въ связи съ общей фонетикой даннаго памятника, который употребляетъ иногда ѫ вмѣсто ъ: лѫжа свѣдѣтелѣ, мѫздѫ, нѣсѫмь, а также наоборотъ: съще вмѣсто сѫще (В. И. Ламанскій, О слав. рук., 3). Выговоръ *pn̥teľ*, отмѣченный Облакомъ съ Сухо, конечно не можетъ доказывать, что ѧ въ средне-болгарскомъ пѧтелъ обозначаетъ непремѣнно носовую гласную. Изъ сравненія формъ пѧтелъ и *pn̥teľ*, не принадлежащихъ завѣдомо одному и тому же говору, можно сдѣлать только одинъ вѣроятный выводъ: если въ говорѣ Бѣлградскаго Евангелія передъ нами не случай средне-болгарскаго смѣшенія ѧ съ ѣ, т. е., если въ данномъ говорѣ эти звуки еще достаточно различались, то необходимо принять, что болгарская форма пѧтелъ по говорамъ возникла очень рано. Совершенно несомнѣнно это по отношенію къ Добромирову Евангелію, гдѣ пѧтель пишется систематически. Причину нефонетической замѣны ѣ чрезъ ѧ поясняетъ намъ сербское *дјетао* «дятелъ» съ обратной замѣной ѧ чрезъ ѣ: созвучныя названія обѣихъ птицъ связались въ представленіи говорящихъ и за ассоціаціей значеній послѣдовало дальнѣйшее уравненіе (Ausgleichung) фонетической стороны словъ. Словомъ— это то же взаимодѣйствіе парныхъ словъ, какое мы находимъ напр. въ восточно-болгарскихъ *нямам* «не имѣю» подъ вліяніемъ *нясъм* «не есмь», *на дясно* «на право» подъ вліяніемъ *наляво* «на лѣво», или наоборотъ *налево* въ такихъ говорахъ, гдѣ ѣ = 'а (Копривщица, Сб. XIII. 75). Сюда-же относится и *двѐкио* «второй» подъ вліяніемъ *трѐкио* «третій» въ Софійскихъ говорахъ Сб. IV. 163, ibid. 165., Сб. V. 13, Сб. V. 11, *двакьи* подъ вліяніемъ *трекьи* въ Родопахъ Сб. XII. 19. Послѣдніе примѣры—любопытная аналогія къ литовскому *devyni*, латышскому *dewiñi*, славянскому девѧть, возникшимъ подъ вліяніемъ слова, обозначающаго слѣдующее число «десять» (ср. Brugmann, Grundriss I², 130; II. 482).

ніемъ звуковъ 'ѫ, ѧ въ словѣ. Начало измѣненія 'ѫ ('ǫ), какъ я указалъ, можетъ быть возводимо по крайней мѣрѣ къ эпохѣ Первоучителей, а среднеболгарское правописаніе ѧ вмѣсто ѭ такъ послѣдовательно въ XIII—XIV вѣкахъ, что естественнѣе думать о полномъ совпаденіи этихъ звуковъ уже въ XIII вѣкѣ.

Что было въ XII вѣкѣ? Добромирово Евангеліе возбуждаетъ въ этомъ отношеніи интереснѣйшіе вопросы. Къ сожалѣнію, описаніе Ягича недостаточно конспективно и не даетъ спеціальнаго палеографическаго анализа. Рукопись несомнѣнно должна быть отнесена къ македонскому разряду по широко распространенному признаку «ъ сильное = о», а равно по признаку тьщи, тщерь, о тщери (=дъщи). На этомъ основаніи мы должны бы ожидать у писцовъ Добромирова Евангелія также и неносового выговора юсовъ, но только въ томъ случаѣ, если бы рукопись относилась къ XIII вѣку. Изъ самаго памятника нельзя сдѣлать вывода, что ѫ уже утратило носовой выговоръ: примѣры во вьсѫ странѫ иорданска и трѣвѫ вмѣтаемо (=-мѫ) Ягичъ, стр. 25, ничего не доказываютъ: они стоятъ совершенно одиноко и къ тому же не допускаютъ одного общаго фонетическаго объясненія; придѫ и изидѫ (вмѣсто 1. sing. aor. придъ, изидъ) ibid. столько же недоказательны: это не болѣе какъ случай неудачной замѣны вымершей и непонимаемой формы аориста чрезъ praesens; ѫ не можетъ стоять въ нихъ для выраженія звука ъ уже потому, что звукъ ъ здѣсь не слышался, а принимать графическую замѣну ъ безгласнаго чрезъ ѫ также невозможно: гдѣ въ Добр. другіе, достовѣрные примѣры такой графики, появляющейся только на сто лѣтъ позднѣе? Гдѣ примѣры постановки ѫ вмѣсто ъ гласнаго (изъ ъ слабаго невыпавшаго), появляющіеся только въ эпоху Болонской псалтыри (мѫзда, стѫгна)? Примѣры послѣдняго рода какъ разъ служили источникомъ для написаній ѫ вмѣсто ъ безгласнаго и не исчезли при появленіи этихъ послѣднихъ (ср. Боянское Евангеліе).

Иначе стоитъ дѣло относительно ѧ; въ Добром. (Ягичъ, стр. 24) находимъ 1) сьнети сѧ, 2) 3. s. aor. наче, 3) бьдѧще (вм. -щѧ), 4) свѧть (вм. свѣтъ), 5) сѣмѣ (вм. сѣмѧ), 6) на дѧсѧте (вм. де-), 7) мѧтѧжи (вм. те-), 8) о законьницѧ (= -цѣ), 9) на свѣщьницѧ (вм. -цѣ). 10) два птѧньца, 11) бѣше bis (= бѣшѧ). Самъ Ягичъ склоненъ считать нѣкоторые изъ этихъ примѣровъ ошибками и недоразумѣніями (№№ 4, 6, 7); сомнительны конечно и № 5 (совершенно сходящійся съ №№ 6, 7) и № 3, гдѣ можно предположить дѣепричастіе на -ще. Если же признать за сьнети, наче, бьдѧще,

свѧть, законьницѧ, свѣщьницѧ фонетическое значеніе, то выводъ можетъ быть только одинъ: ѧ приближалось иногда къ звукамъ ѥ—ѣ, но чѣмъ и насколько—объ этомъ конечно по шести примѣрамъ судить нельзя; важно, что примѣры ѥ вм. ѧ относились бы къ ѧ старому; средне-болгарское ѧ изъ ′ѫ среди нихъ не представлено.

Ягичъ приводитъ изъ Добр., повидимому еще рѣдкіе, примѣры написанія ѧ вмѣсто ′ѫ у писца A:

1. sing. praes. любѧ, вьзлюбѧ, изьгонѧ, acc. притъчѧ, на землѧ, acc. s. f. отьстоѭщѧѧ; если ихъ такъ мало, то они имѣютъ не бо́льшее значеніе, нежели случаи ѥ, ѣ вмѣсто ѧ стараго: о фонетическомъ совпаденіи трудно говорить рѣшительно, и только возможно установить ска̀лу звуковъ, напоминающихъ другъ друга для уха: ѥ — ѣ — ѧ — ′ѫ.

Что касается почти послѣдовательнаго правописанія грѣдѫ, грѣдеши etc. (по Ягичу 38 примѣровъ у писцовъ A и B вмѣстѣ, при трехъ случаяхъ грѧд- повидимому только у A) и послѣдовательнаго пѧтелъ, то здѣсь конечно нельзя говорить о случайномъ графическомъ смѣшеніи близкихъ для уха звуковъ: послѣдовательность правописанія говоритъ за то, что первое слово дѣйствительно произносилось съ настоящимъ ѣ, послѣднее—съ настоящимъ ѧ, при чемъ надо думать, что эти ѣ и ѧ внесены вліяніемъ аналогіи.

Средне-болгарская смѣна ѧ на ѫ представлена въ Добром. только въ одной категоріи: 3 pl. aor. на шѫ, и то не исключительно; старое -шѧ чаще сохраняетъ писецъ A, нежели писецъ B. Въ остальныхъ категоріяхъ и послѣ ш пишется старое ѧ; не зная графики XII вѣка подробнѣе, мы не можемъ дѣлать опредѣленные выводы изъ этихъ фактовъ. Выше указаны случаи, гдѣ ѧ стоитъ вмѣсто ѫ послѣ шипящихъ ч и щ; нормировка юсовъ какъ будто еще не установилась; единично g. s. f. братиѫ = -ѩ.

Въ Добром. ѭ довольно послѣдовательно пишется въ началѣ слога; отклоненія въ сторону средне-болгарскаго ѫ = ѭ (сиѫ; заповѣдиѫ) рѣдки, совсѣмъ единично отьстоѭщѧѧ=acc. s. fem. -щѫѭ. Въ срединѣ слога оба писца при ѭ пишутъ также ѫ: приемлѭтъ, землѭ, ѣвлѭ сѧ, но acc. s. волѫ, на земѫ, поустинѫ; 1. sing. люблѫ, приемѫ, прославѫ, acc. s. f. на нѫ, за нѫже (рѣдкія написанія 1. sing. любѧ, вьзлюбѧ, изьгонѧ указаны выше). Мы очевидно не имѣемъ никакого основанія видѣть здѣсь твердыя окончанія, хотя бы и возникшія по аналогіи: предъ нами давно извѣстные графическіе варіанты старославянской эпохи оставлѭ (Остром.)—оставлѫ (Савв. Cloz); графика осложнилась только средне-болгарскимъ про-

пускомъ l epentheticі; что касается отънѫдъ, то оно вообще не относится сюда: въ этомъ словѣ старославянскіе памятники имѣли н твердое + ѫ.

И такъ ѭ въ началѣ и особенно въ срединѣ слога иногда замѣняется графически черезъ ѫ. Но обратной замѣны Добр. не знаетъ. Мы видѣли, что въ Болонской псалтыри есть написанія въ гѭслехъ, въ гласѣ трѫбънѣмъ. Въ Добр., кромѣ категоріи причастій praes. act., мы не находимъ ничего подобнаго; въ Добр. при женѭть сѧ пис. В, находимъ не только женѫтьсѧ пис. В, но также женѧть сѧ пис. А, откуда видно, что ѭ дѣйствительно выражаетъ мягкость предыдущей согласной. То же объясненіе мы принуждены очевидно примѣнить и къ написаніямъ partic. praes. сѭи ὁ ὤν,, ѣдѭи, грѣдѭ и др. при господствующихъ формахъ ѣдѫи, грѣдѫ, въ которыхъ самъ памятникъ не обозначаетъ мягкости. Въ этихъ причастіяхъ, получившихъ нѣкогда ę путемъ грамматической аналогіи, уже въ XI вѣкѣ наблюдаются діалектическіе варіанты: въ однихъ говорахъ ę осталось безъ мягкости предшествующей согласной (глаголическое ₍Є; въ кирилловской транскрипціи Ягича — ѧ), откуда въ дальнѣйшей судьбѣ языка ѫ; въ другихъ говорахъ въ подновленныхъ формахъ получилось обычное ѧ съ извѣстной мягкостью предшествующей согласной (см. Разсужденіе, стр. 90); мягкость развилась вѣроятно фонетически; но возможно было думать, что простое ѧ въ такихъ случаяхъ есть только неточное обозначеніе звука ę безъ предшествующей мягкости, ибо въ средне-болгарскую эпоху мы имѣемъ изъ ₍Є только -ѫ; во всякомъ случаѣ сѣдѭ, ѣдѭ, грѣдѭ Добромирова Евангелія нельзя выводить фонетически изъ сѣдѧ etc.; правда, при переходѣ ѧ въ ѫ средняя мягкость предыдущей согласной могла фонетически развиться въ мягкость сильную, совершенно такъ же, какъ развилась она въ ново-болгарскихъ формахъ 1. sing. praes. *пратя*, *видя*, *пазя* (ъ = 'я); но самое ѫ могло получиться фонетически въ формѣ partic. сѣдѭ только подъ условіемъ отсутствія предшествующей мягкости. Необходимо поэтому допустить, что 'ѫ въ сѣдѭ возникло путемъ грамматической аналогіи. Это—самая цѣнная особенность даннаго памятника. Особенность состоитъ въ томъ, что въ 3. plur. praes. и въ partic. praes. звукъ ѧ вытѣсненъ звукомъ 'ѫ, ѭ въ силу грамматической аналогіи однихъ глагольныхъ классовъ на другіе; этому подверглось не только старое ѧ, но и ѧ такихъ формъ, какъ ѣдѧ. Въ графикѣ принимаемыхъ Ягичемъ писцовъ А и В заключается при этомъ нѣкоторая разница.

I. Послѣ гласной оба пишутъ почти послѣдовательно ѭ вмѣсто ѩ:

3. plur. praes. оустоѭть (самые случаи формъ на -оѭтъ ограничиваются у А и В этимъ словомъ), nom. sing. partic. грѣѭ сѧ, пиѭи, не боѭ сѧ, проповѣдаѭ etc.; cas. obliqui partic. стоѭща, боѭщиимь сѧ, доѭщиимь.

II. Приблизительно то же наблюдается у обоихъ писцовъ послѣ согласной, прошедшей сильное или переходное смягченіе: 3. pl. praes. разлѫчѫть, оутѣшѫть сѧ, обложѫть etc.; nom. sing. partic. гл҃ѭ, гл҃ѭи, оучѫ, слоужѫи, ищѫи etc.; cas. obliqui partic. лежѫщь, слышѫще, оучѫщѹ etc.

III. Расходятся писцы въ тѣхъ случаяхъ, когда предъ старымъ ѧ стояла неизмѣненная полумягкая согласная.

В и въ этомъ случаѣ довольно послѣдовательно пишетъ ѫ (при рѣдкомъ ѭ): творѫть, женѫть сѧ, коупѫть, оставѫть, въсходѫть, хотѫть; nom. sing. partic. ходѫи, хотѫи, просѫи, прѣлазѫи, горѫи etc.; cas. obliqui partic. видѫще, творѫще, просѫще, любѫщиихъ etc.; варіанты съ ѭ: молѭть сѧ, женѭтьсѧ, хотѭи, сѣдѭи, молѭще сѧ, хвалѭще, хоулѭще; причастія на а: сѫ, сѫи, ѣдѫи, чьтѫи, идѫ, грѣдѫ, грѣдѫи etc. etc.; варіапты съ ѭ: ѣдѭи, грѣдѭи, сѭ.

А во всѣхъ этихъ случаяхъ сохраняетъ этимологическое болѣе древнее ѧ. Факты отвлечены Ягичемъ отъ рукописи вѣрно. Категоріи написаній ѫ(ѭ) вмѣсто ѧ не должны быть разъединяемы: обложѫть, ищѫи etc. не могутъ быть объясняемы средне-болгарской смѣной юсовъ: ея еще не знаетъ памятникъ.

Съ другой стороны очевидно, что ѭ обозначаетъ какой-то звукъ, еще отличный отъ ѧ.

Чѣмъ въ концѣ концовъ объясняется указанное разногласіе между писцами, можетъ уяснить только спеціальное обслѣдованіе рукописи. Но и безъ такого обслѣдованія необходимо признать, что какой-то говоръ, отразившійся на Добромировомъ Евангеліи, замѣнилъ подъ вліяніемъ грамматической аналогіи ѧ черезъ ѫ въ причастіяхъ на -ѧ, gen. -ѧща и въ 3 pl. praes. на -ѧтъ.

Отъ какихъ образованій исходила аналогія? Очень близко напр. предположеніе, что 3 pl. praes. хвалѧтъ подчинилась аналогіи формъ 3 pl. глаголѭтъ, плетѫтъ, отчасти 1. s. praes. хвалѭ, а cas. obliqui хвалѧща, хвалѧщоу — причастіямъ глаголѭща, глаголѭщоу etc. Но n. s. partic. хвалѭ и особенно сѭи, ѣдѭи могли бы быть объяснены только такъ, что

спачала глаголѫ по аналогіи косвенныхъ формъ обратилось въ глаголѭ, а затѣмъ само вліяло на формы хвалѫ и несѫ, измѣняя ихъ въ хвалѭ, несѭ; если бы несѫи ранѣе этого измѣнилось въ несѭи, мы не ожидали бы его дальнѣйшаго измѣненія въ несѭ. Добр. составляетъ пока unicum для даннаго вопроса, и устанавливать на основаніи одной рукописи всѣ детали явленія было бы преждевременно. Несомнѣнно одно: старославянское сѫи, несѫи возникло когда-то по аналогіи формъ глаголѫ: аналогія дѣйствовала здѣсь въ границахъ одного и того же глагольнаго класса. Раннее средне-болгарское ѭ распространилось въ границахъ болѣе обширныхъ. Въ судьбѣ формъ повелительнаго мы имѣемъ подобный случай: старославянское плачате, плачѣте возникло нѣкогда по аналогіи плетѣте и т. д. Ново-болгарское *молѣте* указываетъ, что подобный процессъ дѣйствовалъ въ другую эпоху въ болѣе широкихъ рамкахъ (ср. Mac. Stud. 113).

Приведенныя выше формы Болонской псалтыри борѫщихъ сѧ, тръпѫще, ѡбидѫщимъ (= борѭщихъ сѧ, тръпѧще, ѡбидѧщимъ) суть или спорадическіе отголоски графики такихъ рукописей какъ Добр., или въ этихъ формахъ ѫ не имѣетъ предъ собою мягкости, и тогда онѣ указываютъ на то, что и измѣненіе причастій не было единообразнымъ; тогда тръпѫще аналогично русскому *гремучій*, а хвалѭще — русскому *горючій*. Восточно-болгарскія *горещина* и *вонещ* могутъ восходить и къ -рѭ-, -нѭ- и къ старымъ -рѧ-, -нѧ-. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что сообразно графикѣ Добром., мы не въ состояніи рѣшить, всѣ ли случаи какъ хотѫи, горѫи, видѫще должны быть читаемы какъ хотѭи, горѭи, видѭще, или нѣкоторые изъ нихъ скрываютъ варіанты съ твердой согласной, существующіе въ говорѣ на ряду съ хотѭ etc. Мы можемъ судить только по вѣроятности: въ памятникѣ XII вѣка, какъ указано выше, мы не ожидали бы распространенія формъ *chotą* etc., какъ невѣроятно было бы и предположеніе, что 3. pl. женѫть, коупѫть, оставѫть, хотѫть скрываютъ въ себѣ прототипы діалектическихъ македонскихъ и восточно-болгарскихъ *носат*, *мислат*, *чинат* (проф. Лавровъ, Обзоръ, 200). Я не могу согласиться съ проф. Лавровымъ (которому слѣдуетъ Ягичъ, Ev. Dobr. 23), что правописаніе 1. sing. praes. разорѫ, съхранѫ, извѣстное главнымъ образомъ изъ XI вѣка и кромѣ Добром. лишь спорадически отмѣченное въ средне-болгарскихъ памятникахъ, выражаетъ современныя діалектическія македонскія 1. sing. praes. *носа*, *вида* etc. Правда, подновленіе *носа* охватило нѣкогда обширную территорію въ Македоніи: отъ линіи Дебръ-Костуръ на западѣ и до линіи

Солунь-Мельникъ-Пиринъ Планина на востокѣ, ибо на *носѫ, *видѫ основаны и современныя македонскія *носам*, *носѫм* и *носум* (См. Обзоръ 194—195, Oblak, Mac. St· 104—107). Но именно въ виду обширной территоріи этого явленія мы должны заключить, что его еще не было въ XIII—XIV вѣкѣ, ибо въ памятникахъ этой эпохи повсемѣстно господствуютъ только молꙗ. женꙗ, творꙗ, любꙗ. Древность современныхъ *носа* и *носам* могла бы быть доказана для средне-болгарской эпохи не рѣдкими графическими пережитками створѫ, оставлѫ, разорѫ (Обзоръ, 196), а развѣ написаніями *носѫ, *платѫ, *твръдѫ (= ношѫ, плацѫ, твръждѫ), нигдѣ еще не найденными. Добромирово Евангеліе скорѣе позволяетъ предполагать, что въ XII вѣкѣ въ Македоніи господствовала форма *носѭ, *платѭ, *твръдѭ, которая въ XIII вѣкѣ приняла видъ *носꙗ, *платꙗ, *твръдꙗ. На этомъ послѣднемъ основаніи показанія Добр. Евангелія не могутъ быть отождествляемы съ современными восточно-болгарскими *нося*, *носят* (*я* ≡ *'ъ*). Въ Добром. мы имѣемъ болѣе раннее діалектическое явленіе того же характера, уничтоженное вѣкомъ позднѣе фонетическимъ переходомъ всякаго 'ѫ въ ꙗ.

Исторія подновленія формъ 1. s. praes. гораздо яснѣе въ восточно-болгарскомъ нарѣчіи. Въ концѣ XIII вѣка мы впервые находимъ въ восточно-болгарской Норовской псалтыри подновленныя 1. sing. praes. насыта са, насытꙗ сꙗ, извѣстꙗ, възвѣстꙗ, вьзвысꙗ сꙗ, възвысꙗ тꙗ, възвысꙗ, оправдꙗ. Эти формы могутъ быть основаны на *възвысѭ *извѣстѭ и тогда ихъ появленіе относятся еще къ эпохѣ, различавшей 'ѫ отъ ꙗ (XII в.); или же эти формы возникли въ XIII в. по совпаденіи 'ѫ съ ꙗ; въ обоихъ случаяхъ подновленіе наступило подъ вліяніемъ ꙗвꙗ сꙗ, сьхранꙗ, творꙗ, вьзвеселꙗ и пр., въ которыхъ согласная въ 1. sing. была та же, что̀ и въ остальныхъ формахъ. Можно утверждать, что формы типа извѣстꙗ не дожили до нашего времени. Восточно-болгарскія 1. sing. *мола*, *носа*, *храна* и 3. pl. *молат*, *носат*, *хранат* въ тѣхъ же говорахъ (Пирдопъ, Ловча и др.) явно основаны на болѣе позднемъ подновленіи. Но и восточно-болгарскія 1. s. *мол'ъ*, *молеа* (= *-лӓ*), *молê*, *моле*, *молй*, 3 pl. *мол'ът*, *молӓт*, *молêт*, *молет*, *молйт*[1]) также не восходятъ къ средне-болгарскому молꙗ: 'ѫ и ꙗ совпали уже въ XIII вѣкѣ, и нельзя думать, чтобы одинъ изъ звуковъ *'ъ*, *ê*, *е*, *ỉ*, восходилъ къ средне-болгарскому 'ѫ; тогда бы мы ожи-

1) *ê* = Цанк. *ẻ*, Облакъ и Милетичъ ę.

дали напр. діалектически *'ъ*, *ê* или—*i* также въ словѣ *нетре*, которое однако всюду является только съ *е* чистымъ изъ средне-болгарскаго **ѧ**: **вънѧтрь** (напр. въ Норовск. пс.). Существовали ли въ XII вѣкѣ восточно-болгарскія формы **молѭ** при **молѧт** или **молѭ** при **молѭт** (какъ въ Добром.), мы не знаемъ, ибо въ XIII вѣкѣ обѣ схемы должны были совпасть въ одной **молѧ** — **молѧт**, которая и легла въ основу дальнѣйшихъ подновленій[1]).

Дѣло въ томъ, что всѣ варіанты *'ъ*, *ä*, *ê*, *е*, *i* должны быть возводимы къ первому изъ нихъ: *'ъ* возникло по аналогіи соотвѣтствующихъ твердыхъ основъ позднѣе XIII вѣка и еще позднѣе по говорамъ фонетически измѣнилось въ *ê*, *е* или *i*. Это—единственный выводъ, который можно сдѣлать изъ обзора слѣдующаго матеріала.

Звуковая группа *'ъ* (*ъ* съ предшествующей сильной мягкостью) въ болгарскихъ говорахъ имѣетъ различное происхожденіе.

1. въ 1. s. praes. *мол'ъ*, 3. pl. praes *мол'ът*, nom. sing. fem. *вол'ъ*—это внесеніе звука *ъ*, полученнаго фонетически изъ **ж** въ соотвѣтственныхъ твердыхъ основахъ *плетъ̀*, *плетът*, *водъ̀* = **плєтж**, **плєтжтъ**, **бодж**; сильная мягкость отчасти б. м. была еще на лицо въ средне-болгарскихъ **молѧ**, **волѧ** (которыя подвергались указанному подновленію), отчасти развилась изъ мягкости средней (**молѧтъ**) въ виду замѣны **є** (изъ **ѧ**) чрезъ **ъ**.

2. Совершенно та же субституція произошла и въ членной формѣ masc. sing. *ден'ът*, *крал'ът*, возникновенію которой въ языкѣ предшествовала фонетическая форма **дєнєт**, еще находимая въ Ассемановомъ и Охридскомъ Евангеліяхъ (Разсужд. 135): въ этой послѣдней формѣ первое (коренное) **є** внесено аналогіей изъ нечленной формы **дєнь**, второе **є**—правильный фонетическій рефлексъ **ь** сильнаго.

3. Въ говорахъ, измѣнявшихъ **ь** послѣ шипящихъ въ **ъ** (Савв., Остр., различные живые говоры восточно-болгарскаго нарѣчія), группа *'ъ* (съ предшествующей мягкой шипящей) получилась фонетически: *дошъл*, *тежък*, *миличък*, *самичък*.

4. Также фонетически получалось *'ъ* въ различныхъ говорахъ изъ неударяемыхъ гласныхъ:

a) изъ *ѣ* и изъ *'а*: *р'ъка́*, *Тъ́рновчънин*.

b) изъ *е* всякаго происхожденія (= **є**, **ь**, **ѧ**, **ѣ**): *вѐчър*, *тѐм'ън*, *па̀м'ът*.

c) изъ *i*: *говеда̀р'ън*, откуда съ діалектическимъ отвердѣніемъ и *говедарън*.

---

1) Ср. Отчетъ о присужденіи преміи проф. Котляревскаго въ 1895 году, отд. отт., стр. 39 — 40.

5) Въ Родопскихъ говорахъ—изъ ѧ, всегда перешедшаго здѣсь въ *'ъ*, откуда далѣе подъ удареніемъ *'о*, *'о*ª и др. звуки, внѣ ударенія *'а* и далѣе *еа*: *гл'одам*, *памеат*.

Категорія № 1 была распространена въ восточномъ нарѣчіи чрезвычайно широко, если не повсемѣстно; отсюда діалектическое *молê* при болѣе древнемъ *мол'ъ* другихъ говоровъ (ср. *мола* съ иной субституціей).

Категорія № 2 была территоріально ограничена: уже въ древности въ Восточной Болгаріи выдѣлилось нарѣчіе, въ которомъ членъ получилъ форму *-от*, *-о* (теперь *-о*); такіе говоры также совершили субституцію, но по аналогіи формъ *волот*, *воло* возникали *ден'от*, *ден'о*, и группа *'ъ* въ этой категоріи не получалась. Въ говорахъ, сохранившихъ членную форму *волът*, *волъ* (откуда діалектически *волат*, *вола*), возникли и формы *ден'ът*, *ден'ъ* (откуда діалектически *денят*, *деня*, а также *денеат*, *денêт*).

Категорія № 3 отсутствуетъ во всѣхъ говорахъ, которые не развили ь въ настоящее ъ и съ полупути снова вернулись къ ь, откуда *е*[1]); въ одномъ и томъ же говорѣ послѣ однихъ согласныхъ получалось *е*, послѣ другихъ — *ъ*, откуда далѣе *ê*. Такъ въ грамматикѣ Цанкова (Свиштовскій говоръ) находимъ *tèčèk*, *tèžèk* (*è*=*ê*), но *došél*, *šef*, *šev-ŭ't* съ *е* чистымъ. При особыхъ условіяхъ въ нѣкоторыхъ говорахъ вмѣсто *ъ* развилось *о*: *дошол* (Разсужд. 162).

Такимъ образомъ на территоріи стараго восточнаго нарѣчія[2]) група *'ъ* оказалась распространенной далеко не одинаково. Если въ своей дальнѣйшей судьбѣ какой-нибудь говоръ измѣнялъ *'ъ* въ *ä*, *ê*, то такому фонетическому переходу подвергалось, разумѣется, *'ъ* всякаго происхожденія, существовавшее въ данномъ говорѣ. Такъ, я указывалъ ранѣе[3]), что говоръ села Сухо, изслѣдованный Облакомъ, получилъ *ê* (въ транскрипціи Облака — *e̥*) только въ nom. (= acc.) sing. словъ ж. р. *dušȩ*, *ńed'älȩ*, *bańȩ* и въ 1. sing. praes. *čujȩm*, *p'äjȩm*, *ůstavȩm*, *tuŕȩm*, *kupȩm*, которыя соотвѣтствуютъ болѣе обычнымъ восточно-болгарскимъ *чуя*, *пъя*, *оставя*, *туря*,

1) Я говорю все время о говорахъ восточнаго нарѣчія; въ Македонскомъ ь сильное въ громадномъ большинствѣ говоровъ измѣнилось въ ɛ ранѣе, чѣмъ сказалось замѣтно вліяніе предшествующихъ шипящихъ.

2) Я беру этотъ терминъ въ его историческомъ значеніи, т. е. какъ нарѣчіе, сохранившее «ъ сильное» въ видѣ ъ и ѣ въ видѣ звуковъ открытыхъ, по крайней мѣрѣ передъ твердымъ слогомъ; въ связи съ восточнымъ нарѣчіемъ я разсматриваю и переходные говоры, сохранившіе ту или другую изъ этихъ чертъ.

3) Изв. Русск. Отд. Акад. Н., т. II, кн. 1, стр. 225—226.

купя и заимствовали конечное *м* у глаголовъ разряда *вечерям*, *отварям*, *затварям*. Въ обоихъ случаяхъ въ говорѣ Сухо группа ′ъ получилась путемъ позднѣйшей субституціи, ибо старое ′ѫ и въ Сухо давало въ результатѣ чистое *е*: *нетре*. Въ другихъ категоріяхъ группа ′ъ въ говорѣ не была получена: членъ является въ видѣ *-о* или *-ot*, ь послѣ шипящихъ не переходило въ ъ, неударяемое *і* и *е* (всякаго происхожденія) не переходило въ ′ъ (ср. Изв. Русск. Отд. Акад., т. II, кн. 1, стр. 225).

Наоборотъ въ Родопахъ, въ прилегающей къ нимъ части Восточной Румеліи, а равно въ различныхъ говорахъ Дунайской Болгаріи категоріи той ′ъ многочисленнѣе.

Въ Родопахъ и сосѣднихъ Ѳракійскихъ говорахъ—главная территорія ′ъ изъ неударяемыхъ *е*, *ѣ*, ′*а*. Обще-восточно-болгарскій законъ[1]), по которому ударяемое ъ (= ъ, ѫ) звучитъ напряженно и закрыто, неударяемое — съ довольно слабой дѣятельностью органовъ рѣчи[2]) и открыто, распространяется и на Родопы; поэтому при общемъ переходѣ Родопскаго ъ въ разрядъ гласныхъ *обычнаго* заднеязычнаго ряда, подъ удареніемъ получилось *о* или $о^a$, внѣ ударенія—*а*. Родопское ′ъ всякаго происхожденія подъ удареніемъ[3]) явилось по той же причинѣ въ видѣ ′*о* или ′$о^a$, внѣ ударенія въ видѣ ′*а*; изъ ′*а* получилось $е^a$ (*еа*, $^e а$ родопскихъ текстовъ), ср. $е^a$ изъ ударяемаго *ѣ*, т. е. изъ ′*а*. Говоры прилегающей къ Родопамъ части Восточной Румеліи стоятъ съ родопскими въ непосредственномъ родствѣ по этому признаку. Изъяты были отъ перехода въ *ê* только тѣ случаи ′ъ, въ которыхъ предыдущая согласная отвердѣла ранѣе.

Въ Дунайской Болгаріи особый интересъ имѣютъ тѣ говоры, которые подвергли ′ъ дальнѣйшему измѣненію не въ *ê*, а въ *і* или *е*. Теперь это рѣдкое діалектическое явленіе. Звукъ *і* удостовѣренъ проф. Милетичемъ въ Съртскихъ селахъ Шуменскаго округа (L. Miletić, das Ostbulgarische, 67 и слѣд.): въ говорѣ этой мѣстности физіологическое различіе между ъ ударяемымъ и неударяемымъ ясно выражено, при чемъ ъ ударяемое звучитъ по замѣчанію Милетича чрезвычайно глухо; это можетъ быть объяснено только особенной напряженностью и закрытостью ударяемаго ъ; неударяемое ъ того же говора звучитъ какъ ударяемое ъ болгарскаго литературнаго

1) Проф. М. С. Дриновъ, Archiv. V. 370.

2) Это — гораздо болѣе типичный случай «редукціи», нежели переходъ неударяемыхъ *о* и *е* въ *у* и *и* (*і*).

3) Масса случаевъ приходится на ′ъ возникшее внѣ ударенія изъ гласныхъ ı, ѣ, ′а.

языка,—очевидно оба варіанта произносятся на одну степень напряженнѣе соотвѣтственныхъ звуковъ другихъ говоровъ. Сообразно съ такимъ качествомъ звуковъ, неударяемое ′ъ перешло въ Съртскихъ селахъ въ *ê* (у Милетича *e̥*), ударяемое — въ *i*, которое послѣ *ш* (*š*) склоняется къ *ы*. Этотъ діалектическій выговоръ *i* (*ы*) исчезаетъ: по словамъ Милетича молодое поколѣніе, особенно мужчины, быстро усвоиваютъ обычное (литературное или окрестное?) произношеніе. Примѣры: 1. sing. *n̥ad̥arì*, *kreštì*, *spì* съплѭ, *zgŏdì* съгождѫ, *g̥asì* «гашу́», *stvì* стоѭ, *piì* пиѭ. — 3. plur *vъrvìt*, *ĺuvìt*, *p̥asìt* «пасутъ», *piìt* пиѭтъ, *stvìt* стоѩтъ; *zasìt* засѣѭтъ, *v′änčìt* вѣньчѣѭтъ, *pŏlìt* полѣѭтъ, *sa smìt* смѣѭтъ сѧ.— cas. gener. fem. *dušì* «душа», *zemì* «земля», *zъmì* «змѣя», *pašì* «пашà», *dъštirì* «дочь», *pŏpadì* «попадья», *ì* ѭ, также *čuštì* «*чешма́*», *kesì* «*кесúя*», *ŏdaì* «*одая*». Это *ì* не слышится ни въ Шумлѣ, ни въ Преславѣ, ни въ Вардунѣ: здѣсь, какъ и въ округахъ Разграда, Силистры, Свиштова, Рущука произносится только *ê*.

Рефлексъ *е* чистое указываютъ (Сб. XIII, 448) какъ субдіалектическую черту въ Тырновѣ (въ одной только части города ?). И это *е* можно возводить только къ ′ъ всякаго происхожденія, а отнюдь не къ средне-болгарскому ѧ изъ ′ѫ. Примѣры: cas. gen. fem. *зиме́-ту* «земля», *глѫвне́* «головня», *душе́* «душа», но также *прике́*, *триге́*. *Многіе* еще выговариваютъ *е* вмѣсто ѫ также въ 1. sing. и 3. plur. praes.: *пиіе́*, *сиде́*, *гълче́*, *лиже́*, *пиіе́т*, *плѫте́т*, а также *жуме́*, *тѫрне́* съ *е́* внесеннымъ аналогіей; *дине́* (*виннѫ′ш ну дине́* «однажды въ день» при *дванни денѫ*, *тринни денѫ*) также должно быть возводимо къ *ден′ъ*, *ден′ът*, а не къ *денет*. Слѣдуетъ обратить вниманіе, что всѣ примѣры имѣютъ *е* ударяемое, которое, какъ и Съртовское *ì*, получилось изъ болѣе закрытаго и напряженнаго ′ъ ударяемаго.

Эпоха переноса ъ изъ соотвѣтственныхъ твердыхъ основъ можетъ быть опредѣлена слѣдующими соображеніями. Во-первыхъ, восточно-болгарскіе памятники конца XIII вѣка и XIV вѣка ничѣмъ не указываютъ на существованіе субституціи: 1. sing. носѧ, извѣстѧ имѣютъ еще ѧ: хотя средне-болгарская графика, устранивши ѭ, была такъ же мало способна выразить ′ъ, какъ и ново-болгарская орѳографія, однако въ средне-болгарскомъ молѧ 1. s., волѧ acc. s. мы не имѣемъ основанія видѣть звукъ ′ъ. Относительная древность субституціи доказывается ея обще-восточно-болгарскимъ характеромъ; она могла распространиться и въ первый вѣкъ турецкаго ига, которое скорѣе сближало, нежели изолировало болгарскіе говоры.

Наряду съ *мол́ъ—мол́ът* (субституція А) существуетъ и иная субституція (В), именно *мола* = молѭ, *молат* = молѧтъ, извѣстная сравнительно ограниченной группѣ восточныхъ говоровъ. Этотъ типъ субституціи извѣстенъ главнымъ образомъ въ Западной Болгаріи, а восточнѣе—въ западныхъ говорахъ Балкана и Средней горы (Пирдопъ, Панагюрище и др.).

Въ Македоніи нѣтъ одного общаго діалектическаго типа разсматриваемыхъ нами формъ: онъ разрушенъ вліяніями, проникавшими съ сѣвера и востока. Вся исторія ново-болгарскихъ формъ 1. sing. и 3. plur. praes. представляется мнѣ въ слѣдующемъ видѣ.

Говоры, граничащіе съ сербскимъ племенемъ имѣютъ чисто-сербскую фонетику; они и въ иныхъ отношеніяхъ обнаруживаютъ діалектическое родство съ сербскимъ языкомъ. Всѣ такіе говоры получили нѣкогда въ 1. sing. praes. *-ем*, *-им*, *-ам*., а въ 3. plur. praes. имѣютъ или сербскій типъ на *-у* и на *-е*, или различныя діалектическія новообразованія неболгарскаго характера[1]).

---

1) Относительно формы 3. plur. praes. эти переходные говоры представляютъ значительныя различія; сербско-болгарское взаимодѣйствіе дало здѣсь въ результатѣ различные діалектическіе варіанты этой формы. На территоріи теперешняго Сербскаго королевства изъ такихъ переходныхъ говоровъ Пиротъ, Нишъ, Запланье и др. въ 3. plur. praes. имѣютъ сербскій типъ *плету*, *моле*, *гледају*, ср. Olaf Broch 254, 273, 278. На самомъ югѣ территоріи Сербскаго королевства въ говорѣ Враньи, а также напр. въ Луковѣ, Лесковцѣ 3. plur. praes измѣнена вліяніемъ аналогіи; въ этой области при 1. sing. praes. сербскаго типа сохранились въ остаткахъ варіанты типа *tresu*, *molu*, совпадавшаго съ формой 3. pl. *tresu*, *molu*, Olaf Broch, 111, 170, 180. Этотъ типъ переходитъ и на территорію современной Болгарія, его находимъ напримѣръ въ Берковскомъ округѣ: 3 plur. *иду*, *сечу̀* (= сѣкѫтъ), *писују*, *питују*, *думају*, *једу* (ꙗдѧтъ), *су* (сѫтъ), *ране* (хранѧтъ), *погубе* (погоубѧтъ), см. тексты изъ села Чипоровци, Сб. XVI—XVII: фонетика этого говора сербская (ср. напр. косвенный падежъ *русу косу*, 3 pl. aor. *наткопаше*), но удареніе сохраняется свободное (ср. 1. plur. *једемо̀*), и существуетъ между прочимъ новое (средне-болгарское) *ѣло*: *пасàд*, *вѣерове*; въ морфологіи болгарскія черты еще замѣтнѣе, ср. напримѣръ imperat. *носѐте*; всѣ эти черты удостовѣрены теперь Брокомъ въ различныхъ переходныхъ говорахъ также на территоріи Сербскаго королевства, ср. напр. (Olaf Broch, imperativ. 111, 142, 170; *ѣло* 235). Кромѣ того на территоріи Сербскаго королевства есть говоры съ сербской фонетикой, гдѣ поэтому ѫ = у, но въ глаголахъ II класса утвердились формы съ ѫ = *а*: *dignàla* Broch, 90. Въ Берковскомъ округѣ находимъ при *сучем*, *посучем*, *смеем* также 1. sing. *отрежам*; если эта послѣдняя форма можетъ объясняться позднимъ діалектическимъ заимствованіемъ, то такое объясненіе не примѣнимо къ 3. plur. praes. *позаспу* («заснутъ»), *че изгору* («сожгутъ»): это оригинальныя діалектическія формы, которыя могутъ быть объясняемы двояко: или до потери юсовъ въ данной мѣстности были говоры, измѣнявшіе форму 3. pl. *изгорѧ(тъ) въ изгорѫ(тъ) и потомъ обратившіе ѫ по сербской фонетикѣ въ *у*, или послѣ утраты носовыхъ гласныхъ въ данномъ говорѣ по аналогіи формъ *несу*, *плету* при *ране*, *погубе* появились дублеты *изгору*, *заспу* на томъ основаніи, что сосѣдніе говоры съ болгарской фонетикой имѣли уже въ обоихъ случаяхъ ъ или *а* (изъ ѫ): *плета*; *изгора*, *погуба*. Формы *molu* = молѧтъ мы видѣли въ го-

Другіе сѣверо-западные говоры, лежащіе на болгарской территоріи и имѣющіе фонетику отчасти сербскую, отчасти смѣшанную, отчасти болгарскую, сохраняютъ въ 1 sing. praes. сербскій типъ *плетем*, *молим* при колебаніи въ сторону болгарскаго типа *плета*, *мола*, а въ 3. plur. praes. имѣютъ переходный типъ *плета*, *мола*, или болгарскій типъ *плетат*, *молат* съ конечнымъ *t* [1]).

Форма 1. sing. praes. на *-ем*, *-им*, *-ам* распространилась и внѣ сѣверо-западныхъ говоровъ, въ восточномъ и юговосточномъ направленіи. Облакъ (Archiv, XVII. 471) указываетъ, что діалектическая граница обоихъ типовъ 1. sing. praes. теперь проходитъ уже по Софійскому краю восточнѣе города Софіи, направляясь къ юго-западу: въ окрестностяхъ Софіи слышатся формы *можем*, *умрем*, *останем*, *раним*, *извадим*, *мислим*, а въ с. Войнеговци Софійскаго округа: *ида*, *вида*, ср. М. Ивановъ Сб. VIII. 98. Въ Самоков-

---

ворахъ, изслѣдованныхъ Брокомъ; тотъ же изслѣдователь, стр. 273, отмѣчая въ окрестностяхъ Ниша 3. plur. praes. *ostàvu* при *mole*, говоритъ, что колебаніе повидимому распредѣляется по отдѣльнымъ глаголамъ.

Въ сербо-болгарской пограничной области, возникъ еще одинъ діалектическій варіантъ формы 3 plur. praes., именно *плєтѣж(тъ), *молнѧж(тъ), къ которому восходятъ современныя *tresèju*, *mòliju* въ Лесковцѣ, *tresèju* при *tresù* и всегда еще *mòle* въ Власотинцахъ, ср. Olaf Broch, 170, 180. Въ пограничной области отмѣченъ Брокомъ еще другой діалектическій варіантъ той же формы 3. plur. praes: *trèsev*. *čùvav*, *moliv* (при *trèsu*, *ćùvaju*, *molu*) въ Враньѣ (Broch, 111); *tresev*, *čùvav*, *mòliv* и *mòlev* въ Луковѣ (Broch, 142). Этотъ варіантъ проникъ къ югу, на македонскую территорію, и извѣстенъ тамъ въ Кратовѣ (Oblak, Mac. St.), при чемъ въ Кратовскихъ текстахъ отмѣченъ и старый сербскій типъ *плету*, *моле*. Варіантъ *tresev* возникъ повидимому подъ вліяніемъ мѣстныхъ формъ imperfecti, ибо при 3. plur. praes. *trèsev* находимъ напр. 3. plur. imperf. *tresešev* (Broch, 111), или при praes. *trèsev*—imperf. *trèsevu* (=тръсѣхѫ) Broch, 142; при praes. *trèsev* и *trèseju*—imperf. *trèsešev* (Broch, 170); при praes. *tresu* и *tresèju*—imperf. *trèsešeju* (Broch. 180), при praes. *tresù*, *mòle*—imperf. *treseòše* (ibid. 254) или *trèseše* (ibid. 255), а въ очень смѣшанномъ говорѣ с. Крива Фея—при 3. pl. praes. *tresù* и *tresèv*, *mòle* и *mòlu* и при 3. pl. praes. *govòrevu*—формы 3. pl. imperf. *trèsešu*, *trèseja*, *tresea*; *čuvaa*, *molèševu* и *mòleja*. Формы praesentis имѣютъ *v* изъ imperf. 3. pl. на -evu (= -ѣχѫ), гдѣ *v* возникo изъ *ch* фонетически; формы imperf. на *-eja*, *-ea*, *-aa* (съ болгарской передачей той ѫ) также восходятъ къ -ѣχѫ; формы imperf. на *-eju* имѣютъ это окончаніе вѣроятно изъ praes., формы imperf. на *-ešu* едва-ли слѣдуетъ сравнивать съ среднеболгарскимъ аористическимъ окончаніемъ -ѫ: *-ešu* форма узко-діалектическая и имѣетъ *u* чуть-ли не изъ praes.

1) Ср. Сб. XVI—XVII, Ломскій говоръ: 1. sing. *паднем*, *штем*, *завием*, *видим*, но *сѫбуда* «разбужу», 3. plur. praes. *берат*, *носат*, *китат*, *попадат*, *гледат*, стр. 89 сл.—Радомірскій округъ: 1. sing. *дадѐм*, *кажем*, 3. plur. са εἰσί, *доіда*, но *плетат*, *носат*, *вѫрват* съ конечнымъ t и *благосòвьат* со стянутымъ -аѭт, ibid. 168 сл.—Царибродскій округъ, село Драгоманъ; 1. sing. *сѫм*, *идем* и *ида*, 3. plur. *су* εἰσί и *играіат* съ нестянутымъ -аѭтъ (фонетика говора сербская, но съ колебаніями: *на воду*, *минуло*, *занесоше* 3. pl. aor., jу αὐτήν, но также іа αὐτήν).

скомъ говорѣ при *идем*, *можем*, *земем*, *смѣем*, *умѣем*, *мислим*, *видим*, *водим* слышится также *мога*, *лова*, *бия* и т. д., въ Дупницѣ *умѣем*, *смѣем*, *видим*, *створим* при *вида*, *греја*, *смея*, *права*. Изъ этихъ діалектическихъ дублетовъ мы узнаемъ въ то-же время, на какую почву ложились формы сербскаго типа: имъ предшествовали въ данныхъ говорахъ формы типа *мола*, т. е. формы подновленныя по аналогіи твердыхъ основъ, съ устраненіемъ мягкости (ср. М. Ивановъ Сб. VIII. 98). Формы этого типа извѣстны теперь въ западной части Балкановъ и Средней горы: въ балканскихъ говорахъ Панагюрища, Копривщицы, Пирдопа, Карлова, Калофера, между тѣмъ какъ далѣе къ сѣверу и особенно къ востоку и въ балканскихъ говорахъ господствуетъ форма типа *моля*, *молê* (Габрово, Троянъ, Трявна, Шипка, Казанлыкъ, ср. L. Miletić, das Ostbulgarische). Изъ говоровъ Дунайской Болгаріи типъ *мола*—*молат* господствуетъ въ Ловчѣ, отмѣченъ и въ другихъ говорахъ. Изъ Ѳракійскихъ говоровъ его имѣетъ напр. Татаръ-Пазарджикскій. Не можетъ быть сомнѣнія, что на всемъ западѣ современной болгарской территоріи, переходя отчасти и на сербскую, возникла и господствовала субституція *мола*—*молат*.

Обратимся теперь къ Македонскимъ говорамъ. Въ Македоніи только въ говорахъ самаго сѣвера утвердился сербскій типъ *плетем*, *молим*, и только въ говорахъ юго-восточнаго угла проявляется восточно-болгарскій типъ, напримѣръ, въ Демиръ-Хиссарѣ *сторъжм* и въ Сухо *купêм*,— въ обоихъ случаяхъ съ *м* приставленнымъ къ первоначальной формѣ *стор'ъ*, *куп'ъ*; одинокое *ѕрат*, отмѣченное Облакомъ въ Сухо, проникло очевидно изъ другого діалектическаго района, или возникло въ данномъ говорѣ подъ вліяніемъ аналогіи со стороны второй основы того же глагола. Совершенно то же, т. е. восточно-болгарскій типъ подновленія формы + *м* находимъ въ нѣкоторыхъ родопскихъ говорахъ. Во всей остальной Македоніи форма **молѭ** была подновлена въ ***молѫ**; къ концу этой подновленной формы въ обширномъ центрально-македонскомъ районѣ присоединилось *м*, въ большинствѣ такихъ говоровъ *ѫ* (въ группѣ -*ѫм*) по общему закону измѣнилось въ македонское *ам*, *a*ᵊ*м*, въ меньшинствѣ говоровъ находимъ *ѫм*, напр. Воденское *кладѫм*, *носѫм*, или -*ум*, Кукушское *станум*, *платум*[1]). Только

1) *у* безъ сомнѣнія получилось здѣсь фонетически изъ *ѫ* (неносового) подъ вліяніемъ слѣдующаго конечнаго *м*. Относительно подновленія согласной гортанной въ 1. sing. и 3. pl. praes. твердыхъ основъ I-го класса по аналогіи остальныхъ формъ настоящаго: *печам*, *речум*, *течам*, *можам*, *можатъ*, ср. Oblak, Archiv, XVII. 471 и Mac. St.

въ юго-западной и сѣверо-западной окраинѣ уцѣлѣли формы безъ приставного *м*: въ Костурѣ находимъ *умра*, *можа*, *фата*, въ Леринѣ *доіда, кажа, можа*, *стана*, *устава* «оставлю», *госта* «угощаю»; *дам*, *знам*, *немам сакам*, *ручам*, *гледам* (Сб. III—V); въ Рѣснѣ *іада*, *донеса* (Сб. VI); въ Стругѣ и Дебрскихъ говорахъ—колебаніе между *могам*, *мислам*, и *плета*, *кѫпа*. По наблюденію Облака (Mac. St. 206)—*м* совершенно отсутствуетъ въ Дебрскомъ Галичникѣ даже въ глаголахъ типа *гледам* и въ глаголѣ *сѫм:* 1 sing. *íma*, *vraća*, *su*. То же удостовѣряетъ Облакъ и для дебрскаго села Кленье: 1. sing. *fàšta*, *plàšta*, *su*; но въ этомъ говорѣ спорадически встрѣчаются и формы на *м: žnèᵉm*, *znam* (ibid. 106). Судя по текстамъ, изданнымъ въ послѣднее время, дублеты съ *-м* есть и въ Галичникѣ (Сб. XVI—XVII). Съ другой стороны дублеты безъ *-м* отмѣчены кое-гдѣ [1]) и на почвѣ сплошной территоріи центра, гдѣ вообще господствуетъ *-м*. Ясно, что въ Македоніи въ 1. sing. сначала широко распространилась субституція типа *мола*, потомъ къ этой формѣ присоединялось *-м*. Послѣднее принимали уже М. Ивановъ и Облакъ.

По отношенію къ 3. plur. praes. македонскіе говоры поразительно расходятся между собою. Въ юговосточной окраинѣ господствуетъ, какъ мы видѣли, восточно-болгарскій типъ субституціи, почему при 1. s. *ходём* (= *ходѫ* + *м*) здѣсь находимъ 3 pl. *ходёт*.

Обратимся теперь къ западной окраинѣ македонской территоріи; на крайнемъ югѣ ея, въ Костурѣ, находимъ въ 3. plur. praes. только формы на *-е: саке, вике*, *разбере*, *стигне*; *праве*, *фате; прикажве* (Arch. XVII, 469, Mac. St. 112). Очевидно форма на -ѧтъ, получившаяся фонетически въ глаголахъ III и IV класса, а также въ классѣ I. b, обобщена здѣсь вліяніемъ аналогіи: она распространилась на классы I. a, II и V и стала единственной.

На сѣверѣ западно-македонской окраины, въ Дебрѣ, по свидѣтельству Облака (Mac. St. 111), 3. plur. praes. глаголовъ V класса оканчивается на *-ает: гледает*, *работает; давает*, *имает* во всѣхъ трехъ изслѣдованныхъ имъ говорахъ (Галичникъ, Кленье, Обоки); во всѣхъ остальныхъ классахъ два изъ этихъ говоровъ (Кленье, Обоки) имѣютъ общее окончаніе *-ет: пишет; одет*, *мислет*, *болет;* въ Галичникѣ *-ет* наблюдается только въ

1) Именно въ мѣстностяхъ, примыкающихъ къ западной окраинѣ: въ Велесскомъ, Прилепскомъ и Кайлярскомъ краѣ.

I и II классѣ: *сечет*, *печет*, *жнеет*, *спиет* (также *једет* ıадѧтъ), въ III. (и вѣроятно въ IV.) классѣ въ Галичникѣ находимъ 3. plur. на *-ит: молит*, *судит*, *тожит* (3. plur.!). Облакъ склоненъ объяснять какъ *-ит*, такъ и *-ет*, спеціально дебрскимъ, нефонетическимъ вторженіемъ гласной изъ другихъ формъ настоящаго (*печеш*, *молиш*). Но это допустимо только по отношенію діалектическаго *-ит* въ Галичникѣ; форму на *-ет* слѣдуетъ признать болѣе ранней обще-западно-македонской формой[1]), которая, какъ и въ Костурѣ, была обобщена нефонетическимъ путемъ. Между Дебромъ и Костуромъ, въ срединѣ западной окраины, т. е. въ говорахъ Струги, Охриды мы имѣемъ въ разговорномъ языкѣ для всѣхъ классовъ общую форму на *-ет*, при которой еще не исчезли болѣе первоначальныя формы на *-ает* и *-еет* (см. выше стр. 151). Здѣсь аналогія дѣйствовала нѣсколько иначе, чѣмъ въ Дебрѣ и Костурѣ: Охридское **плетат* тоже подверглось измѣненію въ **плетет*, а потомъ вмѣстѣ съ **молет* измѣненію въ *плетеет* (откуда далѣе фонетически *плете͡ет*, *плетет*), *молеет* (откуда фонетически *моле͡ет*, *молет*) подъ вліяніемъ формъ V. класса *гледает*, *викает* и т. д. (которыя позднѣе сами перешли въ *гледеет*, *викеет* и далѣе въ *гледет*, *викет*)[2]); различіе между болѣе первоначальнымъ *ае* и *ее* сохранилось, благодаря ударенію, въ Охридской формѣ дѣепричастій: *игра̀ешчем скока̀ешчем*, но *іадѐешчем*, *пиіѐешчем*, *зборвѐешчем* (= *съборѹжщє, а не *съборѹвающє); *пиіѐешчем*, *зборвѐешчем* кромѣ того указываютъ на то, что нѣкогда существовала форма 3. plur. praes. **іадет*, **сборвет*, распространенная потомъ въ *ıадеет*, *сборвеет*. Для всей этой окраины форма *се (сет) εἰσί* доказываетъ раннее нефонетическое обобщеніе окончанія *-ет* = -ѧтъ. Остается объяснить происхожденіе формы V. класса *гледает*, *викает*, которая въ Дебрѣ осталась въ своихъ старыхъ предѣлахъ V. класса, въ Охридѣ послужила образцомъ для распространенія формы I, II, III и IV. классовъ, въ Костурѣ устранена вѣроятно формой *-ет*, установившейся въ I—IV классахъ. Признавать фонетическое происхожденіе формы *-ает* изъ -ѧ̑жтъ (не изъ -ѧжтъ, какъ предлагалъ Облакъ Mac. St., 111), по моему мнѣнію, нѣтъ достаточныхъ основаній (ср. выше), особенно въ виду того, что на западной окраинѣ, какъ мы видѣли, должно было широко господствовать нефонетическое распространеніе окончанія *-ет*. Я думаю, что Дебрско-

1) 3. plur. praes. *лежат*, *стоіат*, отмѣченныя въ Галичникѣ въ новѣйшихъ текстахъ Сб. XVI—XVII, очевидно получены изъ говоровъ иного діалектическаго района.

2) То же объясненіе принималъ Милетичъ въ Сб. XV. 384, примѣч. 47-е.

Охридское *-ает* нефонетически преобразовано изъ *-аат* (=-а͡iѫтъ) въ эпоху общаго распространенія окончанія *-ет*[1]).

Перейдемъ теперь къ говорамъ центральной Македоніи, лежащимъ на востокъ отъ разсмотрѣнныхъ говоровъ западной окраины[2]).

Въ Крушевѣ, на востокъ отъ Дебра и Струги, еще находимъ типъ западной окраины, при томъ на его Дебрской стадіи: 1. sing. praes. оканчивается на *-ам* и, чаще на *-а*, 3. plur. praes. въ классахъ I, II, III, IV,— на *-ет*, въ классѣ V на *-ает*: *нижет*, *постоет*, *преброет; гледает*, *вечераает*, *затвораает*, *се разговараает* (Сб. XVI—XVII. 75, 201.з; это, впрочемъ, особый міяцкій говоръ Крушевскаго округа). Далѣе, начиная съ косой линіи Велесъ, Прилѣпъ, Битоль и на востокъ отъ нея приблизительно до р. Струмы, наблюдается совершенно иная система, которую ради краткости можно называть «Прилѣпской»: въ 1. sing. praes. (при колебаніяхъ въ сторону *-а*) рѣшительно преобладаетъ окончаніе *-ам* для всѣхъ пяти классовъ: *седам* («сижу), *умрам*, *плачам; останам; чинам*, *гостам*, *спечалам*, *удомам; умирам; знам* и *знаам*. Въ 3. plur. praes. во всей западной полосѣ данной области[3]) классы I—IV оканчиваются на *-ат: се сберат*, *кье доiдат*, *стоiат*, *се криiат*, *кажат; да викнат; велат*, *чинат*, *кье се согласат;* очевидно классы III и IV въ 1. s. имѣютъ западно-болгарскую субституцію. Въ классѣ V находимъ окончаніе *-аат; зборваат* (*зборуаат*), *подигруаат*; *натераат*, *викаат*[4]). Восточнѣе, напримѣръ уже въ Струмицѣ, господствуетъ цѣликомъ западно-болгарская система (B): и въ V классѣ находимъ

---

1) Я имѣю здѣсь въ виду поздніе, средне-болгарскіе, варіанты а͡iѫ и аjѫ, оставляя въ сторонѣ ихъ отношеніе къ такимъ же общеславянскимъ варіантамъ: ͡i и *j* много разъ могли переходить другъ въ друга на почвѣ отдѣльныхъ славянскихъ нарѣчій подъ вліяніемъ положенія въ словѣ, а также въ зависимости отъ перемѣнъ въ экспираторной, музыкальной и темповой сторонѣ рѣчи даннаго говора; старое *j* въ -аѭ сохранялось повидимому только послѣ ударяемаго слога, и то діалектически, ср. восточно-болгарскія формы 1. sing. praes. *игра̀ја*, *копа̀ја*, *боза̀ја* (произносится *а̀͡iа*ᵉ или *а̀͡еа*ᵉ); когда удареніе было далѣе влѣво, -аѭ переходило въ -а͡iѫ. Въ Щипѣ, и вѣроятно другихъ говорахъ, 3. pl. praes. играѭтъ имѣетъ видъ *играат* (аа изъ а͡iѫ) Сб. XV. 155. сл.

2) Факты извлекаются мною изъ часто приводимыхъ работъ Облака, Лаврова, М. Иванова, а равно изъ діалектическихъ текстовъ изданныхъ въ послѣднее время, особенно въ Сб. XVI—XVII.

3) Качане, Велесъ, Прилепъ, Битоль, Штинъ, Мориово.

4) Прилѣпская система 1. sing. и 3. plur. отчасти проникла на самый западъ: она господствуетъ теперь въ Рѣснѣ. Діалектически вмѣсто ожидаемаго *л* находимъ *л̂*: *фал̂ат*, *мол̂ат*, *дел̂ат* Штипъ, Arch. XVII. 469; *делят* Струмица Милад. стр. 25; то же южнѣе разсматриваемой области: *мол̂ът*, *вел̂ът* Arch. XVII. 469. Въ другихъ говорахъ находимъ наоборотъ твердое *л* и въ V классѣ.

-ат: *имат*, *бегат*; въ остальныхъ классахъ, какъ и западнѣе, находимъ разумѣется *-ат* и съ тою же субституціей (*слават* «славятъ» Милад. № 30); *-аат* въ V классѣ отсутствуетъ въ той же восточной полосѣ и южнѣе[1]). На самомъ югѣ разсмотрѣнной нами области, въ Солунскихъ говорахъ, V классъ имѣетъ въ однихъ *-aat*, въ другихъ (восточнѣе) *-at*, см. Mac. St. 110. Относительно формы 1. sing. отмѣтимъ, что Солунскіе говоры въ этой формѣ представляютъ переходы отъ *-ам* (*-а*) къ Воденскому *-ъм* и Кукушскому *-ум*, см. Mac. St. 105. Относительно Сухо см. выше. Наконецъ къ востоку отъ р. Струмы въ занимающихъ насъ формахъ находимъ переходы къ восточно-болгарскому типу Родопскаго характера: на югѣ, въ Сересѣ, восточно-болгарскія вліянія слабы: 1. sing. praes. имѣетъ форму на *-а* въ I—IV кл. (съ субституціей В. въ III и IV кл.): *умра*, *занеса*, *кажа*, *тъжа; чина*, *купа*, *жала;* въ V классѣ *-ам: искам*, *питам*; въ 3. plur. praes.—общая форма на *-ат* для всѣхъ классовъ (*-аат* отсутствуетъ), кл. III и IV имѣютъ субституцію В: *носат*, *се сретат*, *в̓рват*, *редат*, *доходат*, но съ колебаніемъ въ сторону восточно-болгарской субституціи А: *свалет*, *ф̓рлет*, *ф̓рлѣт*, *градет*, см. Верковичъ, Нар. Песме; *ѣ* обозначаетъ *е*). Сѣвернѣе, въ Демиръ-Хиссарѣ, господствуетъ восточно-болгарская субституція А, только къ 1. s. praes. присоединилась *-м*; еще сѣвернѣе, въ Мельникѣ, господствуетъ субституція В безъ *-м* въ 1. sing. praes: *гора*, *изгора*, *чина;* 3. plur. praes. *носат* Сб. VIII. 31.

Вернемся теперь къ говорамъ центральнаго «Прилепскаго» типа. Если мы обратимся къ текстамъ, изданнымъ полвѣка тому назадъ, мы увидимъ въ занимающихъ насъ формахъ praesentis такія колебанія, какихъ не находимъ для данной территоріи въ діалектическихъ текстахъ послѣдняго времени. Сборникъ Верковича, изданный въ 1860 году, содержитъ въ Велесскихъ пѣсняхъ слѣдующіе дублеты: 1. sing: *прата; молам*, *мислам*, *измамам*, *откупам*, *вадам; идем*, *отнесем*, *станем*, *можем; видем*, *турем*, *ударем*, *запалем;* очевидно сербскій типъ еще переработывается мѣстнымъ говоромъ, имѣющимъ въ основѣ типъ западно-болгарскій (В): форма *видам*, *молам* еще не обобщена: при ней существуетъ сербское *идем* и возникшее

1) Система В проявляется на югѣ отъ «Прилѣпскаго» нарѣчія, въ Кукушѣ, Mac. St. 111, а также въ Леринскомъ говорѣ, который заслуживаетъ спеціальнаго обслѣдованія въ виду того, что имѣетъ изъ лабіализованнаго ь не *е*, а *о* и ъ, ср. напр. Сб. IV. 141—143. Македонское *-аат* можно выводить изъ -ѧжтъ, позднѣе перешедшаго въ ѧ̨жтъ; восточноболгарское *ат* (*дават*, у Седмиградскихъ болгаръ *davant*) можетъ восходить и къ первоначальному -ѧ̨жтъ и къ первоначальному -ѧжтъ, рано измѣнившемуся въ -ѧ̨жтъ.

по его аналогіи *видем*, позднѣе устраненное варіантомъ *видам*. Въ 3. plur. praes. находимъ наряду съ западно-болгарскимъ типомъ *дойдат*, *земат*, *одат*, *обесат*, *жалат*, *носат*, *се чудат*, также остатки болѣе ранней унифицированной формы на *-ет*: *расплетет* (при *оплетат*), *земет* (при *земат*), *чинет*, *говорет*; классъ V имѣетъ еще *ạат* или *ајат*: *имаѫтъ*, *вечераѫтъ*, см. Верковичъ, Нар. Песме, 305—353. Въ этихъ дублетахъ мы не имѣемъ права подозрѣвать ни руку редактора-серба, ни сказителя съ индивидуально смѣшаннымъ говоромъ. Подобныя колебанія есть и въ знаменитомъ сборникѣ Миладиновыхъ (1861). Здѣсь мы находимъ напримѣръ въ Прилѣпскихъ пѣсняхъ слѣдующія формы: 1. sing. praes. только *земам*, *видам*, *судам*, въ 3. plur. praes. *горат* и *горѣт*, *тлеѣт* и *тлѣат* въ пѣснѣ № 43; *ядат* и *излезѣт*, *чекает* и *прощат* въ № 45; *земѣт*, *изгазѣт*, *клюкват* въ № 50; *купат*, *купеет* и *играет* въ № 150[1]); здѣсь мы слѣдовательно видимъ борьбу между западно-болгарскимъ типомъ B и западно-македонскимъ C; при 3. plur. *излезет* находимъ уже новообразованіе *купеет* по аналогіи *тоӣ играет*. Для Битольскаго говора см. Милетича, Сб. XV. 378 и 382—389 (Битольскій текстъ 1851 года).

Съ какой бы осторожностью мы ни относились къ показаніимъ Македонскихъ записей пятидесятыхъ годовъ прошлаго столѣтія, анализъ тѣхъ же говоровъ въ ихъ современномъ состояніи приводитъ къ тому же заключенію, что они когда-то перешли отъ типа C къ типу B. Для этого существуютъ слѣдующія данныя. Во-первыхъ 3. plur. *сет* (или *се*) εἰσί господствуетъ не только въ Гостиварѣ, Дебрѣ, Кичевѣ, Охридѣ (гдѣ это легко объясняется общимъ распространеніемъ окончанія *-ет* въ I—V классахъ), но также въ Битолѣ, Прилѣпѣ и Моріовѣ, гдѣ теперь господствуетъ 3. plur. на *-ат*, *-аат*. Уже Облакъ (Mac. St. 111) указываетъ на такое несоотвѣтствіе, не пытаясь объяснить его. Во-вторыхъ, формы македонскаго дѣепричастія также ясно доказываютъ, что западно-македонскій типъ «*-ет; аст; еет*» когда-то простирался на востокъ несравненно далѣе, чѣмъ теперь. Форма дѣепричастія ассоціривалась нѣкогда съ 3. plur. praes. и даетъ понятіе объ измѣненіяхъ этой формы. Въ Прилѣпѣ находимъ *бидѐиким*, *вжрвеіким*, *велеіќъум*, *бидѐіќъум* (указаніе на 3. plur. praes. *одеет; велеет; плачеет*: і = ị получилось въ дѣепричастіи изъ *е*), ср. Прилѣпское *садееки*

1) *ѣ* обозначаетъ звукъ *е*; *ѣ* стоитъ орѳографически вмѣсто *ѧ*: *свѣти* ἅγιος, *сѣ* = *сѧ*, на томъ основаніи, что въ русскомъ произношеніи *ѧ*, а въ восточно-болгарскомъ *ѣ* произносится какъ *'а*, *ịа*, *ја*.

«садя̀» Сб. XVI—XVII. 106. Въ Велесѣ: *плачѐекьи*, *одѐікьи*, *мислѐікьи*, *довоіьа̀ікьи* (указаніе на 3. plur. praes. *пла̀чеет*, *мѝслеет; довоіьает*). Въ Воденѣ: *не мужа̀шчимица* (= *піе тодас*), *пала̀шчимица*, *игра̀шчимица* и *бидѐшчимица*, *одѐшчимица:* первый типъ сходится съ Воденской 3. pl. praes. *можът*, *палът* (*палам* = *търся*), *играт*, послѣдній съ болѣе ранними формами 3. pl. praes. *бидет* (= бѫдѫтъ), *одет* (= ходѧтъ).

На сѣверо-востокѣ Македоніи, въ Горной Джумаѣ, отмѣчены *ловеіки*, *береіки*, *плачеіки*, содержащія указаніе на 3. plur. praes. *береет*, *ловеет*, *плачеет*. Наконецъ на далекомъ сѣверѣ, въ предѣлахъ Сербіи, Брокомъ открыты дѣепричастія трехъ типовъ: сербскаго—*ćека̀јуćі* и *tolѐćі* (архаизмъ въ выраженіи *tolѐćі se Bogu*); переходнаго: *tražѐјуćі* и македонско-болгарскаго: *idѐеćі*, *tolѐеćі*, *pevàјеćі*.

Изъ сопоставленія формъ 3. plur. praes., сохранившихся (въ разномъ діалектическомъ видѣ) въ западно-македонской окраинѣ, съ только-что приведенными пережитками изъ центрально-македонскаго района и его сѣверной и южной окраины, я заключаю, что нѣкогда во всей западной половинѣ Македоніи, по крайней мѣрѣ по сороковой градусъ сѣверной широты, господствовала въ I—IV классахъ глаголовъ форма 3. plur. praes. на *-ет*, въ V классѣ—на *-ает;* по аналогіи этой послѣдней въ кл. I—IV возникала затѣмъ (хотя не во всѣхъ говорахъ) форма на *-еет*. Начальная аналогія исходила отъ средне-болгарскаго -ѧтъ, полученнаго въ глаголахъ III и IV класса изъ -ѧтъ, въ глаголахъ класса I b. изъ 'ѫтъ. Вмѣстѣ эта группа глаголовъ по численности приблизительно равна въ болгарскомъ языкѣ классу V и далеко превосходитъ классы I-а и II вмѣстѣ взятые. Устраняя типы, порожденные вліяніемъ аналогіи, мы приходимъ для этой области къ основнымъ средне-болгарскимъ формамъ **плетѫтъ; двигнѫтъ; колѧтъ; молѧтъ, горѧтъ; имаѩтъ; глѧдаѩтъ.**

Въ 1. sing. praes. въ той же области получились средне-болгарскія (XIII в.) **плетѫ, дигнѫ**; **колѧ, молѧ, горѧ; имам** (изъ -аѩмь), **глѧдаѩ** или **глѧдаѩм** (изъ -аѭ). Слѣдуетъ предположить, что именно эти средне-болгарскіе типы, какъ и въ 3. plur. praes., послужили исходнымъ пунктомъ для всѣхъ дальнѣйшихъ измѣненій. Мы видѣли, что сербскій типъ *плетем -молим -гледам* (типъ S), разрушая западно-болгарскую систему В (*мола*—*молат*), утвердился почти только въ 1. sing. и создалъ смѣшанный типъ *молим*—*молат* (система S. B.). Ранѣе этого западно-болгарская система В распространилась въ Македонію, въ которой господствовала еще средне-

болгарская система, фонетически восходящая къ старославянской, но съ нефонетическимъ измѣненіемъ формы 3. pl. praes. (система С.). Здѣсь повторилось то же, что и въ западной Болгаріи: пришлый типъ отразился исключительно на 1. sing. praes: повсемѣстно была обобщена форма на *-ѫ* (*-а*): *плета*, *мола*, кромѣ пятаго класса, относительно котораго нельзя рѣшить, въ какой мѣрѣ онъ имѣлъ уже новое *-ам* вмѣсто новаго *-аѭ* изъ аѭ при старомъ *-ам* изъ ꙗамь. Эту систему «*плета—плетет*, *плетеет; мола—молет*, *молеет*; *гледам—гледает*» слѣдуетъ, такимъ образомъ, обозначить какъ «систему В. С.». Позднѣе, когда въ Западной Болгаріи образовалась смѣшанная система S. В., она распространилась отсюда и на Македонію, гдѣ уже господствовало В. С.; переработанная по говорамъ, система S. В. дала здѣсь въ результатѣ новые типы: на западѣ S. В. С, на востокѣ S. В. В. С. Подъ обозначеніемъ S. В. С. я разумѣю то обстоятельство, что на западѣ Македоніи 3. plur. praes. осталась и на этотъ разъ нетронутой, только 1. sing. послѣ діалектическихъ колебаній въ сторону *плетем—молим* выработала изъ стараго *плета—мола* общую форму *плетам—молам*; въ пользу этой послѣдней рѣшило уже обобщенное окончаніе *-а*, а также быть можетъ завершившееся обобщеніе формы *-ам* въ обширномъ V классѣ глаголовъ. Подъ обозначеніемъ S. В. В. С. я разумѣю, что въ центральной и восточной части Македоніи при вторженіи типа S. В. измѣненію подверглась (по западно-болгарски) также 3. plur. praes. Наконецъ въ юговосточномъ углу Македоніи существовавшій тамъ восточно-болгарскій типъ А подвергся измѣненію въ S. В. А,—типъ опредѣляемый формами 1. sing. *мол҆ъм*, *мол҆ам*, *молём* и 3. plur. *мол҆ът*, *мол҆ат*, *молёт*. Въ позднѣйшее время исторія этихъ формъ въ Македонскихъ говорахъ состояла въ томъ, что система S. В. С. оттѣснялась съ востока на западъ системой S. В. В. С.

Если сѣверо-болгарскіе типы А (восточный) и В (западный) обобщились въ первый вѣкъ турецкаго ига, то образованіе всѣхъ остальныхъ, сложныхъ типовъ относится очевидно къ XV—XIX вѣку. Если А, В и С не отысканы въ памятникахъ XIII—XIV вѣка, то искать въ нихъ зарожденія типовъ SB, SBC, SBA, SBBC мы не можемъ и подавно. Относя возникновеніе всѣхъ этихъ новообразованій къ ново-болгарской эпохѣ, я обращаю вниманіе на чрезвычайно быструю эволюцію, которую совершилъ напримѣръ болгарскій постпозитивный членъ втеченіе XVII—XIX вѣковъ.

И такъ, преобразованіе фонетической формы 1. sing. praes. глаголовъ III и IV класса по аналогіи глаголовъ I и II класса охватило нѣкогда, въ

двухъ варіантахъ (А и В), почти всю территорію болгарскаго языка. При такихъ условіяхъ мы почти не ожидали бы найти современный болгарскій говоръ, стоящій на стадіи среднеболгарскихъ нарѣчій XIII вѣка, т. е. еще не имѣющій нефонетической субституціи.

Я рѣшительно сомнѣваюсь въ настоящее время, чтобы на этой стадіи стоялъ Разложскій діалектъ. Въ судьбѣ неударяемыхъ гласныхъ онъ обнаруживаетъ связи съ Родопами и имѣетъ напр. слѣды неударяемаго *а*° изъ ѣ, ʹа, ѧ, ь и ѥ, лишь заслоненные позднѣйшимъ (но еще не послѣдовательно проведеннымъ) переходомъ неударяемаго *а*° въ *е*. И Разложскія 1. sing. *моле*, *фале*, nom. sing. *воле*, *неделе* могутъ быть выводимы изъ *мол́ъ* чрезъ посредство родопскаго *молеа*. Разложскій говоръ представляется переходнымъ отъ Родопскаго діалекта къ группѣ говоровъ Кюстендиль-Дупница-Г. Джумая, съ нѣкоторой оригинальной окраской въ судьбѣ тоѵ ж (молѭ), которая создаетъ иллюзіи глубокаго архаизма. Не подлежитъ сомнѣнію разложско-родопское чѣ изъ *с́а*. Замѣтимъ, что эта черта рѣзко представлена въ рукописяхъ конца XIII вѣка въ связи съ jѧ̈, шѧ̈, жѧ̈, чѧ̈.

3. Мягкость.

Для выраженія мягкости согласныхъ Болонская псалтырь такъ же ограничена въ средствахъ, какъ и другія средне-болгарскія рукописи: ь implicite, выражавшее нѣкогда среднюю мягкость предыдущей согласной, осталось въ Болонской псалтыри только въ качествѣ рѣдкаго варіанта полугласной ъ; сама средняя мягкость впрочемъ уже исчезла тамъ, гдѣ исчезла полугласная ь, т.-е. передъ согласной или передъ паузой всѣ согласныя (кромѣ общеславянскихъ шипящихъ и смягченныхъ свистящихъ, о которыхъ ниже) стали тверды въ говорѣ Болонской псалтыри: выговаривалось очевидно *zapovēd*, *įest*, *nēst*, *vlast*, *pъt*, *ves*, какъ доказываютъ отмѣченныя выше написанія весотъ ὁ πᾶς, пѫтосъ ἡ ὁδός; обычное правописаніе ѡт҃цъ, кнѧѕъ, мѫжъ, нашъ, рѣчъ, сирѣчъ не даетъ указаній также относительно степени мягкости шипящихъ и смягченныхъ свистящихъ; то же относится и къ старымъ р̑, л̑, н̑: цр҃ъ βασιλεύς и adj. βασιλέως, ѡлтаръ, нанъ εἰς αὐτόν, добль не обозначаютъ сильной мягкости и въ томъ случаѣ, когда она еще не была утрачена и въ выговорѣ: л̑, хотя можетъ быть и не вполнѣ послѣдовательно, и сейчасъ сохраняется въ Охридѣ: *сол́*, *ўчител́*; н̑

старое обратилось въ Охридѣ въ jn: *kojn*, *kojna*=конь, конꙗ; на эпоху и ходъ этого явленія указываютъ: 1) *-ejne*, полученное изъ -ѥниѥ чрезъ *-eнie*, *eнe*: *играјне*, *скокајне* и т. д., 2) *водѐјница*, *топѐјница*, *чѐјница* изъ *водѐница*, *топѐница*, *пчѐница* чрезъ *vodeнsa*, которое появилось очевидно уже послѣ того, какъ удареніе было нормировано на третьемъ слогѣ съ конца. Мягкое н҄, въ которомъ совпали три первоначально различныя фонетическія группы, должно было быть н҄ долгимъ, подобнымъ сербскому њ. Изъ самого памятника о мягкости согласныхъ вообще можно судить только тогда, когда онѣ стоятъ передъ гласными ѣ и ю.

Старыя группы р҄а, л҄а, н҄а, с҄а (или быть можетъ р҄ја, л҄ја, н҄ја) послѣдовательно обозначаются чрезъ рѣ, лѣ, нѣ, сѣ:

N. s. боурѣ, g. s. морѣ, ц҃рѣ, кесарѣ, ѡлтарѣ, глаголы марѣетъ, сматрѣеши, смотрѣетъ, разарѣетъ, разарѣлъ, растварѣетсѧ, въдварѣетсѧ, оудъварѣетъ, оукарѣетъ.

N. s. постелѣ, волѣ, n. s. f. *adj* диꙗволѣ (sc. рѫка, сила, крѣпостъ), орлѣ юность, acc. pl. полѣ, g. s. оучителѣ, глаголы стрѣлѣти, помъıшлѣете etc. То же правописаніе передъ прежнимъ, въ эпоху рукописи уже исчезнувшимъ l epentheticum: n. s. землѣ, g. s. иꙗковлѣ, глаголы оживлѣетъ, посрамлѣеми и т. д.

N. s. главнѣ, n. s. f. adj. г҃нѣ, с҃новнѣ (sc. десница), n. pl. г҃нѣ (словеса), врата сиѡнѣ, g. s. ѿ ѡгнѣ, стѣнѣ (cnfr. d. s. стѣню 134.4), глаголы оукланѣтисѧ, прѣкланѣеши и т. п

Всѣ πάντα et πᾶσα, всѣка, всѣкого, всѣкѫ, всѣчъскаа—всегда.

То же находимъ и передъ ю: ѡлтарю, царю, стѣню и т. д.

Относительно лѣ и нѣ нѣтъ никакихъ отклоненій отъ указанной орѳографіи; мы и не ожидали бы ихъ, ибо македонскіе говоры фонетически имѣютъ *ля* и *ня* изъ старыхъ л҄а и н҄а; относительно лю и ню отклоненій также нѣтъ. Въ македонскихъ говорахъ твердое *л* передъ *а* и твердое *л* или *н* изъ л҄ и н҄ передъ старымъ *ю*—явленіе рѣдкое и притомъ спорадическое, если имѣть въ виду случаи чисто фонетическаго происхожденія (ср. напр. *kluč*, Oblak, Macedonische Studien). Судьба стараго с҄ въ македонскихъ говорахъ не вполнѣ ясна, главнымъ образомъ вслѣдствіе новообразованій нефонетическаго характера, ср. македонскія діалектическія *сета* и *сата* πᾶσα. Ясно, что само ἐνταῦτα 119.3, само и ѿнамо 91.4, 144.2 имѣютъ твердое *с*, какъ и въ современныхъ болгарскихъ діалектахъ. Написаніе свѣта лiоунънааго 118.4 указываетъ конечно на среднее l, которое нѣсколько

позднѣе, подъ конецъ XIII вѣка, уже нерѣдко смѣшивается съ ѧ; въ Болонской псалтыри это былъ бы первый по времени случай такого смѣшенія. Не указываетъ ли правописаніе ꙇоу на то, что ю еще отличалось по качеству гласной отъ *у*?

По отношенію къ шипящимъ и къ свистящимъ ц ꙃ Болонская псалтырь сходится съ значительнымъ большинствомъ средне-болгарскихъ памятниковъ, указывающихъ на говоры, въ коихъ мягкость отсутствовала или была незначительна у всѣхъ разсматриваемыхъ согласныхъ кромѣ ч; у послѣдняго она была нѣсколько замѣтнѣе. Послѣ ш, ж, шт, жд, ц, ꙃ находимъ послѣдовательное оу: **шоума, шоуе, вскресъшоу моудѫщоу, сънъмищоу, непъщоуетъ, жоупелъ, междоу, лицоу, ѡцоу, срцоу, плꙃоуетъ**; такія написанія какъ **шюма** 103.2, **оцю** 115,4, **лицю** 68.3, **срцю** 172.2—составляютъ рѣдкость. Наоборотъ, послѣ ч только въ рѣдкихъ случаяхъ находимъ оу: **родоу чловѣчоу** 34.2, **чоудомъ** 43.3, **чоудно** 9.2, **чоувъствънꙑ** 49.4, правило составляетъ чю: **чюдеса, чюдно, чюдѧщеса** 102.2, **велрѣчюѭщиен** 102.4, **чювъственъ, чювествъная** и т. д. Такое употребленіе знаковъ ю и оу въ средне-болгарскую эпоху не можетъ быть объясняемо исключительно наслѣдіемъ старославянской графики: оно совпадаетъ съ показаніями значительной, если не преобладающей массы живыхъ говоровъ съ твердыми или почти твердыми[1]) ш, ж, ц и т. д. и полумягкимъ ч. Гораздо рѣже встрѣчаются средне-болгарскіе памятники, указывающіе на мягкость всѣхъ или большинства разсматриваемыхъ звуковъ, таково напр. Боянское Евангеліе Григоровича.

Послѣ тѣхъ же звуковъ, не исключая и ч, въ Болонской псалтыри вмѣсто а вообще не пишется ѣ: **наша, мѫжа, чловѣча, скончание** и т. д. Только два раза находимъ чѣ и два раза штѣ: **высочѣе** 201.4, **чѣрдѣем** 101.2, **ищѣзаѭщи** 97,4, **ищѣзактъ** 106.1. Могла уже существовать извѣстная разница въ степени мягкости звука ч въ зависимости отъ слѣдующей гласной (ср. Цанковы, Grammatik и Oblak, Maced. St.), и этимъ можно объяснять рѣдкое чѣ; но ч очевидно и передъ а мягче, чѣмъ ж, ш; если такъ, то то же слѣдуетъ принять и для шт, а это приводитъ къ догадкѣ, не произносилось ли Охридское шт и вообще съ мягкостью второй части, именно какъ *št'* или *šć*, съ мягкимъ *ć* хотя бы и неполнаго образованія (*št^s*)? Отсутствіе

1) Въ говорахъ восточнаго нарѣчія, въ положеніи передъ ѣ открытымъ, тѣ же звуки мягки: *пишял, можял, щял, цял* = *писалъ, могъ, хотѣлъ* (въ особомъ синтактическомъ употребленіи), *цѣлый*.

правописанія штю, щю въ такомъ случаѣ могло бы объясняться только книжнымъ характеромъ почти всѣхъ словъ и формъ, въ которыхъ встрѣчалась группа штю: dat. sing. partic. praes. гл҃щоу etc., глаголъ непъщоуж, діалектическое уже въ старославянскомъ щоуждь.

При ограниченномъ количествѣ примѣровъ (ѣ въ высочѣе можетъ быть объясняемо и вліяніемъ грамматической аналогіи) опредѣленные выводы невозможны, но все же въ нашемъ случаѣ извѣстная мягкость звука ч является объясненіемъ наиболѣе близкимъ. При наличности иныхъ условій, напр. при послѣдовательномъ чѣ мы были бы принуждены искать иного объясненія. Такую именно черту находимъ мы въ весьма важномъ по говору болгарскомъ Апостолѣ Историческаго Музея (см. Приложенія). Мы имѣемъ въ этой рукописи средне-болгарскій говоръ, обратившій всякое ча въ настоящее чѣ и всякое цѣ въ настоящее ца.

Отвердѣніе стараго ρ̂ = ρj, теперь повсемѣстное въ Македоніи, кромѣ говоровъ ея юго-восточнаго угла, до сихъ поръ еще не могло быть точно датировано на основаніи памятниковъ. Старославянскіе глаголическіе памятники македонскаго происхожденія говорятъ въ пользу мягкаго ρ̂, показанія Саввиной книги—неопредѣленны. Болонская псалтырь послѣдовательно пишетъ рю и только два раза отклоняется отъ обычнаго правописанія рѣ = ря: ѿ лазара 10.4, егда смѣраахъ 196.4. Въ первомъ случаѣ можно думать о твердой основѣ лазаръ, gen. лазара, образованной въ книжномъ языкѣ на основаніи греческаго Λάζαρος; такое образованіе извѣстно уже въ Ассем.; примѣръ смѣраахъ—не вполнѣ доказателенъ уже потому, что въ Болонской псалтыри есть спорадическіе случаи постановки а вмѣсто ѣ (и наоборотъ, ѣ вмѣсто а) и послѣ другихъ согласныхъ (см. ниже подъ ѣ). Въ Охридскомъ апостолѣ находимъ два случая ра вм. рѣ = ря: разараи 55 об., оукараетъ 56. Къ сожалѣнію, эти случаи, какъ и смѣраахъ, остаются подъ подозрѣніемъ простой описки.

4. Ѣ.

Въ современныхъ Охридскихъ говорахъ, томъ крупномъ нарѣчіи, часть коего они составляютъ, и во всей Македоніи, кромѣ ея восточной окраины, ѣ совпало теперь съ е; на сѣверо-востокѣ Македоніи при обычномъ ѣ = е мы находимъ ца изъ стараго цѣ; южнѣе, въ Разлогѣ, при ца изъ цѣ, отчасти

всякое, отчасти только ударяемое ѣ является въ видѣ открытаго *е*, отличнаго отъ ɛ стараго. На юго-востокѣ Македоніи (Сухо и др. мѣстности) ѣ является въ видѣ *ea* и *'a*. Въ Охридѣ, гдѣ ѣ не отличается по звуку отъ стараго ɛ, *л* предшествующее старому ѣ сохранило (хотя быть можетъ и непослѣдовательно) мягкость: *млеко* Сб. XVIII. 524. Всѣ Македонскіе рефлексы стараго ѣ легко сводятся къ открытому ѣ старославянской эпохи и современнаго восточно-болгарскаго нарѣчія; діалектическіе варіанты этого открытаго ѣ могли быть очень различны. Во второй половинѣ XIII вѣка, какъ показываютъ многіе памятники, существовали уже говоры, въ которыхъ ѣ не отличалось отъ ɛ, а равно говоры, въ которыхъ группа цѣ уже перешла въ ца, а при иномъ положеніи ѣ еще отличалось отъ ɛ, но уже въ своей слоговой части не заключало чистаго а; рукописи съ такою особенностью могутъ быть пріурочены къ опредѣленной территоріи, въ которую входятъ Разлогъ, Дупница, Кюстендиль, часть Софійскаго края, Брѣзникъ, Врацa и другіе говоры; это какъ бы поясъ, лежавшій между македонской территоріей закрытаго ѣ и восточно-болгарской территоріей ѣ открытаго. Въ этихъ говорахъ находимъ во-первыхъ ца = цѣ: *цал*, *цадим*, *цапим*, *цаним*, *цава*, *цана*, *цáлина*, *цафка*, *цадило*, *цалувам* (Кюстендиль), *цапове* (Брезникъ), *цави* (Вратца), *оцанили*, *уцáнил* (Софийско, Биримирци)[1]); во-вторыхъ, при положеніи не передъ *ц* тѣ же говоры отчасти отличаютъ ѣ отъ ɛ: именно въ сѣверо-восточныхъ говорахъ ѣ ударяемое звучитъ какъ *е* болѣе открытое; то же въ Разлогѣ, при чемъ здѣсь въ нѣкоторыхъ селахъ и неударяемое ѣ отчасти (не послѣдовательно) звучитъ еще какъ открытое *е*, и такое же *е* слышится и въ группѣ *че* = старому ча; разложскій діалектъ этими особенностями очевидно сближается съ родопскимъ нарѣчіемъ. Во второй половинѣ XIII вѣка эта стадія ѣ = e^{a} еще сохранялась такими говорами, которые теперь имѣютъ настоящее *е* изъ ѣ. Закрытый выговоръ звука ѣ надвигался и до сихъ поръ продолжаетъ надвигаться съ запада и сѣверо-запада на востокъ и юго-востокъ. Почти вся Македонія имѣетъ теперь *е* изъ ѣ, центральное нарѣчіе западной Македоніи, въ томъ числѣ Охридскіе говоры, не сохранили при этомъ никакихъ слѣдовъ стараго открытаго ѣ: цѣ дало здѣсь *це*, а не *ца*, которое въ говорахъ, упомянутыхъ выше, могло получиться только вслѣдствіе ранняго отвердѣнія звука *ц* въ

1) См. М. Ивановъ Сб. X. 355; Б. Цоневъ, Уводъ Сб. XVIII, а также Сб. XII. 45, Сб. XVI—XVII. 331.

группѣ *ц͡іа*, *ця*; при ***постепенномъ*** отвердѣніи *ц͡іа*, *ця* черезъ *ц́а*ᵉ, *це*ᵃ обращалось въ *це*.

Показанія Болонской псалтыри относительно ѣ скудны, но они могутъ быть поняты въ томъ смыслѣ, что въ первой половинѣ XIII вѣка Охридское ѣ находилось на переходной стадіи: оно звучало какъ *а*ᵉ или *е*ᵃ съ умѣренной мягкостью предыдущей согласной.

Во-первыхъ, звукъ ѣ въ говорѣ Болонской псалтыри не заключалъ въ себѣ чистаго *е*: написанія **аримаѳеистѣмъ, июдеистии, июдеи, евреи** (= греч. -αῖος) слишкомъ послѣдовательны, чтобы объясняться однимъ вліяніемъ оригиналовъ; ѣи находимъ только въ словѣ **ѡлѣи**: **ѡлѣѩ** 4.3, **ѡлѣемъ** 33.3, 74.3; **ѡлѣѩ** 90.3, **ѡ̔лѣа** 103.4; **ѡлѣемъ** 146,1 (**ѡ̔леи** только 4.4); но это слово получило настоящее ѣ при самомъ заимствованіи (ср. Разсужденіе).

Во-вторыхъ, ѣ еще строго отличается отъ **е**: **ѿстѫпете ѿ мене** 99.2 относится къ распространенному типу ошибокъ; о формѣ imperat. **ѿстѫпѣте** мы не можемъ думать уже потому, что охридскіе говоры обобщили въ 2 plur. imperat. не *ѣ*, а *і*: не только *пи̂шите*, *збо̂рвите*, *іаіте* (= *іадите*), но также *сеіте* (= *се̂дите*) Сб. XVIII. 542, *поме̂тите* Сб. V, 94—102. Въ **ѡтметаеть** 49.1 (при **ѻтъмѣтаетъ** ibid.) ѣ замѣнено черезъ **е** нефонетически, ср. **смотрѣеть** 60.1 при **сматрѣеши** 13.3. Примѣръ **ѩко трънье на п҃сти** 94.5 имѣетъ и не изъ неударяемаго **е** = ѣ (**на поустѣ** sc. **мѣстѣ**): **п҃сти** замѣняетъ вѣроятно слово **пѫти**. Остается еще примѣръ въ датѣ Болонской псалтыри: **въ селѣ рекомъıмъ равне** (ср. выше, стр. 3); и въ этой формѣ мы не имѣемъ никакого основанія видѣть *е* = ѣ: это село и сейчасъ еще называется *Рамне*, и можно думать, что уже въ XIII вѣкѣ его названіе было малосклоняемымъ. Среди названій населенныхъ мѣстъ Македоніи мы находимъ *Равен*, *Равна* (трижды), *Рамна* (шесть разъ, изъ нихъ одинъ разъ—недалеко отъ Охриды, къ югу отъ нея) *Рамно* и *Рамно Буче*, и только дважды *Рамне* (наше село и село въ Кичевскомъ Порѣчьѣ). Въ Болгаріи встрѣчается только Равна (пять разъ)[1]). Уже на основаніи этихъ фактовъ нельзя предполагать, что современное *Рамне* подновлено изъ болѣе древняго **Равьно** или **Равьна**; окончаніе *-е* естественно считать въ данномъ случаѣ за архаизмъ, почти исчезнувшій съ современной карты Болгаріи. Иной вопросъ, какъ произошло это окончаніе. Окончаніе *-е* распространено въ названіяхъ македонскихъ и болгарскихъ поселеній, но очень рѣдко оно

1) Кѫнчевъ, Македония; Списъкъ на населенитѣ мѣста въ България; Сб. М. IV. 1—102.

восходитъ къ adj. sing. neutr. При распространенныхъ эпитетахъ *горни-*, *горна-*, *горно-*; *долни-*, *долна-*, *долно-*; *средни-*, *средна-*, *средно-* и т. п. мы встрѣчаемъ по разу: *Срѣдне* (Шуменско), *Горне* (Тетовско), *Вишне* (Стружско Сб. IV. 91; позднѣе Кѫнчевъ въ кн. «Македонія» пишетъ *Вишни*), да сомнительное *Сине*; въ *Рамне* *-е* на мѣстѣ стараго **-оѥ** стоитъ совершенно одиноко; подверглось ли оно аналогіи названій на **-ѥѥ**, въ древности вѣроятно болѣе многочисленныхъ и обозначающихъ, какъ и *Рамне*, наиболѣе общія свойства поверхности, или *-е* въ *Равне* того же происхожденія, какъ въ современныхъ Охридскихъ *бѫрзá коньа сúвего* Сб. V. 94—102. № 4; *úмаш сина малего, на дóбрего іунака, до вишнего Бога* Сб. XIII. 109—119? Такія формы на *-его* извѣстны еще въ Прилепскомъ и Дебрскомъ краѣ и вѣроятно и въ другихъ частяхъ Македоніи, ср. Обзоръ, стр. 174—175.

Въ третьихъ, и это новый шагъ по сравненію съ старославянской эпохой, въ Болонской псалтыри находимъ не только **ѣ** вмѣсто **а** (спорадически), послѣ **ч** и **щ** (ср. выше), но также **ѣ** вмѣсто **а** послѣ согласныхъ несмягченныхъ: **прчство ѡ тѣинѣ** 15.3, **съхрѣнѣетъ** 52.1 (похоже на описку), **сзда** и **пзда рѣѩ** (= **раѩ**) **толицѣми садъı и краснъı оуодобри** 126.4; **нѣ дрѣвѣ рѣчънѣамъ** 219.4, **при пилѣтѣ** 180.4 (**подрѣжаниемь** 54.1, **въсѣдника** ἱππέα 238.3 при **въсадъника** ibid., сюда не относятся). Обратную замѣну находимъ у II. писца: **на всѣкомъ мѣста** 100.4; сюда же могло бы относиться и **смѣраахъ сѧ печалиѫ** у IV писца, 196.4 (**насладѧтъı** κληρονομήσουσιν αὐτήν 113.3, **насладиши** κατακληρονομήσεις 137.1, **прѣстолъ славъı насладитъ емоу** 250.1 вѣроятно сюда не относится). Эти примѣры обоюдной смѣны **а/ѣ** могли бы объясниться фонетически, если принять, что Охридское **ѣ** въ эпоху Болонской псалтыри звучало какъ *а*ᵉ съ нѣкоторой мягкостью предшествующей согласной. При выговорѣ болѣе закрытомъ, обусловливающемъ дальнѣйшее ослабленіе мягкости, мы ожидали бы смѣшенія **ѣ** съ **е**; выговоръ *'а*ᵉ не нарушалъ и традиціоннаго правописанія **лѣ**, **нѣ** = **лѩ**, **нѩ**.

5. Ы.

Сравнительно недавно стало извѣстно, что живые болгарскіе говоры сохранили слѣды стараго **ъı** въ видѣ *i*ᵊ, отличнаго отъ *i*. Всего лучше эта черта сохранилась въ нарѣчіи болгарскихъ павликіянъ, западно-ѳракій-

скомъ по своему происхожденію; кромѣ того, болѣе рѣдкіе остатки звука ъı найдены спорадически въ Родопахъ и въ примыкающемъ къ нимъ юго-восточномъ углу Македоніи (Солунскія села Висока и Зарово)[1]. Въ Павликіанскомъ нарѣчіи съ спорадическимъ сохраненіемъ звука ъı отчасти идетъ объ руку образованіе *iъı* изъ стараго *i* ударяемаго; старое ъı и внѣ ударенія встрѣчается въ видѣ *iъı*; при этомъ между ъı ударяемымъ и неударяемымъ наблюдается такое же физіологическое различіе, какъ между ударяемымъ и неударяемымъ ъ: ударяемое *iъı* произносится очень закрыто и напряженно, приближаясь по акустическому впечатлѣнію къ ударяемому ъ; быть можетъ и работа органовъ рѣчи осложнилась типичнымъ для ъ напряженіемъ корня языка; это относится и къ тому *iъı*, которое получилось изъ ударяемаго *i*.

Западная Ѳракія, Родопы, юго-восточная Македонія—вотъ территорія, которая всего позднѣе была захвачена средне-болгарскимъ переходомъ ъı въ *i*. Павликіанское нарѣчіе безъ сомнѣнія рано обособилось въ замкнутую культурно-этнографическую единицу и упорнѣе сохраняло свое ъı; другіе говоры, сохранившіе слѣды звука ъı, представляютъ на указанной территоріи мелкіе оазисы, окруженные говорами, въ которыхъ ъı всегда $=$ *i*; изъ этого надо заключить, что, подобно другимъ средне-болгарскимъ фонетическимъ процессамъ, переходъ ъı въ *i* протекалъ въ говорахъ, при чемъ говоры отстававшіе или приходившіе къ особымъ результатамъ позднѣе нивеллировались своими ближайшими сосѣдями. Во второй половинѣ XIII вѣка уже существовали говоры, завершившіе переходъ ъı въ *i*; таковъ говоръ издаваемаго мною въ приложеніяхъ Поповскаго листка; онъ не отличаетъ ъı отъ и; другіе говоры той же эпохи стояли еще на стадіи ъı $=$ *iъı*; таковъ вѣроятно говоръ Апостола Историческаго Музея (см. Приложенія); хотя эта рукопись, особенно одинъ изъ писцовъ, и употребляетъ и вмѣсто ъı, но въ то же время послѣ жд иногда, а послѣ в нерѣдко ставится ъı вмѣсто и, откуда надо заключить, что акустически старое ъı даннаго говора еще отличалось отъ *i*. Говоръ Музейскаго Апостола лежалъ во всякомъ случаѣ къ западу отъ территоріи «Родопы - Юго-восточная Македонія», т.-е. въ такой области, которая теперь не сохраняетъ уже никакихъ слѣдовъ различія между ъı и й. Изъ перечисленныхъ фактовъ извлекается такая картина измѣненія звука ъı, которая съ успѣхомъ можетъ быть примѣнена къ

1) Ср. Милетичъ, Книжнина и езикътъ на Банатски българи, стр. 81—82 (оттискъ изъ Сб. XVI).

Охридскому говору первой половины XIII вѣка; въ Болонской псалтыри отмѣчаемъ слѣдующіе факты:

1. ъ вмѣсто ꙑ находимъ въ случаяхъ: бъти 29.2, бъшѫ 25.2, мъісли 49.1 (ъ переправленное въ ꙑ), ѡтъкръшѫ сѧ 22.3, оуслъішꙑ (ꙑ послѣ л переправлено изъ ъ) 27.3, насъщъ 176.2. Въ этихъ случаяхъ ꙑ могло приближаться по акустическому впечатлѣнію къ ъ.

Однако эти случаи можно считать и простыми описками.

2. Обратная замѣна ъ (выпавшаго!) знакомъ ꙑ, встрѣченная всего одинъ разъ, это очевидная описка: благостъінъімъ 28.3.

3. Случаи написанія и вмѣсто ꙑ ни въ какомъ случаѣ не свидѣтельствуютъ о переходѣ ꙑ въ и: случаи весьма малочисленны и распредѣляются по спеціальнымъ категоріямъ: тисѫщѫ 55.4, нїражтъ 9.4, ѡтъригаетъ 26.1, ѡтъригнѫ 3. s. aor. 73.3—древнѣйшіе варіанты съ начтоящимъ и; ѿкрилъ 182.4, прикришѫ сѧ 46.3, покриваѥмъ 114.4, рикаахъ 62.1, рикаахѫ 31.2 восходятъ къ старославянскому измѣненію группы рꙑ; призиваетъ 69.3, призиваем' 28.2, partic. посилаѫ 166.1 и посилаѭ 234.3 (подобные примѣры извѣстны и изъ другихъ средне-болгарскихъ и изъ сербскихъ памятниковъ) получили и нефонетическимъ путемъ, по аналогіи глаголовъ того же класса съ и (оумирати, събирати etc.), ср. *и* въ сербскихъ *-тицати* (= тък-, тꙑк-), *-мицати* (мък-, мꙑк-), или *с* въ сербскихъ *-сисати* (съх-, сꙑх-), *-дисати* (дъх-, дꙑх-) и т. п.; примѣры непотрѣбни n. s.? 2.4, грѣшнихъ 225.3, поустꙑнниими 207.1 одни могли бы указывать на то, что при извѣстномъ условіи ꙑ начало склоняться къ и; однако эти формы могутъ быть и нефонетическаго происхожденія.

4. Случаи написанія ꙑ вмѣсто и, также малочисленные, встрѣчаются исключительно послѣ тѣхъ согласныхъ, за которыми и слѣдующее ѧ замѣнялось чрезъ ж: оуслъ'шꙑ 2. s. imperat. 27.3, съ птенъцꙑ 107.4, птицꙑ 129.1, 143.4, 166.3, срцꙑ вашими 241.4, съ кнѧѕꙑ 186.2; жꙑвъшѫѫ acc. pl. 74.4 не вполнѣ доказательно, ибо ж переправлено чуть ли не изъ в; n. s. masc. ништꙑ 50 3, еще можетъ восходить къ фонетическому ништи = ништии (ср. n. s. въшни 22.1), хотя въ n. s. m. мягкихъ основъ формы на -и = -ии рѣдки (пишется -ии или, рѣже, -еи; въ твердой основѣ -ꙑ = ъи встрѣчается часто: вѣрнꙑ 1.4, грѧдꙑ 9.2, клънꙑ сѧ 17.3, ѿсмꙑ 15.1—2 и т. д.); въсаждꙑ ὁ φυτεύσας 153.3 объясняется графической замѣной ь чрезъ ъ: въ оригиналѣ слѣдуетъ предположить въсаждꙑ,

гдѣ ы изображало два звука, ср. г҃ы своихъ = господеи 209.1, инъı = инеи 262. Написаніе птицъı 129.1 обозначаетъ уже acc. pl., и такимъ образомъ передъ нами переходъ слова въ твердое склоненіе или даже новая (среднеболгарская) форма acc. nom. на -и. Уже въ Маріинскомъ Евангеліи находимъ instr. pl. старьцъı Math. 27.41 и acc. pl. пѣнѧѕъı Ioh. 2.15, то-есть тѣ же два различныхъ явленія, что̀ и въ Бол. пс. На лабіализацію звука и могли бы указывать написанія съѕъıдаѫ partic. 30.3, 62.4, съѕъıдаѫи 154.1, съѕъıдааше 155.3, однако они допускаютъ и иное объясненіе.

Въ итогѣ мы приходимъ къ выводу, что если даже въ Болонской псалтыри старое ъı и измѣняло свое старое качество въ томъ или другомъ направленіи, то вообще оно еще довольно ясно отличалось отъ и.

6. Неударяемыя гласныя.

Особый выговоръ болгарскихъ неударяемыхъ гласныхъ въ сравненіи съ ударяемыми у болгарскихъ филологовъ принято называть «редукціей»; такая краткость обозначенія очень удобна въ практическомъ отношеніи, но въ то же время представляетъ очевидный научный вредъ: мнѣ уже приходилось указывать (Разсужденіе, 170) на большую неопредѣленность нѣмецкаго термина Reduction: онъ обозначаетъ неполность образованія звука въ любомъ отношеніи, совершенно не опредѣляя для каждаго даннаго случая, какіе именно органы рѣчи производятъ неполную работу; редуцированное *о* можетъ напримѣръ получать акустическое сходство съ *у* (латинск. *u*) вслѣдствіе неполной работы губъ и акустическое сходство съ *а*, *ъ* вслѣдствіе неполной работы языка; оба рода редукціи могутъ и соединяться, а изслѣдователь, не привыкшій послѣдовательно стремиться къ выясненію физіологической стороны явленія, удовольствуется удостовѣреніемъ факта «редукціи» исключительно на основаніи акустическаго впечатлѣнія. Очевидно, что терминъ «редукція», получившій большую популярность, ограничиваетъ пытливость и пріучаетъ оперировать неопредѣленными величинами[1]). Особой заслугой Милетича я считаю поэтому то, что онъ обратилъ вниманіе на физіологическую сторону болгарскаго *о*, удостовѣривъ, что въ восточномъ нарѣчіи

1) Говорятъ напримѣръ и о редукціи Охридскаго *ударяемаго а*, вмѣсто котораго произносится извѣстнаго рода *ъ*, то-есть звукъ по работѣ органовъ болѣе сложный и болѣе напряженный, нежели *а*; очевидно, ни фонетическія условія, ни ихъ результатъ не позволяютъ въ данномъ случаѣ видѣть явленіе редукціи.

о и подъ удареніемъ имѣетъ округленіе болѣе сильное, чѣмъ въ другихъ языкахъ (Das Ostbulgarische). Факты измѣненія болгарскихъ неударяемыхъ гласныхъ всего лучше сгруппированы недавно Цоневымъ [1]). Онъ дѣлитъ говоры Восточнаго нарѣчія на три разряда: I, говоры съ «полной редукціей»: неударяемыя *а* = *ъ*, неударяемыя *е* = *і* или *'ъ*, неударяемыя *о* = *у* (лат. *u*); это—сѣверо-восточные говоры (Дунайская Болгарія) и большая часть балканскихъ; II, говоры съ «частичной редукціей»: неударяемое *а* = *а*, *е* = *е* или *е*ª, *о* = *у*; сюда относится большая часть юго-восточныхъ говоровъ (Ѳракія и Родопы); III, говоры безъ редукціи: неударяемыя *а*, *е*, *о* не измѣняютъ своего качества; это, говоритъ Цоневъ, говоры, лежащіе вдоль границы двухъ выговоровъ звука ѣ, именно въ ея сѣверномъ отдѣлѣ—Плѣвненскія и Луковитскія сёла, Тетевенскій округъ и западная часть Средней горы, т.-е. восточно болгарская часть такъ называемыхъ центральныхъ говоровъ (ъ, ѫ = *а*) и говоры съ ними сосѣдящіе. Въ Македоніи къ типу II относятся говоры, сосѣдящіе съ Родопами: Чепино, Разлогъ, Мельникъ, Демиръ-Хиссаръ. Къ типу I восходятъ въ Македоніи а) говоры юго-восточнаго угла, между ними говоръ села Сухо, описанный Облакомъ (Macedonische Studien); въ этомъ послѣднемъ районѣ неударяемыя *а*, *о*, *е* являются обыкновенно въ видѣ *а*ъ, *о*u, *е*i; сильнѣе, т.-е. по восточно-болгарски, эта склонность развита къ сѣверо-западу отъ только что названныхъ говоровъ, въ районѣ в), который обнимаетъ Водену, Мъгленъ, Кукушъ, Гевгели и западно-Солунскіе говоры. Македонскіе говоры, примыкающіе къ восточно-болгарской группѣ III, не имѣютъ «редукціи»; по признаку ѫ, ъ = *а* они относятся къ «центральнымъ говорамъ». Наконецъ говоры западно-Македонскіе, и Охридскіе въ томъ числѣ, имѣютъ слабые слѣды «редукціи» въ видѣ неударяемаго *о*u (т. е. *о* склоннаго къ звуку русск. *у*, латин. *u*) изъ стараго *о* въ такихъ одиноко стоящихъ грамматическихъ формахъ, какъ нарѣчія на *-о*: *мàлу*, *кòлку*, *тàму* и на *-ом*: *збòгум*, *ничкум*, въ *ỳшче* = *още*, въ предлогѣ *су* = съ и др., см. Сб. XVIII. 530. Охридское (и Тетовское) *а*ъ изъ ударяемаго и неударяемаго *а* есть діалектическое явленіе, вѣроятно не имѣющее ничего общаго съ неударяемостью: современныя Охридскія ударяемыя *а*ъ не могутъ быть возведены исключительно къ *а* первоначально неударяемому, получившему удареніе только при діалектическомъ переносѣ его на третій слогъ съ конца; во многихъ случаяхъ мѣсто ударенія

---

1) Сб. XX, Диалектни студии, оттискъ, стр. 3.

первоначальное; къ тому же не всякое Охридское *а* является въ видѣ *а*ъ; многимъ Охридскимъ *а*ъ изъ *а* соотвѣтствуетъ Дебрское *о*, которое вообще=ъ и ж. Территоріальное распредѣленіе трехъ типовъ «редукціи» въ Восточной Болгаріи и Македоніи заставляетъ принять, что въ извѣстную эпоху измѣненіе качества неударяемыхъ гласныхъ было общимъ явленіемъ; что въ Македоніи склонность гласныхъ *а*, *о* и *е* къ *ъ*, *у* и *і* была вообще слабѣе, чѣмъ на востокѣ, и исчезла почти безъ слѣдовъ на большой части территоріи; что исчезновеніе этой склонности шло съ сѣверо-запада къ юго-востоку какъ въ Македоніи, такъ и въ Восточной Болгаріи. Цоневъ (Къмъ история на българскй езикъ, Сб. XIX., отт. стр. 48) приводитъ албанскія слова славянскаго происхожденія, которыя имѣютъ еще первоначальное славянское удареніе; отчасти они могли быть заимствованы въ очень раннюю эпоху изъ болгарскихъ говоровъ, имѣющихъ теперь удареніе фиксированное (типа ⏑́⏑⏑ и типа ⏑́⏑); но для нѣкоторыхъ словъ такое объясненіе едва ли допустимо: *kotéc*, *petés* заимствованы очевидно послѣ перехода ѣ въ є, *opét* «опять» послѣ утраты носового характера ѧ; естественнѣе думать, что большинство этихъ словъ заимствовано изъ славянскихъ говоровъ, затерявшихся среди албанскаго населенія, теперь вымершихъ, но въ средне-болгарскую эпоху еще существовавшихъ. Неударяемое *о* во всѣхъ такихъ заимствованіяхъ передается чрезъ *о*; только послѣ *б* находимъ *у*, которое могло получиться и на албанской почвѣ. Вѣроятно, въ этихъ заимствованіяхъ мы имѣемъ дѣло съ изолированными болгарскими говорами, въ которыхъ «редукція» звука *о* или отсутствовала или была незначительна.

Что касается источника измѣненія неударяемыхъ звуковъ въ болгарскомъ языкѣ, то его можно искать въ подлинной редукціи, именно—въ неполной работѣ губъ: гласныя *а*, *о*, *е* получили болѣе пассивный, но въ то же время и болѣе узкій растворъ: болгарское *а* (вообще произносимое подобно болгарскому *ъ*, т. е. съ нѣсколько сжатымъ горломъ) при болѣе узкомъ растворѣ приблизилось къ *ъ*, болгарское *о*, и безъ того сильно округленное,—къ *у*, болгарское *е*—къ *і*, исключая тѣхъ говоровъ, гдѣ звукъ *е* былъ очень открытымъ (*е*а); въ этихъ послѣднихъ изъ неударяемаго *е*а возникло *'ъ* на томъ же основаніи, какъ *ъ* изъ неударяемаго *а*. Въ Родопахъ въ древнѣйшую эпоху очень открытыми были всѣ звуки ряда *е*: *е* чистое, ѣ сильное и ѧ; первые два звука при неударяемости[1]), а послѣдній при всякомъ положеніи прошли

1) За недостаткомъ достовѣрнаго матеріала я не могу рѣшить, правъ ли Цоневъ, принимая для нѣкоторыхъ западно-фракійскихъ говоровъ (напр. *Батакъ*) переходъ ѣ въ 'ъ

стадію *'ъ*; въ ту же эпоху въ Родопахъ открытымъ было ещё *о* начальнаго слога, за которымъ слѣдовалъ слогъ ударяемый; такое *о* прошло, подобно *а*, стадію *ъ*. При иномъ положеніи и Родопское *о* получало склонность къ *у* (*и*). Восточно-болгарская редукція нѣкогда въ полной мѣрѣ распространялась и на Родопы, но дала здѣсь діалектическіе варіанты. Затѣмъ въ Родопахъ наступила эпоха открытаго выговора для неударяемаго *ъ* и *'ъ*: первое перешло въ *а*, послѣднее въ *'а*, откуда современное $е^{а}$ [1]).

Такимъ образомъ установленный Цоневымъ типъ II исторически восходитъ къ типу I. Если Родопское $е^{а}$ = *'а* = *'ъ* получалось исключительно изъ *е* и *ъ* неударяемыхъ, то между эпохой редукціи и эпохой ея утраты въ Родопскихъ говорахъ необходимо помѣстить переносъ влѣво древнѣйшаго обще-болгарскаго ударенія. Въ этомъ случаѣ начало восточно-болгарской и родопской редукціи отодвигается въ эпоху довольно отдаленную; рукописи не даютъ прослѣдить эту черту въ древность далѣе XIII вѣка, въ которомъ редукція достигла типичныхъ результатовъ. Редукція была сильнѣе на востокѣ и слабѣе на юго-западѣ. Освободившіеся отъ редукціи говоры передавали ту же черту отчасти на востокъ. Напротивъ того, волна сильной редукціи проникла въ Македонію съ юго-востока. Западъ Македоніи также почти освободился отъ редукціи, но сохранилъ ея слѣды. Болонская псалтырь содержитъ слѣдующія показанія.

I. възърадоетъ сѧ 16.1, възърадоемъ сѧ 27.3, съккроши сѧ (sic) 41.4, ꙋстроуи κατάστησον 54.1, разьдрошитъ 86.3.

II. ѥдин оухꙋ (acc. sing.) 94.2.

IV. възрадоимъ сѧ 154.3.

Эти примѣры смѣшенія оу съ о (и наоборотъ) могли бы быть объяснены существованіемъ неударяемаго $о^{у}$. Относительно мѣста ударенія они не даютъ точныхъ указаній. Если принять уже фиксированное удареніе типа ´◡◡, то всѣ такія $о^{у}$ оказываются неударяемыми. Если принять, что еще сохранялось старое, свободное удареніе, — неударяемыми оказываются всѣ

при всякомъ положеніи. Вѣроятнѣе, что эти говоры не слѣдуетъ рѣзко отдѣлять отъ Родопскихъ.

1) Любопытные образцы особаго Родопскаго говора съ открытыми неударяемыми гласными см. Сб. XVI—XVII. 337—342. Въ этомъ говорѣ всѣ неударяемыя *у* (*и*) и *і* при положеніи до ударенія перешли: первое—черезъ *о* въ $а^{о}$ и далѣе въ *ъ* и *а*, второе черезъ—*е* въ $а^{е}$ и далѣе въ *'ъ*, *'а*, *'а*^{е}, *'е*; послѣдняя стадія не достигнута большинствомъ Родопскихъ говоровъ.

случаи, кромѣ разьдрошитъ 86.3. Примѣры иеросолимъ 78.4 и въ стлъпоу стѣнахъ ἐν ταῖς πυργοβάρεσι 208.3 сюда не относятся. Показанія Болонской псалтыри относительно неударяемаго *e* совсѣмъ неопредѣленны:

I възнесе сѧ imperat. = -си сѧ 7.3, нивидима 22.2, люди съмѣринъіѫ λαὸν ταπεινόν 23.3, жꙁ҃пе = n. pl. ꙗꙁъіци, привѣдѫтъ сѧ (е ех и) 75.3, видѣаше (= вѣд-) 76.2.

II сиричъ 101.2.

IV съкумени ръікажще въсхъітите ὠρυόμενοι τοῦ ἁρπάσαι 167.1. Крилѣ голѫбини 89.1 вѣроятно сюда не относится.

7. Зіяніе.

Современные Охридскіе и другіе македонскіе говоры имѣютъ между гласными *i* неполнаго образованія; выговоръ такого *i*, въ зависимости отъ положенія въ словѣ, отъ темпа и экспираторной силы рѣчи, колеблется для уха между довольно явственнымъ *i* и полнымъ исчезновеніемъ звука. Въ правописаніи Болонской псалтыри послѣ гласной пишется ꙗ и а, но съ извѣстными различіями: а преобладаетъ послѣ а и послѣ ѣ, послѣ гласныхъ о и у правописаніе а вмѣсто ꙗ встрѣчается въ болѣе рѣдкихъ примѣрахъ, послѣ и находимъ почти только ꙗ:

I писецъ: Злаа, благаа, ст҃аа; праведнаа, темънаа, смѣренаа, жидовъскаа (= ἡ et τά...) несравненно чаще, чѣмъ благаꙗ, лъжънаꙗ, мѣдѣнаꙗ, вселенаꙗ; каа n. s. f. находимъ на л. 43.3. Мы не можемъ судить, сохранялось ли еще и при какихъ фонетическихъ условіяхъ нестянутое окончаніе -аꙗ въ живомъ говорѣ, и дѣлаемъ изъ приведенныхъ фактовъ выводъ только для живого выговора литературныхъ словъ: аꙗ = $a^{i}a$, для уха -*aa*. Въ глагольныхъ основахъ ещё упорнѣе пишется -аа-: покаание, покаати сѧ, раскаа сѧ, възъдааниꙗ, въ лаателехъ εν ἐνέδρᾳ, мааниемъ, растаашѫ сѧ; здѣсь отчасти могла дѣйствовать традиція, такъ какъ въ этомъ случаѣ зіяніе появлялось уже въ эпоху старославянскихъ рукописей.— Послѣ ѣ находимъ а: дѣати, съдѣати, дѣаше, съдѣа, развѣано и т. д.— Послѣ о находимъ а въ стастѣ 34.2, ѡбъстании 46.2, но ꙗ пишется въ моꙗ, твоꙗ, скоꙗ, гдѣ *i* было защищено условіями ударенія; послѣ оу находимъ а въ въ соуа εἰς ματαιότητας 65.3.—Послѣ и: дїꙗволѧ бран 24.2,

въсиꙗвъшѫ; велиꙗ; вражиꙗ; прошениꙗ, ѡснованиꙗ, вѣштаниꙗ, прѣрѣканиꙗ, и т. д., рѣдко иа: б҃жиа g. s. m. 2.2.

II писецъ не расходится съ первымъ: злаа, бѫджщаа, прочаа, д҃баа, лѫкаваа, ѡслоушиваа etc. etc. при рѣдкомъ дѣмонъскаꙗ дѣемаꙗ, влагаемаꙗ; съ другой стороны, всегда въздаахъ ἀπετίννυον 110.3, растаашѫ, истаавь, въздаании, также вънезаапѫ.

Послѣ ѣ: послѣднѣа, ближънѣа и т. д., единично мнѣꙗхѫ 115.2; всегда моꙗ, твоꙗ; всегда иꙗ: крьстиꙗномъ, цръковъ б҃жиꙗ, прѣданиꙗ, вьстанїꙗ etc.

IV писецъ въ общемъ держится того же правила, какъ и первые два, но обнаруживаетъ нѣкоторыя колебанія: у него съ одной стороны находимъ чаꙗниꙗ 202.1, покаꙗниемъ 177.4 съ ꙗ, восходящимъ къ отдаленнымъ оригиналамъ, съ другой стороны спорадически встрѣчаемъ велїа 141.3, чиа благостъ 141.2, спорадически находимъ а вмѣсто ꙗ и послѣ о, ꙑ: стоахѫ 144.4, рꙑаахѫ 130.4.

Въ итогѣ можно сдѣлать выводъ, что ɪ̯ между гласными уже въ эпоху Болонской псалтыри было неполнаго образованія, что̀ особенно чувствовалось послѣ а и ближайшаго къ нему открытаго звука ѣ = а^e; предшествовавшее и обусловливало болѣе полное образованіе звука ɪ̯.

Въ физіологическомъ отношеніи близкую аналогію разсмотрѣнному явленію мы имѣемъ въ современныхъ формахъ 3. plur. aor. на -хѫ съ выпавшимъ *x*: въ этомъ случаѣ въ македонскихъ говорахъ находимъ *-иɪ̯а* = -ихѫ, но *-оа*, *-аа* = -охѫ, -ахѫ сохраняютъ зіяніе.

То же, что проявляется въ Болонской псалтыри въ предѣлахъ отдѣльнаго слова, наблюдается и въ sandhi: начальное ꙗ- изъ *ɪ̯а*, къ какой бы эпохѣ ни восходило появленіе ɪ̯ при такомъ положеніи, на письмѣ выражается иногда чрезъ одно а: I, мꙗ᷆ азва 35.4, азвꙑ испльнь 67.4, нъ адра ѡ҃ча᷆ 30.2, -хѫ авественаг 30.2, II: ѡ҃ча адра 120.2, ср. обычное правописаніе въ ꙗмѫ 8.3, ꙗсти, ꙗмъ, ꙗдомꙑ, ꙗсѧ, ꙗдение, ꙗдѫще, ꙗвѣжще (= ꙗвлꙗѭще) 30.4, ꙗзва 16.4, ꙗко, ꙗдръ g. pl. 96.2, 122.1, ꙗростъ 130.1, ꙗви, ꙗже ἡ et ἅ и т. п.; ср. еще старые дублеты въ нѣдра 133.3 и въ надрѣхъ 148.1 у IV писца.

Что касается словъ азъ, агнѧ, то по книжной традиціи они всегда пишутся съ а-, хотя Охридскій діалектъ и большинство македонскихъ говоровъ имѣютъ въ этомъ случаѣ ꙗ; живые варіанты ꙗгнѧ, ꙗзъ кажется

вообще не отмѣчены въ средне-болгарской письменности; а вмѣсто ꙗ въ sandhi находимъ изрѣдка и въ Музейскомъ Апостолѣ, вообще пишущемъ ꙗ- (кромѣ азъ, агнѧ и т. п.).

8. Стяженіе.

Старыя группы гласныхъ въ склоненіи сложномъ и въ преходящемъ времени глаголовъ пишутся по большей части въ нестянутомъ видѣ и въ Болонской псалтыри; но болѣе рѣдкія стянутыя формы, а равно эпоха памятника и сравненіе съ другими средне-болгарскими рукописями не позволяютъ сомнѣваться, что въ языкѣ писцовъ существовали только стянутыя формы, которыя маскировались орѳографической манерой, различно распространенной у различныхъ писцовъ.

У I. писца находимъ напр. нерѣдко n. s. m. на -ꙑ: грѧдꙑ 9.2, клънꙑ сѧ 17.3, ѡ҆смꙑ 15.1—2, нб҃снꙑ оумъ 2.2 вѣрнꙑ 5.4, възлюбленꙑ 22.2, лъстивꙑ 5.4, неправедънꙑ 5.4, оубиичнꙑ 5.4, также въ косвенныхъ падежахъ: жидовъскꙑхъ, грѣшънꙑхъ, нечьстивꙑхъ, неправедънꙑхъ, злꙑхъ; знаемꙑмь, темънꙑмъ, ст҃ꙑмъ, книжъскꙑмъ, тъщетънѣ҃; кꙑмъ ѡбразомъ 55.4 и 68.2 и т. д. при обычныхъ -ꙑи, -ꙑихъ, -ꙑимъ и т. д. Въ мягкомъ склоненіи и вмѣсто ии встрѣчается гораздо рѣже: вꙑшни n. s. m., сѫдии переправленное изъ сѫди 11.3. стѫжаѭщиихъ 71.3. Правило составляютъ написанія -ии, -иихъ, -иимь и т. д.; это различіе между ꙑи и ии есть отголосокъ правописанія старославянской эпохи, ср. Лескинъ, Handbuch[4], 100. — Въ другихъ случаяхъ нерѣдко пишется одно и, именно — вмѣсто старославянскаго ии, ьи: въ loc. sing. словъ на -иѥ: въ безакони 84.3, въ богатстви 57.1, ѡ вскръсени 11.4, ѡ҆ въскрьсени 81.2, по вс҃кръсени 55.2, по ѡшьстви 61.2, ѡ спасени 27.3, ѡ сп҃ени 11.2, 16.1; также въ брати моеи 32.1, съ пѣни агелъскꙑми 3.3. Здѣсь очевидно группа ĭĭ черезъ ĭ̯ĭ измѣнилась въ одно ĭ.—Группа -аа- у перваго писца почти всегда сохраняется на письмѣ: богатааго, злааго, господъскааго и т. д., порѫчаахъ, рикаахъ, искааше, събирааше, ръзаахѫ, приемаахѫ; со стяженіемъ я нашелъ только драдаго 28.3 (ошибка вмѣсто драгаго); нѣсколько чаще стяженіе въ глаголѣ: въпиꙗше 21.4, въсхождаше 75.2, лъжахѫ 5.2, наричахѫ 68.2; иногда второе а приписано писцомъ надъ строкою: пͦдвиѕаͣхѫ сѧ 3.2, пͦодъемаͣхѫ 22.2, порицаͣхѫ 71.2. Группа -ѣа- пишется обыкновенно безъ стяженія; бѣсте 26.2, имѣсте 80.4 суть формы аористическаго образованія. Вмѣсто

ѥе встрѣчаемъ одинъ разъ ѣ съ надписаннымъ е: къ мри житенстѣᵉмъ 78.4. Старыя формы dat. sing. на -оуоумоу повидимому совсѣмъ вышли изъ употребленія въ живомъ языкѣ; господствуетъ написаніе — оѡмоу, объ искусственности котораго дастъ понятіе ко мнѣ самоѡмоу 69.3; при -оѡмоу изрѣдка встрѣчается фонетическое -ѡмоу, омоу: грѣшномоу 13.4, лжкавомоу 13.4, прѣподобномоу 19.1, спажштѡмоу 7.3, избавлѣжштѡмоу ibid.; -юоу отсутствуетъ, -ю изъ -юоу находимъ только въ искрьнюмоу 17.3, искрънюмоу 53.3; живою формой было -емоу, ср. графическое -ее- въ искрънеемоу 15.1, искрьнеемоу 17.3.

У второго писца стяженныя формы также въ меньшинствѣ; категоріи тѣ же: о въскръсени 96.4, не внимахж 94.2; благо далвъшомоу 92.3 можетъ обозначать и дѣꙗвъш-; окончаніе -лаго рѣдко является въ стянутомъ видѣ: шестаго 90.1, девѧтаго 90.1, житенскаг 104.2; о фонетическомъ стяженіи всякаго -ла- свидѣтельствуетъ причла дша моꙗ προσεδόκησεν ἡ ψυχή μου (= причлаꙗ, причлла) 112.1; безъ стяженія пишется также -ѣаго, напр. древнѣаго 89.4, 109.2. Вмѣсто -оуоумоу находимъ -оѡмоу, напр. вѣрноѡмꙋ 116.2, вѣрнѡмоу bis 99.4, однако въ этомъ случаѣ у II писца преобладаютъ стянутыя формы: бжіимоуса 99.4, въскресъшомꙋ 106.2, въскресъшомꙋ 106.2, вскресшом 104.2, въшедъшомоу 106.3, далвъшомоу 92.3 и т. д.; -оемоу находимъ однажды въ страшноемоу 125.3[1]); покръі мѧ σκέπασόν με 101.1 и не ꙋби ихъ μὴ ἀποκτείνῃς 96.1—стяженія, извѣстныя спорадически уже въ старославянскую эпоху (ср. еще у четвертаго писца отъкръі ἀποκάλυψον 193.3).

У четвертаго писца нестянутыя формы господствуютъ въ окончаніи -лаго: лестънлаго, стлаго, злаго etc; ихъ искусственность доказываютъ фонетическія написанія не исхождахъ οὐκ ἐξεπορευόμην 143.3 и иставъ = истаꙗвъ 177.4; въскж (= -кжѩ) 144.1 можетъ быть и опиской; относительно -ѣл- ср. изгонѣхъ ἐξεδίωκον 160.3; вмѣсто -оуоумоу находимъ стянутое -ѡмоу: великѡмоу, вѣрнѡмоу, грѣшнѡмоу, раздѣлъ-

1) Какъ -оумоу было замѣнено въ живомъ языкѣ чрезъ -омоу, такъ точно и рѣдкое старославянское -оуюмоу подновлено въ -оемоу; что касается рѣдкихъ старославянскихъ -аѥго и -оуѥмоу (при господствующихъ -лаго, -аго и -оуоумоу, -оумоу), то нѣтъ достаточнаго основанія считать ихъ первоначальными неассимилированными формами; какъ указано академикомъ Ф. Ѳ. Фортунатовымъ, это скорѣе новообразованія по аналогіи мѣстоименій ѥго и ѥмоу.

шꙍмоу, сътворшꙍмоу; рѣже пишется -омоу, напр. поражъшомоу 218.3; правописаніе -оꙍмоу рѣдко: чръмноꙍмоу 172.1, истоуканноꙍмоу 173.1, -оомоу однажды въ злоомоу 177.4, -ꙍемоу въ възлюбенꙍемоу 251.3; ии въ косвенныхъ формахъ прилагательныхъ сложныхъ (напримѣръ ѿ гонѧщихъ 227.1) часто пишется стяженно; часто пишется и вмѣсто ии = ĭĭ: d. s. брати 215.1, въ брати моеи 238.1; въ благоволени твоемъ 145.3, въ плѣнени 134.2, ѡ пришествии бж҃и 202.4, о прѣгрѣшени моемъ 257.4; сонньіми видѣни ли помьішлени 150.2, въ начинанихъ 136.1, 173.3, 174.3, въ ѡправъданихъ 194.1, въ помьішленихъ 223.1. Написанія вьішни ὕψιστε 151.1 и на жрѣби ἐπὶ τὸν κλῆρον 210.1 суть фонетическія стяженныя формы, но насколько онѣ были извѣстны въ живомъ употребленіи (при формахъ на -еи), остается неизвѣстнымъ (ии въ общемъ встрѣчается не рѣже, чѣмъ -еи).

У всѣхъ трехъ писцовъ распространено ъı изъ ъıи, возникшаго въ sandhi: вьінѫ, вьістинѫ, вьісточницѣ, вьıерданѣ, вьıдолѣхъ; да избавитьı и сп҃етьı ῥυσάσθω αὐτὸν καὶ σωσάτω αὐτόν, съмѣритьı ταπεινώσει αὐτόν, да и привлѣчетьı ἐν τῷ ἑλκύσαι αὐτόν, сп҃етьı σώσει αὐτόν, 1. plur. оубиемьı 67.4, 3 pl. благословѧтьı 118.4, да имѫтьı 115.2, ѡбимаѫтьı 134.3, partic. заповѣдавьıмъ (=-въ имъ) 107.4, вѣнчальı еси ἐστεφάνωσας αὐτόν (ъı переправлено изъ ъ) 9.3, бг҃ъ ѡставильı есть ἐγκατέλιπεν αὐτόν 115.1 (ср. тьı οὗτος 146.2 = тьıи = тъи, при тои = то + и). При такомъ ъı четвертый писецъ сохраняетъ и болѣе старое ъıи: вьıимѧ, вьıистинѫ, вьıисповѣдание, вьı иаковѣ, вьı ереихъ, вьı египтѣ, вьı еросалимѣ; въсприѫтьıи, възнесѫтьıи, истрѫтьıи. Слѣдуетъ помнить, что въ эпоху Болонской псалтыри конечныя полугласныя уже не существовали, а предлоги въ, съ произносились въ варіантахъ *в*, *с* и *во*, *со;* если старыя фонетическія формы *vystinǫ*, *vymę*, *vyjakově*, *spasety*, *směrity* еще существовали въ языкѣ, онѣ въ выговорѣ едва ли могли отличаться отъ новыхъ *v istinǫ*, *v imę*, *spaset i*, *směrit i* съ несмягчаемой согласной, предшествующей звуку *i*. Ясно, что написанія ъı, ъıи сохранялись лишь въ силу графической традиціи.

9. L epentheticum.

О сохраненіи *l epenthetici* въ эпоху Болонской псалтыри конечно не можетъ быть и рѣчи. Съ другой стороны дѣлать на основаніи орѳографіи памятника XIII вѣка какія-либо заключенія объ ея отдаленномъ старосла-

вянскомъ оригиналѣ въ этомъ вопросѣ было бы такъ же непроизводительно, какъ и по отношенію къ полугласнымъ. Изслѣдователь можетъ ставить себѣ только двѣ задачи: во-первыхъ, извлечь изъ самого памятника убѣдительныя доказательства того, что *l epentheticum* исчезло, во-вторыхъ, извлечь изъ ороографіи памятника нѣкоторыя палеографическія даты. Самый общій палеографическій выводъ состоитъ въ томъ, что въ Болонской псалтыри постановка *l epenthetici* преобладаетъ надъ пропускомъ; нашъ памятникъ занимаетъ средину между памятниками конца старославянской эпохи и тырновской школой XIV вѣка: архаизація уже началась, но послѣдовательной реставраціи *l epenthetici* еще нѣту. Между собою писцы различаются тѣмъ, что у IV-го писца пропусковъ *l* нѣсколько больше, чѣмъ у I-го и у II; выше мы видѣли, что IV писецъ вообще менѣе манеренъ и чаще выдаетъ говоръ или фонетическими написаніями или ороографическими оплошностями. Кромѣ постановки *l* въ строку часто находимъ у всѣхъ писцовъ л надстрочное, но за самыми рѣдкими исключеніями только въ группѣ м, притомъ это не исключительно *l epentheticum* (ср. выше стр. 23 и 29).

I писецъ пропускаетъ *l epentheticum* въ слѣдующихъ случаяхъ: 1. sing. praes. съпѧ 16.2, бꙗвѧ 38.1, подобѧ сѧ 40.1; противѣѫтсѧ 54.4, оумръщвѣеми 73.1, наставѣѭщааго 35.2, ꙗвѣѭще 30.4, не ѡслабѣемѫ 40.2, въ отглагольныхъ существительныхъ избавениꙗ 80.1, озлобениꙗ 22.3, законпрѣстѫпніе 83.4 правение 9.3, въ формахъ слова землѣ: ѡтъ земѧ 29.1, земі 2.2 и пр., всего чаще въ причастіяхъ благословенъ, наставенъ, ѡбновенъ, озлобенъ, ѡставенъ, прославенъ и др., а также въ причастіяхъ пристѫпъше 20.4, ѡ҆бъемъшѫѫ 66.4, ѡкръвавъшимъ 11.1—всего не болѣе пятнадцати случаевъ. У II-го писца находимъ ѡставѣті 91.2, часто на земи и т. п. У IV-го писца находимъ 1. s. praes. спѧ 161.4, глȣмасѧ 193.3, поглоумасѧ 199.1, subst. краби n. pl. 167.1, acc. pl. корабѧ 177.2, loc. plur. корабихъ 177.1.2., въ словѣ n. s. ꙁемѣ, g. acc. s. и nom. acc. pl. земѧ, dat. loc. sing. земи,—значительно чаще, чѣмъ у первыхъ двухъ писцовъ; въ отглагольныхъ существительныхъ избавение, оуправение, въ глагольныхъ формахъ противѣти сѧ 222.2, оудобѣшѫ 199.4, ѡставѣше 253.2, въздрѣметъ 207.3, приемѧтъ сѧ 189.2., въ причастіяхъ приемѧще 177.4, въземѧще 211.1; избавъшемъ сѧ 253.3, ꙗвъшимъ сѧ 212.2; ѡставенъ, ѡзлобенъ, прославенъ, възлюбенъ, всего же — едва ли болѣе сорока пропусковъ *l* на 140 съ лишнимъ листахъ.

Кромѣ случаевъ пропуска *l epentheticі* въ Болонской псалтыри давно указанъ одинъ случай ошибочной постановки *l*[1]); этотъ случай принадлежитъ послѣднему писцу: **прославлѧтъ** δοξάσουσιν 141.3. Такого рода ошибки естественны при отсутствіи живого мѣрила въ родномъ говорѣ того лица, которое желаетъ писать или говорить на языкѣ, сохранившемъ *l epentheticum*. Извѣстно, что Мицкевичъ подписалъ одно офиціальное прошеніе словами: «Нижеподписавшійся *объявлилъ* желаніе служить при Ришельевскомъ Лиц[е]ѣ»[2]). Вѣроятно, подобные случаи были не рѣдкостью въ польско-русскихъ и болгаро-сербскихъ отношеніяхъ; они могутъ быть устраняемы только точной орѳографической регламентаціей употребленія *l epentheticі*; как сказано выше, существованіе такой регламентаціи необходимо принять для Тырновской школы Евѳимія.

У того же IV-го писца находимъ ошибку и еще болѣе странную: **слъішлеми бѣдхѫ** 159.2; трудно сказать въ точности, что̀ это такое. Привычка ставить **л** туда, гдѣ оно не произносилось, и ложная аналогія формъ **мъішлѭ—мъіслиши** не увлекла ли писца измѣнить въ **слъішлеми** слово **слъішими**; ср. на томъ же листѣ (159.2) **ѡ҆слоушиви**,—форма, лишь однажды отмѣченная Миклошичемъ (Lex. Palaeosl.) при обычной **ослоушьливъ**.

У того же писца находимъ наконецъ указаніе на живой выговоръ словъ, въ которыхъ онъ ставитъ *l epentheticum*: acc. s. **землѭ** 140.1.

Эта форма соотвѣтствуетъ современнымъ Охридскимъ *земіа* Сб. XI. 18, 2. s. praes. *бло̀совіаш* Сб. XIII. 194, 3. s. *на̀правіат* Сб. XIII. 215 и измѣненнымъ въ силу грамматической аналогіи формамъ 3. s. *скривіат* Сб. XIII. 181. 215, 3 pl. *убѝвіет* изъ *убѝвіеет* и 3. s. *у̀бивіат* Сб. XIII. 215. Въ этихъ примѣрахъ неслоговой характеръ звука *і* доказывается мѣстомъ ударенія; то же *і̯* въ другихъ македонскихъ говорахъ. По свидѣтельству Супрасльской рукописи (Разсужденіе, стр. 262) въ XI вѣкѣ на той же стадіи развитія стояли еще и современныя восточно-болгарскія *земя*, *земѣ* и *оставям*.

---

1) Ср. Разсужденіе, стр. 261; тамъ же—подобные случаи, найденные мною въ Боянскомъ Евангеліи. Отмѣчу здѣсь же, что постановка фиктивной полугласной въ такихъ формахъ, какъ **избавъла** 83.1, **ва̃ нꙑковълѣ** 27.3 (I писецъ Болонской псалтыри), сама по себѣ еще не доказываетъ исчезновенія *l epentheticі*.

2) Ѳ. Вержбовскій, Къ біографіи Адама Мицкевича въ 1821—1829 годахъ, Сб. Русск. Отд. т. LXVI, документъ № 12.

10. Ѕѣло.

Изслѣдованіе судьбы звука *dz* по средне-болгарскимъ рукописямъ XIII—XIV вѣка на первый взглядъ сильно затрудняется господствующимъ обозначеніемъ этого звука: ꙃ = *dz* по начертанію настолько близко къ ꙁ, что при колебаніяхъ графики всегда можно думать объ опискѣ; начертаніе ѕ въ эту эпоху не обязательно; оно отсутствуетъ или является при ꙃ къ качествѣ его второстепеннаго варіанта; послѣднее находимъ напримѣръ въ Норовской псалтыри. На самомъ дѣлѣ однако о недосмотрѣ, о пропускѣ діакритическаго крючка ¬ нельзя думать во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда колебаніе между ꙃ и ꙁ выражено въ памятникѣ сильно (а таково большинство средне-болгарскихъ рукописей): трудно допустить, чтобы писцы, произносившіе *dz*, писали по недосмотру ꙁ вмѣсто ꙃ такъ несоразмѣрно часто; если въ сознаніи писцовъ знаки ꙃ и ꙁ ассоціировались съ представленіями различныхъ звуковъ, то при извѣстномъ навыкѣ смѣшеніе знаковъ ꙃ и ꙁ не должно было встрѣчаться чаще, чѣмъ напримѣръ смѣшеніе ъ и ь въ тѣхъ рукописяхъ XI вѣка, которыя еще различаютъ эти звуки, или чѣмъ смѣшеніе юсовыхъ знаковъ ѧ и ѫ въ Саввиной книгѣ, знаковъ ѧ и ѫ въ Музейскомъ Апостолѣ XIII в. и т. п. И надстрочныя титла пропускаются средне-болгарскими писцами несравненно рѣже, чѣмъ крючекъ знака ꙃ.

Когда говоръ писца рѣзко различалъ самые звуки *dz* и *z*, колебаніе между знаками ꙃ и ꙁ очевидно могло появиться по недосмотру только въ единичныхъ случаяхъ. Если колебаніе значительно, мы должны предпочесть всякое иное объясненіе: или это говоръ, въ которомъ *dz* мало отличалось отъ *z* (*dz* могло напримѣръ имѣть *d* неполнаго образованія и незначительную звучность); или это говоръ, въ которомъ *dz* окончательно совпало съ *z*, а самый знакъ ꙃ сохранялся писцомъ въ зависимости отъ оригинала, орѳографической школы или, чуждаго писцу, литургическаго выговора данной эпохи и мѣстности; или наконецъ это отраженіе живыхъ говоровъ, употреблявшихъ *dz* уже непослѣдовательно,—случай вѣроятно весьма распространенный при дробности и сильномъ взаимодѣйствіи болгарскихъ говоровъ. Выборъ между различными возможностями вообще затруднителенъ, и большинство средне-болгарскихъ памятниковъ въ этомъ отношеніи остается неосвѣщеннымъ.

Болонская псалтырь въ этомъ отношеніи занимаетъ особое мѣсто: **ꙃ** и **ꙁ** смѣшиваются здѣсь рѣже, чѣмъ въ какомъ-либо иномъ средне-болгарскомъ памятникѣ,—въ общей сложности въ самомъ незначительномъ количествѣ примѣровъ. Здѣсь дѣйствительно можетъ быть рѣчь о простомъ недосмотрѣ, а современный Охридскій говоръ, послѣдовательно сохраняющій звукъ *dz*, укрѣпляетъ въ мнѣніи, что и въ говорѣ писцовъ Болонской псалтыри послѣдовательно употреблялся звукъ *dz*.

Въ виду этого я считаю полезнымъ помѣстить здѣсь перечень формъ и словъ, заключающихъ звукъ *dz*.

I писецъ.

ꙃвѣзды, ꙃвѣстъ g. pl. 12.3, **ꙃвѣздами** etc.; **ꙃвѣръ, ꙁвѣрие, ꙃвѣри; ꙁвѣцанїа** 48.2; **ꙃѣницѫ** 20.1; **ꙃѣло; съꙃиждеши, съꙃиждѫть, съꙃижди.**

п̊двиꙃатї сѧ, п̊двїꙃааш сѧ, п̊одвиꙃаѫщѥ сѧ etc.; **раждїꙃаахѫ сѧ** 21.4; **к(ъ)нѧꙃи** n. pl., **кнѧꙃемъ** d. pl., **кънѫꙃѫ** acc. pl., **прѣдъ кнѧꙃи** instr. pl. 58.4.—**полъꙃа, неплъꙃ̊енъ, п̊лꙃоует** etc.; **помыꙃаахѫ** 54.4, **помыꙃаѫщѥи** 54.3—**стѫꙃа** n. s. 221.2, при **стъꙃи** 224.1, **стъꙃамъ** τρίβοις, **стѫꙃамъ** 201.1 **стъꙃъ** g. pl. 25.3, **ст҃ꙃахъ** loc. 19.4, **стъꙃѫ** 33.1 etc., **стѫꙃѫ** acc. pl. (девять разъ), **стѫꙃахъ** 19.4, **растръꙃавъ** 43.4 — **истѧꙃаѫтъ сѧ** 1.4.

Sing. dat. **дроуга къ дроуꙃѣ** 34.4; loc. **о боꙃѣ (б҃ꙃѣ); не п̊ мн̊ꙃѣ** 58.2, **на пѫти неблаꙃѣ** 56.1, **въ тѫꙃѣ** 47.4, **въ чрътоꙃѣ** 41.4, dual. nom. acc. **ноꙃѣ**, plur. nom. **враꙃи; дроуꙃи** 62.1, **мноꙃи; наꙃи** 59.4; **р̊оꙃї** κέρατα 71.4, **оубоꙃии** 79.4; plur. instr. **мноꙃѣми скръбъми** 76.2, plur. loc. **враꙃѣхъ**, imperat. **не ѡтъвръꙃи, ѡ҆тьвръꙃѣмь** 2.1—**раждъꙃи** 37.1—**помоꙃи.** Всего около полутораста случаевъ.

Отклоненія.

стъцѫ нашѫ acc. pl. τὰς τρίβους 72.3, **кънѧць** g. pl. 49.1, **кънѧцъ** 49.2, **кнѧции** g. pl. 78.4, **дроуци** φίλοι 78.2 и кажется одинъ разъ **ꙃ** подчищено изъ **ц**.

Единственный случай **ꙁ** вмѣсто **ꙃ**: **ноꙁѣ** 24.1, **ꙃ** вм. **ꙁ** не встрѣчается.

II писецъ.

ꙃвѣрик, ꙃвѣремъ; ꙃвѣрънꙑимъ 93.2; ꙃѣло; ꙃижѫ (=ꙃижѫ) partic. 89.4, съꙃиждѫть сѧ 113.1; двиꙃаник 91.2, подвиꙃати сѧ 104.4; раждиꙃакть сѧ; кънѧꙃи, кнѧземъ, к(ъ)нѧꙃѫ acc. pl.; плеꙃна, полъꙃева 112.2; сѧꙃаахѫ 119.4, ѡсѧꙃавъ 126.2; ѡ бꙃѣ loc. sing., въ лѣсѣ мнꙃѣ 121.4, въ мнꙃѣ печали 89.2, 126.2, не п мнꙃѣ 87.4; dual. ноꙃѣ, plur. враꙃи, мноꙃи, ѹбꙃи 123.2, loc. враꙃѣхъ, imperat. помоꙃи, ѿвръꙃи, възъвръꙃи 91.1. Всего болѣе пятидесяти случаевъ.

Отклоненія.

кънѧци n. pl. 95.2, роци κέρατα 113.2.
ꙁ вм. ꙃ и ꙃ вм. ꙁ—ни разу.

III писецъ.

Строки, написанныя Бѣлославомъ, не содержатъ самыхъ случаевъ употребленія звука ꙃ.

IV писецъ.

ꙃвѣздꙑ, ꙃвѣздъ, ꙃвѣздами; ꙃвѣри et ꙃвѣрие, ꙃвѣреи, ꙃвѣремъ; ꙃѣницѫ 242.1; ꙃѣло; до ꙃѣла 193.1, 196.1; ꙃиждѫ 133.3, ꙃиждѫщеи οἱ 191.3, 211.1, ꙃиждема 208.1, ꙃиждемии 162.3, съꙃиждѫ, съꙃиждетъ, съꙃиждѫтъ; двиꙃааше 206.4, въздвиꙃаѫ partic., подвиꙃаѫщиихъ сѧ, подвиꙃааше сѧ etc.—раждиꙃаетъ сѧ, раждиꙃаахѫ, съжиꙃаетъ; кнѧꙃъ n. s., к(ъ)нѧꙃа g. acc. s., к(ъ)нѧꙃи n. pl., кнѧꙃъ g. pl., кнѧꙃѫ acc. pl. съ кнѧꙃꙑ instr. pl. 186.1 bis, 186.2; полеꙃно, полеꙃнѣ, неполеꙃно, бесполеꙃно, полъ|ꙃоуѫтъ 241.2; стѫꙃа n. s. 221.2, стѫꙃамъ, стѫꙃѫ acc. pl.; растръꙃа 189.3; дроуга по дроуꙃѣ 207.1, ѡ бꙃѣ, боꙃѣ, въ лѫꙃѣ 156.4, 166.2, мноꙃѣ (въ—безводнѣ, братии, славѣ, съборѣ, по—милости), по мноꙃѣи милости; ѡ дѣлѣ блаꙃѣмъ 167.2, въ родѣ дроуꙃѣмъ 176.4; dual. ноꙃѣ; plur. днии блаꙃи 149.2—ꙋ꙽ꙃꙋ 157.4, бꙃи, боꙃи, враꙃи, дроуꙃи φίλοι, мноꙃи, мноꙃии, прѫꙃи 170.3.4, 182.1, роꙃи 247.1, снѣꙃи 262.3,

оубоѕи 178.4, 185.2, оубоѕии 167.2, множѣми ѩзами 257.1, бѕѣхъ, браѕѣхъ, множѣхъ; imperat. помоѕи; тумпанѕии 203.2, gen. тумпанѕиа τοπάζιον 203.1. Всего около двухсотъ случаевъ.

Отклоненія.

1) ц вмѣсто ѕ: на кладѧци 183.2.

2) з вм. ѕ: звѣрие 132.4, зѣло 134.2, 145.2, 210.4, 216.4, подвизажи сѧ 195.2, кнѧзи 194.2, 205.3, 246.1 bis, не полезна 177.4, полезно 216.2, нозѣ 214.2, въ печали мнозѣ 190.2, нозѣ 188.4, врази 186.4, 215.2, лѫзи 214.2, мнози 217.4, хѫдози 191.4. Всего девятнадцать примѣровъ.

3) ѕ вмѣсто з: ѕвѣздъ 233.3, погрѧѕѫ 3 pl. aor. 239.3.—ѕнамена 129.2 имѣетъ не ѕ, а ѕ = з; въ въздастъ 221.1 з позднѣе замарано бурымъ чернильнымъ брызгомъ, въ показа 246.4 з имѣетъ случайную бурую точку, также болѣе позднюю.

Средне-болгарскія рукописи и живые болгарскіе говоры употребляютъ *dz* и въ такихъ случаяхъ, гдѣ оно не оправдывается происхожденіемъ слова и гдѣ его не знаютъ старо-славянскіе памятники. Ассеманово Евангеліе, стоящее на границѣ обѣихъ эпохъ, уже знаетъ одинъ случай этого рода: проѕѧбе, Leskien Handbuch[4], § 31 a.

Гдѣ бы ни являлось это особое средне- и ново-болгарское *dz*, оно укладывается въ извѣстныя фонетическія категоріи. Въ Болонской псалтыри сюда относятся: ѕвѣрь, ѕиждѫ, ѕѣница, погрѧѕѫ 3 pl. aor., тумпанѕии (τοπάζιον), въ другихъ средне-болгарскихъ рукописяхъ сюда относятся ѕиждѫ, ѕидъ, ѕиждитель, проѕѧбнѫти, ѕвѣрь, ѕѣница, ѕеленъіи; кѕеро, омраѕа, ѿвръѕе сѧ (vide Срезн., Пам. юс. письма, 286 и Обзоръ, 100), ѕевгеліе ζεύγλη, ѕивгаръ ζευγάριον (Обзоръ 90).

Живые говоры, знающіе *dz*, какъ теперь удостовѣрено, встрѣчаются во всѣхъ частяхъ болгарской территоріи. Я воспроизвожу здѣсь слѣдующіе перечни, обнародованные въ послѣднее время.

Тырновскій говоръ: *ѕвъàр*, *ѕвиздѫ*, *ѕàдньу* (и *ѕàнньу*), *ѕỳркѫм*, (*вмѫкоам се*), *ѕѫмбàк* (Lilium candidum), *ѕѫѕнѫ* («я мерзну»), *ѕъàрнѫ* (2. 3. sing. aor. «увидалъ»), *бѫрѕусти́*, *бѫрѕѫм*, *вѫрѕѫнѫ*, *уѕѫрàнѫ*, *пѫлѕѝ*, *блиѕъà му*, *мѫрѕъѫл*, *сѫлѕѫ̀*, *фрѫнѕèлѫ*, *хѫрѕỳлкѫ*, *минѕухàр* (crocus ver-

nus), *м`нѕжрку*, *пжндѕѐхъжр*, *прицинѕу̀фъж сж* («притворяюсь»), *ѐнѕи*, *ѕжнкжм*, *хжрѕувѐл*. Сб. XIII. 442.

Кюстендильскій говоръ: *ѕвезда̀*, *мноѕи̇̀на*, *но̀ѕе*, *дица̀ѕи*, *кофчѐѕи*, *ѕвер*, *ѕид*, *наѕр̀там* (= *зър-*); *за-*, *при-*, *у-зи̇̀рам се*, *ѕу̀рка*, *ѕа̀ран*, *оѕара̀н*, *ѕвѐрим се*, *ѕа̀ден*, *наѕа̀д*, *тереѕи̇̀а*, *варѕи̇̀а*, *отѕа̀вiам се* («отзываюсь»), *ѕѐвгор* (чифт волове), *Ѕвѐгор* (названіе села). Сб. X. 355.

Охридскій говоръ: *ѕвѐзда*, *ѕу̀ница*, *ѕъ̀ркало*, *на̀ѕиркъм*, *на̀ѕирка*, *про̀ѕирка*, *зи̇̀рка*, *ѕи̇̀д*, *ѕи̇̀досан*, *ѕъ̀ркала*, *ѕъ̀рк'и*, *ѕви̇̀ска*, *со̀лѕа*, *на̀ѕот*, *о̀ѕади*, *бла̀ѕи*, *ѕи̇̀нгало* Сб. XVIII. 526, *по̀лѕъм*, plur. *вра̀ѕи*, *бла̀ѕи*, *бѐлеѕи*, adv. *бла̀ѕе* ibid. 525, *ѝнѕъ* ibid. 528, plur. *до̀лѕи*, *мо̀лѕъм* ibid. 532, *нѐiѕин*, *нѐiѕина*, *неiѕино* ibid. 537, dat. *нѐiѕѣ* «ей» ibid. 539, *ѕго̀ра*, *о̀тѕгора* ibid. 543.

Это особое «среднеболгарское» ѕ по условіямъ своего возникновенія рѣзко отличается отъ общеславянскаго *dz*, сохраненнаго въ польскомъ, словацкомъ и говорахъ старо-славянскаго языка: общеславянское *dz* возникало изъ смягченія задне-нёбнаго *g*. Средне-болгарское ѕ могло возникать изъ старо-славянскаго з всякаго происхожденія; обыкновенно оно возникало изъ того з, которое еще въ обще-славянскую эпоху получилось изъ *g* и *gh* средне-небныхъ (**ѕиждж**, **ѕвѣрь**); но въ говорахъ, обратившихъ обще-славянское *dz* въ *z*, средне-болгарское ѕ могло возникать и изъ этого послѣдняго; таково можетъ быть ѕ многихъ говоровъ вь словѣ *ѕвѣзда*; средне-болгарское ѕ возникало наконецъ и изъ *z* заимствованныхъ словъ (**ѕивгаръ**; *ѕъмба* Mac. St. 51). Средне-болгарское ѕ развивалось въ языкѣ по говорамъ, и потому въ отдѣльныхъ случаяхъ мы находимъ діалектическія колебанія между *dz* и *z*. Но отрѣшаясь отъ спеціальныхъ причинъ, дѣйствовавшихъ въ такихъ случаяхъ въ томъ или другомъ говорѣ, мы убѣждаемся, что средне-болгарское *dz* возникало изъ *z* только при опредѣленномъ фонетическомъ условіи. Именно, *dz* изъ *z* мы находимъ исключительно въ началѣ слога, именно: а) въ началѣ перваго слога (начало слова), в) въ началѣ срединнаго слога послѣ гласныхъ, а равно послѣ плавныхъ и носовыхъ, ср. **ѕѣница** и **тумпанѕии** Болонской Псалтыри и современныя *ѕирка*, *наѕод*, *полѕъм*, *долѕи* (Охрида), *ìnzdzik*, *vn̥dzìl* (Сухо, Mac. St. 51), *vr̥̀dzam* (Бугаріево, ibid.), *бърѕъм* (Тырново). Въ виду того, что въ ново-болгарскую эпоху очень рѣдко *dz* послѣ гласной, можно думать, что въ такихъ случаяхъ какъ **кѕеро**, **отраѕа** средне-болгарскій звукъ *dz* (вмѣсто *z*) былъ или діалектическимъ явленіемъ, или *dz* было здѣсь неполнаго образованія и позднѣе снова перешло въ *z*. Начало слова—вотъ древнѣйшее положеніе, при которомъ *z* переходило въ

настоящее *dz*; этому переходу подвергается *z* и въ заимствованіяхъ византійской эпохи. Что касается діалектическихъ *dz* послѣ плавныхъ и носовыхъ, то относительно позднее появленіе большинства такихъ примѣровъ понятно: ѕ въ *бърѕам* могло возникнуть только послѣ перестановки группы *рѣ* (или ея перехода въ одно *r̥*), въ *ìndzik*, *vn̥dzil*—только послѣ перехода ę въ *in* и *n̥*, т. е. не ранѣе XII вѣка и то по говорамъ.

Средне-болгарское ѕ могло вновь возникать и въ такихъ говорахъ, которые еще въ старо-славянскую эпоху обратили всякое общеславянское *dz* въ *z*. Въ другихъ говорахъ новое ѕ могло возникать до утраты стараго, при чемъ теоретически можно допустить, что новое ѕ по качеству и не было тождественно съ старымъ; совпаденіе двухъ ѕ наступало позднѣе; тамъ, гдѣ оно не наступало, старое ѕ могло измѣняться въ ʒ, между тѣмъ какъ новое удерживалось. Изъ приведеннаго діалектическаго матеріала ясно, что говоръ Болонской псалтыри послѣдовательно (насколько еще существовали въ языкѣ самые случаи) сохраняетъ общеславянское ѕ и уже имѣетъ ѕ средне-болгарское. На той же стадіи развитія стоитъ современный Охридскій говоръ. Тырновскій говоръ имѣетъ теперь только средне-болгарское ѕ, въ томъ числѣ и въ словѣ *ѕвѣзда*. Таковъ очевидно и Кюстендильскій говоръ; и въ говорѣ села Сухо Облакъ отмѣчаетъ при новомъ *ìndzik*, *vn̥dzil* старое *dz* въ *nodzi*, но въ *zvᵉäzda* слышится *z*; въ Бугаріевѣ — при *sl̥dzi*, *vr̥dzam*, *dzvèzda* говорится уже *druzi* (Мас. St. 51).

Въ одномъ Дебрскомъ говорѣ (Галичникъ) Облакъ отмѣчаетъ при отсутствіи звука *dz* «особенный, очень острый» выговоръ перваго *z* въ словѣ *zvezda*, который онъ справедливо считаетъ слѣдомъ стараго *dz* (Мас. St. 51). Первая часть аспираты исчезла, но *z* сохранило бо́льшую длительность и болѣе сильную экспиратирность, свойственную звуку *dz*. Такое усиленное z^1 и должно было быть переходной стадіей не только отъ всякаго *dz* къ *z*, но также отъ *z* къ средне-болгарскому *dz*, которое возникало единственно въ виду большей экспираторной силы, какою обладаетъ начало слога. Въ послѣднемъ случаѣ эта «экспираторная сила» должна быть понимаема относительно; незначительнаго усиленія экспираторности было достаточно, чтобы въ начальный моментъ произнесенія звука *z* вызвать бо̀льшую напряженность и бо̀льшее сближеніе органовъ рѣчи, которое со временемъ могло перейти въ легкій затворъ; z^1 полученное въ Галичникѣ изъ *dz*, въ зависимости отъ качества этого послѣдняго, могло быть звукомъ и болѣе сильнымъ и болѣе длительнымъ, нежели z^1, изъ котораго получалось вновь ѕ средне-болгар-

ское. Возникновеніе *dz* изъ *z* послѣ *r*, *l*, *n*, *m* отчасти вызывалось и незначительпостью междуслоговой паузы, т. е. тою же причиною, которая создала взрывную *t*, *d* въ пьстръ, мѫѕдра.

Облакъ (Maced. St. 53—54) уже указываетъ на близкое сходство фонетическихъ условій, при которыхъ возникали средне-болгарское ѕ изъ з и средне-болгарское џ (дж) изъ ж. И въ послѣднемъ случаѣ матеріалъ разнообразится по говорамъ, но общее фонетическое условіе несомнѣнно. Замѣтимъ, что при подобныхъ же условіяхъ въ болгарскихъ говорахъ возникало и *ц* изъ с: *селцки*, *горцки*, *женцки; онцица*, *ке донца* (= *ке донеса*); *ц* возникаетъ изъ *с* и послѣ другихъ согласныхъ (*српцки*, *москофцки*) вслѣдствіе той же причины; *блацки*, *чифуцки* могутъ имѣть *ц* иного происхожденія. Ср. для всего явленія матеріалъ, собранный проф. Лавровымъ, Обзоръ 88—89. Относительно *dz* изъ *z* въ другихъ славянскихъ языкахъ ср. Mikl. Gramm. I², 255.

Въ Болонской псалтыри встрѣчаются написанія ц вмѣсто ѕ (см. выше, въ спискѣ). Тоже отмѣчено въ одномъ Евангеліи XIV вѣка: кладѧцъ, пѣнѫць, пѣнѧць, кнѧци, процѧбнеть (Обзоръ 82. 83, 85 со ссылкой на Arch. VII. 1, 30). Спорадическіе случаи ц вмѣсто ѕ могли быть объясняемы положеніемъ въ паузѣ (nom. sing. masc.), изъ котораго такое ц въ эпоху паденія формъ переносилось затѣмъ въ средину слова; ц такого происхожденія могло затѣмъ сохраняться въ говорѣ и послѣ того, какъ всякое ѕ измѣнилось въ *з*. Но такое объясненіе не примѣнимо ни къ только что приведеннымъ примѣрамъ, ни къ Болонской псалтыри: стъцѫ, дроуци, роци и стьцѧ, процѧбнеть ни коимъ образомъ не могутъ быть объяснены переносомъ звука ц изъ положенія въ паузѣ, да и къ примѣрамъ кънѧци, кладѧци такое объясненіе не примѣнимо въ виду того, что въ эпоху Болонской псалтыри нельзя говорить объ общемъ паденіи флективныхъ формъ. Всѣ эти примѣръ могутъ быть объяснены ослабленіемъ *голоса* въ болгарскихъ звучныхъ согласныхъ, каковое извѣстно въ живыхъ говорахъ и удостовѣряется правописаніемъ средне-болгарской эпохи (ср. Обзоръ, 85). Въ Болонской псалтыри сюда относится напр. написаніе жѫщеж δίψῃ 178.2.

SK.

Изъ смягченія стараго *sk* передъ звукомъ ѣ дифтонгическаго происхожденія Болонская псалтырь, какъ и большинство средне-болгарскихъ

памятниковъ, имѣетъ не сц, а ст: въ мри житенстѣ°мъ, аримадейстѣмъ, идолстѣи лсти, n. pl. земъстии, июденстии, жидовъстїи и т. д.

VII.
Морфологія.
1. Существительныя.

Основы на ĭ. Многія колебанія въ образованіи формъ восходятъ къ старославянской эпохѣ; отмѣчаемъ слѣдующее: Masculina: gen. sing. ѿ лїца ѡ҆гни 31.2, ѡгни 106.4 и огнѣ ibid. 106.3; ради господи 79.1 (ср. d. s. къ господоу 57.1); dat. s. глади переправленъ въ гладю самимъ писцомъ: въ день гладю 58.3; отъ masc. стѣнь находимъ instr. sing. стѣнемъ: да не стѣнемъ мнима бѫдетъ тайна 53.4, ср. d. s. стѣноу σκιᾷ; loc· ѡ҆ господи 188.1, ѡ҆ г҃и 36.2, 48.1; loc. sine praepos. грътани моемъ прїлъпе 31.1; acc. plur. елени (гласъ господенъ съвръшаѫштааго елени φωνὴ κυρίου καταρτιζομένη ἐλάφους) 42.1 быть можетъ также образованъ на -ĭ. При старыхъ n. pl. masc. людие 25.1, 26.4 etc., голѫбие 35.4, ѕвѣрие 167.2 въ послѣднемъ словѣ, которое несомнѣнно продолжало жить, находимъ нерѣдко n. pl. на -и: ѕвѣри 123.4, 167.1, 236.1, 262 об.; ср. еще могѫти вмѣсто могѫтие: ц҃ре властеле и могѫти 32.4 (instr. могѫтемъ Greg. Naz. apud Mikl., Lex.) это конечно не вліяніе основъ ж. р. на -ĭ, а примѣры распространенія общей формы n. pl. masc. на -и по аналогіи основъ на -ŏ, ср. n. pl. елени 166.4, крьстиꙗни 23.4, моавитѣни 137.4, агарини 137.4, ѡдиѡплѣни 118.1, жїдвї 21.4, жидвї 25.2, жидови 99.2, 101.4 (при жидове 99.2), врачеви (οἱ...) 251.6.—Feminina. Уже существуетъ форма instr. денїѫ 47.2 (ibid. нощиѫ); acc. pl. нечести нашѫ 102.3 правильно образованъ отъ n. s. нечьсть, е изъ ь — нефонетическое; при старомъ instr. plur. masc. ѫглъми (=ѫгльми) 207.1 находимъ fem. plur. гѫслими 135.3, гдѣ -и внесено аналогіей; по аналогіи основъ на ĭ образованъ вѣроятно loc. plur. свѣдѣнехъ: прилѣпихъ сѧ свѣдѣнехъ ἐκολλήθην τοῖς μαρτυρίοις 195.1. Слово χιλιάς оканчивается на -и въ acc. plur: тисѫщи лѣтъ χίλια ἔτη 148.3 (ср. gen. plur? паче тисѫщи ὑπὲρ χιλιάδας 139.3), но также и въ nom. sing.: падетъ ѿ странъї тѣ҃ѫ тисѫщи и тъма ѡ деснѫѫ т҃ѫ, χιλιάς 150.3, ср. ниже n. s. цръкви; ср. еще кла плѕи 43.4, acc. sing.?

плъти: ꙗко мнѣахѫ и истлѣти плъти вл҃чнѫ 53.2, gen. ѿ ꙗзви меѫ 3.4.— Отъ людехъ жидовъскꙑ 71.2 объясняется быть можетъ передѣлкой предлога въ отъ изъ о: предлогъ о въ этомъ значеніи уже вѣроятно замѣнялся предлогомъ за; ср. ѿтъ деснѫѫ въ другихъ средне-болгарскихъ рукописяхъ.

Основы на согласную. Живой формой можно признать n. plur. на -е: цр҃е 28.4, 78.4, 118.1; властеле 32.4, дръжателе (л и е связаны) 113.4, елене 24.2; ср. ново-болгарскіе n. pl. на *-ле*, *-ре*, *-не*: *учителе*, partic. *биле*, *ходиле*; *овчере*; *селене*; ѫзце = ꙗꙁъици 30.2 или описка, или должно быть сравниваемо съ n. pl. мече. Отъ дрѣво находимъ plur. дрѣва? 1.4, отъ слово — instr. sing. словемъ (рече бо словемъ 48.4), въ loc. plur. повидимому только -сехъ (не -сѣхъ), напр. словесехъ 84.3; g.? d.? sing. матере самимъ писцомъ переправлено въ матери 83.3.

Основы на *-ū*. Слово цръкꙑ въ n. s. имѣетъ видъ цръкъвь: ꙗко мт҃и цр҃въ веселитъ сѧ 79.2 и цр҃ве 162.2, но обыкновенно n. s. имѣетъ видъ цръкви: цръкъви 78.4, цръкви 102.3, цр҃ви 11.2, 21.4 (цр҃ви ст҃ла), 75.2, 75.4, 76.4, 78.2, 100.2, 106.4 и т. д.; въ acc. sing. находимъ цр҃ве 75.2, но обыкновенно цр҃ковъ, цр҃въ вѣроятно въ силу традиціи. Написаніе кри (кри бо х҃ѣ) 100.4 стоитъ по ошибкѣ вмѣсто dual. крилѣ.

Основы на *-ŭ*. Въ нихъ находимъ мало новаго въ сравненіи съ старославянской эпохой: Singularis gen. домоу твоего 37.3 и паче меда 27.1, 201.1; dat. б҃ви 70.2, сп҃ви (= спасови) 8.4, 45.4 (сп҃оу 8.4), давъıдови 25.3, кесареви 54.4, цр҃еви 73.3 (цр҃ю 74.2), ѿц҃еви 44.2, с҃нви 117.2 (с҃ноу 117.1), члкови 44.2; neutr. игови 2.2 (ср. мореви Suprasl., Leskien Handbuch [4], 77).— loc. въ мироу 13.3, но d. мироу? 55.3.— plur. дарве 118.4, дворве 112.4, домове 74.4, 139.4, стлъпве 79.2, бѣсове 35.2, 182.2, 190.4 (бѣси 35.2), жидове 31.2, 91.4, 93.2, 113.4, змиеве 235.3 (-ови см. ниже).—gen. plur. вѣковъ 3.3, даровъ 247.2, домовъ 129.2, с҃новъ 242.1, грѣховъ 4.2, бѣсовъ 134.2, 207.2, 240.1, бѣсъвъ (= -совъ) 93.2, жидовъ 1.1, 5.2, 46.2 (g. pl. жидъ abs.).— acc. pl. одинъ разъ жї҃довꙑ (pro жидꙑ) 24.4.— instr. plur. даръми 247.4, грѣхъми 46.4, 80.2, съ жидъми 37.4, 46.2, 62.4, 63.4.— loc. pl. въ домовѣхъ 139.4, ѡ с҃новѣхъ 76.1, 145.1, ѡ жидовѣхъ 67.2, 86.4, 192.4, 212.2, на жидовѣхъ 96.2; относительно с҃нохъ 76.2, с҃нхъ 164.3, жидохъ 36.4, 63.4, 71.1, 95.2, 110.2, 121.2 см. въ фонетикѣ подъ ъ = о.

Основы на *-ŏ* и *-'ŏ*. Относительно acc. sing. masc. -ъ и на -а отмѣтимъ **въ богъ** εἰς θεόν 44.1, **рова г҃letъ** 43.2, **жъзла г҃лєтъ** 74.4, **тама натa** 99.2. По аналогіи acc. plur. masc. **агнъцѫ, кънѧѯѫ, мрътвъцѫ, юнцѫ, младенъцѫ, конъцѫ, рожъцѫ** и т. д. образовано (**слъ**)**нъцѫ** ἡλίους 6.2. Относительно instr. plur. **съ кнѧѯы** bis 186.1, 186.2, **прѣдъ ѡ҃цъі** 128.1, **съ ѡ҃цъі** 253.3 ср. въ фонетикѣ подъ ы. — Въ loc. plur. пишется -ѣхъ (основы на *о*) напр. **въ стлъпѣхъ** 79.1, и -ихъ (основы на *'о*), напр. **на коних҃ъ** 28.1, **въ концихъ** 39.2, 7.3, **на морихъ** 34.1, **въ ср҃цихъ** 40.3; насколько форма была живою и какой она имѣла видъ, судить трудно; но она была извѣстна писцамъ какъ обычная книжная форма; въ **скровихъ** 244.3 — какая-то ошибка: надъ **и** стоитъ нѣчто въ родѣ кирилловскаго х, т или глаголическаго Ⱈ.

Основы на *-а* и *-'а*. Singularis: gen: послѣ отрицанія, а равно въ другихъ случаяхъ вмѣсто ожидаемаго gen. s. мы встрѣчаемъ иногда acc.: **нє приємшє истинѫ** 73.2, **нє имъіи силѫ** 182.2 и т. п., но болѣе прямыхъ указаній на паденіе формы g. s. и замѣны ея винительнымъ мы въ существительныхъ на *-а* не имѣемъ. — Instr. sing. всего чаще о окончанія **-оѭ** пишется надъ строкою **правдѫ** 23.2, **двртѫ** 26.2 etc., но при распространенности надстрочнаго **о** вообще изъ такого правописанія нельзя заключать объ искусственности формы **-оѭ**; объ ея паденіи говоритъ instr. **моѫ, твоѫ, своѫ** въ мѣстоименіяхъ и подобныя формы въ прилагательныхъ да еще, быть можетъ, одинокое **милостинѫ твоѫ ради** ἕνεκεν τοῦ ἐλέους σου 6.3. — Pluralis. nom. acc. при обычной формѣ на -ѫ = -ѧ: **птицѫ, стѫѯѫ, ѡвъцѫ, оубиницѫ, юніцѫ** и т. д. находимъ **въсѧ птицъі нєбсънъіѧ** acc. pl. 82.3, **птицъі** acc. pl. 129.1, т. е. переходъ словъ на **-ца** въ твердое склоненіе.

Двойственное число именъ существительныхъ вообще удерживается: **рогома** 113.2, **ѡтъ съсъцоу** 30.3; **ѡчима** 54.3, **рѫкоу твоєю** 45.3, **рѫцѣ чтѣ** 23.4. Форма **по бєдрѣ твоєи** 74.1 есть loc. s. feminini **бєдра**, а g. du. **ѡ҆чю** 46.4 (**ѡтъ лица ѡ҆чю твоєю** τῶν ὀφθαλμῶν σου) есть или описка вмѣсто книжнаго **ѡчию** или дальнѣйшее фонетическое измѣненіе формы **очью**. Замѣну двойственнаго множественнымъ находимъ въ **ѡ҆боими рєбръі** 78.2.

2. Мѣстоименія.

Личныя. Въ мѣстоименіяхъ 1. и 2. лица Болонская псалтырь не заключаетъ никакихъ отклоненій отъ установленныхъ нормъ старо-славянскаго языка. Особенно слѣдуетъ отмѣтить, что для перваго лица употребляется только литературное **азъ**, между тѣмъ какъ для запада Македоніи мы вѣроятно и въ XIII вѣкѣ въ правѣ ожидать форму *јаз*; **азъ**, какъ и **шт** = **ѣ**j, было одной изъ основныхъ нормъ литургическаго языка, тщательно выдерживаемыхъ даже простыми писцами. Въ болгарскихъ рукописяхъ *јаз* отмѣчено пока только съ XVII вѣка; **нне** и **мне** ἡμεῖς встрѣчается уже въ Музейскомъ Апостолѣ XIII вѣка, но отсутствуетъ въ болѣе книжной Болонской псалтыри. Въ мѣстоименіяхъ 3 лица уже образовалась система формъ «сильныхъ» и «слабыхъ»; на это ясно указываютъ: 1) форма dat. s. **моу** αὐτῷ **далъ моу еси** 28.3 bis и 2) относительное **ежже** = acc. s. f.: **ъмрътъ ꙗвлѣетъ·ежже ꙗко сонъ показа** 214.2, ср. ново-болгарское *неѝа*, *неа* (Охридское *нѐе*.

Вопросительныя. Отклоненіе отъ старо-славянскаго находимъ въ склоненіи слова **чьто**: g. s. **ничегоже**, напр. 22.2 при **ничесоже** 202.2. N. s. **ничъже** (**еже ничъже естъ люште** ἧς οὐδὲν ἐστι πικρότερον 52.2) можетъ быть ошибочнымъ написаніемъ съ пропускомъ слога -**то**-.

Указательныя. Выше отмѣчено, что живыми формами были **тои** и быть можетъ **сеи** (стр. 103 и 108). По сложному склоненію образованы n. s. **тъıи** αὐτός 168.3, 180.1 и n. pl. m. **тіи** 26.2; въ двойственномъ числѣ находимъ еще n. m. **та**: **жъзлъ твои и палица твоꙗ та мѧ оутѣшїсте** 33.3; о живомъ употребленіи этой формы едва-ли можно думать. Въ ж. р. находимъ g. s. **тѫ**: **лестъ глаголетъ идолъскѫѫ ѿ тѫ бо избавленъ бъıстъ чл҃къ** 92.4.—Отъ g. s. masc. **того** уже существуетъ possessivum **томвъ**; **Ѡ ним же бо кто живет. тогвоу житию по҃бит҆сѧ** 23.4, ср. въ Норовской псалтыри: **ради̇ ѥговѣхъ моли́тьвъ**, а равно ново-болгарскія *тѝгов*, *нѐгов*, *нѐјен*, *нѝхен*, *тѣ́хен*. Въ neutr. plur. **сии** ταῦτα 71.2 находимъ графическое удвоеніе **и**, извѣстное уже въ Ассем. (Leskien, Handbuch[4], 93).

Указательныя мѣстоименія уже утвердились въ постпозитивномъ употребленіи съ тѣми самыми подновленіями формы предыдущаго слова, какое находимъ и въ ново-болгарскихъ членныхъ формахъ: **пѫтосъ**, **весотъ**

91.4, псаломосъ 159.3, човѣкосъ 224.2, миросъ 154.4, грѣхосъ 252.2. Если къ тому-же постпозитивному употребленію относится примѣръ доколѣ г҃и сѫдъ тъ тръпиши 6.4, то написаніе въ такомъ видѣ восходитъ къ оригиналамъ рукописи. Написаніе гробо (ꙗко оукрадома быти иссა стрѣжаахѫ гробо 253.2) можетъ быть и простою опискою вмѣсто гроботъ, но оно можетъ быть осмысливаемо также въ качествѣ членной формы безъ -*т*: такія формы, будучи нефонетическаго происхожденія, могли существовать въ говорахъ и при фонетическомъ типѣ *гробот*; -*ot* и -*о* находимъ напримѣръ въ вымершемъ говорѣ Седмиградскихъ болгаръ; замѣтимъ, что форма на -*о* не ограничивается говорами восточнаго нарѣчія: она отмѣчена Облакомъ въ Сухо (при рѣдкомъ *ot*), а въ западно-македонскомъ районѣ является господствующей въ Леринскомъ говорѣ. Современные Охридскіе говоры могли устранить ее окончательно въ сравнительно позднее время.

Притяжательныя. Отмѣтить слѣдуетъ формы g. s. f. и instr. s. f. на -ѫ вмѣсто -оѩ и -оѭ: gen. s. хвалы моѫ 180.1, ѿ похоти моѭ 224.3, милости твоѫ 5.2, твари твоѫ 167.1, правды твоѫ 201.1, дш҃ѫ своѫ 12.1, instr. f. незлобоѫ моᵉѫ 38.1, твоѭ 6.1, 228.3, ср. instr. над҄ всѫ 29.2; эти формы встрѣчаются въ рукописи нерѣдко, и нерѣдко, е, какъ въ незлобѫ моᵉѫ 38.1, оказывается приписаннымъ надъ строкою.

3. Причастія.

1. Въ глаголахъ III класса преобладаетъ part. praet. act. типа хваль; типъ хваливъ представленъ несравненно слабѣе. Находимъ напр. въдомлъ, наставлъ, ꙗвлъ сѧ, ѡскрблъше, раздѣлъшѡмоу, оудалъше сѧ, въселъ сѧ, прѣклонъ, разоръ, створъ, наоучъ, ѡ҆мочъ, съкрълъ, помышлъше, помышлъ, възложъ, поражъшомоу, побѣждъ, съпосаждъ, ѡсвѣщъше, отвращъшоу, прѣлещъшиа (ἡ), ѡ҆бнищъ, облъщъшиих мѧ, ѡбращъ сѧ, ѡбогащъ, въплъщъ сѧ, вмѣщъ сѧ и др. Въ помыслъ 83.2, поѡстръши 101.4 звукъ с возстановленъ вліяніемъ аналогіи; съгрѣша 203.2 есть вѣроятно описка вмѣсто съгрѣшъ или съгрѣшаѩ: вьсѧ (sc. заповѣди) бо потрѣба есть творити. да не съгрѣша кто въ единѫ. и погоубитъ вьсѧ неправденъ. Другое образованіе представлено примѣрами погѹбивы, потрѣбивъ, пославивъшѹ, скоупивъшоу сѧ, поставївъ, исправивъ, въставивъ, ѡставивъ, ѡставивы; побѣдивъше, насладивъше сѧ, свободивъ, ѡчт҃ивъ,

расточивъ. Дѣлать какіе либо выводы о судьбѣ того и другого образованія въ говорѣ писцовъ было бы праздно: это причастіе вѣроятно уже вымирало; факты рукописи говорятъ только о традиціонномъ сохраненіи условій, сложившихся уже въ старо-славянскую эпоху, ср. Leskien, Handbuch [4], 125.

2. Въ partic. praet. pass. на **-енъ** въ глаголахъ кл. III не находимъ достовѣрныхъ примѣровъ съ возстановленной коренной согласной: **ѡбръждени, ѿтоуждени, врѣжденъі** etc.; формы **ѡбновенъ, прославенъ** и др. утратили л фонетически; **оупраженъ** (**оупражена бо бъісте**, sc. **диꙗволъ и смр҃тъ** 60.3) и **растесенъ** (**жідовъскаа срц҃а растесена бъішѧ** 58.4) вѣроятно случаи порчи литературныхъ словъ; **оумръцвени** 146.2 или описка (ц вм. щ) или отражаетъ выговоръ книжной формы **оумрътвени**.

2. Partic. praes. act. въ nom. s. masc. имѣютъ еще старую форму на -ъі; **жидъі** 8.2, **съі** ὤν 20.2, **съіи** 29.2, **ꙗдъі** 68.1 и др.; но чаще средне-болгарская форма на -ѫ: **сѫи** 23.2, 90.3, 157.4, 162.2, 163.2, 168.2; **бѫдѫи** 15.1, **грѧдѫ** 112.2, **ꙗдѫи** 68.2; **пасѫи** 134.1, **живѫ** 150.1. — **живѭ** 185.3 есть графическій варіантъ формы **живѫи**, ср. выше о ѫ и ѭ стр. — **испъітѫ** ἐτάζων 8.1, **напаѫ** ποτίζων 166.1 или описки или порча книжныхъ формъ; ср. еще **придъіи** 4.2.

Формы **сѫи, грѧдѫи** и т. д. восходятъ къ діалектическимъ старо-славянскимъ **сди, грѧдд** (д предложено Ягичемъ для кирилловской транскрипціи глаголическаго Ⰵ и выражаетъ ѧ безъ предшествующей мягкости). Такимъ образомъ мы не имѣемъ основанія объяснять **грѧдѫи, пасѫи** вліяніемъ аналогіи со стороны **божисѧ, таѫ** τυχόμενος, **даѫи, спасаѫи, ꙗвлѣѫ, извѣщаѫ, разоумѣваѭ, възъіскаѭ, бѣгаѭ, ѿвръзаѭ**, а также со стороны **тичѫ, каѫѫ, дръжѫ** etc., которыя всегда пишутся въ Болонской псалтыри съ ѫ (ѭ); послѣднее объясненіе предполагало-бы, что **даѫи, дръжѫ** содержатъ уже настоящее ѫ а не ѫ̈ (что̀ не можетъ быть доказано съ несомнѣнностью) или что въ **грѧдѫи** знакъ ѫ = ѫ̈, что̀ также не можетъ быть подтверждено фактами. Такое объясненіе было-бы кромѣ того непримѣнимо къ говору другихъ средне-болгарскихъ рукописей той-же эпохи. Разсматриваемая форма вѣроятно уже вымирала.

4. Въ nom. plur. masc. причастій praes. activi въ Болонской псалтыри находимъ окончаніе **-щеи** (чаще) и **-щии** (рѣже), въ причастіяхъ praeter. act. — **-шеи** (чаще) и **-шии** (рѣже), какъ и въ старо-славянскую эпоху; въ силу литературной традиціи **-щии** и **-шии** встрѣчается гораздо рѣже, чѣмъ мы ожидали-бы для Болонской псалтыри на основаніи случаевъ

дальнѣйшаго распространенія формы n. pl. masc. на -и, (ср. выше въ склоненія именъ); это причастіе вѣроятно уже обратилось въ дѣепричастіе.

5. Въ dat. sing. masc. neutr. тѣхъ-же причастій господствуетъ форма на -щомоу, -шомоу (пишется оѡмоу, ѡмоу, омоу), гдѣ о внесено аналогіей ранѣе эпохи Болонской псалтыри, см. ниже, въ сложномъ склоненіи прилагательныхъ.

6. Болонская псалтырь содержитъ древнѣйшій примѣръ заимствованнаго у основъ на согласную окончанія -ле въ nom. masc. plur. причастія на -лъ: да сѧ бихѫ жѫци спасле 134.2; это -ле сходится съ современнымъ *-ле* охридскихъ и многихъ другихъ болгарскихъ говоровъ; говоры сохранившіе *-ли* (старое, не изъ неударяемаго *-ле*) находятся въ меньшинствѣ.

7. Текстъ псалтыри не даетъ повода къ широкому употребленію gerundii, какое находимъ въ современныхъ македонскихъ говорахъ, а въ старо-славянскую эпоху — въ Супрасльской рукописи; но переходъ причастія въ gerundium доказывается примѣрами: ꙗко мрѣзокъ сѫще 162.2, жидомъ таковаꙗ смѣвъше на га 102.2, жидове не възмогьшоу 112.4, жидове поѡстръши 101.4, ср. ниже, въ сложномъ склоненіи прилагательныхъ.

4. Прилагательныя.

Именное склоненіе прилагательныхъ очень распространено.

Masculina, neutra: sing. nom. masc. дѣденъ, длъженъ, господенъ и т. д.; sing. nom. neutr. тѣло вл҃чне 93.4 (владычень въ Supr.), можетъ относиться и къ сложному склоненію (= владычьнѥѥ). — sing. gen. всѣка 1.2, на силна ἐπὶ δυνατόν 146.1, ѡтъ прѣрѣканиꙗ людъска 25.1.—sing. dat. сироу ты бѫди... ὀρφανῷ σὺ ἦσθα 13.3, ѡтрокоу гн҃оу (отъ господьнъ) 21.1.—sing. vocat. силъне δυνατέ 74.1.—sing. instr. тѧжкомъ сном' 16.2, съ стропътивомъ, съ прѣподобномъ, съ мѫжемъ неповинномъ 23.3, оумъномъ гладемъ 73.4, громомъ владъıчнемъ 81.2, доухомъ владъıчнемъ 85.3; таиномъ и дх҃овномъ веселием' 6.2, гърдомъ ѡкомъ и несъıтомъ срцемъ 161.3, ꙗвлениемъ хв҃омъ 135.2.—sinc. loc. въ гласѣ псаломстѣ 158.1, въ съборѣ мноꙃѣ 177.3; adv. въ мноꙃѣ часто.—Plur. nom. masc. люди жидовъскы въ новой формѣ на -и (ъı) съ возстановленіемъ согласной *k* 25.2.—plur. gen. ѡтъ сн҃ъ чл҃чъскъ 15.1, людеи жидовъскъ 120.4, аггелъ бж҃ии 241.3. Feminina.—Sing. gen. ѿ чтъı дш҃ѫ праведнъı

4.4, оубиичнъı дшѫ 5.4, ѿ земѧ египетъскъı 135.3, ѿ зимъı лютѫ бъıвъшѫ съ замѣною формы genetivi на accus. 209.4.—sing. acc. хрьстокѫ 102.2.—sing. loc. въ множѣ братии 146.4, множѣ славѣ 145.2, въ ѫтробѣ женстѣ 30.4, по множѣ милости 258.1.—Plur. gen. ѡть горъ вѣченъ 124.3.—plur. dat. заповѣдемъ бжиамъ 2.4, гѫслемъ брѧцаѭщамъ 108.4.—plur. instr. малами цѫтами 87.2, жрътвами идолъскамн 100.2, заповѣдъми гнѣми (= господьнiами) 211.4.— plur. loc. ѡ мѫкахъ хвахъ 29.3, въ оустѣхъ лъстивахъ 19.3.

Мѣстоименное склоненіе прилагательныхъ удерживается прилагательными съ наиболѣе общимъ значеніемъ, которыя имѣли его уже въ старо-славянскую эпоху: instr. sign. разнашаеми всѣцѣмъ вѣтромъ 46.4, plur. instr. множѣми ѩзами 257.1, множѣми скръбъми 76.2, при чемъ loc. sing. masc. neutr. замѣняется, какъ въ мѣстоименіяхъ и прилагательныхъ сложныхъ, чрезъ instr. sing.: в̕ всѣмъ (= вьсемь) бъıваѭщиимъ и сѫщиимъ 9.4; также по тѣмъ postea. У тѣхъ-же прилагательныхъ находимъ именныя формы: всѣка g. s. m. 1.2, винъı на немъ ни едінѫ 53.2 съ замѣной формы genet. s. f. на accus.

У всей массы прилагательныхъ обобщилось мѣстоименное окончаніе -омоу въ dat. sing. m. n.: новомоу чоудеси 34.4; пишется въ подражаніе старымъ нестяпутымъ формамъ сложнаго склоненія — оѡмоу: честъноѡмоу 8.4, страшъноѡмоу ibid., праведноѡмоу 14.3, вѣрноѡмоу 21.2, стоѡмоу 86.2 и т. д. — въıшъноѡмоу перешло изъ мягкихъ основъ въ твердыя 8.3. Въ мягкихъ основахъ находимъ тоже мѣстоименное -емоу, но всегда въ искусственномъ правописаніи -екмоу (II пис.), -еемоу (IV пис.): къ богоу въıшънекмоу 92.3, въıшнекм8 104.2, тоуждекм8 110.4; тоуждеемоу 136.1, въıшнеемоу 137.1, древнеемоу 155.2, искрънеемоу 171.4, ср. ниже въ сложномъ склоненіи прилагательныхъ.

Сложное склоненіе. Традиціонная старо-славянская схема сложнаго склоненія вообще удерживается съ извѣстными измѣненіями фонетическаго характера, внесенными отчасти средне-болгарской эпохой вообще, отчасти фонетикой мѣстнаго нарѣчія; только въ нѣсколькихъ пунктахъ могутъ быть точно установлены ясныя перемѣны морфологическаго характера. Въ слѣдующей схемѣ даются: безъ скобокъ—господствующія въ рукописи формы, при чемъ болгарскія новообразованія отмѣчаются знакомъ ⊙; традиціонныя формы стоятъ безъ знака; въ скобкахъ ставятся рѣже упо-

требляемые дублеты традиціонныхъ формъ или — съ знакомъ ⊙ — новыхъ; двойственное число опущено

	Masculinum:	Neutrum:	Femininum:
Sing.	новыи (новы)	новое	новаа (-аꙗ)
	новаего (новаго)	—	новыѧ, ⊙новѫѧ
	⊙новоѡмоу (⊙новомоу)	—	новѣи
	новыи, новаего	новое	новѫѧ
	новыимъ (новымъ)	—	новоѧ (новѫ), ⊙новѫѧ
	(новѣемъ) новѣмъ, (⊙новыимъ)	—	новѣи
Plur.	новии	новаа (-аꙗ)	новыѧ, ⊙новѫѧ
	новыихъ (новыхъ)	—	—
	новыимъ (новымъ)	—	—
	новыѧ, ⊙новѫѧ	новаа (-аꙗ)	masc.
	новыими (новыми)	—	—
	новыихъ (новыхъ)	—	—

	Masculinum:	Neutrum:	Femininum:
Sing.	вышнии	вышнее	вышнѣа (-ѣꙗ)
	вышнѣаго	—	вышнѧѧ
	⊙вышнеемоу (-нюмоу)	—	вышнѣи
	вышнии, вышнѣаго	вышнее	вышнѧѧ
	вышниимъ (-нимъ)	—	вышнеѧ
	вышниимъ (-нимъ)	—	вышнѣи
Plur.	вышнии	вышнѣа	вышнѧѧ
	вышниихъ (-нихъ)	—	—
	вышниимъ (-нимъ)	—	—
	вышнѧѧ	вышнѣа	вышнѧѧ
	вышниими (-ними)	—	—
	вышниихъ (-нихъ)	—	—

Нестяженныя формы безъ сомнѣнія искусственны, слѣдуетъ читать *-аго*, *-ому*, *-ему*, ы вмѣсто -ыи-, -и- вмѣсто -ии; *а* вмѣсто *-аа-* вѣроятно слѣдуетъ читать въ nom. sing. fem.; старинная охридская поговорка *о слѐпаіа маіка со слепаго сина* (Сб. XVIII. 540) вѣроятно книжнаго происхожденія.

Въ g. s. m. n. также послѣдовательно употребляется окончаніе *-ааго* = *-аго*, какъ въ dat. sing. -оѡмоу = *-ому* и -еемоу = *-ему*. Несмотря на существованіе современныхъ охридскихъ формъ на *-его* (*сивего*, *до стредего Дунафа* и т. д.), формы на *-аго* и *-ому* должны быть признаны живыми формами охридскаго говора XIII вѣка. Во-первыхъ, было-бы непонятно, почему писцы въ gen. sing. такъ упорно спеціализировались на старой книжной формѣ, а въ dat. на народной. Во-вторыхъ, прежнее сосуществованіе формъ *-аго* и *-ому* доказываетъ современный охридскій говоръ склоняемыми членными формами *попа̀-таго*, *цара̀-таго*, *чоека̀-таго*, *ротаѐ-таго* при *царо̀-тому*, *кумо̀-тому*, *чоеко̀-тому* (Сб. XVIII. 539; формы эти вымираютъ, ихъ можно услышать только отъ старыхъ охридскихъ женщинъ). Изъ соединенія старой флективной формы gen. dat. съ мѣстоименіемъ могли получиться только **цара̀-того*, **цару̀-тому*; если-бы въ *цара̀-таго* второе *а* появилось нефонетически подъ вліяніемъ перваго *-а-*, мы въ правѣ были-бы ожидать въ dat. *цару̀-туму*. Откуда-же диспаратность живыхъ охридскихъ формъ и почему, -таго, -томоу не уравняли нефонетически гласной перваго слога? Я думаю, что формы возникли нѣкогда по аналогіи окончаній *-аго* и *-ому*, господствовавшихъ въ склоненіи прилагательнаго, и сохранились въ такомъ видѣ и послѣ того, какъ эти формы прилагательнаго исчезли. При такомъ объясненіи остается неяснымъ, почему старое -оуоумоу, *-уму* было вытѣснено мѣстоименіемъ *-ому*, и во-вторыхъ — какого происхожденія первое *о* въ современномъ *царо̀-тому*? Объяснять *царо̀-тому* фонетически изъ *цару̀-тому* съ полной увѣренностью нельзя; къ тому-же -емоу въ мягкой основѣ прилагательныхъ говоритъ противъ фонетическаго объясненія. Можно думать, что на окончаніе -аго аналогія мѣстоименныхъ *-ого*, *-его* дѣйствовала слабѣе и позднѣе; діалектически и въ Восточной Болгаріи мы находимъ въ членѣ *-таго*: *рора̀тъго* въ округахъ Шуменскомъ и др., между тѣмъ какъ въ другихъ говорахъ членное окончаніе *-того* не подверглось измѣненію по аналогіи: *cǎŕatŏgŏ* (Новопазарскій окр.), *čiľǎkatŏk* (Съртскія сёла), *čiľakatuk* (Рущукскій окр.), см. Miletić, das Ostbulgarische, 122.

Въ причастіяхъ всегда находимъ -о вмѣсто стараго -е послѣ ш и шт въ sing. dat. masc. бъівшоѡмоу, живжщоѡмоу и т. д. Это измѣненіе настолько послѣдовательно проведено въ рукописяхъ, что его слѣдуетъ признать очень старымъ средне-болгарскимъ новообразованіемъ; но было-бы ошибочно объяснять его вліяніемъ твердыхъ основъ на мягкія, какое находимъ напримѣръ въ именномъ склоненіи, ср. n. pl. *дъждове*, *огнове*, *ключове*,

кра̂лове; n. acc. s. neutr. *овчо поле*; прилагательныя и существительныя съ суффиксомъ *-ов-*: *кра̂лов*, *царов*, *змеов*, *чичов*; *дъждовен*, *речо(в)ит*, *книжовник*; dat. sing. *чуму*=*чему*, въ словосложеніи *троіогодишен* и т. п. (см. Обзоръ, 56—57, Kalina I. 158—159, Scholvin 193—195, 197): во всѣхъ этихъ случаяхъ во-первыхъ находимъ средне- и ново-болгарскіе варіанты съ старымъ *-е* (ср. напр. Обзоръ, стр. 57, 147, 164), во-вторыхъ въ этихъ случаяхъ аналогія дѣйствовала не только послѣ шипящихъ; въ третьихъ, въ средне-болгарскихъ памятникахъ, мы находимъ послѣдовательно *-о-* вмѣсто *-е-* только въ формѣ dat. sing. на **-шомоу**, **-щомоу** и лишь изрѣдка въ другихъ формахъ причастій именного склоненія, напр. въ dativ. absolut. на **-шемъ** (pl.) и на **-шема** (dual.); въ послѣднемъ случаѣ по свидѣтельству ново-болгарскихъ *скришом*, *скришома* и *скришем*, *скришема* (Дюв. Lex. s. v. *скришенъ*) аналогія дѣйствовала діалектически; средне-болгарское *-шом-* въ этомъ случаѣ рѣдкость (что̀ лишь отчасти объясняется меньшимъ распространеніемъ самыхъ формъ), въ Болонской псалтыри такое **-шом-** отсутствуетъ. Но главное то, что вліяніе аналогіи такого рода мы и не въ правѣ предполагать въ dat. sing. **-щомоу**, **-шомоу**, ибо окончаніе **-оуоумоу**, **-оумоу** господствовало одинаково какъ въ твердой такъ и въ мягкой основѣ. Въ прилагательныхъ мягкой основы утвердилась въ средне-болгарскую эпоху мѣстоименная форма на *-ему*, ср. въ Болонской псалтыри **древнеемоу** 155.2, **искрънеемоу** 171.4, **вышнеемоу** 137.1, **вышнеѥмоу** 92.3, 104 2 (**-мȣ**), при единичномъ **искрнюмоу** 34.1. Сюда не относится **тоуждеѥмȣ** 110.4, **тоуждеемоу** 136.1 (=**тоуждемоу**), которое—очевидно какъ «контрастъ по значенію» къ adj. posses. **мои**, **твои**, **свои**, **нашь**, **вашь**— еще въ старо-славянскую эпоху переходило въ мѣстоименное склоненіе, ср. Лескинъ, Handbuch[4], 92. Формы **-шомоу**, **-щомоу** преобразованы непосредственно изъ **-шоумоу**, **-щоумоу** по аналогіи мѣстоименнаго *-ому* совершенно также, какъ преобразовано **доброѡмоу** (=*доброму*) изъ **доброумоу**; **ш** и **щ** могли заключать еще долю мягкости, но уже не представлялись въ качествѣ согласныхъ мягкихъ, ибо только основы на **н̑**- (и вѣроятно на **л̑**, **р̑**) получили мягкое мѣстоименное окончаніе **-еемоу**=*-ему*. Въ dat. sing. masc. причастій **о** перенесено изъ соотвѣтственной мѣстоименной формы; во всѣхъ остальныхъ случаяхъ, упомянутыхъ выше, **о** переносилось изъ твердой разновидности той-же самой, а не иной грамматической категоріи.

Послѣ этихъ замѣчаній мы не удивимся сохраненію окончанія *-ем* въ современныхъ охридскихъ дѣепричастіяхъ *плачѐешчем, играешчем* и т. д.

Впрочемъ гораздо вѣроятнѣе, что эти дѣепричастія основаны вовсе не на dat. plur. -щемъ, а на n. pl. ще и заимствовали нѣкогда свое *-м* изъ такихъ нарѣчій какъ *нѝчкум*, *нàвидум*, *рѐдум*, *нà-зорум*, *нàзад-газум* и т. д. (для Охриды см. Сб. XVIII. 539); того-же происхожденія можетъ быть *скришем* (Охрида), *скришом*, но не *скришома*, *скришема*.

Local. sing. masc. neutr. имѣетъ почти всегда старую форму: **кротцѣемъ** 50.2, но чаще она является въ стяпутомъ варіантѣ: **въ дворѣ ст҃ѣмъ** 156.1, **пѫти кугг͠естѣмъ** 98.4, **на м͠ъчаливѣмъ** 50.2, **ѡ дѣлѣ благѣмъ** 167.2 **въ мори житеистѣмъ** 108.4, **въ ст҃ѣмъ своемъ** ἐν τῷ ἁγίῳ 179.1, **въ свѧтѣмъ живении** 30.1 и т. п.; въ причастіяхъ: **ѡ҆ новомъ пѣнии поемѣмъ** χ͠ꙋ 98.2, въ числительныхъ: **ѡ҆ ѻ҆смѣмь** 6.1, въ прилагательныхъ, допускавшихъ мѣстоименное склоненіе: **въ родѣ дроугѣмъ** 176.4. При этомъ, какъ въ мѣстоименіяхъ, встрѣчаются случаи замѣны мѣстнаго падежа творительнымъ: **въ селѣ рекомъıмъ Равне, при ц͠ри асѣни блъгаръскъıмъ** — оба примѣра въ лѣтописи, на л. 126ᵇ. Нѣтъ сомнѣнія, что это — живыя формы, быть можетъ существовавшія къ тому-же только на извѣстной территоріи; не всѣ средне-болгарскія рукописи знаютъ эту особенность, но она извѣстна живымъ охридскимъ говорамъ въ такихъ типичныхъ остаткахъ, какихъ многіе другіе говоры не представляютъ: *потем*, *на ними* (ср. Сб. XVIII). Въ раннемъ средне-болгарскомъ замѣна мѣстнаго творительнымъ могла исходить отъ прилагательныхъ мягкой основы, гдѣ обѣ формы совпали фонетически въ сложномъ склоненіи (**нъıнѣшьниимь, бѫдѫщиимь**). Но въ виду охридскаго **потѣмъ** *потѐм* postea, tum нельзя утверждать навѣрное, что дѣйствіе аналогіи шло исключительно этимъ путемъ. Во всѣхъ тѣхъ формахъ, гдѣ въ старо-славянскую эпоху сложное склоненіе имѣло въ твердыхъ основахъ окончаніе **-ъıѩ**, а въ мягкихъ **-ѩѩ**, т. е. въ acc. pl. masc. и въ g. s., n. pl., acc. pl. fem. въ средне-болгарскомъ написаніи должны были получиться варіанты **-ъıѫ** (**добръıѫ**), **-ѫѫ** (**хотѧштѫѫ**) и **-ѧѫ** (**ближнѧѫ**), а въ acc. s. fem. старо-славянскимъ окончаніямъ **-ѫѭ** и **-ѭѭ** соотвѣтствовали **-ѫѫ** (**добрѫѫ, несѫштѫѫ**) и **-ѧѫ** (**ближнѧѫ**); графическія формы на **-ѫѫ** должны быть понимаемы какъ **ѫ҆ıѫ** и **ѫ҆ıѫ҆**, графическія формы на **-ѧѫ** должны быть понимаемы какъ **ѧıѫ** и **ѧıѫ҆**, формы на **-ъıѫ** — какъ **-ъıѫ҆**. При обычномъ **-ъıѫ**, напр. въ **дроугъıѫ** ἄλλους, ἄλλαι etc. находимъ въ Бол. пс. n. pl. **иеръданъскѫѫ водъı** 76.1, **на стѫзѫ правѫѫ** acc. pl. 39.3, **стѫзѫ моръскѫѫ** τρίβους θαλασσῶν 9.3. Признать эти написанія живыми формами говора можно бы только при допущеніи, что **ѫ҆** уже

перешло въ ж, или что переносилось въ твердое склоненіе именно ѧ̂, т. е. что acc. pl. морьскѫѫ = морьскѧ̂ѧ̂. Но возможно и предположеніе, что во всѣхъ этихъ случаяхъ старыя формы уже пали, а указанныя смѣшенія относятся къ графическимъ. Обратное смѣшеніе находимъ въ sing. fem. оутвръди вселенъіѫ 152.3, прижшѫ земѧ̂ ѡбѣщанъіѫ 71.2; въ этомъ случаѣ графическое объясненіе еще ближе, ибо другія грамматическія категоріи указываютъ, что родительный былъ замѣненъ винительнымъ, а не наоборотъ. Ср. еще ошибочное написаніе g. s. f. вселенъіѫѫ 26.1.

5. Глаголъ.

3. sing. plur.

Окончаніе -тъ отсутствуетъ изрѣдка у всѣхъ трехъ главныхъ писцовъ, но только въ 3. sing. praes. verbi substantivi; совершенно то же находимъ въ современныхъ Охридскихъ говорахъ и другихъ македонскихъ той же діалектической группы: *-т* въ этой группѣ вообще сохраняется; только 3. sing. praes. verbi бъіти имѣетъ видъ *е*, *ет* (*-т* перенесено изъ другихъ глаголовъ). Таково было отношеніе формъ съ *-т* и безъ *-т* вѣроятно въ значительной части македонскихъ говоровъ старославянской эпохи: съ тѣхъ поръ количество говоровъ, вообще сохранявшихъ *-т* въ 3. sing., вѣроятно сократилось; эта особенность, какъ и многія другія, сохраняется теперь только на западѣ Македоніи. Въ средне-болгарскую эпоху уже намѣчается въ этомъ отношеніи различіе между македонскимъ и восточно-болгарскимъ нарѣчіемъ, ср. Обзоръ, 192.

Примѣры: б҃ъ ѥ҆ пришедъі 34.4, псано бо ѥ҆ 57.2, ѡ҆ немже ѥ ѳано 101.4, ıа́ковъ бо ѥ х҃ъ 135.4 — да нѣ живъ 46.2.

Одинокая форма достой = достоитъ въ фразѣ: достой ли дати данъ 54.4 (цитата изъ Матѳея XXII.17) есть вѣроятно отголосокъ оригинала; въ Савв. въ томъ же мѣстѣ находимъ ошибочное достоінъ (л. 45 b.), которое можетъ восходить къ достои; достоі҅ находимъ въ Зогр., Маркъ III.4 (Leskien, Handbuch[4], 109). Въ напаѫ вса ѕвѣри ποτιοῦσι πάντα τὰ θηρία 166.1 нельзя видѣть форму 3. plur. praes. безъ -тъ, это видимо недоразумѣніе: напаѫ понято какъ 1. sing. praes.

1. plur.

При обычномъ окончаніи -мъ находимъ однажды -мъı въ вѣмъı 54.4, которое, въ качествѣ варіанта старославянской эпохи, можетъ восходить и къ оригиналамъ. Особенностью живого говора Болонской псалтыри оказывается окончаніе -ме; оно извѣстно всѣмъ тремъ писцамъ въ глаголахъ на -мь:

есме 134.2, ꙗко пръстъ есме 164.1, есме смѣрени 251.3.

вѣме: иного бо б҃а не вѣме 155.2, ꙗко да исповѣме сѧ 175.2.

имаме: въ евангельской цитатѣ не имаме ц҃рѣ 25.2, 39.4, 123.2, 136.4.

Окончаніе -ме встрѣчено кромѣ того однажды въ 1. plur. aor. (verbi бъıти):

тако бъıхоме възлюбенѡемоу твоемꙋ 251.3.

Такимъ образомъ Бол. пс. употребляетъ окончаніе *-ме* въ полномъ согласіи съ Охридскимъ и другими болгарскими говорами.

Dualis.

Относительно окончаній 3. du. -те, -та, -тѣ Болонская псалтырь стоитъ на старославянской стадіи; впрочемъ послѣднее окончаніе употребляется уже и при подлежащихъ средняго рода.

-те: ѡчи призираете 14.3, не изнеможете плеснѣ мои 24.3, оустънѣ можете . . глаголати 85.4.

застѫпісте мѧ (sc. милостъ и истина) 66.3, ѡчи призирасте 12.4, не можасте (sc. і҃с и иѡанъ) 26.2, та мѧ настависте и въвѣсте мѧ (sc. свѣтъ и истина) 70.3, диꙗволъ и смртъ еже имѣсте 80.4.

-та: живета оба: и безаконие и҆ прѣкословие 89.4. Нищь и оубогь въсъхвалита имѧ твое 123.1.

ѡдръжима бѣаста (sc. і҃с и иѡанъ) 26.2, ѡтц҃ъ и мати . . ѡстависта мѧ 39.1, милостъ и истина срѣтоста сѧ, ѡблобъıзаста сѧ 140.3, възрадоваста сѧ.

-тѣ: естѣ (крилѣ) 98.4, видитѣ (очи 19.3, 195.3, дръжитѣ сѧ (крилѣ) 150.2, похвалитѣ (ꙋстьнѣ) 100.3, призирактѣ (ѡчи) 104.1, испъıтаетѣ (вѣжди) 17.2.

бѣстѣ (**свѣтілѣ**) 26.2, **изнемогостѣ** (**колѣнѣ**) 182.1, **смѫтистѣ сѧ** (**очи**) 6.4, **сподобистѣ сѧ** 145.2, **створистѣ** (**рѫцѣ**) 198.3, **скончастѣ сѧ** (**очи**) 199.1, **стоастѣ** (**х҃бѣ ноѕѣ**) 34.2, **създастѣ** (**рѫцѣ**) 154.3, **подвижастѣ сѧ** (**ноѕѣ**) 62.3, **вьзнѣстѣ сѧ** (**очи**) 213.3.

Praesens.

Корень глагола **-имати**, **-имаѭ** измѣненъ аналогiей, исходившей отъ формъ глагола **ѥмлѭ**, **имати**: **приемаахѫ** 15.3, 130.4, **подъемаахѫ** 22.2, **въсприемаахѫ** 40.2. Предварительно **имати** подверглось нефонетическому измѣненiю въ **ѥмати** (древнѣйшiй примѣръ такой формы — въ говорѣ Саввиной книги), совершенно такъ же, какъ **пьсати** измѣнилось въ **писати**.

ѡ̓бъшли бѣахѫ 47.4 образовано вѣроятно по аналогiи praes. **объидѫ**, ср. современное дiалектическое *ишле* (Arch. XVII. 472).

3. plur. praes. глагола **имамь** имѣетъ видъ **имаѫтъ** (**имаѭтъ**): **имаѫтъ** 17.2, **имаѭтъ** 101.2, 162.4, **има҃ѭ** ibid.

При **дамь** употребляется partic. praes. **дадѧще**.

Imperativus.

По отношенiю къ основѣ повелительнаго наклоненiя Болонская псалтырь воспроизводитъ особенность старославянскихъ памятниковъ: суффиксъ основы повелительнаго наклоненiя измѣненъ влiянiемъ грамматической аналогiи только въ глаголахъ кл. I b.

1. plur. **свѧжамъ** 5.4, 45.4 224.2.

2. plur. **накажате** 2.3; **въсплещате** 77.1, 158.3; **възъщате** 113.1, 168.3; **въздеждате** 215.3.

Въ формахъ, слѣдующихъ второму спряженiю, при **виждъ**, **даждъ**, находимъ извѣстные, уже старославянскiе, варiанты **вижди** 205.1, 223.3, **оу-вѣжди** 223.4. Обозначаетъ ли сокращенiе **ви҃ ви҃** 254.3 форму *види* — трудно судить.

Рѣдкую особенность представляетъ форма 1. sing. **бѫдѣмъ**: **не мръзокъ ти бѫдѣмъ** 161.2.

Современные Охридскiе говоры принадлежатъ къ области, *не* распространившей въ повелительномъ примѣту -ѣ- на глаголы III и IV классовъ и замѣнившей ее чрезъ -и- въ классахъ I a и II; и въ Болонской псалтыри

мы не находимъ такихъ новообразованій, какъ любѣте, встрѣчаемыхъ въ памятникахъ уже съ XIII вѣка, ср. Kalina II. 155, Обзоръ 208—209. Что касается старославянскаго -а- въ глаголахъ кл. I b., то теперь оно устранено въ живыхъ болгарскихъ говорахъ: въ большинствѣ — звукомъ -ѣ-, въ Охридѣ и прилегающихъ говорахъ звукомъ -і-: *пйшите* Сб. XVIII. 542.

Imperfectum.

Въ основѣ imperfecti можно подозрѣвать общее распространеніе типа -ѣхъ, -ѣхѫ въ кл. I—IV: блвѣхѫ 99.1 (если не = благословлꙗахѫ) и ходѣахѫ 102.2 (книжное правописаніе вм. *ходѣхѫ).

Imperfectum iterativum находимъ въ оуслъıшааше мѧ 32.1.

Conditionalis.

Старое условное наклоненіе еще не замѣняется аористомъ бъıхъ; насколько это основано на живомъ языкѣ писцовъ,— судить нельзя; во всякомъ случаѣ фонетическихъ основаній для смѣшенія би съ бъı и т. д. въ выговорѣ писцовъ еще не было. Подновленія формъ условнаго наклоненія отчасти говорятъ въ пользу ихъ живого употребленія; бихъ при бимь, 3. pl. бихѫ при бишѫ.

Примѣры. I писецъ: далъ бимъ оубо 85.3; аще сеи би ѿ ба · то не би разарѣлъ 3.2, да ихъ би избавилъ 82.2. II писецъ: аще би поносилъ· прѣтръпѣль бимь 89.3, аще би велърѣчевалъ, оукрълъ сѧ оубо бихъ 90.1; не би наставилъ. аще не би свѣщалъ 120.4, аще бо би не прѣклонилъ себе·како би моглъ 114.4, аще би бъıлъ 89.4, аще бо п грѣхꙋ члчскомоу бъ ѿвращалъ би лице своє ѿ него·не би спѫщаго 111.3; как да бихѫ ꙋбили 101.4.—IV писецъ: погъıблъ бимъ 200.1, ни о чесомъ оубо врагъı ихъ съмѣрилъ бимъ 136.3, възложилъ бихъ рѫкѫ 136.3; би былъ 163.4, би спслъ сѧ ibid. etc.; аще бо не бишѫ съгрѣшили · не бихѫ ѡбладаеми 126.4; аще бихѫ послоушали 136.3, аще бихѫ слъıшали·не бихѫ лишили сѧ·ни жзци бихѫ прѣжли славъı ихъ 136.4; да сѧ бихѫ жзци спасле 134.2, ср.еще механическое бѫшѫ изъ бѫ: ꙗко до сити ми бѫшѫ рече хъ 136.2.

Образованія аориста.

При господствующемъ типѣ **несохъ** въ Болонской псалтыри еще нерѣдко встрѣчается и типъ **нѣсъ**, а равно и сильный аористъ.

I писецъ.

А. Сильный аористъ: 1. sing. **въздвигъ** ἦρα 34.3, **ѡ҆бидъ** ἐκύκλωσα 39.1, **не възъмогъ** 66.3, **придъ** 66.2 (?). — 1. plur. **спомъ сѧ** 73.2. — 3. plur. **прибѣгѫ** 76.2, **ѿвръгѫ сѧ** 25.2, **оувѧзѫ** 53.2 (**оувѧзнѫшѫ** 11.3), **оуглъбѫ** 11.2, **въздвігѫ** 29.4, **изъıдѫ** 26.1, **ѡбидѫ** 21.3, 47.4, **ѡбıдѫ** 21.4, **Ѡбидѫ** 31.1, **проидѫ** 22.1, **прѣвъзъıдѫ** 61.3, **разъıдѫ сѧ** 31.1, **сънидѫ сѧ** 78.3, **снидѫ** 80.4 (ср. **прѣидошѫ** 69.3, **снидошѫ** 45.4 и пр.), **могѫ** 29.3, **изнемогѫ** 38.3, **прѣвъзнесѫ сѧ** 56.2 (ср. **възнѣсѧ сѧ** 61.4, 78.1, 78.2), **оунъзѫ** 61.3, **падѫ** 20.4, 28.1, 38.3, **въпадѫ** 53.2, **допадѫ** 18.3, **ѿпадѫ** 25.2, 29.2, **съпадѫ** 74.4 (ср. **въпадошѫ** 73.4, **ѿтъпадошѫ** 72.4), **исъхѫ** 31.2, **ѡхръмѫ** 25.3 (ср. ibid., 25.4, **ѡхръмошѫ**), **иштезѫ** 59.1 (ср. ibid. **ищезнѫшѫ** 59.2, **ищезнѫстѣ** 60.3).

В. Сигматическій I: **навѣсѧ** 50.4, **изъвлѣшѫ** 58.1, **ѿврѣсъ** ἤνοιξα 64.3, **налѧшѧ** 58.1, **налѧшѫ** 14.2 (ср. **сълѧкохъ сѧ** 61.3), **съмѧсѧ сѧ** 78.4, **съмѧшѫ сѧ** 76.4 (ср. **съмѧтошѫ сѧ** 55.2, 76.3, 78.3), **възнѣсѧ сѧ** 61.4, 78.1, 78.2, **рѣшѫ** 34.4, **пр**ᵒ**рѣшѫ** 75.2, **расоушѫ сѧ** 31.2, **ищисѧ** ἐξηρίθμησαν 30.3, 31.3, **Ѡбѧсѧ** ὑπέλαβον 20.3, **ıасѧ** ἔφαγον 32.3; **въ́скръ́снѫшѫ** 48.2, **помѧнѫхъ** 69.1, **оуснѫхъ** 3.3, **ищезнѫстѣ** 60.3, **ищезнѫшѫ** 59.2 (**ищезѫ** у I и II), **оувѧзнѫшѫ** 11.3, (**оувѧзѫ** у I).

С. Сигматическій II: **прововодошѫ** 31.4, **оукрадохъ** 84.4, **съплѧкохъ сѧ** 61.3 (ср. **налѧшѧ** 14.2, 58.1, у II **сълѧшѫ** 93.1), **съмѧтошѫ сѧ** 55.2, (ср. **съмѧсѧ сѧ** 78.4, **съмѧшѫ сѧ** 76.4), 78.3, **въпадошѫ** 73.4, **ѿтъпадошѫ** 72.4 (-**падѫ** I—8 разъ, II и IV—по 6-ти), **спошѫ** 71.2, 80.2, **съплетшѫ** 65.4, **притекошѫ** 25.4 (**тѣшѫ** у II, **тѣхъ**, **тѣшѫ** у IV).

II писецъ.

А. Сильный аористъ: **и**ᵒ**спрвръгѫ сѧ** 112.4 (**ѿвр**ᵒ**ъгшѫ сѧ** 123.2), **оугльбь** ἐνεπάγην 110.1, **придь** ἦλθον 110.1, **идѫ** 96.4, **внидѫ** 110.1,

прѣидѫ 128.2, проидомъ διήλθομεν 104.3 (идшѫ 117.2), въскрьснѫ 112.4, могѫ 94.4, възмогѫ 102.2 (възьмогошѫ 98.1), падѫ 93.2, впадѫ 93.1, 94.2, нападѫ 95.1, 111.1, ниспадѫ 92.2 (падшѫ 118.2), изнемогѫ 94 об., 102 1, прѣмогѫ 102.3, ѡбрѣть 112.1, ѡбрѣтѫ 125.1.2 (ѡбрѣтошѫ 113.2), ищезѫ 101.3, 106.2 (ищезостѣ 110.1, ищезнѫшѫ 115.4).

B. Сигматическій I: ѡблѣшѫ сѧ 103.3, вьжашѫ 121.3, иждашѫ огнемъ 121.3.4 (раждегохѫ сѧ 104.4), сълѧшѫ κατέκαμψαν 93.1, възнѣсѧ 110.4, рѣшѫ 122.1, расѣшѫ (сѣк-) 121.3.4, тѣшѫ ἔδραμον 99.1, протѣшѫ 126.1.

C. Сигматическій II: ѿвръгшѫ сѧ 123.2, погъıбошѫ 111.2, гѫдошѫ 116.4, въздвигошѧ 108.4, въздвигшѫ 121.2, раждегохѫ сѧ 104.4, идшѫ 117.2 възьмогошѫ 98.1, съмѧтошѫ сѧ 102.1, 103.2, 125.2, възнесошѧ сѧ 120.2, падшѫ 118.4, ѡбрѣтошѫ 113.2, ищезостѣ 110.1 ищезнѫшѫ 115.4).

III писецъ (Бѣлославъ).

1. sing. възнѣсъ ὕψωσα 105.1.

IV писецъ.

A. Сильный аористъ: испроврьгѫ 131.4, 138.2, 170.4 bis, ѿврьгѫ 191.4, 205.2, ѿтъврьгѫ 223.2; навъıкѫ 174.4 (cnfr. навъıкохѫ 3. pl. aor. 174.3).—1. sing. ѿврьзъ ἤνοιξα 203.1.—въздвигѫ 152.3, погрѧзѫ 238.3, погрѧзѫ 239.3.—погъıбѫ 245.2.—1. sing. придъ 198.2, изъıдъ 238.1, 1. plur. придомъ ἤλθομεν 159.4; възъıдѫ 208.3, вънидѫ 212.4, изъıдѫ 135.4, мимоидѫ 155.4, наидѫ 143.4, ѡбидѫ 190.3 (прѣидошѫ 169.1, ѡбидошѫ 190.3.4), обидохѫ 188.3, Ѡбидѫ 210.2, придѫ 224.2, проидѫ 240.3, прѣидѫ 144.2, 148.4, 167.2, 252.3, снидѫ 177.2.—възмогѫ 217.2, 224.4, изнемогѫ 176.1, прѣмогѫ 212.1.2.—оумѣкѫ bis 177.3.—падѫ 129.1, 138.2, нападѫ 224.4, низъпадѫ 147.4, ѿпадѫ 148.4, 161.2,—1. sing. ѡбрѣтъ: и искавъ ѡ҆брѣтъ (aor.) и ѡбрѣтъ (partic.) с͠похъ сѧ 200.2, 1. plur. Ѡбрѣтомъı (мъı=мъ+и?) 214.1, ѡбрѣтѫ 168.4, 175.4 (cnfr. ѡбрѣтохѫ 175.3), 204.1.—сѣдѫ 207.2, ѡтрѧсѫ 182.2.

B. Сигматическій I: 3. du. извѣсте очи мои κατέδυσαν οἱ ὀφθαλμοί μου 204.3.—1. sing. прижсъ 213.4, начѧсъ ἠρξάμην 126.3, не вънѧсѧ

205.2, въсприжсѧ 258.4, Ѡбѧсѧ 188.1 (жшж 128.3).—възнѣсѧ сѧ 177.2. прѣвъзнѣсѧ сѧ 177.2, пропѧсѧ 245.2.—рѧсоушж сѧ 226.1.—1. sing. тѣхъ 195.1; протѣшж 166.4.—поꙗсѧ 170.4 (ibid. 170.3 поꙗдошж).

С. Сигматическій II: прибѣгохъ 228.1, възведохъ 207.3, 208.3.—Ѡтъвръгошж 258.4.—оугасошѧ 157.2, оугасошж 190.4.—придохъ 213.4, придошж 132.3, 170.1.3, 171.1, 246.2, ѡбидошж 180.1.2, 252.3, снидошж 177.2 (прозѧбнжшж 151.3), помѣнжшѧ исправлено изъ помѣнж 130.1, сѧтошѧ сѧ 216.4.—възнесохъ 146.1, възникошж 151.3, ѿпадошж 244.4, спошж сѧ 239.2, постигнжшж 225.2). — обрѣтохъ 146.1 — исъхошж 239.1.—сѣдохомъ 219.3, (оусѣкнжхъ 238.2).—потекошж 128.3, 171.1.—(оутонжшж bis 240.2, ѹтопнжшж 238.3.—потрѧсошѧ сѧ 186.2.—ищезошж 161.1.—почтошж 173.2.—поꙗдошж 170.3.—Ср. еще бѣлшж 3. pl. imperf. 178.4.

Изъ этого обзора видно во-первыхъ, что нѣкоторые корни, могущіе образовать сильный аористъ, образуютъ въ Болонской псалтыри только аористъ на -охъ или на -нжхъ, а въ другихъ корняхъ того же разряда при формахъ сильнаго аориста отчасти у того-же писца, отчасти у другихъ писцовъ встрѣчаются варіанты на -съ или на -охъ; послѣднее наблюдается также въ корняхъ ид-, мог- и пад-, всего чаще образующихъ сильный аористъ. Объ исключительномъ господствѣ этого аориста, хотя-бы въ извѣстныхъ корняхъ, очевидно нельзя думать. Во вторыхъ, сильный аористъ употребляется почти только въ 3. plur.,—явленіе, хорошо извѣстное уже въ старославянскую эпоху, напр. въ Саввиной книгѣ; здѣсь слѣдовательно представляется выборъ — признать, что такое частичное сохраненіе сильнаго аориста есть діалектическая черта живого Охридскаго говора XIII вѣка, или, что это только литературная традиція, восходящая къ XI вѣку. Въ пользу послѣдней возможности говорятъ слѣдующіе факты. Иногда дублеты стоятъ рядомъ на той же страницѣ: въ текстѣ — сильный аористъ, а въ толкованіи, въ цитатѣ изъ текста, употребляется аористъ на -охъ; въ этомъ случаѣ IV писецъ въ 3. plur. имѣетъ иногда вмѣсто формы на -ошж форму на -охж, которая для даннаго говора должна быть признана господствующей формой. Большинство формъ типа нѣсъ въ виду наличности параллельныхъ формъ типа несохъ должны быть также отнесены къ литературному переживанію.

3. plur. aor. на -хѫ.

I писецъ: елико бо͞у ѡбѣштахѫ сѧ и҆ ѿрѣшихѫ сѧ бѣсъ 28.1.

II писецъ: раждегохѫ сѧ 104.4, как да бихѫ ȣбили 101.4.

IV писецъ: прѣвратихѫ 131.3, ѿвръгохѫ 131.3, навъикохѫ ἔμαθον 174.1, 174.3 (рядомъ навъикѫ 174.4), прогнѣвахѫ παρεπίκραναν 131.1, погъибнѫхѫ 135.2, въждѣлѣхѫ 136.2, призвахѫ ἐπεκαλέσαντο 133.1, ѡ҆бидохѫ 188.3, положихѫ 132.3, обрѣтохѫ 175.3, послоушахѫ ἤκουσαν 136.1, оустрашихѫ ἐδειλίασαν 131.1, съсхохѫ сѧ συνεφρύγησαν 161.1, приѩхѫ 239.3, не ѭхѫ вѣръı 129.3, 173.4.—бъıхѫ: и бъıхѫ несъставъни 149.2.—бихѫ: аще бихѫ послоушали 136.3, ни ѫ͞зци бихѫ прѣѩли славъı ихъ 136.4, аще бихѫ слъıшали, не бихѫ лишили сѧ 136.4, аще бо не бишѫ съгрѣшили, не бихѫ ѡ҆бладаеми 136.4.

Значительное количество примѣровъ окончанія -хѫ въ Болонской псалтыри подкрѣпляется такими же формами Охридскаго Апостола, Норовской псалтыри и др. памятниковъ XIII вѣка (Kalina, II. 165; Обзоръ, 204). Въ эту эпоху окончаніе -хѫ вѣроятно уже распространилось на всю ту территорію, на которой оно наблюдается теперь.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

ОБРАЗЦЫ

МАЛОИЗВѢСТНЫХЪ СРЕДНЕБОЛГАРСКИХЪ

ГОВОРОВЪ.

I

Отрывокъ Октоиха

XIII вѣка

Румянцевскій Музей, Собраніе Андрея Попова, № 2571.

Листъ пергамента, сложенный вдвое (крайніе листки тетради). Текстъ писанъ въ два столбца мелкимъ угловатымъ (полу)уставомъ двухъ различныхъ почерковъ. Верхи обоихъ листковъ вмѣстѣ съ частью написаннаго отрѣзаны вкось, второй листокъ кромѣ того имѣетъ большой вырѣзъ съ поля. Уцѣлѣвшій текстъ болѣе или менѣе сильно пострадалъ отъ сырости. Неразобранное отмѣчено точками; читаемое съ трудомъ заключено въ скобки, лигатуры подчеркнуты; смѣна почерковъ отмѣчена горизонтальной черточкой слѣва. Титла въ подлинникѣ разнообразны; въ изданіи по типографскимъ условіямъ приняты два типа, — прямое титло безъ выноса буквы и округлое надъ вынесенной буквой; надстрочное ⁻ въ изданіи выражаетъ такое-же ⁻ подлинника, а равно однозначущее съ нимъ титло, хотя-бы оно и стояло въ подлинникѣ ошибочно. Титла и вынесенныя буквы въ печати въ силу необходимости отнесены иногда нѣсколько вправо или влѣво. Литеры (А), (В), (С) и т. д. соотвѣтствуютъ отрывкамъ (А), (В), (С) и т. д. слѣдующаго текста (Прилож. II), издаваемаго для сравненія. Ср. фототипіи.

Свѣдѣній въ печати нѣтъ; отрывокъ указанъ мнѣ С. О. Долговымъ.

Л. I, стлб. 1.

. . . сномо(ѹ)
. . . но бивьше:· и(са)
. . . ни:· из. . . щи҆ ѹтр҃ноѹѧщи
. . . ше вьскрⷭньть мр҃ви: и вьстан҆
(т)ь иже вь гробѣ: и вьси еже на зе
ми вьзьраⷣѹѧтⷭѧ. Мл҃внимиц .
(гл)а҆си: кртⷭлю хⷭвѧ тѧ призиваем҆

оцѣщение ми грѣхомь поси: приле
жнож млвож млжсж: вьсе наше с(ь)
..... отивьнихь ми брани потрѣ
.... Сь вь безаконехь: хе: зачж би
.... ани вь грѣсѣхь роди мж мти
моꙗ: слво бие помлоуи мж: разь
(рѣ)ши моꙗ прѣгрѣшениꙗ: твоим
(мл)вами: Жие тлѣно слеж ѡ
....(жив)ше врѣменьж: гни мнци
.......(гра) не ꙗвистесж прѣ
.... англи за на митесж
.......(тр)цж: дво слво бие зачж
...... (тѹ) ба и члвка: безначлна
.......(то) млии спти ѡкаанаго мж
..... (сть) ги .... неоудрьжан
.... ѣ иѡана (т)вои
(ѡбраз)ь носж:· пострвьша и по
..... вена ꙗко ѿ чрьтогж:· ѿ зь
вѣ......ь шѣ приглашаше.... ст
.... рань щоу.............

Л. I, стлб. 2.

вь грѣхь:· (ьсьше дв) ......
не ради:· вьзведи мж леж(ж)щꙗ
вь стртехь·.· млср ... хе бо м.......
Свѣтилами сьвль..... ꙗ..........
нца : мирѣ сиꙗще м..........
(г)рѣховньж раж .... про(свь)
....мж: просв(ь)........вашим(и)
млвами: ст........(жж)щи вра
Г...(ж тж не сѣно)..............
(на)................. еже ....
(с)........................чесж

(неясная строка киновари)
. . . . рѣ . . . .
. . . .
. . . .
. . . .
ѧ благсл. . . нѧ . . . .
е о
Ѡтрци вьвьл(о)ни пещ . . . . . .
прѣлож. . ше пламень . . . .
нь посрѣ пламене вврьж(е) . . . .
хлажаеми поюхь (благсл)
е
Ѡгнѣ вѣчнаго . . . .
мѧ грѣшнаго . . . .

Л. I об., стлб. 1.

. . . . мѧ млосре
(н)е поминаи моихь бечисл̑нихь
(х)
грѣ Ѳ. Вь ѡтишие твоихь
. . . . . роть:· б̑естьвнихь:· азь (в)
. . . (гн̑ь) вь ѡкаюни:· . . . . оумиле
. . . . . гла̑мь:· вьпи. . . . кь тебѣ: ѡ
(гн)ѣ вѣчнаго изь(б)ави мѧ (полѣ)
в
(е)ши вь чрѣ ѡгн(ь) . . . . Пѣ̑ И.
Ѹжасни сѧ и оубои сѧ Забла
о
. . . . шаго ѿ пѧти х̑вѣмь:· грѣ зап
ка
. . . . разьбоиникомь: ѡюни:· прѣ . . .
. . . ѧ злѣ пр̑че: еже слѣкоше мѧ
. . . вишѧ и поврьгѧ[1])
(мр̑ка): нь не мимоиди мене пр̑че
о
Ѡми мѧ сльзами твоихь щедр
. . . . коже древле митарѣ:· и бл̑

1) врьгѧ *по разуру*.

.........изльивалѧ на мѧ ѡби
... (иѧ твоѧ) щедроти: да тѧ про
... имь продроме х҃вѧ в д(н)и в҃ѧ
(Не)веществьв(ьнии) пламень (поп)
в
.... на земи: н[1]) веществьн
.....ьнь: невеществьвьнѣ сл҃вѣ
...... стоите: вѣнцѧ носѧще

Л. I об., стлб. 2.

нь
ѧ вь сл҃вѣ
ва вѣроѧ и любо
ѧ сл҃вимь: не вьста вь вро
жени женьстѣмь: болеи т҃е пр҃че
мь
дроуже х҃вь: тѣже тѧ м҃лѧ стр҃те
и моихь с҃вѧзи разрѣши: ѡ мькѧ вѣ
чнихь: изьбави мѧ вѣрно любови
ѧ тѧ величае Лютое испита
грозно мѧ҃чние прѣстоить: что
лѣниши сѧ д҃ше моѩ ѡкаанаѩ: сь
прѣ дверехь: а ти неготова сл҃зи
(п)роливаѧщи... припани прилежно
вл҃цѣ и г҃оу:· да тебе не ѡсьдить.
Исцѣли дшѧ моѧ ѡкаѩньѧ: ср҃це
оуѩзвено · злими дѣли сластьми
непоминаи вл҃ко мои золь ·· нь мл҃ва
ми твоими х҃е и ст҃тотрьпецѧ пищи
вѣчнѣи сп҃оби мѧ: Ѳ Моѧ свлазь
ни потрѣби: едина прѣимѧщиѩ: ѩко
не
мт҃и исчетаньѧ безнь мл҃осрдиѩ
сь пр҃рки ч҃стаѩ: сь ап҃ли мл҃ѧщи х҃а
тѧ бо единьѧ имѧще пом(о)шница

1) Далѣе дыра въ пергаментѣ.

и прибѣжище гже чстаѧ. СТИ

ГЛА г

(А) Срца моего прозабьшаа ст........
пиѧ ѿ многи грѣ и..........ели....

Л. II, стлб. 1.

го

.. прѣвише хе

(ро)фиское шражие: више се р

фи:· того млн (сп)сти сѧ дша и

ВУЄ:· БЛА: ГЛА: г ПОМНИ

(B) Ѩко люча таинаѩ:· прѣтекьши
веса мира апли слвни члвча р
да вѣ(ро)ѧ просвѣтисте.

Ѩко шблаци кропили есте вод
в(ь) мирѣ:· бестевнаго розоума
просвѣщени гни апли

М(нию) и шгню приближаѧ
сѧ бестьвноѧ росоѧ ва прохь
лажаѧще ѿ га приѧсте мнщи
Сѡца и сна и стаго дха:·
.... шиѩ славо паче слва
Б.. шца безначална том(оу)

1. поч. помлн[1]) сѧ сти спсти сѧ дша

2. поч. Б УЄ · БЄ : МЛЄ : БЦИ · ГЛА ....

(С) (Сѡб)ременени прегреш
ением шбореваеми пр
ипадаемь ти гже. члклюб
ию ти. прими покьлонене
коленоу. и ржкоу вьзьдеѩ

1) н изъ чего-то переправлено.

ние прими ридание срца.

и плачь ѡчїю. помилоуи ѩко
милсра. млостива рожшии
га бце непорочнаѩ. велик
(д)
иѧ ра(и) твоѧ мти

Л. II, стлб. 2.

П..ѣ............. вра...
ни ѿврьзи мене ѿ твое(го)
лица: камо идѧ ѿ твоего л(и)
ца разьвеи тебе. спсение ми
ѡбрести. кьтоже ѡгна вечь
наго изьметь мѧ аще не ти
гже. кь спсоу бо дрьзновение
имаши. едина пречистаѩ. его
же млн[1]) гже простити мѧ ѿ г
ехь. бце непорочьнаѩ вели
2. поч. киѧ ради твоѧ мати ·

1. поч. Члвколоубиѩ си пѧчнѧ[2])
(D) мласриѩ си безѣмѧ. прѣблги..
же...щедроти твоѧ бечисли...
ѩви прѣчстаа влчце на мнѣ (ѡ)
ка..нѣмь..... ви жирь грѣхо
вии:· и цѣлом...рие (под).... и
сьблюди ѡчищ(е)ниѩ сь дше(ѧ)
(и) тѣломь невредима:· бц(е)
непорочнаѩ великаѩ твоѩ ....

И СТИ: ГЛА :· г :·

Крь твои ги жизнь и застьпле
ние людемь твоимь к нань

1) Sic: млн (особ. титло) вм. млн.
2) пѧч: ѧ изъ чего-то перепраалено.

надѣꙗщеса: тебе распꙗнь(ша)
го сꙗ
ба на
поми
Крь твои гй мн(и)комь

Л. II об., стлб. 1.

.....(димое).............
.....(ѣл)ежꙗщꙗꙗ смрь:· прозрѣ
.....(ꙗ)щꙗꙗ жизнь: оуповани
емь бо твоимь:· оукрѣплехꙗсꙗ
тѣ млвами всѣхь сти бе помлꙋ
и на(сь) б: Ба ис тебе вьплщꙗша
(сꙗ) разоумѣхомь бце дво ти еси
лоза истинаа тѣ сꙗ мли прѣчста
мли сꙗ ѡ спсени за дшꙗ ншꙗ
В пꙗ: Ка Кроу и бци гла г ::·
Вл̃ноꙗ морꙗскоꙗ. скрившаго
Ꙗкоꙗ ти чноꙗ бечꙗтьвовано
(е)стьство:· почꙗти члвко
... бьче:· тѣмь [1]) чꙗтꙗще тꙗ
....(в)рахомь: величаемь ст....х
мь: дрьжава ти славимь (сла)
......бь ншꙗ и звѣри крво
пиицꙗ побѣдивь ис....... до.....
.....мнчно множество пох(в)
.....ь:· ѡгнь боури.. тво.....
...омꙗ биꙗ блгти: люто бо ре
...ротивь мꙗцѣ. краснаа до
(б)ротоꙗ:· ни зрака не имꙗще
не нсь
сьма

1) *или* тѣмꙗ?

а
влчца
ьски вьпи

Л. II об., стлб. 2.

(E) Ѡ
лѣна юдова
нша вода конѣцемь земи (ис)т
1. поч. инож: нпѣ вьцрнсж пѣ·:
2. поч. Тебе повешжшаго земж на
(F) водахь· неѡдрьжано на дьре
во вьздьвижень · и вь ребьр
а пробадаемь. сьматраж слнце
ѡмьчаше сж вьсемь прос..
ние. вети тж ги. Єгда ли(ц)и
англьсти. оузьрешж мничнж
ж славж. агнца закалаема
сьсекаеми. дивжсж како(вь)
рази веществьвьни. невеще
стьвьно побежахж побед(ь)
нижа веньцж страстотрьпци.
(м)жще Ти роженаго ис тебе
(сна) оузре копиемь бодома
(ср)це ти прободесж. преч(н)аꙗ
и непорочнаꙗ. чюдещ(и)сж
глаше. что ти вьзьда(мь)
чжадо ли кь законопрес(тж)п....
Не може слово зем(ьное и ж)
зикь двице. достоино......
лити. ис тебе бо бе семе..
жизьнодавець хь.........
титисж изволи.....
(G) Сѣ. ГЛА·г·Єгда бо вьдр..
исж древо. хе крт.......

II

Изъ Октоиха Томича

конца XIII вѣка

Собраніе рукописей Россійскаго Историческаго Музея, № 2835. Рукопись писана бисернымъ полууставомъ; на поляхъ отмѣтка «богородиченъ» дана нерѣдко въ видѣ глаголическаго ⰱ; въ рукописи выдержана двухъюсовая система, начертанія юсовъ весьма разнообразны; въ изданіи подчеркнуты лигатуры подлинника. Ср. фототипію.

Свѣдѣній въ печати нѣтъ.

(А) л. 153 Єрц҃а моѥго прозѧбшаѧ строупы.. ѿ многыхъ грѣхъ дш҃евный йцѣли.... подаждь прощениѥ грѣховь. хє бж҃е даж ми сльзы покааниꙗ й разрѣшениѥ грѣховь й помлоуй мѧ бж҃е :· —

л. 164 об. (В) Ꙗко лоучѧ таиныѫ · притекше·вь весь мирь·ап҃ли славнии · чл҃чкый ро · вѣроѫ просвѣтили ѥ :· —

Ꙗко ѿблаци ѿкропили ѥсте · водѫ вь мирь · бж҃ственаго разоума · просвѣщени гн҃и апⷭ҇ли :· —

Мч҃ниꙗ ѿгневи приближаѫще сѧ · бж҃ьныѫ росѫ прохлаждаѫще·ѿ г҃а вьсприѩсте мч҃нцы :· —

Рождьшиꙗ словомь б҃а слва·вьце ѿцоу сьбезначална·томоу помли сѧ спти дш҃ѫ нш҃ѫ :· —

(C) В че̑ · ве̑ · млѣни :· гл҇ · ѕ҇ · Ѡбрѣменени прѣгрѣшениѥмь · и҆ ѿвоурени помышлѥниѥмь · припа̑ж҇ ти г҇же. чл҇колюбию тии. приими поконы колѣнома. и҆ ржкама вьзѣниѥ· вьми рыданиѥ срца·и҆ плачь ѡчию. помл҇оуи ꙗко млова. и҆ млтвна рожьши гл҇. бце непорочнаа :·

Л. 165. Пе̑ оустноу ми не .... твоѥго лица
каможе идж развѣ тебе спсениꙗ ми ѡбрстии·кто же ѿгнѣ вѣчнаго избавит мꙙ·развѣ тебе прчтаа влчце·кь сноу бо прѣвышшии: помощь и҆маши ѥгоже млти г҇же: и҆збавити мꙙ ѿ зь бце непорочнаа :·

(D) Чл҇колюбиꙗ твоѥго пжчинж: и҆ млдиꙗ твоѥго безнж. прѣблгости же щедро бечисльныж·ꙗви прчтаа влчце·на мнѣ ѡкааннѣмь·сьстави жиръ грѣховный·цѣломждриѥ дажщи· сьблюди ѡчистованноѥ ми срце·сь дшеж и тѣломь·невредима бце непорочнаꙗ:· Родительнице сжщи блжщимь· оутѣхо и҆ пристань влаѥмыимь·рѣшило плѣнницамь·грѣховь и҆ жзныи дальгь вьдаж·даровь нбныхь чести земныхь· бгоневѣсто·твоѥж помощиж застжпна мꙙ сьтвори·и҆ причастна великиж тво блгости и҆ велж мло :·

Крь твои ги·жизнь и҆ застжпениѥ люѥмь твоимь ѥ·нань оуповажщимь. Тебе распꙙтаго славимь ба ншго помлоуи на :·

В пꙙ·ка·крь·и҆ бци. гл. г҇. пѣ·а҇·ирм.

Л. 165 об. Вьножж мориж..................

Мжкож чтнож вечтво .... ство почте·члчвиꙗ ѥго· тѣмь чтꙙще тꙙ сь страхомь. величѣѥмь [1]) дрьжавж твож·и вѣрно славимь·славень :· —

Ꙅвѣри крьвопийцѫ побѣдивы вь истинѫ·дсйнохвалнок·мнкь стоꙗние·хладомь бжиѫ блгти·и люто боурение·мнгобжи ставий.

Доброты вь мѫцѣ·красна добротоѫ·ни зрака имѫща·бракоу неискꙋсна сматрѫщи та дѣца·вѣрноѹкрасование·мтркы кличѣаше·и любовиѫ славлѣше та.

(E) Оскждѣвшемь кнѧземь·ѿ колѣна[2]) июдова прчтаа·снь твой бгь. изыще воевода·землѣ концемь·истино ннѣ вьцрисѧ ⁖ пѣ·г ⁖

л. 166. Тебе повѣшшаго (на вода земл)ѧ неѡдрьжанно на дрвѣ
(F) вьзвижена·(и ребра иско)павалема·сьмотреваѫ слнце ѡмрачѣ(аше сѧ всѣ)мь просвѣщение вѣдый та ги ⁖

Ѥга лицыи англти·оузршѫ мнчнѫа славѫ·за агнъца закалаема·и сьсѣкаеми дивишѫ·како вразы вещестенний·и невещественны побѣжалахѫ·побѣ вѣнцѫ приемлющии ⁖

Ты роженнаго ис тебе·ега видѣ копиемь бомаа·срце ти проболе сѧ·прчтаа и непорочнаа·чюдѧщи сѧ глаше·что ти вьзасть чѧдо·ликь закнопрстѫпень ⁖

Не можеть слво земно ни ѧзыкь дѣце·доино хвали·ис тебе бо бе сѣмене жизнодавець хь·вьплти сѧ изволил е ⁖

(G) сѣ·крь ⁖ Тькмо вьдрѫзи сѧ·дрѣво кра твоего·ѡсованиѩ ги подвизашѫсѧ сьмртнаа·егоже пожр (л. 166 об.).......

---

1) ѣ переправлено изъ е.
2) ѣ переправлено изъ а.

III

Изъ Драгіина Евангелія

XIII вѣка

Румянцевскій Музей, Собраніе Григоровича № 1694[1]. Пергаменный отрывокъ (два листка), писанъ мелкимъ наклоннымъ полууставомъ. Въ изданіи надстрочная точка (не имѣющая фонетическаго значенія) передана знакомъ ҅; подчеркнута киноварь оригинала.

Свѣдѣнія въ печати: Evang. Dobr. I. 79; Изв. Русс. Отд., т. IV. 3, стр. 864.

(Л. 1). Також҇е приемы два приѡ҆брѣте дрꙋ
гыхь два·а҆ и҆же е҆динь таланть вьзѫ·ше
дь раскопавь земѫ·и҆ скры сребро г҃на
свое҆го. по многѣ же врѣмени приде г҃нь
рабь тѣхь·и҆ ѿвѣща с ними сл҇во. и҆ прист
ѫпи и҆же прие҆мь·е҃· таланть·и҆ глѫ г҃и·е҃·
таланть ми е҆си даль·се дрꙋгыхь·е҃· при
ѡ҆брѣтохь кь нⷨи·рⷱе же е҆моу г҃нь его·добры
рабе бл҃гы вѣрны бл҃гы·ѡ҆ малѣ бѣ вѣре
нь·надь многыми тѫ поставѫ·вьнид
и вь радость г҃на своего·Пристѫпивь и҆
же два таланта вьзѫ·рече г҃и два тала
нта ми е҆си прѣдаль·се дроугѣи҆ двѣ приѡ
брѣтохь кь нимь·рⷱе е҆моу добры рабе бла
гы вѣрны·ѡ҆ малѣ бѣ вѣре нинѣ надь
многыми тѫ поставѫ·вьниди вь р

адость гн҃а своего·пристѫпи иже вьземь
ѥдинь·таланть. р҃е г҃и видѣхь тѧ ѣко жест
окь еси чл҃кь·жьнѫ идеже не сѣль еси·и сьб
ираѫ ѫдѹже нѣси расточиль·и ѹбоавсѧ
шедь скры таланть твои вь земи·се им
аши свое·ѡвѣщавь гн҃ь его р҃е емѹ злы ра
бе лѣнивы·вѣдѣше ѣко жьнѫ ѫдоуже н
е сѣѫ·и сьбираѫ ѫдѹже не расточи·подо
баше дати сребро мое трьжникомь и при
шедь азь вьзѧл бихь ѹбо свое с припло
домь·вьзмѣте ѹбо ѿ него таланть.

и дадите имѫщомѹ ·і· таланть·имѫщ
моу все даетсѧ избѫдеть·а неимѫщаго

(об.) иже сѧ мнить имѣѧ вьзметсѧ·ѿ него·
се гл҃ше имѣѧ ѹши слышати да слышить·
и непотрѣбнаго раба вьзмѣте и вьврь
зѣте вь тьмѫ кромѣшнѫ·тѹ бѫдеть пл
ачь и скрежеть зѫбомъ·ко не·ѕа егда

сб придеть сн҃ь чл҃вчь. вь славѣ своеи·и вси
не мѫ по·ѿ ма р҃е егда приде сн҃ь чл҃вчь·
ст҃и англи его с нимь·тогда сѧдеть на прѣ
столѣ славы своѧ·и сьберѫт сѧ прѣд ним
ь всѧ страны·и разлѫчить дрѹгь ѿ дроу
га·ѣкоже пастырь ѡвцѧ ѿлѫчѣеть·ѿ к
злищи·и поставить ѡвцѧ ѡдеснѫ себе
а козлищѣ ѿ лѣвѫ·Тогда реть црь сѫщ
имь ѡдеснѫ его·придѣте блгословен
и ѡца моего приимѣте ѹготованое ва
мь црство ѿ сложениа мира сего. вьза
лкахь бо сѧ и дасте ми ѣсти· вьжѧждахь
и дасте ми пити·нагь и ѡдѣасте мѧ·бол
ѣхь и посѣтисте мене·вь темници бѣ
хь и придосте кь мнѣ. Тогда ѡвѣщаѫ

тъ ѥмꙋ праведници гл҃ще·г҃и когда тѫ ви
дѣхомъ алча[1]) и напоихомъ·или напитах
мъ·когда же тѫ видохомъ[1]) страна и вед
охомъ[1])·или нага и ѡдѣахомъ·когда ли
тѫ видѣхомъ болѣзньна·или въ темни
ци и придохомъ к тебѣ. и ѿвѣщавъ цр҃ъ
речетъ имъ·право гл҃ѭ вамъ·понеже съ
твористе ѥдиномꙋ брати моихъ менш
ихъ·мнѣ ѥ сътвористе. Тогда рець сѧ

(Л. 2). щимъ ѿлѣва·идѣте ѿ мене проклѧти
въ ѡгн҃ь вѣчны ꙋготованы диѣволꙋ и а
нгламъ его·възалкахъ бо и не дасте ми ѣ
сти·въжѧдахъ и не напоисте мѧ·стра
нень бѣхъ и не воведосте[1]) мене·нагъ
и не ѡдѣсте мене·боленъ·и въ темници и н
е посѣтисте мене·тогда ѿвѣщаѫть и
ти гл҃ще. г҃и когда тѫ видѣхомъ алчь
на·или жѧдна. или страна. или нага и
ли болна. или въ темници и не послꙋжихо
мъ тебе·тогда ѿвѣщаѥть имъ гл҃ѭ. аминь
гл҃ѭ вамъ·понеже не сътвористе
ѥдиномꙋ ѿ сихъ менши·ни мнѣ сътво
ристе·ѡтидѫ ти въ мѫкѫ вѣчнѫ·а пр
аведници въ жизнь вѣчнѫ. ко не мѫ.
И бы ѥгда скончѣ і҃сь словеса си·и ре ꙋче
никомъ своимъ·з҃а·вѣсте ѣко по дво
ю дн҃и паска бѫде·и сн҃ъ чл҃вчь прѣдас
ть сѧ на распѫтие· ко ве втр. Тогда съв
ръшисѧ·старѣишины жречьскы
и книгочиѧ·и старци людьсти. въ дво
чьс
ръ старѣишины жрекыѧ·гл҃емаго к
аиѣфы: и свѣщашѧ сѧ да і҃са(нощиѧ)
льстиѧ имѫть·и оубиѭть·глхѫ же н
ѫ не въ празникъ. да не пльщь бѫдеть[1]) в

людѣ·ꙁа ис҃су бывши[1]) вь витани. вь д
ому симона прокаженаго·пристѫпи
кь нему жена. стькльницѫ мира и
мѫща[2]) драга. и вьзлиѣ на главѫ ему.

в срѣ ве на лит м исоу бывшу вь ви.

гла: со:

(об.) вьзлежѫщу·видѣвше ученици его[3])

довашѫ гл҃ще·почто гыбѣль си бы·м
жаше се миро продано быти на многѣ.
и дати убогымь. Увѣдѣвь же ис҃с·ре им
ь·что труждаете женѣ дѣло бо добро сьдѣ
ла мнѣ·вьсегда убогыѫ имате сь соб
ѫ·мне же не вьсегда имате·вьзлиѣвши
а бо си миро се на тѣло мое·на погребен
не мнѣ сьтвори·право глѫ вамь. иже
уbо проповѣсть сѫ·бл҃говѣствовани
е се·вь всемь мирѣ изгл҃тсѫ·иже си вь п
амѫть ей·тогда шедь единь ѿ двою на
десѧте глмы юда скариѡтьскы. кь а
рхиерешмь ре·что хощете ми дати и
азь вамь прѣдамь и·ѡниже ему поста
вишѫ·л҃·сребрьникь·ѿтоли сказаäш
е подобна врѣмене·да и прѣдасть. ко ве ср.
Вь прьвы же днь·ѡпрѣсночьскы·пристѫ
пишѫ кь ис҃у· оученици гл҃ще ему. где хо
щеши уготовим ти ѣсти пасхѫ·ѡнь же
рече идѣте вь градь кь ѡнсици·и рьцѣте
ему. ѣко учитель гл҃ть·годь мой близь ест
ь·у тебе сьтворѫ пасхѫ сь учeникы. сво

1) *Sic.*
2) *Sic.*

3) *На полѣ въ рамкѣ:* вь сты ве че нлргиѫ. м ре гь Вѣсте ѣко по двою дню гла. сте.

и҆ми·и҆ сьтворишѫ ченици ѣ҆коже повелѣ
и҆мь і͠сс: и҆ ȣготовашѫ и҆мь пасхѫ·вече
рȣ бывшȣ. вьзлеже сь двѣманадесѧте
ȣ҆ченикы·ч͠ѣ ѣ҆дѫщимь р͠е право г͠лѫ
вамь·ѣ҆ко е҆динь ѿ вась прѣдасть мѧ: И
И пекѫщесѧ·зѣло начѧшѧ г͠лшѧ е҆мȣ кь.

IV

Изъ Апостола Томича

Собраніе рукописей Россійскаго Историческаго Музея, № 2836. Пергаменная рукопись, писанная тремя одновременными почерками. Первый почеркъ (издается весь) различаетъ два юсовыхъ знака: юсъ большой ѫ и юсъ малый ѩ; въ печати даются обычные знаки ѫ и ѧ. Остальные два почерка — однноюсные, употребляютъ только знакъ ѫ, ср. фототипію.

Свѣдѣній въ печати нѣтъ.

I-ый почеркъ.

Act. Apost. I. 1.

(л. 1 об.) Прьвоѥ слово. ѥже сьтвори ѿ всѣхь о теофилѣ. ѩже начѧть ісь творити и оучити. до негоже дне исповѣсть аплом дхомь стимь. ѥжже сьзва и поставивыи. и прѣд нимьже ста живь. по мѫчении своѥмь. вь мнозѣхь знамениихь. дньмьі. м҃. тьмы. ѩвлѣѩи[1]) сѧ имь гла. ѩже о ѿшествии бжии. и с ними ѩдь (л. 2) повелѣваше имь. да не лѫчите сѧ ѿ ѥрлма. нѫ ишедьше дадьіте обѣтованыѩ ѿча. ѥже слышасте ѿ мене. ѩко иѡань кртить вы водоѫ. вы же кртисте сѧ дхомь стимь. не по мнозѣхь днехь. ѿниже сьшедьше сѧ глахѥще[1]) вьпрашахѫ. ги аще к' лѣто се оустраиѥши цртво изльво. ре же кь нимь гь. нѣ вамь данно разоумѣти врѣмена ни лѣта. ихь же ѿць положи своѥѫ ѡбластиѫ. вы же приметѥ силѫ. нашедьшом8 на вы стмоу дхоу. и бѫдете ѥмоу свѣдѣтелиѥ вь ѥрлмѣ. и вь всеи июеи и самареи. до послѣдныхь земьі.

И се рекь зрѧщимь имь. и вьзѧт' сѧ ѡблакь. и подьиѧть ѫ ѿ ѡчию ихь. ѩко вьзираѫщи бѣхѫ на нбо. вьсходѧщоу ѥмоу. и се мѫжа двл

1) *Sic: іотированный варіантъ юса малаго = ѥ. Самимъ переправлено въ* глаѩще.

стаста прѣд нїимы. въ ѡ҃дежи свѣ (об.) тлѣнї. ѥже рѣшѧ имъ мѫжие галилеисци. что стоите зрѧщии на нб҃о. такожⷣе придете ꙗкоже и выдѣсте. грѧдѫщааго на нб҃о. тъгда възвраатишѧ сѧ въ ѥрлⷭ҇мъ. ѿ гори нарицаѥмыѧ ѥлеѡнъ. ꙗже ѥ҃ близъ ѥрлⷭ҇ма. сѫботѣ имѫщиꙗ пѫть.

Act. Apost. I. 12.

Въ ѡны дн҃ї възвратишѧ сѧ ап҃лы въ ѥрлⷭ҇мъ. ѿ гори нарицаѥмыѧ ѥлеѡнъ. ѥꙗже ѥ҃ близъ ѥрлⷭ҇ма. сѫботѣ имѫщиꙗ пѫть. ѥгдаже идошѧ въ горницѫ. идеже бѣхѫ живѫщеи петръ и иꙗковъ. и иѡанъ и андреи. и филипъ и дома. връдоломеи (л. 3) и мадеи иꙗковлъ алъфеѡвъ. и симⷪ҇нъ и зилоть. июда иꙗковлъ. и ты вси бѣхѫ трьпѧще ѥдинодш҃но. млⷭ҇твоѫ и млⷭ҇ниѥмъ. съ женамы и с мт҃риѫ своеѫ. и сь бр҃аиѫ ѥго. въ дн҃и сиѫ. ставъ петръ посрⷣѣ оученыкъ и реⷱ҇. бѣ же народъ ꙗко именемъ въ купѣ. р҃. и. к҃. мѫжей. и бр҃аа подобаше бо. да збѫдѫть сѧ книгы сиѫ. ѥже прѣжⷣе прⷪ҇рече дх҃ъ ст҃и. оуⷭ҇ты дⷣвѣмы. ѡ июдѣ бывъшимъ вожы. ѥмъшимъ іс҃а. ꙗко причтенъ бѣ с нымыи. и дошелъ бѣ ѥмоу рѧдъ слоужьбы. и се оубо стѧжа село скѫделныче. ѿ мьзⷣди неправедныѧ. и ныць наⷣ просѣде сѧ. и излиꙗ сѧ всѣ (об.) ѭтроба[1]) ѥго. и разоумно бы҃ в(с)ѣмъ живѫщимъ въ ѥрлⷭ҇мѣ. ꙗко нарещи сѧ с(е)лоу томꙋ. своимъ ѧзикомъ. ѿ(а)кеадамъ. село кръве. писа(н)а бо бышѧ в (об.) кныгахъ ѱлⷭ҇омьскыхъ. да бѫде дворъ ѥго поусть. и да не бѫдеⷮ ѥже живетъ въ селѣ ѥго. и ѥпⷭ҇кпьство ѥго прѣиметь инъ. подⷪ҇баѥть оубо сьшедъшимъ сѧ имъ. с намы мѫжемъ. и вⷩ҇ се лѣто вънъже изиде и изведе вънъ. хⷭ҇ъ. зачень ѿ крщ҃ениꙗ иѡанова. до негоже днⷷ҇е вьзнесе сѧ ѿ н҃а. свⷣѣтелы вьскрⷭ҇ениꙗ ѥго быти с намы. ѥдиномоу ѿ сихъ. и поставишѧ дв҃а. иѡсифа нарицаѥмааго вараавѫ. иже нарⷱ҇е сѧ оусты мадⷣеи. и помⷪ҇льша сѧ рѣста. ты гн҃и срⷣцевѣдче вьсѣмъ. ꙗвы ѥгоже избра. ѥдиного ѿ обою сию. приѧти причѧстиѥ. сⷧ҇оужениꙗ сего ап҃льстка. ѿ негоже испаде июда. и ѿиде въ своѥ мѣсто: и дашѧ жрѣбии има. и паⷣе жрѣбеи на мадеꙗ. и причтенъ бы҃ кь ѥⷣиномꙋ надесѧте апⷭ҇лоу·:·

Act. Apost. II. 14.

(л. 4). Въ ѡни дн҃и. ставъ петръ сь ѥдинѣмь на десѧте ап҃ломъ. и възвыже гл҃а свои и реⷱ҇ имъ. мѫжиѥ июдесци. и вьси живѫщеи въ ѥрлⷭ҇мѣ. сє вам

---

1) *Sic:* знакъ = ѭ.

разоумно да ѥ. вьноушїте гли мѫ ꙗко бо вы непьцѹѥте гли моѫ. сїи пїꙗни сѫть. ѥ бо днь ча. г. сїѥ бо ѥсть прорено прркомь ишилем. и бѫдеть вь послѣдни днь. глѥть гь излѣѫ ѿ дха моѥго на всѣкѫ пльть. и прорекѫть снове ваши. и дьщерѧ вашѧ. и юноши вашѫ видѣнїꙗ видѧть. и стрци ваши. сьныꙗ видѧть. ибо на рабы моѫ и на рабынѧ. вь ѿы дни излѣѫ ѿ дха моѥго. и прорекѫ и дамь чюеса. на небехь высоче. и на земи ниꙁꙋ знаменїꙗ. крьвь и ѡгнь. и коурение и димь. и слнце (об.) прѣложиться вь тмѫ. а лѹна вь крьвь. прѣже даже не придеть днь гнь великыи. и просвѣщень бѫдеть всѣкы. иже аще призоветь имѧ гне и спеть сѧ.:•

Act. Apost. II. 22.

Вѡ. дни ре петрь кь людемь. мѫжиѥ изльсти. слышите словеса сиꙗ. ıса назарѣнина. мѫжа извѣстна вь вась. силами и чюеси. и знаменїѥмь. ꙗже сьтвори имь бгь. посрѣ вась. ꙗкоже сами вѣсте. сего вь нарочить свѣть. и прѣзрѣнныѥмь бжиѥмь. проповѣданыѥ приѥмьше. рѫками беззаконими. пригвождьше и ѹбисте. ѥгоже бь вьскрси из мрьвыхь. и разроуши болѣзни сьмрьныѫ. ꙗко не (л. 5) бѣ вьзможно ѥмоу дрьжатисѧ ѿ не. двь бо глѥ ѡ немь. прѣзрѣхь га прѣдь мноѫ присно. ꙗко ѿесноѫ мене ѥ да сѧ не подвижѫ. сего ради вьзвеселисѧ срце моѥ. и вьзрадова сѧ ѫзыкь мои. паки же и пльть моꙗ. вьзвеселить сѧ на оуповании. ꙗко не ѡставиши дшѫ моѫ вь адѣ. ни даси же препобномѹ своѥмоу. видѣти истлѣние. сказаль ми ѥси пѫть живота. испльниши мѧ. веселїꙗ сь лицемь твоимь. мѫжиѥ и браꙗ. достоино ѥ вамь изрещи сь дрьзновленїѥмь. о патрїарсѣ двдѣ. ꙗко оумрѣ и погребень бы. и гробь ѥго. вь на ѥ до сего дне. и пррк оубо сыи. вѣдаи ꙗко клѧтвоѫ клѧться ѥмоу гь. ѿ плода чрѣсль ѥго. по пльти вьзвигнѫти хса. и посадити на прѣстолѣ ѥго. прѣ (об.) же видѣвь ѥго гла ѡ вьскрении хвѣ. ꙗко не ѡстави сѧ дша ѥго вь адѣ. ни пль ѥго видѣ истлѣнии. сего ıса вьскрси бь. ѥмоуже вси ѥсме свѣтелѥ. десницеѫ бжиѥѫ оубо вьзнесе сѧ. обѣтованиѥмь стго дха. приѥмь ѿ ѡца излиꙗ сѧ. ѥже вы нн҃ѣ вите и слышите. не вьзиде бо двь на нбса. глеть же самь. ре гь гви моѥмоу. сѧди ѿесноѫ мене. доньдеже положѫ вьсѧ враги моѫ. под ногама твоима. тврьдо оубо да разѹмѣѥть всѣкь домь излевь. ꙗко га ıс хса. бгь ѥ сьтвориль. сего ıса ѥгоже вы распѧсте.

Act. Apost. II. 38.

Вⷭ҇ѡ. дни рⷱ҇е петрь къ лю҄емь. покаите сѧ и крⷭ҇тите сѧ. къжⷣо въ васъ въ имѧ і҃с х҃во. въ ѿставлении грѣхоⷪ҇. (Л. 6) и примѣте бл҃гть ст҃го дх҃а. вамь бо ѥ ѡбѣтованьна и чѧдомь вашимь. и всѣмь дальнымь. ѥлико аще призовет вы хⷭ҇ъ бъ҃ нашь. инѣмы же словеси. свⷭ҇ѣтельствоваше. и млⷭ҇ѣше и гл҃ѧ. сп҃сѣтесѧ ѿ рода сего лѫкавааго. ѡвы ѹбо въ сласть приѥмлⷭ҇ѣхѫ слово ѥго. и кр҃тишѧсѧ. и приложисѧ въ тъи дн҃ь. дш҃ь ꙗко три тысѫща. и бѣхѫ же трⷭ҇пѧщеи. въ оучены ап҃стѣ. и въ ѡбьщени. и въ прѣломлени хлѣба. и въ мл҃итвахъ. бѣⷭ҇ы же всѣкои дш҃и стрⷯ҇а. многа же чюеса и знамениꙗ. ап҃лы ꙗвьшѫ въ ѥрⷭ҇лмѣ ⁖ —

Act. Apost. III. 1.

Вⷭ҇ѡ. дн҃и петрь иѡⷭ҇нь. вънидоста въ цр҃вь на млⷭ҇итвѫ. въ чⷭ҇а. д҃. і се ѥтерь мѫжь. хромь ѡ чрѣва мт҃ре (об.) своѥѫ носимь. и полагахѫ ѥго по вⷭ҇сѧ дн҃и. прѣдь двермы црⷭ҇кⷭ҇вными. рекомыми краснимы. просѧщии млⷭ҇ть ѿ влазѧщихⷭ҇ въ цр҃вь. сиѥже выдѣвь петрь иѡань. и рⷱ҇е вьзри нань. ѡньже прилежаше ю. млⷭ҇ѣше ѿ нею мл҃тинѧ прижти. и вьзрѣвьже петрь иѡань. и рѣста ѥмоу вьзⷭ҇ри на ны. ѡⷭ҇нже прилежаше ѥю. мнѧщи нѣчто прижти ѿ нею. рⷱ҇е же петрь къ немоу злата и сребра нⷭ҇ѣ оу наю. нь ѥже имавѣ се ти давѣ. въ имѧ і҃са х҃а назарѣнина. и рⷱ҇е ѥмоу вьстани и хⷪ҇ди. и ѥмь за деснѫѫ рѫкѫ и вьⷭ҇вьже. и абиѥ оутврьⷭ҇стѣ сѧ плеснѣ ѥго. и глезни и вьскочивь хожⷭ҇аше. и вьниде с нимⷭ҇а въ цр҃вь. ходѧ и скачѫ и хвалѧ б҃а ⁖

Act. Apost. III. 11.

(Л. 7) Вⷭ҇ѡ дн҃и. дрьжѫщѹ ицѣлѣвьшоу хромомоу. петромь иѡⷭ҇номь. притекошѫ вьси люⷣиѥ. въ притворь нарицаѥмы соломонь. и оужасныи бѣхѫ вьси. выдевь же ж петрь гл҃аше к люⷣемь. мѫжиѥ изⷭ҇льⷭ҇сти чⷭ҇о чюⷣите сѧ о семь. или на ничтоже вьстаѥте. своѥѫ ли силоѫ сьтвориховѣ ѥго ходити. или бл҃гтиѫ б҃а аврамова. исакова. иꙗковлѣ. и б҃а ѿц҃ь нашихъ. прославлеи ѿрока своѥго і҃са. ѥгоже вы прѣдасте. и ѿврьгосте сѧ ѥго прѣдь лицемь пилатовѣмь. сѫⷭ҇женномѹ ѥмоу пилатомь поуⷭ҇титы. вы же ст҃го и правеⷣнаго ѿврьгосте сѧ. и испросисте мѫжа оубыицѫ дати вамь. а вⷭ҇лкѫ жизнодаⷭ҇вца оубисте. ѥго же б҃ъ вьскрⷭ҇си изⷭ҇ мр҃твыхъ. ѥмоу (об.) же мыѥ

ѥсме свѣтелѥ. о вѣрѣ и ѡ имени ѥго. сего вѣсте и выдите. оутврь і вь има ѥго. и вѣра ꙗже да са имь. вь исцѣлениѥ прѣдь всѣмы вамы ·⁝·

Запечатлѣнноу гробоу. животь ѿ гроба вьсиꙗ хе бе. дверемь затворенномь, ста посрѣ оученикь своихь. вьсѣмь вьскрениѥ духь правы. и тѣмь ѡбнавлѣжи на. по велицѣи млти своѥи ·⁝·

Act. Apost. V. 12.

Вь ѡ. дни ржкамы аплькскымы. знамениꙗ бывахж. и чюеса многа вь люехь. и бѣхж вьси ѥдинодшно. вь притворѣ соломоны. а прочихь никтоже смѣꙗше прилѣплѣтисѧ. ихь. нж величахж са люѥ. паче же прилагахжсѧ вѣроужщии . . . . .

Act. Apost. III. 25.

(л. 8) . . . . сиж. вы ѥсте снове пррк и завѣта. ѥже завѣща бь кь оцемь вашимь. гла кь аврамоу о сѣмены своѥмь. блвѧтьсѧ всѣ ѿчтвыꙗ земльнаꙗ. вамь прѣже бь вьзвыгь ѿрока своѥго іса. и посла и блвыви. вьзвращати са комѹждо ѿ злобь своихь ·⁝·

Act. Apost. IV. 1.

Вь ѡ дни. глщимь апломь кь лкемь. наидж на на иереиѥ. и стратигь црвни. и садоукеиѥ. жалѹжще си зане оучахж люи. и проповѣдахж ѡ имени ісвѣ. вьськрениѥ мрвымь. и вьзложишж нань ржцѣ. и положишж ж вь сьблюениѥ до ютриꙗ. бѣ бо оубо верь. мнози же слышашж словеса (8 об.) и вѣровашж и бы числомь мжжеи ꙗко. г. тысѧща. и бы же на оурiꙗ дне. сьбрати са кнѧземь и старцемь. и книжникомь. вь ѥрлмѣ. аньнѣ архиѥрею и каиꙗфѣ. и ѡаy алеѯадрьскоу ѥлико же бѣшж ѿ роа архиѥрешва. и поставьшж ж по срѣдѣ. и вьпрашахж ж. коѥж силож или коимь именемь створисте сиѥ. тога петрь испльнисѧ духа стго и вѣры. и ре имь кнѧзи люьсты. и старьци изл̑евы. аще мыѥ днь стѧзаѥмь сѧ. о благодѣꙗны члка сего вѣдна. ѡ чимь спошж са. разоумно да ѥ всѣмь вамь. и всѣмь люемь изл̑евѣмь. ꙗко вь има га іса назарѣнина. ѥгоже вы распѧсте. ѥгоже бь вьскри ѿ мрьвы. о семь се стоить (л. 9) живь прѣдь вамы.

Act. Apost. IV. 13.

Вѡ҇ д҃нꙑ. вꙑдѧще петрово дрьзновлениѥ. и ӏѡаново. и разоумѣвше ꙗко ч҃лка не книжна ѥста. и прⷭ҇ота. и дивлѣхѫ сѧ. знаꙗхѫ бо ꙗко сь иⷭ҇сомь ѥста. ч҃лка же вꙑдѣшѫ с нꙑмꙑ стоѩща иⷭ҇цѣлѣвьшааго. нꙑчесоже не оумѣꙗхѫ противна рещи. и повелѣхѫ има. вьнь ѿ сьбора изити. и стѧ-заахѫ сѧ к себѣ г҃лѭще. что сьтворимь ч҃лкома сима. ꙗко разоумно бы знамениѥ има. и вьсѣмь живѫщиимь вь иⷭ҇рлмѣ ꙗвꙑ. и не можета ѿврѣщи сѧ. нь да не боле прострета сѧ вь лю҇ехь сихь. прѣщеньѥмь да запрѣтимь имь. к томоу не г҃лати ѡ имени ӏсовѣ. нꙑ ѥдино (9 об.) моу ч҃лкоу. и призвавьши же запрѣтишѧ ѿнѫдь. не провѣщавати. нꙑ оучити ѡ имени ӏ҇свѣ. петрь же иѡань. ѿвѣщашѧ и рекоста имь. аще праведно ѥ҇ прѣдь б҃гомь вась послоушатꙑ. паче нежели б҃га. сѫдите не можемь бо ꙗвѣ. не г҃латꙑ ѥже слꙑшаховѣ. ѡнꙑ же запрѣ *(конецъ I-го почерка).*

II почеркъ

щьше. поустишѧ лю҇еи ради. ꙗко вси прославлѣхѫ б҃а ѡ бꙑвшою. свѣть бо бѣ болеи ч҃лвкоу. ѡ немьже бꙑвше чюдо исцѣление ·:· -

Act. Apost. IV. 23.

Въ ѡни д҃нꙑ. ѿпоущена бивша ап҃ла. придоста кь своимь и повѣдаста. елико къ нима. и архиереие стар҇цы рѣшѧ. ѡниже слишавше единод҃шно. вьзопишѧ къ б҃оу. и рекошѧ в҃лко г҃и створеи н҃бо и землѧ и море. и всѣ ꙗже в нꙑхь. рекь оусти рабь твое (л. 10) го д҃вда. вьскѫѧ шѧташѧ сѧ ѩзици. и лю҇е поучишѧ сѧ вь тьщее. присташѧ ц҃рие зе҇мсти. и кнѧѕи. сьбрашѧ бо сѧ вь истинѫ. вь градѣ семь. на ст҃и ѡтрокь твои і҇сь. иже помаза иро҇. и понски пилать. сь лю҇ми изл҃ьскими. створите елико рѫка твоꙗ. и свѣть твои прѣ҇же рень б҃ы. и н҃нѣ г҃и призри на запрѣщение ихь. и даж҇ь рабомь твоимь. всѣмь дрьѕновлениемь. г҃лати слово твое. и простр҇ѣти тебѣ рѫкѫ твоѫ вь исцѣление. и знамениемь чю҇мь б҃ы. именемь ст҃имь. ѡтрока твоего і҇са и помл҃имьши сѧ имь. подвꙑза сѧ мѣсто. в немже бѣхѫ

сьбраны. испльнишѧсѧ вси дх҃а ст҃а. и гл҃ахѫ слово бж҃ие. сь дрьзновлениемь ·:

Act. Apost. XIII. 13.

(Л. 26) Б они дн҃ы ѿвезьше сѧ ѿ пафа. иже ѡ павлѣ. приде въ перги. паньфилиѫ. иѡ҃а же ѿлѫчисѧ ѿ нею. и вьзврати сѧ въ иерслимь. ѡна же прѣшедша. ѿ перги. и придоста вь антиѡхыѫ. и паньсидиѫ. и въшеша вь сьньмище. вь дн҃ь сѫдите. почте же закона и прр҃ки. послашѫ. асхисоунагогь. к нима гл҃ще мѫжа бра҃. аще кое слово ваю оутѣшению. кь людемь гл҃ати и вьставь же павель. и помавь рѫкоѫ и ре҃. мѫжие изр҃льсти. божщеи сѧ б҃а. послоушаите бг҃ь людеи сихь. иже всѧ изр҃а ѡц҃ѫ вашѫ. и люди вьзнесеи внити вь землѧ игыпетьскыѫ. и сь мишьцеѫ високиѫ. (об.) изве из него. и до. м҃. лѣ҃ пита вь пѹстини. и разори. з҃. ѧзикь. вь земи ханаѡньстѣи. и наслѣдовашѫ землѫ ихь. до. м҃. лѣ҃ и. н҃. и по семь да имь сѫдиѫ. до самоила прр҃ка. ѿтѫдоу проснишѫ цр҃ѣ. и да имь сн҃а кисова. мѫжа ѿ колѣна венеꙗминова. и бы лѣ҃. м҃. и прѣви его. и вьзвыже имь дв҃да цр҃ѣ. юмѹже свѣдѣтельствоува ре҃. ѡбрѣте дв҃да иесеѡва. по ср҃цоу моюмѹ. иже створить всѧ моѫ волѫ. сего ѿ сѣмени. б҃ь по ѡбѣтовани. и вьзвыже изр҃леви сп҃сителѣ іс҃а. проп҃вѣдавшоу иѡаноу. пр҃ѣ лицемь вьнитиꙗ иго. и кр҃щение покаание. всѣмь людемь издр҃левомь:-

Act. Apost. XVI. 16.

(28 об.) Въ ѡн҃и дн҃и. бы҃ идѫщимь. ап҃ломь на молитвѫ. и се раба ктера. имѫще дх҃ь потеньски. срѣте ихь иже дѣла многа творѣше г҃емь своимь. вльх҃воуѫще. и та вь слѣдь идѣше павла и сисилѣ. вьзопи гл҃ѫщи. си чл҃вци раби б҃а вишнѣго. (л. 29) сѫть. иже проповѣдаѫть намь. пѫть сп҃сениꙗ. се же творѧще по всѧ дн҃и. стѫжи си павель. ѡбращь сѧ ре҃ кь дх҃ови. запрѣщаѫ ти именемь іс҃х҃овѣмь. изиди из неѫ. абие изиде вь тои чѣ҃. и вѣдѣвше же б҃ь иѫ. ꙗко изиде. и ѹпование дѣла ихь. и имше павла и силѫ. ведошѫ на трьгь. кь кнѧземь. и приведьше кь стратигомь. рѣшѫ. сиꙗ чл҃вка. вьзмѫщаета гр҃а нашь. июдеꙗ сѫща. и прѣдаита законь. ихьже непобаить намь творити. ни вѣровати. римлѣнемь сѫщи. и сниде сѧ наро҃ на нею. и стратизи растрьзавше ризи. има си повелѣвше. палицами бити ꙗ. многиѫ же рани вьдавше има. вьврьгошѫ вь темницѫ. запрѣ-

тишѫ те (об.) мничнѹ стражи. тврьдо стрѣщи. и еже запрѣщениемь. тако приемь. вьсади ж вь ѫтрьнѫ темницѫ. и ноги има заби вь кладѣ. полѹ-нощи же павель. и сила. молитвы творѣше. славлѣста ба. послоушахѫ ѥю ѫжници. внезаапѫ же бы трѫсь велеи. ꙗко подвызати сѧ. ѡснованиꙗ темници. ѿврьзошѫ слабие всѧ двri. и всѣмь ѫзи ѡслабѣшѫ. вьспрь-нѫвь же темничнии стражь. и видѣвь ѿврьсти темници двры. извлѣкь ножь и хотѣше сѧ оубости. мнѧ избѣгле сѧ ѫжници. вьзгласи же павель гломь велиемь глѧ. ничесоже зла не створи себѣ. вси бо есме зде. вьспроси бо свѣщѫ. и вьскочи трепетень. припаде къ павлѹ и силѣ.

Act. Apost. XX. 16.

(Л. 34) Въ ѡни дни. сѫди павель. мимоити ефесь. ꙗко да не бѫдеть ѥмоу. замоудѣти сѧ вь асии. тьщаше бо сѧ. аще вьзможно моу ѥсть. бити. вь пѧньдикостьни днь бити вь ѥрслимѣ. ѿ милита же пославь. па-вель вь ѥфесь. и призва попи прквныѧ. ꙗкоже придѫ къ немоу. ре имь вни (34 об.) маите оубо себѣ. и всемоу стадоу. в немъ же ви постави дхь сти. ѥпископи пастирѧ. цркви га нса. ѭже посѫди своеѧ црквы. азь бо вѣдѫ се. ꙗко по ѡшестви моемь. внидѫть вльци. тисѫщни вь ви. не щѧдѧще стада. ѿ вась самѣхь вьстанѫть мѫжи глѫще. развращена. истрьгати оученики вь слѣдь себе. тѣмьже бдыте помнѧще. ꙗко .г. лѣта. нощь и днь не прѣстаꙗхѫ. оучѫ сь сльзами. ѥдиного кого вь вась. и се нне братиѥ прѣдаѫ ви бгви. и слово блготи бжиѧ его могѫщомоу наздати. и дати намь достоꙗние. вь стхь всѣхь. сребро ли или злато. или ризамь. ни едино-моуже вьсхотѣхь.

Act. Apost. XXIII. 1.

(Л. 36). Въ они дни. вьзрѣвь павель и ре. мѫжие и братиꙗ. азь сь всеѫ свѣстиѫ блго (Л. 37) живѫ бгвы. до сего дне. архиѥреи же ананиꙗ. по-велѣ прѣстоѫщимь ѥмѹ бити вь оуста. тога павель ре к немѹ. бити тѧ имать бь. стѣно повапнена. и ти сѫдишѫ сьдь ми по законоу. и прѣстѫ-паѫ законь. и велиши да биѫть мѧ. прѣстоѫщи же рѣшѫ. архиѥрешви ли бжию досажакши. ре павель. не вѣхь ꙗко се ѥсть архиѥреи. писано бо ѥсть кнѧзи людеи своихь. нарешни зла. мнозѣ же распри бивши. оубоꙗвь сѧ ти-сѫщникь. да не растѧзаѥть павла. повелѣ воиномь снити. и вьсьхитити

ѿ срѣди ихъ. и вести же вь плькь. вь настажщжж нощь. пристжпи к немꙋ гь рє. дрьзаи павлє. ꙗкоже бо свѣдѣтельствова. єже ѡ мнѣ вь єрꙋслимѣ. тако ти подобаєть. и вь мирѣ (37 об.) свѣтельствовати: -

Act. Apost. XXV. 13.

(Л. 37 об.) Въ ѡни дни. агрипа црь. и верники придж вь кесарнж. цѣлоувати єфилиста ꙗкоже множаиши днеи побисте тоу. филисть же сказа цркви. ꙗже ѡ павлѣ глж мжжь єтерь єсть ѡставлень. фискомь жжники ѡ немъже бившомоу вь єрслимѣ. поємашж архиерене. и старци люсти. просжще на нж прж. к нимьже ѿвѣщахь. ꙗко нѣсть ѡбичѣꙗ римлѣномь. даати єтера чльвка вь погибѣль. прѣже даже рѣчници не станжть на лица. глщж на нж. вьпрошени же ѿвѣть да дасть. ѡ винѣ. сьшешимь сж имь. сжднꙗмь. закьснѣние єдино створь. и вь ютрѣи. сѣде на сждищи. и повелѣ. привести мжжа. ѡ немже сташж кле (л. 38) ветници. ни єдинож вины. притькнѣхь ихже непщевахь. азь стжзаниꙗ. єже єтера. ѡ своеи вѣрѣ. имѣꙗхж к немꙋ. єтера иса. оумерша. єгоже глаше. павель жива.

Аас. Apost. XXVII. 1.

(Л. 38) Въ ѡни дни. ꙗко сжжено бы. ѿвести сж єже ѡ павлѣ. вь талиж. прѣдахж павла и ини єтери жжники. сотникꙋ. имемь юлоу. ѿ спири севасти. вьлѣзьше же вь корабь. адомитьскоу. хотѣше вести сж. вь асиска мѣста. єгаже днь бы. не познахж землж. лжкж же єтерж познашж. имжщж краи. в нжже хотѣхж. аще имь би мощно вьзьвлѣщи корабь. и анькири ѿемь. и єще везѣхж сж по морꙋ. коуино ѡслабишж жжа крьмиломь. и вьзвыгше меньшж. адринж. дихажщоу же вѣтроу. везѣ (38 об.) хж сж на краи. и вьпадше же вь мѣсто ѡсоино. и носоу оутврьжажщоу сж ста недвыжимь. а крьма разбиваше сж. ѿ нжжж. вльни. воиномь же бѣ свѣть да жжники оубижть. да никотори исплоувь оубѣжить. сотни же хотж да проводиты павла. вьскочи прѣже изити на краи. а прочи оубо на дьска. а дроузи на дрѣви ѿ корабѣ[1]). и тако бы всѣлѣ спсти сж до краꙗ. тога разꙋмѣхомь ꙗко мельки ѡтокь нарицаєть сж: -

1) ѣ *самимъ перепpавлено изъ* а.

Act. Apost. XXVIII. 1.

(Л. 38 об.) Въ ѡни дни. спсени бивше. иже и о павлѣ. ѿ плаванија корабꙋ. тогда разꙋмѣхомъ ꙗко мелети ѡтокь нарицаѥть сѧ. варъвири[1]) же творѣхѫ. не малое милрдие намь. вьзгнѣщьше ѡгнь. прижшѧ вьсѧ ни. за настоѩщиі дождь. и зимѫ. и сьграмаждьшꙋ павлꙋ[2]). много рождьшиѩ. а вьзложьшоу на ѡгнь. ѥхидна ѿ топлоти. излѣзьше и сѣкнѫ в рѫкѫ. ѥгда же ꙋзрѣшѧ варави. висѧщѫ змиѭ за рѫкѫ ѥго. глахѫ себѣ. вь истинѫ оубиица ѥсть члкось. разꙋмъно бѫди всѣмь намь ꙗко ѫзикомь послано ѥсть. спсение бжие. ти оуслищѧть и рекѫть. ѡтидѫ июдеи много. имѫще стѧзание. живь же павель. испльнень. в. лѣ мѫздоѫ своеѫ. и приѥмѣше вьсѧ. вьходѧщѧ к немꙋ. провѣдаѫще цртво бжие. оучѫ же ѡ гѣ исѣ. сь всѣцѣмь дрьзновлениемь. невьзбранно.: -

---

III. Почеркъ.

Act. Apost. V. 1.

(Л. 10) Въ ѡни дни. мѫжь ѥдынь. именемь ананиꙗ. сь самьфирожѫ женоѫ своеѫ. продасть стѧжание свое. и оутаи ѿ сѣни. свѣдѫщи женѣ ѥго. и принесе чѧсть ѥдинѫ. и приложи при ногахь аплкахь. ре же петрь анание. почто испльни неприꙗзни срце твое. сльгати дхо стомоу. и оутаи ѿ цѣни села. не сѫще ли бѣ твое. и проданное вь твоеи ѡблати. почто положи вь срци своемь вещь сиѫ. не сльга бо чавко | мь нѫ боу. слишавше ананиꙗ словеса сиꙗ. падь издыше. и бы страхь великь. на всѣхь слиша вшихь се. вьставше юни истрѣбишѧ. изнезьше и погребошѧ. и бы же ꙗко .г. чсвомь. замоудѣние. и женѣ ѥго несвѣдѫще вниде. ѿвѣщавь же петрь и ре. рьци ми аще на толицѣ село ѿдасть. ѡна же ре ѥмоу. что ꙗко свѣщано бь вама. искоусити дхь гнь. се ноги погребше мѫжа твоего при дврехь. и та излѣзь паде же при ногꙋ ѥго издыше. шеше и оуношѧ ѡбрѣтошѧ ж мртвѫ. и тѫ изнесьше. погребошѧ оу мѫжа ѥѧ. и бы страхь великь. на | всѧ црвви. и на всѣхь слишѧщихь.: -

---

1) варъвири *самимъ переправлено изъ* вари.

2) ꙋ *самимъ изъ* ю.

Act. Apost. V. 21.

(Л. 11) Въ ѡни дни. слишавше апли. внилошѫ[1]) въ црковь и оучѣхѫ. пришеше архиереие. иже с нимь сновь излвь. и послашѫ ѫ вь темницѫ. вьзвратившe сѧ повѣдашѫ глѫще. ꙗко ѡбрѣтохомь темницѫ затворенѫ. вь всѣкѫ твръдинѫ. и стражие стоѫще прѣдь дверьми. ѿтвръше двери ни иединогоже ѡбрѣто|шѫ. ида же слишашѫ словеса си жерци же старѣишини црковниѫ. архиереие чюдѣхѫ сѧ ѡ нихь что збѫдеть сѧ. пришеше же нѣкии и повѣда имь. ꙗко се мѫжи. иже вьсадишѫ вь темницѫ. сѫть вь цркви стоѫще и оучѫще люди. тога шедь воевода сь слоугами. приведе ѫ не с нѫжеѫ. боꙗхѫ бо сѧ люе. да не камениемь побиѫть ихь. привеше же ѫ и поставишѫ ѫ на соньмищи. и вьпроси ѫ старѣишина жерьчки глѫ. не прѣщениемь ли запрѣтихомь вамь. не оучити ѡ имени семь. и се испльнисте ирслимь ꙋчениемь вшимь. (об.) и хощете нанести кръвь мѫжа сего. ѿвѣщавь петрь и вси апли рекошѫ. послоушати ха подобаиеть. паче неже ли глвки. бь ѡць нших вьзвыже иса. иегоже ви рѫкама ѫсте. и ѡбѣше на дрѣвѣ. сего бь вьзнесе десницеѫ. своеѫ. дати покаꙗние излви. и ѡставление грѣхомь. и ми есме свѣдѣтелие гломь симь. и дхь сти иже да бь послоушаѫщимь иего·:-

Act. Apost. VI. 1.

(Л. 11 об.) Въ ѡни дни оумножьшимь сѧ апломь. бы рьпьть иелиньски кь иеврешмь. ꙗко прѣзрими бѣхѫ вдовицѫ ихь. поксѫдневниѫ нѫжѫ. призвавше же народь ѡба на . г҃. те оученика. не лѣпо иесть намь. ѡставивше слово бжие. слоужити трапезамь. изищате оубо ѿ ва братие . з҃. мѫжеи послоушьство|вань испльнь дха ста прѣмѫдрости. ѫже поставимь надь трѣбовани симь. ми же вь млтвѣ и вь слꙋжьбѣ да прѣбиваиемь. и годѣ бы прѣдь всѣмь наромь. изьбрашѫ стефана (л. 12) мѫжа испльнь вѣри и дха ста. и филипа и прохора. и никонора. и тимона. и парьменѫ. и николаꙗ. пришльца антиѡхидскаго. и постави прѣдь апли. и помольше сѧ вьзложишѫ нань рѫцѣ. и слово гне растѣше и ꙋмножаше сѧ. число оученикь вь ирслимѣ зѣло. многь же наро иевреиски. послꙋшахѫ вѣри:-

---

1) *sic:* л *вмѣсто* д.

Act. Apost. VIII. 5.

(Л. 13 об.) Въ ѡни дн҃и. филипь сьшеⷣ вь граⷣ самарсиски. пⷬповѣ-
даше хⷭ҇а. внимахж же народи. гл҃жщимь се ѿ филипа ѥдинодш҃но. сли-
шжще и виджще. знамениꙗ ꙗже творѣше. многимь бо имжщимь дхⷭ҇ь
нечтⷭ҇ь[1]. вьпижщимь гл҃асомь велиемь исхожⷣахж мнози хроми. и ѡслаблени
исцѣлѣхж. и бⷭ҇ы раⷭ҇до велиꙗ. вь градѣ томь. мжжь нѣкто именемъ симонь.
прѣжⷣе бѣ вь градѣ знамениꙗ творж и чюдесл жзикоу самарескꙋ. гл҃ж бити
себе чл҃ка велиꙗ. и поставиахж ѥго вси ѿ мала до великаꙗ. внимахж же
ѥмоу. за немнога лѣта кꙋрением̾ дивь на творѣше имь. ѥгⷣа же вѣровашж
фⷧ҇ипови. (л. 14) пⷪровѣдажще ѡ црⷭ҇тви бж҃и. и ѡ имени ис хⷭ҇овѣ. крщахж сж
мжжие и жени. симонь же и тои вѣрова и крⷭ҇ти сж. и бѣ прѣбиваж. оу фи-
липа. виджщи сили велиж. и знамениꙗ биважща. дивлѣше сж. слишавше же
апⷭ҇ли вь ѥрⷭ҇лимѣ. ꙗко прижть самареꙗ слово бж҃ие. послашж к нимь петра
иѡана. шедьша же мл҃иста сж. ѡ нихь ꙗко примжть дхⷭ҇ь ст҃и. не оубо
бѣ ни на единомь паль. нж тькмо крщени бѣхж. вь имж ис хⷭ҇во. тогⷣа
вьзложиста нань ржцѣ. и прижшж дхⷭ҇ь ст҃и .:-

Act. Apost. VIII. 26.

(Л. 14 об.) Въ ѡни дн҃и. анг҃ль гн҃ь къ филипоу гл҃а. вьнииди на по-
лꙋдн҃е. на пжть исходжщи ѿ ѥрⷭ҇лима. авгазать ѥсть поⷭ҇у. и вьставь иде.
и се мжжь моуринь. каженикь силень. каⷩ҇дакж црⷭ҇цж моурьскж. аже бѣ
надь всеж газиѥж. иже пришедь поклонити сж вь ѥрⷭ҇лимь. бѣ же вьзвра-
щажщи сж. ꙗзⷣж на колесници своеи. и чтѣше исаиж пⷬрка. реⷱ҇ же дхⷭ҇ь фи-
липови. пристжпи и приближи сж. кь колесници своеи. притекше филипь.
слиша чтжща пⷬрка исаиж. и реⷱ҇ разоумѣеши ли оубо что чтеши. ѡнь же реⷱ҇
како могж. аще (л. 15) кто не наставить мене. оумоли же филипа. влѣсти
и сѣсти с нимь. слово же книжно иже чтѣше сж бⷭ҇ы. ꙗко овчж на заколение
веде сж. ꙗко агнець прѣмо стригжщомоу безгл҃асень. тако не ѿврьзаѥть
оуⷭ҇ своихь. вь смѣрени своемь. сждь ѥго вьзжть сж а роⷣ ѥго кто исповѣсть.
ꙗко вьземеть сж ѿ земаж животь ѥго. ѿвѣща каженикь. филипови реⷱ҇.

---

1) *Здѣсь* ъ *самимъ писцомъ переправлено изъ* н; *въ большинствѣ-же случаевъ* ъ *употребляется третьимъ почеркомъ въ началѣ чтенія* (Въ они дн҃и) *и еще, вынесенное, — въ концѣ строки* (*въ изданіи оно ставится въ строку*).

мл҃ѫ тѫ ѡ чемь пр҃ркь гл҃ть сѫ. себе ли ради. или ѡ иномь ѥтерѣ. ѿврьзе же филипь оуста своꙗ. и начень ѿ книгь сихь. бл҃говѣствоваше ѥмоу ис҃ь. ꙗкоже идѣста по пѫти. и придоста на ѥтерѫ водѫ. р҃е же каженикь. се вода что вьзбранѣете ми кр҃тыти сѫ. р҃е же ѥмоу филипь. аще вѣроуѥши ѿ всего ср҃ца своего лѣть ти ѥ҃. ѿвѣщавь р҃е вѣроуѫ сн҃а бж҃иꙗ ис х҃а бити. повелѣста колесници. и слѣзоста ѡба на водѫ филипь же и каженикъ. и кр҃ти е. ѥг҃аже изидоста ѿ води. дх҃ь ст҃и наиде на каженика. анг҃ль же гн҃ь (л. 15 об.) вьсхити филипа. и не вѣдѣ ѥго кажени҃.

Act. Apost. VIII. 40. IX. 1.

(Л. 15 об.) Въ ѡни дн҃и. филипь ѡбрѣте сѫ вь азотѣ. и миходѫ бл҃говѣствоваше вь свѣхь градѣхь. доньдеже приити ѥмоу вь кериѫ. саоуль же ѥще дихаѫ гнѣвомь. и оубииствомь на оученики гн҃ѫ. припаде кь архиерешви. проси оу него книги на листь написани. вь дамаскь сьмищемь. да аще иметь кого на пѫти мѫжа или жени. свѫзани да привет҃ь вь ѥрс҃лмь вьнег҃а же ѥмоу бы҃ приближити сѫ вь дамаскь. внезаапѫ ѡсиꙗ свѣть с небсь и паде на землѫ. слиша гл҃а гл҃ѫщь къ немоу. саоуле. саоуле что мѫ гониши. рече ѥмоу кто ти ѥси г҃и. г҃ь р҃е ѥмоу азь ѥсмь ис҃ь ѥгоже ти гониши. нѫ вьстани иди вь градь. и тоу р҃еть ти сѫ что подбаѥть ты твориши. а мѫжие идѫщеи с нимь стоѫще. дивѫще сѫ слишѫще гл҃а. ни ѥдиного же не видѫще. вьставь же саоуль ѿ землѫ. ѿ (л. 16) врьстама ѡчима ѥго. никединогоже не видѣше. ѥмше и за рѫкѫ и ведошѫ и. вь дамаскь. и бѣ . г҃. дн҃и не видѫ. ни ꙗди ни пиѫ. бѣ же ѥдинь оученикь. вь дамасьцѣ именемь ананиꙗ. и р҃е ѥмоу г҃ь вь снѣ анание. ѡнь же р҃е се азь г҃и. г҃ь же р҃е ѥмоу вьстани иди вь стѫгни нарицаѫщѫ имѫ ис х҃во. и на то приде да свѫзан сѫ ве|ть кь архиерешмь. саоуль же крѣплѣше сѫ паче. и смѫщаше июдеѫ. живѫщѫѫ вь дамасьцѣ. сказаѫ ꙗко сьи ѥсть х҃ь. ꙗкоже скончѣшѫ сѫ дениѥ мнози. свѣщашѫ жидове оубити. разоумно же бы҃ ковь ихь саоулеви.

Act. Apost. X. 21.

(Л. 18 об.) Въ ѡни дн҃и шедь петрь кь люемь посланимь и р҃е. се азь есмѫ. ѥгоже ви ищете. что ѥсть вина ѥѫже ради придосте. они| же рѣшѫ корниль сьтни бож сѫ б҃а. свѣдѣтельствовань. ѿ всего ѫзика иоудеиска. гл҃ано

юмоу бы ѿ англа. при (л. 19) звати тѧ вь домь свои. слишати гли ѿ тебе. призвавь же ѧ оучрѣди. и вь оітрѣи же днь петрь вьставь изиде с ними. ютери же ѿ братеи. иже ѿ іѡпиѧ с нимь. идошѧ вь кесариѧ. корнилъ бѣ оучѧ и сьзвавь ро свои. и присни дроуги. югаже бы внити петроу. срѣте и корнилъ. падь на колѣноу. и поклони сѧ юмоу. петрь же вьзвыже и глѧ вьстани азь самь члвкь юсмь. и с нимь бесѣдоуѧ вниде. и ѡбрѣте много сьбраніи. и ре имь ви вѣсте. ꙗко не побають мѫжоу июдеꙗнинꙋ. прилѣплѣти сѧ и смѣшати сѧ. сь иноплеменники. мнѣ же бь показа. никдиного скврьнна или нечиста глати. члвкоу. тѣмже и бе сьмнѣниа звань. вьпрашаѧ ви. и оубо кимь словомь. посласте бо мѧ. (л. 19 об.) корнилъ ре. ѿ четврьтаго дне до сего чс бихь постѧ сѧ. и вь. д годинѧ млѧ сѧ. вь своюмь домꙋ. и се мѫжа. в. стаста вь ѡдеж бѣлѣ. и ре ми корниле оуслишана бы млтва твоꙗ. и млтинѧ твоѧ помѧновени бишѧ прѣ бгомь. посли оубо вь иѡпь мѫжь. и призови симона. нарицаюмаго петра. се пришель ю. вь домь симона оусмарѣ. юмоуже ю храмь при мори. ть пришедь глеть ти. и абие послахь кь тебѣ. ти же добрѣ створи прише. нне ꙋбо ми вси придохомь прѣдь ба. слишати всѣ повелѣниꙗ тебѣ ѿ ба.: -

Act. Apost. XIV. 6.

(Л. 20) Вь ѡни дни. смотрьша апла. варнава и павель. придоста вь гра лоукинꙗньски. вь лоустрѧ. иде вьрь вь ѡбла. и тоу бѣста блговѣстѧща. и ютерь мѫжь вь лоустрѣ. немощень ногама хромь. ѿ ѧтроби мтре своѧ. и николиже не бѣ ходиль. слиша павла глѧща. и вьзрѣвь же нань. и видѣ ꙗко имѫть вѣрѫ спсти сѧ. ре велиемъ гласомь тебѣ глѧ. вь имѧ га ис ха. вьстани на ногоу твою прость. ѡньже абие скакаше и хожаше. наро же видѣвьше юже створи павель. вьзвыгнѧ (об.) гла свои лоукиаңьски глѧще. бзи побльше сѧ члвци снидѫть к намь. звахѧ же варнавѧ. дисѧ. а павла юремиѧ. понеже ть бѣ надь словомь. июреи же диевь. сѫщи юмоу прѣдь градомь. юницѧ и вѣньцѧ на вра принесь. сь народи хотѣше. жрьти. слишавше же павель и варнава. растрьзаста ризи своѧ. и скочиста вь наро. вьпиѧща и глѧща. мѫжи что творите. и миꙗ бо. побна юсвѣ вамь ѡ сихь. соуютнихь ѡбращати сѧ кь боу живоу. юже створи небо и землѧ и море. и всѣ ꙗже в нихь. иже вь мимошедьшиѧ народи ѡстави всѧ ѧзики[1]). ходити вь пѫть свои. идеже оубо не бѣ свѣ-

1) ѧзики: ѧ съ навѣсцемъ влѣво.

тельства. себе же ѡстави благотворжи. (л. 21) с небсь намь дьжь даж и врѣмена ѡбилнаꙗ. насищаж пищж и веселие срца наша. сице глеть. едва ѡстависта наро. не жрѣти имь. нж и ти комоужоо восниа си : -

Act. Apost. X. 34.

(Ibid.) Вь ѡни дни. тьгда петрь ѿврьзе оуста своꙗ и ре. вь истинж разоумѣваж. ꙗко не на лица зрить бь. нж на всѣкь жзикь. божи сж ба. и творжи правдж.

Act. Apost. XXI. 8.

(Л. 35) Вь ѡни дни. излѣзь же апли ѿ тоура. придошж вь кесарижж. и шедше вь домь филиповь. евуanиста сжща ѿ седми. и прѣбиховомь сь нимь. сего вѣхж дѣвож. д. дьщерж. прорицажщжж. прѣбиважщжж имь женамь. дни многиж. сниде единь прркь ѿ юдеи. именемь агавь. прише к нимь. и вьземь поꙗсь. скжза ржцѣ и нозѣ свои. и ре тако гле дхь сти. мжжа егоже. е поꙗсось. тако свжжжть и вь ерслимѣ. жидове и прѣдаджть. и в ржцѣ жзикомь ꙗкоже ꙋслишахомь си и млѣхомь сж. ми же и дома живьци. ни вьзити емꙋ вь ерслимь. ѿвѣщавь же павель. что творите. мжчжще сж. искоушажще срце ми. азь бо не тькмо свжзань бити. нж и оумрѣти готовь есмь вь ерслимѣ. за имж га іс ха. не ꙋбѣжьше его оумльчѣхомь. рекьше волѣ гнѣ да бждеть ⁖ -

Rom. V. 1.

(Л. 42 об.) Браꙗ. ѡправдавше сж оубо ѿ вѣри. мирь имаме кь боу. гемь нашимь ис хомь. имже и ми. приведение приѡбрѣтохомь вѣрож. вь благоти. в неиже стоиме. и хвалимь сж. оупование слави бжиж. не тьчиж хвалимь сж. вь скрьбехь. вѣджще ꙗко и скрьбь. трьпѣниемь сьдѣваеть. а трьпѣниемь искоушение. искоушение же оупование. а оупование же посрамить. ꙗко любовь бжиꙗ. излиꙗ сж вь срца ваша. кртомь стимь данимь намь. еще бо хь сжщимь намь немощнимь есть. на врѣмж по нечтиви. оумрѣти. едва бо кто праведникь оумреть. за благо же оубо нѣкто смѣеть. (л. 43) оумрѣти. ставѣеть же своѫ любовь вь на бь. ꙗко еднацѣмь сжщемь намь грѣшникомь. хь за ни оумрѣть. много же паче ꙋма ѡправдав-

шесѫ. нн҃ѣ крьвиѫ его спемь сѧ. и ми ѿ гнѣва. аще бо врази сѫще. смирихомь сѧ сь б҃гомь. смр҃тиѫ сн҃а кго. много паче сьмирьше сѧ. сп҃емь сѧ вь животѣ кго ⁖ -

Roman. XII. 1.

(Л. 44 об.) Бр҃ıа. мл҃ѫ ви щедротами бж҃ними. прѣставити тѣлеса ваша. жрьтвѫ живѫ оугожен̑ѫ бг҃ви. словесно слоужение ваше, и се не ѡбразоуѫще вѣкꙋ семꙋ. не прѣѡбразꙋ|ите сѧ вь обновление мисли вашеѫ. искоушаѫще. что кесть волѣ бж҃иıа. бл҃гооугож̑е (л. 45) ниıа. сьврьшена гл҃ѫще бл҃готиѫ. давшѫ ми сѧ. всѣкомоу сьщьствоу. вь вась непрѣмѫдрѣти сѧ. паче кже пов̑акть мѫдрьствоувати. нѫ мѫдрити сѧ вь цѣломѫдри комꙋж̑о. ıако б҃ь кесть раз̑ѣлиль. мѣрѫ вѣрѣ ⁖ - [1])

Roman. XIV. 6.

(Л. 46) Бр҃аıа. мѫдрьствоуѫ дн҃ь гв҃ы. мѫдрьствоуkме. и не ıади[2]) гв҃ы. ıасть хвалить б҃а (об.) никт҃ори оубо на себѣ живеть. никт҃ори на себѣ оумиракть. аще бо живемь гв҃и живемъ. аще ли оумираемь. гв҃ы оумираемь. нѫ се бо х҃ь оумирать. и вьскр҃се. да м҃твими и живими обладаѫ вь вѣки :-

Corynth. III. 9.

(Ibid.) Бр҃аıа. б҃оу кеме поспѣшници. бж҃ие сьз̑ание. бж҃ие стѫжание. по бл҃готи бж҃и данѣи мнѣ. ıако прѣмѫдрь арх҃итеклонь. основание положихь. иньже наз̑акть кжж̑о же наблюдакть. како назидаеть. ѡснованиıа бо иного. никтоже не можеть. положити. паче лежѫщаго. еже к҃ х҃ь. аще ли кто назидакть. на ѡснование злато сребро златое[3]). дрѣва[4]) сѣно стебли. комꙋжоу дѣло ıавѣ бѫдеть. дн҃ь бо бѫдеть. ıако ѡгнемь ѿкривакть сѧ. кож̑о дѣло ıако вож̑ь есть. ѡгнемь искꙋсить. кгоже дѣло аще прѣбѫдеть. кже надь мѫз̑ѫ (л. 47) приметь. а кгоже дѣло аще скорить ѡтьщить сѧ. а самь сп҃сеть сѧ. нѫ тако ıакоже ѡгнемь. не вѣсте ли ıако цр҃ковь бж҃иıа есте. и дх҃ь бж҃еи живеть вь вась. аще кто цр҃ковь бж҃иѫ ѡскврьнить. ѡскврьнит҃ кго б҃ь. цр҃кви бж҃иıа ст҃а есть. и кже кесть в неи : -

1) вѣрѣ *самъ переправилъ изъ* вѣрѫ.

2) ıа *переправлено самимъ изъ* а.

3) *самимъ переправлено въ* драгое.

4) дрѣва *самимъ переправлено изъ* драва.

Corynth. VIII. 8.

(Л. 66 об.) Бра҃та. брашно насъ не поставить прѣдъ б҃омъ. ибо аще не аме лишимъ сѧ. или аще аме ѕбѫдеть сѧ намъ. блюдѣте же сѧ ѥда како власть си ваша. прѣтикание бѫдеть. немощнимъ. аще бо кто видить тѧ. имѫщаго разѹмъ. вь ждоли вьзлежѧща. не свѣсть ли емѹ. (л. 67) немощно емѹ сѫщѹ сьзыжеть сѧ ѥмѹ ꙗсти. идоложрьтвьна. и погибнеть немощни брать. вь твоемь разоумѣ. ѥгоже ради х҃ъ оумрѣть. тако оубо сьгрѣшаѭще и ви братие. и тепѧщимь свѣсть. немощна сѫща. вь х҃а сьгрѣшаите. тѣмже аще брашно сьблажнѣеть брата моего. не имамь ꙗсти[1]) мѫсь вь вѣки. да не сьблажнѣеть бра моего. XI. 1. нѣсмь ли свободь нѣсмь ли ап҃ль. не ис х҃а г҃а нашего видѣхь. не дѣти ли моѧ ѥсте ѡ г҃и. аще инѣмь нѣмѫ ап҃ль. нѧ оубо вамь ѥсмѫ. и печать моемоу ап҃льствѹ. ви ѥсте ѡ г҃и.

E Calendario.

(Л. 72 об.) М҃ца т҃го. к҃. п҃а. ст҃ихь ѡц҃ь. максимиꙗна прокла. анатолиꙗ. ап҃ль. кь евреѡмь. бра҃та помни. п҃ино. в҃. сектѧ. м҃ца. т҃го. к҃а. внесение ст҃ѧ бц҃ѧ вь црк҃вь. слоужба. н҃. сектѧ:-м҃ца. т҃го. к҃е. ст҃ѧѧ мн҃цѧ катерини и пам҃ѧ. ст҃ихь архиепископь. и м҃нка клименьта. римьскаго и петра алескѧдрьскаго. п҃е. г҃л. в҃. Не ѿврати посрамени клименьти. вѣрѫ припадаѭще кь твоемоу гроубѹ. ст҃инѧ прими раби ср҃ца. пристѧпаѭще кь ковчегоу твоемѹ. и м҃лѧще ти сѧ. ꙗко блаженихь и щедрихь. оулоучить насладити сѧ. мира стадо твое. б҃оу даѭщимь. вѣрнимь исцѣление. и грѣхомь оставление. молитвами славне. и велиѧ ма҃ть ::-

1) ꙗсти: ꙗ *переправлено самимъ изъ* а: *перекладина, перечеркнутая посрединѣ, соединяетъ букву* а *съ предыдущимъ* ь.

Указатель печатныхъ источниковъ.

(Звѣздочкой отмѣчены рукописи, изслѣдованныя также по оригиналу).

Амфилохій, архимандритъ.

— Палеографическое описаніе греческихъ рукописей. Москва 1879—1880.

— О миніатюрахъ и украшеніяхъ въ греческихъ рукописяхъ.

— Объ отрывкахъ изъ древнеславянскихъ рукописей XI и XII—XIII вѣка, съ литографическимъ снимкомъ. Москва 1880.

Arch., Archiv: Archiv für Slavische Philologie, томы I—XXVII.

*Асс., Ассем.: Ассеманово Евангеліе (глаголическое), изданіе Рачкаго, Загребъ 1865, и Чрнчича, Римъ 1878.

*Бол. пс., Болон. пс.: Болонская псалтырь, свѣдѣнія о ней: Срезневскій, Изм., Древніе памятники юсоваго письма; Срезневскій, Вяч., Древній Славянскій переводъ псалтыри; Кочановскій, В., Памятники древняго языка и искусства, изд. Общ. Люб. Древ. Письм. № XXIX; Chodźko, Grammaire Paléoslave; Стасовъ, Орнаментъ.

Бордье: Bordier, Description des peintures et autres ornements contenus dans les manuscrits grecs de la Bibliotèque Nationale.

*Боянское Евангеліе Григоровича: свѣдѣнія о рукописи въ Изв. русс. Отд. т. IV. 3.

Брокъ: Olaf Broch, Die Dialekte des südlichsten Serbiens, Вѣна 1903 (Schriften der Balkankommission, linguistische Abtheilung, III), изданіе Вѣнской Академіи Наукъ.

Бругманъ: Brugmann und Delbrück, Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Страсбургъ 1888—1900.

— Kurze Vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen.

Буслаевъ, Ѳ. И., Рецензія на «Русское Искусство» Віоле ле Дюка (Критическое Обозрѣніе).

—— Рецензія на «Орнаментъ» Стасова, Жур. Мин., 1884, май.

Валявецъ: Тырновское Четвероевангеліе, Starine XX.

Вержбовскій, Θ., Къ Біографіи Адама Мицкевича, Сб. русс. Отд., т. LXVI.

Верковичъ: Народне Песме Македонски Бугара, Бѣлградъ 1860.

Востоковъ:

—— Описаніе рукописей графа Румянцева.

—— Остромірово Евангеліе, Спб. 1843.

—— Филологическія наблюденія.

Вукъ см. Караджичъ.

Гартгаузенъ: Gardthausen, Griechische Paläographie, Лейпцигъ 1879.

Гейтлеръ: Die albanesischen und slavischen Schriften, Вѣна 1883.

Glag. Cloz.: Glagolita Clozianus (Глаголическіе отрывки барона Клоца), изд. Копитара, Вѣна 1836, изд. Вондрака, Прага 1893.

Грамота Іоанна Асѣня II, выданная Дубровчанамъ, изд. въ Изв. Русс. Арх. Инст. въ Константинополѣ, т. VI. 1.

Добр., Dobr.: Evangelium Dobromiri, ein altmacedonisches Denkmal der altkirchenslavischen Sprache des XII Jahrhunderts I. II., монографіи Ягича въ Извѣстіяхъ (Sitzungsberichte) Вѣнской Академіи, 1898.

Дриновъ, М., Beiträge zur Kunde der neubulgarischen Sprache, Archiv, V. 370.

Дювернуа: Словарь болгарскаго языка, Москва 1885—1889.

Etym. Lex. см. Миклошичъ.

Ж. М.: Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Зогр., Зографское Евангеліе, изд. Ягича, Берлинъ 1879.

Handbuch см. Лескинъ.

Ивановъ М., За спрежение въ новобългарски езикъ, Сб. VIII и X.

Изв. Русск. Арх. Инст.: Извѣстія Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Изв. Русс. Отд.: Извѣстія Отдѣленія русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ.

Иречекъ, Исторія Болгаръ, Одесса 1879.

Калайдовичъ, Іоаннъ Экзархъ.

Калина: Kalina, Studya nad historyą języka bułgarskiego, Краковъ 1891.

Караджичъ, Вук, Српски Речник, изд. I—III.

Карскій, Листки Ундольскаго, изд. Русск. Отд. Акад. Наукъ, Спб. 1904.

Cloz см. Glag. Cloz.

Козловскій, О языкѣ Остромирова Евангелія, статья въ Изслѣд. по русск. яз., т. I, Спб. 1885—95 (изд. Русск. Отд. Акад. Наукъ).

Кѫнчевъ: Македонія. Этнографія и Статистика, отъ Василъ Кѫнчевъ, София 1900.

Ламанскій, В. И.: О славянскихъ рукописяхъ въ Бѣлградѣ, Загребѣ и Вѣнѣ, Спб. 1864 (Приложеніе къ VI т. Записокъ Имп. Академіи Наукъ).

Лавровъ см. Обзоръ.

Леонидъ, архимандритъ: Описаніе рукописей гр. Уварова.

Лескинъ, Leskien, Handbuch der altbulgarischen Sprache, изд. 4-е.

*Мар.: Маріинское Евангеліе, изд. Ягича, Спб. 1883.

Lex., Lex. Palaeosl. см. Миклошичъ.

Mac. St. см. Облакъ.

Миклошичъ, Mikl., Miklos.

—— Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen.

—— Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen, Вѣна 1886.

—— Lexicon Palaeoslovenico-graeco-latinum, 2-е изд., Вѣна 1862—1865.

Милад., Миладиновы: Бѫлгарски народни пѣсни собрани одъ братья Миладиновци, Загребъ 1861.

Милетичъ, Л.

—— Das Ostbulgarische (Schriften der Balkankommission, linguistische Abtheilung II), изд. Вѣнской Академіи Наукъ 1903.

—— Рецензія на Macedonische Studien Облака, Archiv.

—— Единъ документъ отъ първо врѣме на танзимата, Сб. XV.

—— Книжнина и езикътъ на Банатскитѣ българи, Сб. XVI.

—— Нови Влахо-Български грамоти отъ Брашовъ, Сб. XIII.

—— Седмиградскитѣ българи, Сб. XIII.

—— Старото склонение etc., Сб. II.

*Минейный листокъ Григоровича, изд. 2. въ Archiv XXVII. 3.

Мирославово Евангеліе, Бѣлградъ 1897.

Надпись 1230 года см. Тырновская надпись.

Облакъ:

—— Приносъ къмъ българската граматика, Сб. XI.

—— Нѣколко бѣлѣжки върху старословенскитѣ паметници, Сб. IX.

—— Macedonische Studien, Вѣна 1896, оттискъ изъ Извѣстій (Sitzungsberichte) Вѣнской Академіи Наукъ.

— Einige Kapitel aus der bulgarischen Grammatik, Arch. XVII.
— Die Halvocale in den südslavischen Sprachen, Arch. XVI; др. статьи и рецензіи въ Arch.

Остр.: Остромирово Евангеліе, см. Востоковъ, Козловскій.

*Охрид. Ап.: Охридскій Апостолъ, свѣдѣнія въ Изв. Русск. Отд. VII. 1.

Обзоръ: Обзоръ звуковыхъ и формальныхъ особенностей болгарскаго языка, составилъ П. Лавровъ, Москва 1893.

Пам. Юс. Письм. см. Срезневскій.

Побѣдная надпись см. Тырновская надпись.

Поливка:
— Paläographische, grammatische und kritische Eigenthümlichkeiten in dem Macedonischen Praxapostolus, Archiv X. 1. 2.

П. Сп. и Пер. Спис.: Периодическо списание на българско книжовно дружество.

Разс.: Разсужденіе см. Щепкинъ.

Реймское Евангеліе, изд. Реймсской Академіи.

*Савв.: Саввина Книга, изд. В. Щепкина (Русск. Отд. Акад. Наукъ).

Сб. и Сб. М.: Сборникъ за народни умотворения и книжнина, издава Министерството на народното просвѣщение, кн. I—XX, Софія. Если цитаты безъ имени авторовъ, то имѣется въ виду 2-ой отд. (Материали).

Сб. статей въ честь М. С. Дринова, Харьковъ 1907.

Сб. статей въ честь Ф. Ѳ. Фортунатова, Варшава 1902.

Сиверсъ: Sievers, Grundzüge der Phonetik, 5-е изданіе, Лейпцигъ 1901.

Силяновъ, Редукция на звука *а* въ Охридския и Тетовския говоръ, Сб. XI.

Син. Треб.: Euchologium, glagolski spomenik monastira Sinai brda, изд. Гейтлера, Загребъ 1882.

Син. Пс. и Псалт.: Psalterium, glagolski spomenik monastira Sinai brda, изд. Гейтлера 1883.

Соболевскій, А. И.
— Древній церковно-славянскій языкъ.
— Конспектъ Палеографіи I. II (на правахъ рукописи).

Списъкъ на населенитѣ мѣста въ България, Софія 1900.

Спростравовъ, Е., По говора на градъ Охридъ, Сб. XVIII.

Срезневскій, Измаилъ:
— Древніе славянскіе памятники юсоваго письма, Спб. 1868, изд. Русск. Отд. Акад.
— Свѣдѣнія и замѣтки о неизвѣстныхъ и малоизвѣстныхъ славян-

скихъ рукописяхъ, изд. Русск. Отд. Акад.
—— Славяно-Русская палеографія, Спб. 1886.

Срезневскій, Вячеславъ:
—— Древній славянскій переводъ псалтыри, Спб. 1877.

Стасовъ, В.: Орнаментъ славянскій, византійскій и восточный, Спб. 1884. — Рецензіи: Буслаева, Соболевскаго, Ягича.

Стояновичъ, Л.:
—— Стари српски записи и натписи, кн. 1, Бѣлградъ 1902.
—— Мирославово Евангеліе, Бѣлградъ 1897.

Супр.: Супрасльская рукопись, трудъ Сергѣя Северьянова, т. I, изд. Русск. Отд. Акад., Спб. 1904.

Треб. см. Син. Треб.

Тырновская побѣдная надпись 1230 года царя Іоанна Асѣня II, изд. въ Изв. Русск. Арх. Инст. въ Конст., т. VII. 1.

Тырновское Четвероевангеліе 1273 года, Starine XX.

*Унд.: Листки Ундольскаго, изд. Русск. Отд. Ак. Наукъ, Спб. 1904.

Фортунатовъ, Ф. Ѳ., Лекціи по фонетикѣ старославянскаго языка, Москва 1888—94, 17 листовъ на правахъ рукописи.

Хиланд.: Хиландарскіе отрывки, изд. Русск. Отд. Ак. Наукъ.

Ходзько: A. Chodźko, Grammaire Paléoslave.

Цанковы: Grammatik der bulgarischen Sprache von A. und D. Kyriak Zankov, Вѣна 1852.

Цоневъ, Б.
—— Уводъ на историята на българский езикъ, Софія 1901, Сб. XVIII.
—— Къмъ историята на български езикъ, Софія 1903, Сб. XIX.
—— Диалектни студии, Софія 1904, Сб. XX.
—— Класификация на българскитѣ книжовни паметники отъ най-старо врѣме до края на XVI вѣкъ (Годишникъ на Софийския Университетъ за 1904/5 г.), Софія 1905.
—— Кюстендилско четвероевангелие (Пер. Спис., кн. LXVI), Софія 1906.

Шапкаревъ, Сборникъ отъ български народни умиротворения.

Шахматовъ, Къ вопросу о различеніи іота и неслогового *i* въ исторіи славянскихъ языковъ, Русск. Филол. Вѣстникъ 1903 г.

*Шест., Шестодневъ Іоанна Экзарха, рукопись 1263 года, см. Калайдовичъ.

Шольвинъ: Scholvin, Einleitung in

das Iohannes-Alexander Evangelium, Archiv, VII. 1. 2.

Щепкинъ, В.
— Саввина Книга, текстъ и словарь, Спб. 1903, изд. Русск. Отд. Ак. Наукъ.
— Разсужденіе о языкѣ Саввиной книги, Спб. 1899, изд. Русск. Отд. Ак. Наукъ (Отд. и въ Сб. Русск. Отд.).
— Отчетъ о присужденіи премій проф. Котляревскаго въ 1895 году, Спб. 1896.
— Macedonische Studien von Dr. Vatroslav Oblak. Критическій отзывъ. Спб. 1897 (Изв. Русск. Отд., т. II. 1).
— Второй отчетъ русскому отдѣленію Академіи Наукъ, Изв. Русск. Отд. VIII. 3, Спб. 1902.
— Листки Ундольскаго, Варшава 1902 (Сборникъ статей въ честь Ф. Ѳ. Фортунатова).
— Болгарскій орнаментъ эпохи царя Іоанна Александра, Харьковъ 1907 (Сборникъ статей въ честь М. С. Дринова).
— Вязь (Древности Имп. Московскаго Археологич. Общ., т. XX).

КЪ ТАБЛИЦАМЪ.

Фототипіи:

I. Болонская псалтырь, л. 57, первый писецъ (Іосифъ).

II. Болонская псалтырь, л. 126 bis. об., второй писецъ (Тихота); внизу на лѣво — лѣтопись памятника, на право — попорченная химической реакціей купчая.

III. Болонская псалтырь, л. 105, третій писецъ (Бѣлославъ).

IV. Болонская псалтырь, л. 157 об., четвертый писецъ (безыменный); стлб. 2, стр. 7—9 содержатъ глаголическія написанія.

V. Апостолъ Томича (XIII в.): почеркъ *a*, два юса; почеркъ *b*, одинъ юсъ.

VI. Октоихъ Историч. Музея; образцы содержатъ разнообразныя начертанія юсовъ и глаголическую помѣту на полѣ.

VII. Отрывокъ Октоиха, собр. Андр. Попова (№ 2571).

Цинкографіи:

I. Болонская псалтырь. Инициалы, первый писецъ: 1) н л. 44, 2) в л. 77 об., подоб. л. 113 об., 3) р л. 63 об., 4) г л. 33, 5) г л. 33 об., 6) г л. 38, 7) г л. 28 об., 8) н л. 14, 9) в л. 81 об., 10) г л. 6, 11) н л. 57, 12) к л. 40, 13) г л. 9, 14) г л. 5, 15) ю л. 68 об., 16) п л. 84, 17) ѵ л. 86, 18) оу л. 79 об., 19) р л. 55 об., 20) с л. 70, 21) с л. 18, 22) т л. 65, подоб. л. 102.

II. Болонская псалтырь. Инициалы, первый писецъ: 1) о л. 27 об., подоб. л. 98, 2) к л. 34 об., 3) в л. 45 об., 4) в л. 78, 5) в л. 42 об., 6) в л. 30, 7) р л. 48, 8) в л. 67, 9) в л. 76, 10) в л. 1, 11) в л. 4, 12) в л. 21, 13) г л. 17 об., 14) в л. 3, подоб. л. 61, 15) о л. 73 об., 16) р л. 16 об., 17) с л. 15, 18) с л. 52.

III. Болонская псалтырь. Инициалы, второй писецъ: 1) в л. 103 об., 2) оу л. 101, 3) п л. 91, 4) в л. 113 об., 5) р л. 88 об., 6) в л. 88 об., 7) д л. 106, 8) о л. 98, 9) а л. 93 об., 10) ꙁ л. 124 об., 11) н л. 92 об.,

12) с л. 110, 13) ю л. 119, 14) в л. 88, 15) в л. 97. — Четвертый писецъ: 16) п л. 134, 17) ж л. 150, 18) м л. 144 об., 19) и л. 171 об., 20) в л. 186, 21) в л. 184 об.

IV. Болонская псалтырь. Инициалы, четвертый писецъ: 1) г л. 161, 2) г л. 178 об., 3) т л. 200, 4) м л. 160, 5) χ л. 185 об., 6) в л. 159 об., 7) в л. 180, 8) к л. 138 об., 9) с л. 215, 10) χ л. 216, 11) р л. 198 об., 12) о л. 142 об., 13) в л. 137 об., 14) в л. 143, 15) в л. 140, 16) р л. 135 об., 17) р л. 182 об., 18) в л. 193 об.

V. Болонская псалтырь. 1) Заставка л. 1, первый писецъ. 2) Заставка л. 238, четвертый писецъ.— *Мелкія заставки перваго писца:* 3) л. 4 об., подоб. л. 7, 4) л. 33, подоб. и л. 57, 5) л. 17, подоб. л. 98 (у второго писца), 6) л. 41 об., подоб. л. 43 об., 7) л. 7, 8) л. 24, подоб. л. 38 об.— *Мелкія заставки второго писца:* 9) л. 100, 10) л. 102, 11) л. 132 об. — 12) Воронка, второй писецъ, л. 87 об.—*Сигнальные знаки на полѣ:* первый писецъ: 13) л. 3 об., 14) л. 9 об., 15) л. 16 об., 16) л. 16 об., 17) л. 25 об., 18) л. 34 об., 19) л. 34 об., 20) л. 43, 21) л. 71, 22) л. 68 об. — Второй писецъ: 23) л. 110, 24) л. 116 об., 25) л. 119, 26) л. 123 об. — Четвертый писецъ: 27) л. 128 об., 28) л. 129, 29) л. 225, 30) л. 226, 31) л. 236 об.—*Второй писецъ:* 32) ѣ переправленное изъ ѧ 118. *Замковые знаки,* второй писецъ: 33) л. 87 об.—*Замковые знаки,* первый писецъ: 34) л. 30, 35) л. 31, 36) л. 43, 37) л. 74 об.

VI. Псалтырь Томича (Сред. XIV в.). Инициалы.

VII. Псалтырь Томича. Инициалы.

VIII. Инициалы византійскихъ рукописей. По Бордье: 1—6 рукописи X—XIII в. По Амфилохію: 5—8 рукопись 1063 г.

